

Труды по русской и славянской филологии
Лингвистика XII

HUMANIORA: LINGUA RUSSICA

ТАРТУ 2009

HUMANIORA: LINGUA RUSSICA

Активные процессы в русском языке диаспоры и метрополии.

Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XII.

Тарту, 2009

Тартуский университет
Кафедра русского языка

Труды по русской и славянской филологии
Лингвистика XII

HUMANIORA:
LINGUA RUSSICA

Активные процессы
в русском языке
диаспоры и метрополии

TARTU ÜLIKOOLI
KIRJASTUS

Humaniora: Lingua Russica. *Активные процессы в русском языке диаспоры и метрополии. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XII.* Отв. ред. И. П. Кюльмоя. Тарту, 2009. 365 стр.

Международная редакционная коллегия

С. Б. Евстратова (Тарту), Е. И. Костанди (Тарту), М. А. Кронгауз (Москва), Ю. С. Кудрявцев (Тарту), А. М. Кузнецов (Даугавпилс), И. П. Кюльмоя (Тарту), А. Мустайоки (Хельсинки), В. С. Храковский (Санкт-Петербург), В. П. Щаднева (Тарту)

Редакторы тома: Ю. С. Кудрявцев, И. П. Кюльмоя
Технический редактор: О. Н. Паликова

В оформлении обложки использован фрагмент рисунка «Древнерусский рисовальщик» (перо) со страницы Евангелия 1401 г. Рисунок воспроизводится по книге: А. А. Сидоров. *Рисунок старых русских мастеров.* Москва, 1956. С. 43.

© Статьи: авторы, 2009

© Составление: кафедра русского языка Тартуского университета, 2009

ISSN 1406-2623

ISBN 978-9949-19-480-3

Tartu Ülikooli Kirjastus / Издательство Тартуского университета
www.tyk.ee

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть I

АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ ДИАСПОРЫ

Ирина Павловна Кюльмоя (<i>Тарту</i>) Речь русской диаспоры Эстонии: тенденции развития	11
Инна Владимировна Адамсон (<i>Таллин</i>) Динамические процессы в лексике таллиннских газет на русском языке (на примере двуязычных изданий)	29
Ирина Кокшарова, Криста Фогельберг (<i>Тарту</i>) Прагматические значения обращений <i>ты / Вы</i> у эстонцев, русских в России и русскоязычной диаспоры Эстонии	45
Елизавета Ильмаровна Костанди (<i>Тарту</i>) Роль прагматических факторов в формировании особенностей речи диаспоры	65
Игорь Сергеевич Кошкин (<i>Рига</i>) Контакты русского языка в Латвии в первой половине XX в.	82
Юрий Сергеевич Кудрявцев (<i>Тарту</i>) Актуальные вопросы диалектной этимологии (на материале говоров староверов Причудья)	103
Сирье Купп (<i>Тарту</i>) К проблеме истории и критики перевода с русского языка на эстонский	116

Ирина Михайловна Моисеенко, Наталия Викторовна Замковая (<i>Таллин</i>) Затруднения в словообразовании и словоупотреблении в речи учащихся-билингвов	127
Оксана Николаевна Паликова (<i>Тарту</i>) Русский язык в рекламных каталогах Эстонии	143
Ольга Викторовна Пуссинен (<i>Хельсинки</i>) Изменения в сфере этикетно-фатического общения русскоязычной диаспоры Финляндии	169
Татьяна Александровна Стойкова (<i>Рига – Вентспилс</i>) Влияние латышского языка на русский язык Латвийской республики 1918–1940 гг.: процессы интерференции	188
Анжелика Вадимовна Штейнгольд (<i>Тарту</i>) Явление территориального или социального диалекта? К проблеме возникновения и функционирования слов <i>хевра, хевря, хавера</i>	202
Валентина Петровна Щаднева (<i>Тарту</i>) О месте и лингвистических особенностях русских официально-деловых текстов в языковой ситуации современной Эстонии	224

Часть II

АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ МЕТРОПОЛИИ

Наталья Николаевна Богданова, Ольга Николаевна Бурдакова (<i>Москва – Нарва</i>) К вопросу об оценке продуктивности морфологических классов глаголов современного русского языка	245

Оксана Сергеевна Иссерс (<i>Омск</i>) Новые дискурсивные практики в современной России	260
Ольга Андреевна Лазарева (<i>Санкт-Петербург</i>) Графиксация:okkaзиональность или демократизация коммуникативных норм	277
Алла Борисовна Лихачева (<i>Вильнюс</i>) Креативные тенденции в языке: русские сленговые номинации речевых действий	284
Елена Николаевна Ремчукова (<i>Москва</i>) Лингвокреативная составляющая современных СМИ на фоне активных языковых процессов	303
Анна Александровна Чудаева (<i>Тарту</i>) Активные виды диалектного словопроизводства в лексической группе «кулинарные термины»	316
Михаил Алексеевич Шелякин (<i>Тарту</i>) О функциональных различиях кратких форм и падежных форм прилагательных в позиции предиката в современном русском языке	328
Ольга Георгиевна Ягинцева (<i>Тарту</i>) Редупликация и повтор как активные средства образования бытовых терминов (на материале народных говоров)	354

Часть I

АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ ДИАСПОРЫ

РЕЧЬ РУССКОЙ ДИАСПОРЫ ЭСТОНИИ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ¹

И. П. КЮЛЬМОЯ

В течение последних двух десятилетий вышел ряд лингвистических работ, посвященных исследованию состояния русского языка в конце XX – начале XXI столетия и происходящих в этот период изменений. В них отмечаются такие новшества в литературном языке, как поток заимствований, активизация определенных словообразовательных моделей, изменения в грамматической системе (в употреблении видовременных форм, склонении имен, синтаксисе) языка СМИ и других форм публичной речи, в результате чего наблюдается тенденция к смягчению литературной нормы. Изменения касаются также территориальных говоров под влиянием элементов публичного стиля, производственно-технической терминологии. Область, наиболее подверженная новациям, — профессиональные и социальные жаргоны, которые, в свою очередь, воздействуют на литературный язык [Современный 2008, Современная 2004, Русский 2003, Современные 2003 и др.].

¹ Исследование выполнено при поддержке грантов «Староверы как носители культурной памяти» (ЕККМ09-102), финансируемого из эстонской государственной программы, а также при поддержке Эстонского фонда науки и Российского гуманитарного научного фонда на основе проекта «Русские говоры Западного Причудья в лингвистическом, лингвогеографическом и культурологическом аспекте» (договор № V-4).

Названные процессы отмечены прежде всего в русском языке метрополии — в России, однако, как показывают исследования, они происходят и в языке русской диаспоры в независимых государствах на территории бывшего СССР. В этих странах русский язык утратил свои функции языка законодательства, политики и др., но сохраняется в СМИ, школьном преподавании, различных областях культуры и т. д. Кроме ряда сходных с языком метрополии процессов, в нем происходит процесс активного заимствования из государственного языка. Как показывает ряд исследований, в том числе сотрудников кафедры русского языка Тартуского университета, это не только легко наблюдаемые лексические заимствования, но и менее заметные изменения в грамматике, прежде всего в синтаксисе. Они берут свое начало в разговорной речи, в молодежном сленге, форумах, чатах и интернет-дневниках, затем получают распространение в устной и письменной публичной речи и СМИ. В качестве примера можно привести такие слова, как *акцептировать*, *инфочас*, *идентитет*, *кандидировать*, отмечается построение предложения по моделям эстонского языка и т. д. Кроме того, язык любой диаспоры характеризуется тенденцией к определенной консервации, так как по разным причинам не пополняется рядом новых слов.

Для нормального функционирования языка в условиях диаспоры, правильного его употребления носителями, успешного обучения языку и как родному, и как иностранному необходимо исследовать активные процессы, происходящие в нем, сравнить их с процессами, характерными для языка метрополии. Результаты такого анализа могут быть использованы в школьном и вузовском преподавании, теории и практике перевода, улучшения языка СМИ и др.

В 1997 г. кафедрой русского языка Тартуского университета была начата традиция проведения конференций по проблемам функционирования русского языка в рассеянии, то есть в условиях диаспоры. Позднее такие конференции прошли в Вильнюсе (1998), Риге (2000) и Хельсинки (2003). Проблемам русского языка диаспоры были посвящены два тома серии

ученых записок кафедры [Язык диаспоры 2000, Проблемы 2002].

В 2001 г. на конференции в Тарту было решено продолжать изучение языка русской диаспоры в разных странах и провести новую встречу через несколько лет, чтобы обобщить накопленный материал, поделиться опытом, обсудить перспективы дальнейшего развития языка диаспоры и пути его исследования, по возможности дать какие-то рекомендации людям, профессионально работающим с языком.

На данном этапе особенно важно сравнение языка диаспоры с русским языком метрополии, исследование взаимоотношения языка метрополии и диаспоры, общего и различного в их функционировании и развитии. Настало время снова проанализировать процессы и конкретные изменения, произошедшие в русских диалектах (в том числе говорах староверов Эстонии), в языке СМИ, рекламы и других публичных текстов, в языке Интернета, а также влияние последнего на литературный язык. Настоящий сборник, основу которого составляют статьи, написанные по материалам докладов международного семинара «Активные процессы в языке метрополии и диаспоры», является шагом в направлении такого исследования.

В результате многолетних наблюдений можно сделать некоторые обобщения, касающиеся динамики и тенденций развития русской речи в инокультурном и иноязычном окружении. Следует сразу отметить, что даже по отношению к столь маленькой стране, как Эстония, приходится говорить о двух типах развития, о двух типах русской речи в Эстонии, определяемых прежде всего составом ее носителей.

Население Эстонии, по данным переписи 2000 года, составляет 1 370052 человека, из них эстонцев — 67,9 %, русских — 25,6 %. В то же время основным языком общения считает русский 29,7% населения. Кроме русских, его используют люди других национальностей, проживающие в Эстонии (кроме русских, 4,2 % населения). По оценочным данным, среди русских Эстонии 37500 т. н. старожилков, то есть потомственных граждан, чьи родители жили здесь еще до II Миро-

вой войны, остальные, приблизительно 300000, составляют поселившиеся в стране после войны или их потомки.

К первому типу русской речи в Эстонии относится речь сельских старожилов, которая отличается от речи послевоенных поселенцев. Среди старожилов имеется около 3000 староверов Западного Причудья, говорящих на диалекте, по происхождению являющемся псковским говором. Кроме того, значительную часть старожилов составляет сельское население Северного Причудья и Принаровья, старшее поколение которого тоже еще использует говор в своем повседневном общении.

Вторая группа русского населения чрезвычайно гетерогенна как по социальному составу, так и в языковом отношении (от интеллигенции до носителей городского просторечия). Значительная часть ее проживает компактно в небольших городах северо-востока Эстонии и некоторых районах нескольких крупных городов (Таллин, Тарту, Пярну), остальная — дисперсно. Попытаемся рассмотреть некоторые тенденции, характеризующие русскую речь этих двух групп населения.

Разные исследователи отмечают ряд процессов, характерных для речевого общения в лингвистически неоднородной среде (в нашем случае в иноязычном окружении):

- вкрапление иносистемных элементов в речевую цепь (лексических, аффиксальных, синтаксических);
- активный процесс заимствования из окружающего (государственного) языка;
- переключение и смешение кодов (языков);
- консервация языка, особенно при усвоении его в иноязычном окружении.

Рассмотрим, как проявляются эти тенденции прежде всего в русской диалектной речи старожилов, живущих компактно в Причудье и на северо-востоке Эстонии уже в течение нескольких веков. По-видимому, на основе процессов, происшедших и происходящих в их речи, можно в определенной мере судить и о некоторых тенденциях, намечающихся в развитии речи остального русскоязычного населения, несомненно при этом учитывая современные условия жизни, распростра-

нение СМИ, Интернета и т. д. В то же время в речи старожилов в течение последних лет, точнее двух десятилетий, наблюдаются процессы, сходные с речью остальной части русской диаспоры. Это позволяет сопоставить речь этих групп населения, несмотря на существенные различия между ними.

Многие исследователи языка и культуры староверов, входящих в число старожилов в ряде стран, отмечают особую архаичность лексики их говоров, а также слабую подверженность иноязычному влиянию [Лённгрен 1994: 15; Заварина 1986: 238]. Б. М. Синочкина считает, что закрытость и архаичность лексики старообрядцев обусловлены «особым характером этноконфессионального меньшинства, сознательно нацеленного на неприятие новшеств, ревностно стремившегося оградить свой быт и традиционные формы материальной и духовной культуры, язык в том числе, от каких бы то ни было посягательств внешнего, “чужого” мира» [Синочкина 2004: 69]. В целом это верно. Однако, как показывают исследования заимствований в говорах староверов Эстонии [Бурдакова, Бурдакова 2000], это касается все же не всей лексики, а прежде всего конфессиональной. В остальных лексических группах, особенно в наименованиях орудий труда, различных приспособлений, других бытовых реалий, немало заимствований из эстонского языка, хотя, по наблюдениям О. Бурдаковой, круг заимствований в русских говорах Ийзаку (не староверских) шире, чем в староверских говорах Западного Причудья [Бурдакова 1998: 112]. Возможно, что староверы Эстонии, жившие в тесных контактах с местным населением, часто в детстве работавшие на эстонских хуторах и поэтому знавшие эстонский язык (Западное Причудье всегда считалось билингвальным регионом), были более открытыми, чаще шли на контакты, чем староверы в других местностях. Е. В. Рихтер [Рихтер 1976: 20], а также Э. Берг и Х. Кулу [Berg, Kulu 1996: 1169] отмечают, что среди населения Западного Причудья никогда не было конфликтов между русскими (староверами) и эстонцами. Лютеран-эстонцев не интересовал раскол внутри православной церкви и конфессиональная принадлежность русских соседей. Существенны были добрососедские отноше-

ния. Поэтому староверам здесь не приходилось постоянно спасаться от преследований, что и могло быть одной из причин большей открытости.

Очевидно, мы наблюдаем здесь столкновение двух противоположных тенденций: с одной стороны — закрытость, неприятие новшеств, отторжение всего «чужого», в том числе чужого слова, и отсюда консервация языка, проявляющаяся в сохранении многих архаичных черт, с другой — присущее именно билингам переключение и смешение кодов, предвещающее процесс превращения некоторых лексем в заимствования. Если рассматривать не только лексику, но обратиться к речи в целом, можно наблюдать проявление почти всех названных тенденций.

ВКРАПЛЕНИЕ ИНОСИСТЕМНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ В РЕЧЕВУЮ ЦЕПЬ

Это явление встречается часто в диалектных записях из населенных пунктов как Западного, так и Северного побережья Чудского озера и Принаровья. Особенно многочисленны лексические вкрапления:

*Дали нам лайню <ссуду> государство. В прошлом году красный крест тузык <путевку> прислал (Нина, 2007, запись К. Кару).
Норм <норма> было дано молока (Алайые, 2002, запись Н. и О. Бурдаковых).*

Нередки также вкрапления синтаксических единиц:

Две дочери у меня в Тарту, и у них квартиры number üks <номер один> и два (Пийриссаар 2009¹); Несёт: снегу много, и снег, знаете, морозный, лёгкий, налятевши, и как занос. Тогда и не увидишь одного никого. Tuisk, tuiskab. <Метель, метет> (Малые Кольки 2005, запись О. Н. Паликовой и К. Кару); Я четыре года ходил в поле и работником был, а меня именем не звали. Когда в поле ходил — karjapoiss, а когда работником был — „Sulane, ärka ülesse!“ <Батрак, просыпайся!> (Муствеэ 2003).

¹ При отсутствии специального указания запись принадлежит автору статьи.

В то же время аффиксальные вкрапления, отмеченные в [Крысин 2000: 8], представляются маловероятными, так как аффиксы заимствуются только в составе лексемы и в заимствующем языке часто перестают осознаваться как морфемы. При освоении же слова и необходимости добавления аффиксов используются именно «свои» аффиксы. Такой процесс чрезвычайно активен в молодежном сленге (ср.: *келлики*, *исик* и др., см. ниже). Особенно это касается глагольных аффиксов, без которых глагол просто не опознается как таковой, однако и в именах наиболее частотный процесс — присоединение аффиксов заимствующего языка к заимствованному слову/корню в соответствии с действующими в нем словообразовательными моделями (ср. *максавать*, *замаксавать*, *кыйкнутъся* и др.; примеры подобных слов в говорах см. в разделе о заимствованиях).

Чаще всего лексические и синтаксические вкрапления употребляются для обозначения некоторых реалий, иногда представляют собой цитацию, как в приведенном выше примере, или языковую игру. Говорящие включают их в свою речь обычно сознательно, при этом как-то отмечая такое использование эстонских слов и выражений. Собственно такие вкрапления и представляют собой разновидность процесса переключения и смешения кодов, который в этих говорах встречается чаще всего именно в таком виде.

АКТИВНЫЙ ПРОЦЕСС ЗАИМСТВОВАНИЯ

ИЗ ОКРУЖАЮЩЕГО ЯЗЫКА, В ДАННОМ СЛУЧАЕ ЭСТОНСКОГО

О. Бурдакова в своей магистерской диссертации [Бурдакова 1998] анализирует более 400 таких заимствований в русских говорах Западного Причудья. В качестве основной экстралингвистической причины заимствования указывается прежде всего необходимость номинации новых реалий или понятий, из внутриязыковых причин преобладают потребность в детализации понятия, устранении омонимии, стремление к замене описательного оборота универбом [там же: 115–119]. Выделяются следующие тематические группы заимствованной лексики: бытовая лексика (планировка усадьбы, жилые и хозяйст-

венные помещения, домашняя утварь, питание — продукты, блюда, — одежда, средства передвижения), сельскохозяйственная лексика (животноводство, земледелие), промысловая и ремесленная лексика (пряление, ткачество, строительство, рыболовство, охота, заготовка леса), народная метрология, обрядовая лексика, народные праздники, народные верования, административно-социальная лексика, лексика, связанная с человеком, его физическим состоянием, свойствами характера, общественным поведением; лексика, связанная с природой [там же: 97–113]. Небезынтересно отметить, что сходные тематические группы заимствованной лексики из окружающих языков (преимущественно русского) имеются у эстонцев, живущих в нескольких деревнях на Кавказе и в Сибири [Hennoste 1998: 17–19].

На лексическом уровне процесс заимствования проявляется в ряде а) варваризмов, освоенных грамматически и часто оформленных русскими суффиксами или окончаниями:

вока — *vokk* <прялка>, *варуши* — *varrud* <женский праздник по поводу рождения ребенка>, *корфик* — *korv* <корзина>, *кельки* — *kelk* <санки>, *килимат* — *külimit* <лукошко для ручного сева>, *трепка* — *trepp* <лестница со ступенями>, *ределька* — *redel* <приставная лестница с перекладинами>;

б) калек:

солнечное вставание vs *восход солнца* — *päikesetõus*, *старая мама* vs *бабушка* — *vanaema*; *взять лекарство* (*rohtu võtma*) vs *принять лекарство*.

К ним следует добавить хотя и не очень часто, но все же встречающиеся в) неологизмы, возникшие на основе межъязыковой полисемии и паронимии: *нахта* — *paht* (огороженное в хлеву место для свиней или овец)¹.

Представлен процесс заимствования также в виде синтаксической интерференции при построении словосочетаний и

¹ Лексема *пахта* (с ударением как на основе, так и на окончании) представлена в нескольких русских говорах, но во всех случаях она имеет отличающееся от данного значение [СРНГ 1990: 25, 295].

предложений по моделям, характерным для эстонского языка, с сохранением порядка слов и их сочетаемости:

Крупна рыба, тая хочет, чтоб в соли ляжала (suur kala tahab soolas olla). Он и не понимал, что это коммунист есть (ta ei saanud aru, mis see kommunist on).

Еще одно проявление такого процесса — калькирование глагольного управления: я с **крови** истякала vs я **кровью** истекала (*jooksin verest tühjaks*). М. Я. Гловинская относит глагольное управление к одному из т. н. слабых участков системы языка [Гловинская 2004: 18], поэтому здесь частотны изменения под иноязычным влиянием.

КОНСЕРВАЦИЯ ЯЗЫКА

Консервация проявляется в говорах во многих архаичных чертах, отмеченных рядом исследователей [Мурникова 1962; Ровнова 2004; Ровнова, Кюльмоя 2008] на разных уровнях языка от фонетики до синтаксиса. К таким можно отнести, например, реликты архаичных форм прилагательных с двусложным окончанием *пасху бедным подают*, наличие форм плюсквамперфекта *был старичок такой молился, в меня папа был на крылос ходил*; произношение [шн] в именах прилагательных, которые в литературном языке произносятся с [ч'н] *яны зажито[шн]ые были, брусни[шн]ое варенье*; сохранение собственно диалектной лексики *спирвицы* (плечи), *сухрестцы* (поясница), *широгалки* (ракушки) и др.

Остальная часть русской диаспоры Эстонии, как уже отмечалось, весьма неоднородна по своему составу, что отражается и на ее речевой характеристике и проявляется как в устной, так и в письменной форме речи. Сравнение речи этих двух групп населения, собственно говоря, корректно лишь по отношению к устной форме, так как диалектная речь не имеет письменной. Тем не менее отметим все же некоторые черты, свойственные языку диаспоры и проявляющиеся и в письменной речи, которая представлена прежде всего печатными СМИ, как в бумажной, так и в электронной версии, различными формами интернет-общения, а также рекламными текста-

ми. Последние, правда, как правило, переводные, поэтому в них влияние эстонского языка бывает наиболее очевидным. Попытаемся проследить, действуют ли в речи остальной части русской диаспоры процессы, аналогичные происходящим в языке старожилов.

ВКРАПЛЕНИЕ ИНОСИСТЕМНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ В РЕЧЕВУЮ ЦЕПЬ (ЛЕКСИЧЕСКИХ, СИНТАКСИЧЕСКИХ)

Основное отличие печатных СМИ и рекламных текстов в условиях диаспоры заключается в том, что названия фирм и учреждений принято обозначать в соответствии с формой оригинала, то есть латиницей. Таким образом, эстонские вкрапления здесь проявляются уже в графическом облике слов:

Saku Suurhall найдут на карте Европы; Prisma продолжает продавать дешевое молоко; Rimi выходит из «молочной войны»; Сеть Forum Cinemas владеет кинотеатрами Coca-Cola Plaza и Kosmos в Таллинне, Ekraan в Тарту и Astri в Нарве; Проходил он мимо стенда с «МК-Эстонией» в ласнамяэском "Säästumarket".

Такое употребление оправданно, так как помогает избежать неверной идентификации. По сути дела, это некая «узаконенная» разновидность смещения и переключения кодов. Изредка, однако, встречаются случаи гиперкорректности, как в следующем примере, где название всем хорошо известной марки автомобиля передается в русском тексте латиницей, что, несомненно, излишне: *Потерявший управление Mercedes врезался в придорожное дерево.* В 1990-х годах оригинальные названия в русском тексте встречались реже (хотя и значительно чаще, чем в советский период), поначалу их транслитерировали, однако довольно скоро стало очевидно, что из практических соображений их следует представлять в оригинальной форме. Этому способствовало также повышение уровня владения государственным языком.

В текстах, представленных в блогах, форумах и чатах в Интернете, эстонские вкрапления такого типа чаще пишутся по-русски, поскольку здесь менее важна их отождествляющая функция:

А буржуи в Максмаркетах <название магазина> отовариваются на полтора-два штукаря. Я обожаю хлебцы... особенно с мервайком <название сыра> + кофе, на завтрак просто на «ура» идет. Сколько стоит получить корочки кыргтасе <высший уровень владения языком>? Смотрите по етв <ЭТВ — государственная программа Эстонского телевидения> прямой эфир.

Переключение и смешение кодов представлено в немалом количестве в повседневной бытовой устной речи, которую можно услышать в сфере торговли, обслуживания и т. п. Например, русская женщина, продающая чеснок на рынке, отвечает русской покупательнице: *Маленькие — по пять, а этот suur — kütme krooni*. Чрезвычайно частотны эстонские вкрапления в речи молодежи:

Мисасья? (Mis asja? — В чем дело?) Что ты тут делаешь? У тебя кроники <kroonid — кроны> / рахад <raha — деньги> есть?

В школьном и студенческом сленге на них нередко строится языковая игра:

*В лосях <в здании на ул. Lossi> у нас лекция.
Сколько келов <kell> уже? <Который час?>
Ну ты что, сайтаришь <said aru — понял> наконец?*

Кроме подобных прямых эстонских вкраплений, в русскоязычных газетах Эстонии, особенно в переводных текстах, встречается немало калек-буквализмов, нарушающих русский речевой узус:

Правительство — с белого листа. Инициатором сговора цен <то есть сговора производителей о ценах> госпрокурор считает Liviko. По словам другого источника, на выходных в тюрьме остается так мало работников, что неясно, кто делает работу.

Разумеется, большая часть из них не обретет статуса заимствования, но некоторые, будучи достаточно распространенными и широко используемыми, близки к этому.

АКТИВНЫЙ ПРОЦЕСС ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ ОКРУЖАЮЩЕГО (ГОСУДАРСТВЕННОГО) ЯЗЫКА

В повседневной устной и письменной речи русских Эстонии встречается ряд устоявшихся слов и выражений, не употребляющихся в языке метрополии, которые уже можно считать лексическими заимствованиями.

В а р в а р и з м ы:

кофик <кафе>, *дигирецепт* <рецепт для получения лекарства в аптеке, выписанный в электронной форме и сохраняющийся в специальной системе в Интернете>, *идентитет* <самосознание, идентичность, самоидентификация>, *кандидировать* <выставлять свою кандидатуру на выборах или претендовать на должность по конкурсу>, *акцептировать* <принимать во внимание, учитывать>, *пропагировать* <вести пропаганду, рекламировать>, *корригировать* <корректировать>, *курамировать* <ухаживать, флиртовать> (по понятным причинам глаголы оформляются русскими суффиксами).

К а л ь к и и *полукальки*, представленные в СМИ, значительная часть из которых вошла в речевой обиход:

инфочас, *касса по безработице*, *больничная касса* <учреждение медицинского страхования>, *зализивные клиенты* <финны>, *холодные шкафы* <холодильники>, *собаки-горожане* <городские собаки>, *серопаспортники* <лица без гражданства>, *Город принимал непосредственное участие*, *выделяя поголовные деньги* <то есть по количеству человек — «голов»> для спортсменов, — *Где это — Лосси?* — *За ратушей*, *яйцекаменная дорога* <булыжная мостовая, от эст. *muakivi* — *булыжник*, букв. *яйцо-камень*> *вверх идет*.

Неологизмы на основе межъязыковой полисемии и паронимии: *грунт* — *участок земли под постройку* <эст. *krunt*>. Возможно, в появлении такого значения сыграли роль как эстонский язык, так и русские говоры Эстонии, в которых это слово имеет такую семантику.

Заимствуются, однако, не только лексемы, но и модели словосочетаний и предложений.

Словосочетания в рекламных текстах, например, чаще всего строятся по типичным эстонским моделям, в которых в от-

личие от русского существительного с относительным прилагательным (*московская колбаса*, или в прејскурантах: *колбаса московская*) употребляется сочетание двух существительных (в форме генитива и номинатива): *сосиски Rakvere*, *колбаса Adavere*, *Meieri пудинги*, *algтase грунна*, *Rakvere котлеты*, *мультинектар Põltsamaa*, *водка Saaremaa*. Такие образования свидетельствуют также о своеобразном проявлении аналитизма в речи диаспоры.

В соответствии с эстонскими моделями построены предложения с пропущенными актантами, которые в русском тексте должны быть эксплицитно выражены (в эстонском языке такой пропуск допустим). Приводимые ниже примеры являются собой случаи такого рода (в квадратных скобках указан возможный пропущенный актант):

Несмотря на то, что тысячи людей уже погорели на всякого рода пирамидах типа «МММ», число действующих [пирамид подобного рода?] по всему миру не счесть.

*Эстонской авиакомпании пришлось существенно понизить цены на авиабилеты на этих направлениях и **держать** [их?] на конкурентоспособном уровне.*

*Старый подход прекрасно служил нашим интересам, но, придерживаясь прежнего направления, мы **рискуем** [тем?], что наша государственная машина «заглохнет».*

В названной выше работе М. Я. Гловинская относит к универсально «слабым» участкам в условиях языковых контактов употребление слов, наделенных чисто грамматическими функциями, в частности союзов [Гловинская 2004: 18]. Неточное или неверное употребление союзов встречается и в СМИ Эстонии:

*Если в нашей стране не порядок с правопорядком, то **никто иной, а именно** <vs никто иной как> министр внутренних дел должен навести порядок...*

Как и в диалектных текстах, в русскоязычных СМИ Эстонии встречается калькирование глагольного управления:

интервью от Вадима Анцупова <vs интервью В. Анцупова>;

Имеющиеся данные могли бы свидетельствовать, что <vs o том, что> с делом о педофилии связаны...

Примеры подобного рода приводит также А. Вершик, анализируя случаи конвергенции при употреблении ряда глаголов в речи русских Эстонии: *Это можно купить только из аптеки. Она нашла оттуда свой старый конспект. Он опять появился на кафедре* [Verschik 2006: 397]

Характерная черта переводных текстов — злоупотребление неопределенно-личными предложениями под влиянием эстонского имперсонала (неопределенно-личный залог) вместо привычного в такого рода текстах страдательного оборота с глаголом СВ:

На 8 занятиях рассмотрят <vs будут рассмотрены> темы написания резюме, дополнительного образования, собеседования, использования личного потенциала для получения работы (реклама курсов в газете).

Как известно, морфологическая система языка наиболее устойчива к иноязычному влиянию. Однако билингвы в русской речи часто не склоняют многие склоняемые, по правилам русского языка, эстонские имена собственные на *-а*. Сложился даже своеобразный узус в функционировании топонимов: склонять чаще употребляемые названия, но оставлять неизменными более редкие: *поеду в Валгу, в Нарву*, (но: *в Пылва, в Ряпина*). Тем не менее в газете «Постимеэс экстра» (Postimees ekstra) встретились следующие предложения:

В Валга пройдет битва под Синимяэ. Программа дней военной истории в Валга. Дни военной истории в Валга проходят во второй раз.

Подобного рода стремление к аналитизму проявляется также в неизменяемости женских фамилий, оканчивающихся на *-а*: *пьеса Лидии Койдула, музыка Мийны Хярма*. Таким образом, в русской речи диаспоры, как и в метрополии, наблюдается определенная тенденция к аналитизму, однако сферы ее проявления оказываются различными.

Подводя итоги, можно отметить, что как в речи «старой», так и в речи «новой» диаспоры действуют сходные законо-

мерности, об аналогичном развитии можно говорить в отношении таких явлений, как переключение и смешение кодов, проявляющихся в виде иноязычных вкраплений различного рода, а также активного процесса заимствования на разных уровнях языка. Эти процессы наблюдаются как в устной, так и в письменной форме речи, как в повседневной устной речи, так и в языке СМИ.

Несколько сложнее обстоит дело в наши дни с консервацией языка. Несомненно, этот процесс происходит, но он затрагивает язык в значительно меньшей степени, чем, например, речь первой волны эмиграции с ее сознательным отказом от советского «новояза». Серьезным фактором, препятствующим консервации, является Интернет-общение во всех его формах.

Кроме того, имеется также ряд черт, сближающих язык диаспоры с языком метрополии, как например стремление к анализирующему, проявляющееся отчасти одинаково, однако в речи диаспоры получающее еще специфическое выражение.

ЛИТЕРАТУРА

- Бурдакова О. *Прибалтийско-финские заимствования в русских говорах Причудья*. Диссертация на соискание ученой степени *magister artium* по русскому языку. Тарту, 1998. 222 с. (Рукопись).
- Бурдакова О., Бурдакова Н. 2000 — О словаре прибалтийско-финских заимствований в русских говорах эстонского Причудья. *Eesti Keele instituudi Toimetised 7. Inter dialectos nominaque*. Tallinn. Lk. 18–38.
- Вахтин Н. Б., Головкин Е. В. 2004 — *Социоллингвистика и социология языка*. Санкт-Петербург.
- Гловинская М. Я. 2004 — Общие типы изменений в языке первого поколения эмиграции. *Slavica Helsingiensia. 24. Русскоязычный человек в иноязычном окружении*. Ред. А. Мустайоки, Е. Протасова. Helsinki. С. 13–20.
- Заварина А. А. 1986 — *Русское население восточной Латвии во второй половине XIX – начале XX века. Историко-этнографический очерк*. Рига.

- Крысин Л. П. 2000 — Речевое общение в лингвистически и социально неоднородной среде. *Речевое общение в условиях языковой неоднородности*. Под ред. Л. П. Крысина. Москва. С. 3–12.
- Лённгрэн Т. 1994 — *Лексика русских старообрядческих говоров (на материале, собранном в Латгалии и на Житомирщине)*. Уппсала.
- Мурникова Т. Ф. 1962 — Описание русского говора острова Пийри-саара. *Учен. записки Тартуского гос. ун-та*. Вып. 119. Тарту. С. 345–363.
- Проблемы 2002 — *Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. VI. Проблемы языка диаспоры*. Отв. ред. И. П. Кюльмоя. Тарту.
- Рихтер Е. В. 1976 — *Русское население западного Причудья (Очерки истории, материальной и духовной культуры)*. Таллин: Валгус.
- Ровнова О. Г. 2004 — О современном языке староверов Западного Причудья. *Очерки по истории и культуре староверов Эстонии*. Отв. ред. И. П. Кюльмоя. Тарту. С. 144–154.
- Ровнова О. Г., Кюльмоя И. П. 2008 — Говоры староверов в современной Эстонии. *Русские старообрядцы: язык, культура, история*. Отв. ред. Л. Л. Касаткин. Москва. С. 280–299.
- Русский 2003 — *Русский язык сегодня*. Вып. 2. Отв. ред. Л. П. Крысин. Москва.
- Синочкина Б. 2004 — Старообрядцы Литвы: специфика языковой личности. *Slavica Helsingiensia. 24. Русскоязычный человек в иноязычном окружении*. Под ред. А. Мустайоки и Е. Протасовой. Helsinki. С. 67–81.
- СРНГ — *Словарь русских народных говоров*. Вып. 1–41. Санкт-Петербург. 1965–2007.
- Современная 2004 — *Современная русская речь: состояние и функционирование*. Санкт-Петербург.
- Современные 2003 — *Современные языковые процессы*. Санкт-Петербург.
- Современный 2008 — *Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков*. Москва.
- Язык 2000 — *Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. III. Язык диаспоры: проблемы и перспективы*. Отв. ред. И. П. Кюльмоя. Тарту.
- Berg, E., Kulu, H. 1996 — Peipsivenelased. Rahvus- ja regionaalpoliitilised realiteetid. *Akadeemia*. № 6 (87). Lk. 1164–1183.
- Hennoste, T. 1998 — Väliseesti keelest. *TÜ eesti keele õppetooli toimetised. 9. Väliseestlaste keelest*. Tartu. Lk. 11–35.

Verschik, A. 2006 — Convergence in Estonia's Russian: Directional vs. Static vs. Separative Verb. *International Journal of Bilingualism*. Vol. 10. № 4. P. 383–404.

VEENE DIASPORAA KEELE ARENGUTENDENTSIDEST EESTIS

Irina Külmoja

Kahe viimase aastakümne jooksul on ilmunud arvukaid töid, milles käsitletakse sajandivahetusel toimunud muudatusi vene keeles. Tekkinud on suur hulk laensõnu, aktiveerunud vanu ja ilmunud uusi sõnamoodutusmudeleid, muudatusi on toimunud ka grammatikas (aspektivormide kasutus, käändevormid, lauseehitus). Tänapäeva ajakirjanduskeel on mõjutanud murdeid. Tavapärasest suurem hulk innovatsioone iseloomustab oskuskeelt ja noorte slängi.

Sarnased muudatused toimuvad ka Eestis elavate venelaste keeles, sellele lisandub veel laenamine riigikeelest. Eesti keele mõju avalduseks on nt sõnad *акцептировать, инфочас, идентитет, кандидировать*, mis ei esine emamaa keeles.

Tartu Ülikooli vene keele õppetoolis alustati kohaliku vene keele iseärasusi uurima möödunud sajandi 1990ndail aastail, 1997. a. toimus esimene diasporaa keele probleeme käsitlev rahvusvaheline konverents. Õppetooli toimetiste kaks köidet (ilmunud aastail 2000 ja 2002) on pühendatud vene diasporaa keele uurimisele.

Aastatepikkused uuringud võimaldavad teha mõningaid järeldusi keele arengust diasporaa tingimustes. Eelkõige oleneb keel selle kõnelejaist. Eesti elanikest moodustavad vene keelt emakeelena kõnelejad 25,6 %, peale selle on ta peamiseks suhtluskeeleks veel 4,2 %-le. Hinnanguliselt on Eestis u 37500 venelast, kes on ise elanud siin või on nende vanemad elanud Eestis enne Teist maailmasõda, sellesse rühma kuuluvad ka vanausulised. Ülejäänud osa — u 300 tuhat inimest — on siia asunud (või on asunud nende vanemad) pärast maailmasõda. See kogukond on üsna heterogeenne nii päritolult, sotsiaalselt kuuluvuselt, kui ka keeleliselt.

Artiklis püütakse vanausuliste keele varal välja selgitada diasporaa keele arengutendentse ning võrrelda neid ülejäänud diasporaa osa keelega. Seda lubab teha tõik, et viimastel aastatel on ka vanausuliste murdesse lisandunud samasuguseid keelendeid nagu kirjakeelde.

Keeleuurijad leiavad, et diasporaa keele arengut iseloomustavad järgmised protsessid:

1. koodivahetus;
2. barbarismid e võõrkeelendid kohalikust keelest;
3. arvukad laensõnad, sh tõlkelaenud, kohalikust keelest;
4. keele konserveerumine võrreldes emamaal funktsioneerivaga.

Kõik need protsessid on toimunud vanausuliste murdes. Koodivahetus esineb eelkõige eesti võõrkeelendite ja fraaside, mõnikord ka lausete näol. Laensõnu on ligi 400, laenudeks tuleb pidada ka eesti lausemalle. Keele konserveerumise märgiks on hulk arhailisi nähtusi nii leksikas (murdesõnavara) kui grammatikas (omadussõna täisvormide kahesilbiline lõpp, ennemineviku vorm jt). Samad seaduspärasused toimivad ka nn uue diasporaa keeles, erinev on teatud määral keele konserveerumine, mis toimub aeglasemalt ja vähema ulatusega tänu interneti laialdasele levikule ja intensiivsele suhtlusele selles.

ДИНАМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
В ЛЕКСИКЕ ТАЛЛИНСКИХ ГАЗЕТ
НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ
(на примере двуязычных изданий)

И. В. АДАМСОН

Для исследования динамических процессов, наблюдаемых в языке, часто обращаются к материалу средств массовой информации (СМИ). Это объясняется тем, что в наше время язык прессы является своего рода зеркалом, отражающим состояние языков. В ряде исследований также отмечается интенсивное воздействие СМИ на практику использования языка говорящими (см., напр., [Никипорец-Такигава 2004], [Володина 2007] и др.). Можно также сказать, что происходит процесс взаимовлияния повседневной речи и языка СМИ. Все это актуально и в связи с исследованиями особенностей русского языка в Эстонии: в речи говорящих на русском языке и в текстах русскоязычной прессы регулярно встречаются вкрапления из эстонского языка, что можно рассматривать как проявление такого взаимовлияния.

Тема исследования особенностей языка по материалам русскоязычной прессы Эстонии не является новой (см., напр., [Евстратова 2002], [Щаднева 2002] и др.), также как и обращение к данным русскоязычных СМИ, функционирующих за пределами России (см., напр. [Протасова 2002] и др.). Чаще всего объектом исследования становилась лексика, так как она наиболее чувствительна к инновациям. В частности, рассматривались особенности функционирования различных варва-

ризмов, калек и производных слов с заимствованным эстонским корнем, которые встречаются в речи русскоязычных жителей Эстонии: *рыбная война, ковровый рай, кофик, деминёр, собаки-горожане* и др. [Кюльмоя 2000: 84–93]. Изучалась и система административной терминологии Эстонии: *волость, уезд, горуправа, криминальная полиция, констебль* и др. [Дуличенко 2002: 78]. К этому хотелось бы добавить ставшие на сегодняшний день популярными такие примеры «русского языка Эстонии»: *максуамет* (‘налоговый департамент’), *каубаая* (‘универмаг’), *хайгекасса* (‘больничная касса’), *пыхьяская префектура полиции, интресс, лазн* (‘заем, кредит’) и т. д., которые приводятся авторами публикаций не только в специальных исследованиях (в том числе и студенческих), но и в газетных статьях, теле- и радиопередачах.

Предлагаемое исследование проводится с целью дополнения перечня заимствований и проверки того, действительно ли выявленные, а также и некоторые, уже отмеченные другими исследователями лексемы, функционируют только в пределах Эстонии.

Когда речь заходит о заимствованиях, проблемах языковых контактов, влияния одного языка на другой, неизбежно возникает необходимость представления некоторых экстралингвистических данных. Они важны для выявления причин заимствования. Прежде всего необходимо отметить, что Таллинне проживает 404 556 человек, из них носителей русского языка — около 40 % (во всей Эстонии примерно 28 % русскоязычных). Такой процент населения нуждается в информации на родном языке. Это важно в связи с исследуемой темой потому, что вся официальная коммуникация, включая различные виды делопроизводства, законодательство и т. д., осуществляется изначально на государственном, эстонском языке; затем информация передается на русском языке, что накладывает отпечаток на последний в виде различных заимствований. Это имеет прямое отношение и к двуязычным газетам, в которых часть текстов на русском языке является переводом с эстонского.

Обратимся к характеристике изданий, ставших материалом данного исследования, и к некоторой необходимой для анализа экстралингвистической информации.

Таллинн делится на восемь районов, управы пяти из них имеют издания, параллельно выпускаемые как на эстонском, так и на русском языках. Кроме того, есть два издания, адресованные всем таллиннцам. Это газеты «Столица / Pealinn» и «Linnaleht» (русская версия газеты выпускается с таким же названием). Итак, параллельных изданий таллиннских городских газет на эстонском и русском языках — семь: «Kristiine Leht», «Lasnamäe Leht / Газета Ласнамяэ», «Mustamäe», «Курьер Хааберсти» / «Haabersti Postipoiss», «Известия Пыхья-Таллинна» / «Põhja Tallinna Sõnumid», «Столица» / «Pعالinn», «Linnaleht»¹.

Нами были проведены наблюдения на основе пяти таллиннских районных газет: «Kristiine Leht», «Газета Ласнамяэ» / «Lasnamäe Leht», «Mustamäe», «Курьер Хааберсти» / «Haabersti Postipoiss», «Известия Пыхья-Таллинна» / «Põhja-Tallinna Sõnumid». Рассматривались выпуски за восемь месяцев 2009 года, с января по август. Анализируемые газеты выходят нерегулярно, поэтому за указанный период вышло следующее количество номеров: «Kristiine Leht» — 7, «Газета Ласнамяэ» — 5, «Mustamäe» — 7, «Курьер Хааберсти» — 13, «Известия Пыхья-Таллинна» — 5. Всего — 37 номеров. В целом это относительно небольшой объем фактического материала, но уже на его примере можно установить ряд регулярно встречающихся фактов и сделать некоторые обобщения.

Причины, побудившие остановиться именно на этих изданиях, заключаются в следующем: тексты этих газет почти все переведены с эстонского. Однако, например, тексты параллельных номеров газет «Pعالinn» / «Столица» и «Linnaleht» на русском языке, даже если они идентичны по содержанию эс-

¹ В Таллинне издается большее число газет на русском языке, в том числе и параллельных изданий на эстонском и русском языках, рассчитанных на Эстонию в целом. В данном случае они не рассматриваются.

тонским, чаще всего являются не переводом, а независимо созданными текстами. Последнее относится и к газетам, рассчитанным на Эстонию в целом.

По содержанию газеты «Kristiine Leht», «Газета Ласнамяэ», «Mustamäe», «Курьер Хааберсти», «Известия Пыхья-Таллинна» являются выразителями позиции администраций частей Таллинна и во многом информационными изданиями, поскольку одна из главных их задач — оповещение жителей районов города о различных социальных, культурных и иных событиях. Эта особенность важна, поскольку обуславливает характер лексики этих газет.

Исследование проводилось следующим образом. Из текстов газет были извлечены лексические единицы, которые можно предположительно квалифицировать как заимствования из эстонского языка. Чтобы удостовериться в справедливости квалификации, полученные данные сверялись по следующим источникам:

1. Толковым словарям русского языка: Словарю русского языка [МАС 1981–1984], Словарю русского языка С. И. Ожегова [Ожегов 1991], Большому толковому словарю русского языка С. А. Кузнецова [БТС 1998].

2. Поисковым системам Google и Yandex.

3. Национальному корпусу русского языка (далее — НКРЯ).

4. Системе баз данных [Интегрум]. Обращение к этому электронному ресурсу было обусловлено тем, что он «включает большинство выходящих в настоящее время публицистических текстов...» на русском языке [Копотев, Мустайоки 2008: 14]. Однако текстов рассматриваемых нами газет в Интегруме не было обнаружено. Единственной эстонской газетой на русском языке в Интегруме была «Молодежь Эстонии».

Перейдем к рассмотрению фактического материала.

В текстах указанных таллиннских районных изданий обращает на себя внимание регулярное функционирование лексем *управа* и *старейшина*, которые употребляются в Эстонии в предположительно неактуальных для языка метрополии значениях. Для более полной верификации фактов представим данные словарей и электронных источников.

В Словаре русского языка С. И. Ожегова даются следующие толкования слова *управа*: «Возможность сладить, управиться с кем-чем-н.» и «В дореволюционной России: название некоторых местных учреждений» [Ожегов 1991: 834]. Подобные толкования находим в МАС и БТС [МАС 1981–1984, IV: 506], [БТС 1998: 1393]. В русском языке Эстонии слово *управа* с определяющим словом употребляется как соответствие эстонским номинациям, обозначающим местные самоуправления Эстонии: *maavalitsus* ('уездная управа'), *valla-avalitsus* ('волостная управа'), *linnaosavalitsus* ('управа части города'). Слово *valitsus*, взятое в отдельности, но в указанных случаях входящее в состав перечисленных эстонских сложных слов, обозначает 'правительство'. Согласно данным толковых словарей, речь идет об актуализации устаревшего значения русского слова, то есть «название некоторых учреждений <...>, ведавших какими-л. <...> административными делами» [ibid]. Но если обратиться к данным НКРЯ, то можно обнаружить актуализацию этого значения и в языке метрополии. Ср.:

- (1) *С 1997 года органом местного самоуправления в Москве на уровне муниципального района (их в столице 125) была районная управа.* [Мария Железнова. Лужков подводит итоги реформы местного самоуправления // «Газета», 2003].
- (2) *Без такого решения ни ДЕЗ, ни ГИБДД, ни префектура, ни управа не имеют права притронуться к машине, как бы она ни выглядела.* [Владимир Салмин. Старье забираем. Московские власти намерены эвакуировать брошенные автомобили без ведома хозяев (2003) // «Известия», 2003.02.16].

Отсюда следует, что рассматриваемая лексема и в современном российском контексте также может обозначать орган исполнительной власти.

Согласно данным эстонско-русского словаря, такие номинации, как *linnaavalitsus*, *vallaavalitsus* передаются на русский язык как *городское самоуправление*, *волостное самоуправление*. Соответствие *управа* в этом словаре не встречается [Eesti-vene 2003, III: 642].

Другое слово, — *старейшина*, согласно толковым словарям, имеет следующие значения: «В родовом обществе: глава

общины» и «Самый старый и уважаемый член какого-н. коллектива» [Ожегов 1991: 761]:

- (3) *В последний момент Александр Николаевич Виноградов — наш старейшина, который проработал долгие годы в школе ЦСКА, сказал свое веское слово — и я поехал* [Вячеслав Фетисов. Овертайм (1997)] [НКРЯ].

В русском языке Эстонии это слово употребляется в значении ‘глава администрации местного самоуправления’. Притом в эстонском языке русской лексеме *старейшина* соответствуют части сложных слов *linnaosavanem*, *vallavanem*, *maavanem*, которые конкретизируют административную функцию старейшины: «старейшина части города», «волостной старейшина», «уездный старейшина» [Eesti-vene 2009, V: 552]. Например, в газете «Kristiine Leht» есть рубрика *Linnaosavanema veerg* — Колонка *старейшины*. Рассмотрим также пример, представленный как в эстонском оригинале, так и в русском переводе:

- (4) *“Noorte olümplaste marsi” saatel tulid staadionile vastaste meeskonnad. Staadionil tervitasid lapsi aukülalised — Lasnamäe Linnaosavanem Kalle Klandorf ja Lasnamäe Linnaosa Valitsuse noorsootöö osakonna juhataja Eve Annus / Под звуки «Марша юных олимпийцев» на стадион вышли команды соперников, где ребят встречали почетные гости — старейшина Ласнамяэ Калле Кландорф и руководитель отдела по работе с молодежью Эве Аннус («Газета Ласнамяэ», № 86 (93), февраль 2009).*

Обращает на себя внимание факт употребления этого слова в «эстонском» значении в одном из российских журналов, что было установлено по НКРЯ:

- (5) *Святейшего Патриарха приветствовал старейшина района Ласнамяэ Калев Калло. [Визит Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия в Эстонию (2003). «Журнал Московской патриархии», 2003.10.27].*

При ознакомлении с текстами указанных газет нельзя не отметить незамеченным регулярное употребление и ряда лексем с композитом *инфо-*: *инфочас* (эст. *infotund*), *инфодень* (эст. *inforäev*), *инфозал* (эст. *teenindussaal* ‘зал обслуживания’), *ин-*

фолисток (эст. *infoleht*), инфопункт (эст. *inforpunkt* и *infolaud*), инфотелефон (эст. *infotelefon*), инфо-указатель (эст. *infoviit*), инфо-среда (эст. *inforuum* 'информационное пространство'), инфослужба (эст. *infoteenistus*).

Как уже было указано выше, рассматриваемые издания во многом являются информационными, поэтому обилие подобного рода лексики является закономерным.

Ниже представлена таблица, в которой приводятся частотные данные употребления этих слов по принципу от более частотных к менее частотным, указана также общая сумма словоупотреблений.

Таблица 1.

СЛОВО	Kristiine Leht	Mustamäe	Газета Ласнамяэ	Курьер Хааберсти	Известия Пыхья-Таллинна	Всего словоупотреблений
<i>инфопункт</i>	15	5	3	4	1	28
<i>инфодень</i>	4	7	14	1	0	26
<i>инфозал</i>	11	3	0	2	1	17
<i>инфолисток</i>	4	3	0	6	0	13
<i>инфочас</i>	10	0	0	2	0	12
<i>инфотелефон</i>	4	1	2	0	2	9
<i>инфо-среда</i>	0	2	0	0	0	2
<i>инфослужба</i>	0	0	1	0	0	1
<i>инфоуказатель</i>	1	0	0	0	0	1

Слова с композитом *инфо-* можно считать кальками с эстонского, так как в большинстве случаев тексты были переводными. Возникает вопрос: функционируют ли данные слова в языке метрополии или других стран, согласно данным электронных поисковых систем?

Данные лексемы не встречаются ни в толковых словарях русского языка, ни в НКРЯ. Однако поисковые системы, в частности, Интегрум, Google и Yandex их выдают. Запрос осуществлялся с использованием операторов точного поиска по леммам, а не по всем возможным словоформам. Поисковые системы Интегрум, Google и Yandex показали, что рассматриваемые лексемы с композитом *инфо-*, действительно, в большинстве случаев употребляются в контексте, связанном с Эстонией.

Представим данные, согласно поисковой системе Интегрум; был задан диапазон дат, соответствующий времени выпуска исследуемых газет: 01.01.2009 – 31.08.2009; поиск по источникам информации был задан по умолчанию. Итак:

1. Слова *инфочас*, *инфодень*, *инфозал*, *инфолисток*, *инфотелефон* употребляются только в Эстонии.

2. Слова *инфопункт*, *инфослужба* в большинстве случаев встречаются в информационных ресурсах Эстонии, но в единичных случаях встречаются и в Белоруссии и России.

3. Слово *инфосреда* встречается в СМИ России и Карелии, притом только в виде «АСОП-Инфосреда» (название программного комплекса). Как самостоятельно функционирующую лексическую единицу, встречающуюся в Эстонии, поисковая система ее не обнаружила. Кроме того, различается написание этого слова: в «эстонском» варианте встречается в виде *инфо-среда*. Интегрум не нашел ни одного документа, в котором бы было такое написание.

4. Слово *инфоуказатель* (как вариант — *инфо-указатель*) системой Интегрум не было обнаружено.

Результаты поиска по системе Интегрум требуют дополнения, что и удалось сделать как при помощи результатов, полученных при исследовании текстов газет, так и при помощи других, указанных выше, поисковых систем Интернета.

Уточним при помощи примеров случаи, связанные с функционированием лексемы *инфопункт*:

- (5) *Alates 2. märtsist asub Lasnamäe Linnaosa Valitsuses üks info-punkt... / Начиная со 2 марта новый инфопункт Ласнамяэской управы... (*«Газета Ласнамяэ», № 86 (93), март 2009).

При сопоставлении текстов оригинала и перевода было обнаружено, что иногда словом *инфопункт* переводилось эстонское слово *infolaud*, которое при точном калькировании можно передать как *инфостол*:

- (6) *Kristiine Linnaosa Valitsuse infolaud / Tondi Selveri infolaud / Инфопункт управы Кристийне / Инфопункт магазина Selver («Kristiine Leht», № 2 (98), 20 февраля 2009).*

На интернет-странице одного из торговых центров Таллинна была обнаружена калька *инфостол*:

- (7) *Всегда поможет Инфостол... Инфостол центра в вашем распоряжении и для оказания иной помощи... Недалеко от Инфостола работает пункт обмена валюты (<http://www.ulemiste.ee/lang/?articleID=75>).*

Предпочтение, отданное в газетах соответствию *инфопункт*, можно объяснить функциональным сходством места, которое обозначает некоторую «точку» (эст. *punkt*, а также русск. *пункт*), и «стола», как места, специально оборудованного для административного обслуживания лиц².

Приведем контекст со словом *инфопункт* в неэстонском контексте:

- (8) *Инфопункт Совета Европы в Минске запускает первую информационную кампанию (<http://forum.gender.ru/node/873>).*

Приведем несколько примеров, в которых встретилось употребление слова *инфосреда / инфо-среда*:

- (9) *Meie poliitikud räägivad palju energiajulgeolekust, ka Baltimaade energiasaarekestest. Aga paraku me ei räägi veel piisavalt palju meie inforuumi julgeolekust, infosaarekestest / Наши политики много говорят об энергетической безопасности, но редко вспоминают о безопасности инфо-среды (Mustamäe, № 3 (179), март 2009).*

² Эстонское слово *infolaud* по своей форме и по сходству функции похоже на слово *valvelaud*, то есть 'вахта, место, где работает вахтер, дежурный'. Ср. также номинацию советского времени *стол заказов*.

В связи с приведенным примером обращает на себя внимание факт, что в эстонском варианте для обозначения того, что порусски передано как *инфо-среда*, употребляется два слова: более нейтральное *inforuum*, то есть 'информационное пространство', и экспрессивное *infosaaareke* — 'информационный островок', что в чем-то подобно терминологическому словосочетанию 'островок безопасности' из правил дорожного движения.

Ср. фрагмент, в котором встречается другое написание рассматриваемого слова в виде *ИнфоСреда*, которое встретилося на одной из российских интернет-страниц:

- (10) Для обеспечения точной и технически грамотной информацией о рынке ПТС (полимерные трубопроводные системы. — И. А.), о продукции и оборудовании для монтажа, о состоянии дел с нормативными документами и новостях отрасли решено проводить специальное мероприятие, получившее название «**ИнфоСреда**» — информационная среда рынка ПТС (<http://www.polyplastic.fis.ru/news?sp=7590830>).

Обратимся к примерам, отображающим случаи функционирования лексемы, не обнаруженной системой Интегрум — *инфоуказатель / инфоуказатель*. Ср.:

- (11) *Jäätmejaama sissesõidule ja territooriumile on paigaldatud infoviidad* / На въезде и на территории установлены *инфоуказатели* («Kristiine Leht», № 4 (100), 3 апреля 2009).

А вот пример, встретившийся на одном из российских форумов в Интернете:

- (12) ...Издалека виден только *инфоуказатель* с надписью «Прход запрещён». <...> Указатель «Станция Волковская» не виден, он в глубине вестибюля... (<http://forum.tr.ru/read.php?9,787470,page=3>).

Ниже приводится таблица, в которой сопоставляются количественные данные, полученные из исследуемых газет, и данные из Интегрума за указанный выше промежуток времени.

Таблица 2. Количество словоупотреблений в анализируемых газетах и по данным Интегрума

СЛОВО	Газеты	Интегрум
<i>инфопункт</i>	28	8
<i>инфодень</i>	26	25
<i>инфозал</i>	17	9
<i>инфолисток</i>	13	12
<i>инфочас</i>	12	19
<i>инфотелефон</i>	9	5
<i>инфо-среда</i>	2	0
<i>инфослужба</i>	1	10
<i>инфо-указатель</i>	1	0

Кроме слов с композитом *инфо-*, особого внимания заслуживает еще один факт калькирования с эстонского языка, встречающийся относительно регулярно в эстонских СМИ на русском языке.

Рассмотрим словосочетание *дружелюбный к детям* (от эст. сложного слова *lapsesõbralik*). Эстонское прилагательное *lapsesõbralik* может определять существительные *kodu, kool, linn, vald, hindamissüsteem*, то есть буквально ‘дружелюбный (-ая) к детям дом / школа / город / волость / система оценивания’, что имеет значение ‘удобный для детей / подходящий детям’. Данное эстонское прилагательное отсутствует как в Эстонско-русском, так и в Русско-эстонском словарях [Eesti-vene 1999–2009], [Vene-eesti 2000]. Рассмотрим фрагмент текста, где это слово встречается:

- (13) *KÜ Tungal oli tunnistatud kui kõige lapsesõbralikum korteriühistu / «KÜ Тунгла» признано самым дружелюбным к детям товариществом* («Kristiine Leht», № 1 (97), 23 янв. 2009).

В русском языке прилагательное *дружелюбный* в норме употребляется в значении: ‘то же, что дружеский, проникнутый симпатией, расположением к кому-н.’ [Ожегов 1991: 184]. Напр.: *дружелюбный к детям персонал*, то есть в значении ‘дружелюбное отношение’, но не в значении ‘удобство, «комфорт» пространства, многоквартирного дома (*квартирное товарищество*).

Эстонское слово *sõbralik* в русском языке передается, согласно словарям, как *дружеский, дружественный, дружелюбный, приветливый*. Но хотелось бы отметить, что в словаре встречается такой пример: *tuba tundus tugav ja sõbralik*, который передается как *комната казалась уютной и светлой* [Eesti-vene 2006, IV: 714]. Это, в свою очередь, указывает на возможность обозначения при помощи слова *sõbralik* других оттенков смысла: оценку уюта, комфорта, удобства.

Обращает на себя внимание регулярное употребление глагола *реновировать* (эст. *renoveerima*) в СМИ Эстонии. В норме должен быть употреблен глагол *ремонтировать* или *восстанавливать*. Здесь очевидно еще и влияние английского: англ. *renovate* ‘реставрировать, восстанавливать’; ср. также немецкий глагол *renovieren* — ‘обновлять, восстанавливать, ремонтировать’.

В толковых словарях русского языка глагол *реновировать* отсутствует. Но в БТС есть существительное *реновация*, которое интерпретируется как экономический термин, близкий, но не тождественный по значению глаголу, употребленному в приведенном выше примере: «Процесс обновления, замещения выбывающих в результате физического и морального износа элементов основных производственных фондов новыми» [БТС 1998: 117]. Если обратиться к данным эстонско-русского словаря, то можно увидеть, что глагол *renoveerima* передается на русский язык как *обновлять, реновировать* [Eesti-vene 2006, IV: 139], что содействует распространению соответствия *реновировать* в русском языке Эстонии.

Приведем пример, обнаруженный в одном из номеров исследуемых газет, в котором оригинальный текст на эстонском языке содержит глагол *rekonstrueerima* (‘реконструировать’), переведенный на русский язык как *реновировать*:

- (14) *Selle käigus rekonstrueeritakse ka kvartalisiseseid teid ja rajatakse jalakäijate teid Tedre tänaval / Помимо этого будут реновированы внутриквартальные дороги, выстроены пешеходные тротуары на втором этаже Tedre тээ* («Kristiine Leht», № 2 (98), 20 февраля 2009).

Ср. еще один пример, где эстонский девербатив *renoveerimine* передается на русский язык девербативом *ремонт*:

- (15) *Aga plaanis on: hoone restaureerimine, sh torni taastamine, veija kanalisatsioonisüsteemi renoveerimine, elektrisüsteemi vahetus ning kütte lahendamine.* / Но в планах — реставрация здания, в т. ч. восстановление башни, **ремонт** водопровода и канализации, замена электросистем и решение вопроса отопления («Kristiine Leht», № 2 (98), 20 февраля 2009).

Представленные примеры показывают взаимозаменяемость лексем *реновировать* и *ремонттировать* (*ремонт*), что указывает на наличие смысловой связи между ними.

При проверке наличия и распространенности глагола *реновировать* в Интегруме обнаружилось, что данная лексема, кроме Эстонии, широко распространена еще в Латвии и Литве в тех же значениях. К этому хотелось бы добавить один пример, встретившийся в Интегруме, по которому можно судить о том, что рассматриваемый глагол «проник» и в язык метрополии:

- (16) *Л. Сысойкина: И так, и не так. Давайте тогда по порядку. Значит, что такое современный белорусский санаторий? Это либо **реновированное**, все-таки...*

С. Пархоменко: Что-что-что-что?

Л. Сысойкина: Ну, то есть отремонтированное, возобновленное, реанимированное, если хотите.

С. Пархоменко: Понятно (Integrum: СМІ: ТВ и радио online. Эхо Москвы: Горячие интервью, 9 апреля 2009).

Представленный в статье материал позволяет сделать следующие выводы.

При помощи поисковых систем, в том числе одной профессиональной (Интегрум), удалось верифицировать ряд фактов, связанных с особенностями функционирования локально окрашенной, а также заимствованной лексики. В частности, при помощи найденных контекстов удалось подтвердить известный факт, что лексема *старейшина* может иметь в Эстонии локальную окраску и обозначать главу местного самоуправления. Лексема *управа* в значении ‘органы исполнительной власти’ актуальна и в современном российском контексте, что пока не отражается в толковых словарях. Удалось также выявить ряд лексем, действительно употребляющихся только в русском языке Эстонии: *инфочас, инфодень, инфозал, инфоли-*

сток, инфотелефон. Думается, что сюда также могут быть отнесены лексемы *инфопункт, инфослужба, инфо-среда, инфоуказатель*, так как данные поисковых систем Google и Yandex показывают, что подавляющее большинство употреблений этих слов относится именно к Эстонии. Также была проверена география функционирования глагола *реновировать*, который встречается не только в Эстонии, но и в других странах Балтии, а также в языке метрополии.

Обращение к прилагательному *дружелюбный* в составе ряда словосочетаний, обозначающих не только интересубъектное отношение, но и оценку качеств, свойств неживых объектов, показало, что значение этого прилагательного может отличаться от принятого в языке метрополии.

В заключение необходимо отметить, что фактов, заслуживающих внимания, встречается гораздо больше, чем отмечено в данной статье, в которой сделан ряд «точечных» наблюдений.

ИСТОЧНИКИ

- Eesti-vene 1999–2009 — *Eesti-vene sõnaraamat. Эстонско-русский словарь*. К. I–V. Tallinn.
- Vene-eesti 2000 — *Vene-eesti sõnaraamat. Русско-эстонский словарь*. К. I–II. Tallinn
- БТС 1998 — *Большой толковый словарь русского языка*. Под ред. С. А. Кузнецова. Санкт-Петербург.
- НКРЯ — *Национальный корпус русского языка*. www.ruscorgota.ru (18.05.2010)
- Ожегов С. И. 1991 — *Словарь русского языка*. Москва.
- МАС 1981–1984 — *Словарь русского языка*. Т. 1–4. Под ред. А. П. Евгеньевой. Москва.

ЛИТЕРАТУРА

- Володина М. Н. 2007 — *Язык СМИ как отражение языковой действительности. Труды и материалы Международного Конгресса «Русский язык: исторические судьбы и современность»*. Москва. <http://www.philol.msu.ru/~rlc2007/pdf/17.pdf> (18.05.2010)

- Дуличенко А. Д. 2002 — Русский язык в постсоветской Прибалтике: проект социолингвистического исследования. *Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия VI. Проблемы языка диаспоры*. Тарту. С. 68–81.
- Евстратова С. Б. 2002 — Экспрессивная лексика в русскоязычной прессе Эстонии. *Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия VI. Проблемы языка диаспоры*. Тарту. С. 82–90.
- Копотев М. В., Мустайоки А. 2008 — Современная корпусная русистика. *Инструментарий русистики: корпусные подходы. Slavica Helsingiensia, 34*. Хельсинки. С. 7–24.
- Кюльмоя И. П. 2000 — Специфические черты языка русской диаспоры Эстонии. *Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия III. Язык диаспоры: проблемы и перспективы*. Тарту. С. 217–233.
- Никипорец-Такигава Г. Ю. 2004 — Язык СМИ в социолингвистическом аспекте: отражение общего процесса снижения языковой компетенции. *Труды и материалы Международного Конгресса «Русский язык: исторические судьбы и современность»*. Москва. <http://www.philol.msu.ru/~rlc2004/ru/sections/sections.php?id=17> (18.05.2010)
- Протасова Е. Ю. 2002 — Динамика рефлексии интеграционных процессов по данным русскоязычной прессы Финляндии. *Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия VI. Проблемы языка диаспоры*. Тарту. С. 217–233.
- Щаднева В. П. 2002 — Языковые качества русскоязычных изданий Эстонии. *Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия VI. Проблемы языка диаспоры*. Тарту. С. 297–307.

DÜNAAMILISED PROTSESSID TALLINNA AJALEHTEDE VENE
LEKSIKAS (KAKSKEELSETE VÄLJAANNETE NÄITEL)

Inna Adamson

Keeles toimuvaid dünaamilisi protsesse uuritakse tihti ajakirjanduse keele varal, kuna tänapäeval kujutab meediakeel enesest omapärast peeglit, milles võib näha keeles toimuvaid muutusi. Viimasel ajal räägivad keeleuurijad ajakirjanduse mõjust igapäevasele keelekasutusele. Samas tuleb nentida, et toimub vastastikune protsess: keel, mida räägitakse, on ajakir-

järandustekstide aluseks, ajakirjandustekstid aga omakorda mõjutavad keelekasutust.

Antud uurimise eesmärgiks on teiste uurijate poolt koostatud laenude loendi täiendamine, ühtlasi püütakse tõestada, et need lekseemid funktsioneerivad vaid Eesti vene keeles.

Uurimistöö materjal pärineb viiest Tallinna elanikkonnale adresseeritud ajalehest, mis ilmuvad paralleelselt nii eesti kui vene keeles: *Kristiine Leht*, *Mustamäe*, *Lasnamäe Leht* / *Gazeta Lasnamäe*, *Haabersti Postipoiss* / *Kurjer Haabersti*, *Põhja Tallinna Sõnumid* / *Izvestija Põhja-Tallinna*. Vaatluse all olid 2009. a. jaanuarist augustikuuni ilmunud ajalehed. Neis jälgiti leksika kasutamist ning püüti välja selgitada lekseeme, mis ei ole Venemaa meediakeelele omased. Saadud andmeid kontrolliti vene keele seletussõnaraamatutest, vene keele rahvuskorpusest (www.ruscorpora.ru), elektroonilisest andmebaaside süsteemist „Integrum“ (www.integrum.com), otsingusüsteemidest Google (www.google.ru) ja Yandex (www.yandex.ru). Tulemusena oli leitud hulk tõlkelaene eesti keelest, täpsustatud mõningate vene sõnade funktsioneerimise eripära (nt erineb Eestis kasutatava sõna tähendus Venemaal eksisteeriva omast või esineb ta teistsugustes fraasides).

Tõlkelaunudeks võib pidada järgmisi sõnu: *инфочас* (*infotund*), *инфозал* (*teenindussaal*), *инфолисток* (*infoleht*), *инфотелефон* (*infotelefon*), *инфодень* (*infopäev*), *инфопункт* (*infopunkt*), *инфостол* (*infolaud*), *инфоуказатель* (*infoviide*), *инфосреда* (*inforuum*).

Omadussõna *дружелюбный* analüüsi põhjal võib väita, et eesti keele mõjul esineb ta Eestis sõnaühendites, mida Venemaal ei kasutata: *дружелюбный к детям дом / двор* (*lapsesõbralik maja / õu jne*). Samuti vaadeldi lekseemide *управа* (*linnaosavalitsus*, *maavalitsus jne*) ja *старейшина* (*linnaosavanem*, *maavanem*) funktsioneerimise eripära.

Tegusõna *реновировать* (*renoveerima*) kasutamise analüüs näitas, et see esineb teistegi Balti riikide vene keeles, üksikjuhtumel ka Venemaal.

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ ОБРАЩЕНИЙ *ТЫ* / *ВЫ* У ЭСТОНЦЕВ, РУССКИХ В РОССИИ И РУССКОЯЗЫЧНОЙ ДИАСПОРЫ ЭСТОНИИ¹

И. КОКШАРОВА, К. ФОГЕЛЬБЕРГ

Настоящая статья излагает часть результатов проводимого авторами более обширного сравнительного исследования использования обращений в различных языковых сообществах. Исследованию подвергается как частотность и вариативность использования, так и тесно связанные с ними прагматические значения форм обращения в различных ситуациях.

Мы понимаем понятие «обращение» в самом широком смысле. Настоящая статья, однако, ограничивается рассмотрением использования прономинальных обращений в их «формальных и неформальных формах» [Clyne et al., 2009] (иначе называемых прямыми и косвенными) — *ты* / *Вы* и *sina* / *Teie* — эстонцами, русскими в России и в русскоязычной диаспоре Эстонии (ниже в большинстве случаев будем использовать общепринятое в англоязычной литературе обозначение *tu* / *vous*).

Первичные результаты исследования частотности использования *ты* и *Вы* русскоязычной диаспорой Эстонии, а также эстонцами в Эстонии и русскими в России уже имеются [см. Rajusalu et al., 2010]. При неоспоримой ценности полученных

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта 8008 Эстонского научного фонда (ETF 8008).

данных следует, однако, согласиться с авторами, отметившими ограниченность пилотного проекта и указывающими на необходимость дальнейших исследований. В частности, в работе использована в основном анкета с преимущественно закрытыми вопросами, более того, в большинстве своем касающимися употребления *tu / vous* самими респондентами, а не их реакций на формы, используемые собеседниками. Кроме того, респондентами являлись только студенты, что повышает надежность (наджность) результатов, но существенно ограничивает их обобщаемость.

Настоящее исследование исходит из предложенного уже Дженни Томас [Thomas, 1995] определения понятия прагматического значения как «значения в интерактивном общении». Мы ставили себе целью изучение не только использования самими респондентами форм *tu / vous*, но и уделяли особое внимание эмоциональной и поведенческой реакции на употребление этих форм собеседниками, а также стратегиям респондентов в ситуациях, в которых собеседник использует неприемлемую форму, — иными словами, всему тому, что в конечном итоге определяет прагматические значения этих форм, нередко различающиеся у говорящего и адресата. Кроме того, мы собирали данные о том, как влияет используемый язык на выбор между *tu / vous* (особенно родной / неродной).

МЕТОДОЛОГИЯ

Одна из основных отличительных черт настоящего исследования — используемые в нем качественные методы, а именно: полевые заметки и аудио- и видеозаписи речи, сопровождаемые подробными фокусированными неформальными полуструктурированными интервью¹ [см., например, Семенова

¹ Тип индивидуального глубинного интервью, в ходе которого интервьюирующийся стремится обсудить с респондентом конкретный список тем или аспектов. Предварительно составляется общий план разговора с перечислением тематических блоков, представляющих исследовательский интерес, а также выделением аспектов, относительно которых должна быть получена более детальная информа-

1998, Lindlof and Taylor, 2002: 195 ff], отличающимися гибкостью и интерактивностью: неожиданные и / или неясные ответы могут подвергаться дальнейшему уточнению, иногда интервьюируемые сами вводят новые аспекты изучаемого явления, порою даже предлагая собственные гипотезы для объяснения своего поведения, а также своих реакций на поведение других. В этом смысле интервью, хотя и уступают в аутентичности полевым исследованиям, все же дают более информативные и достоверные результаты, чем традиционные ответы на анкетные вопросы.

В новейшей литературе, касающейся речевого поведения, анкеты, а во многом и интервью, подвергаются серьезной критике, поскольку сравнение их результатов с данными, полученными путем полевых исследований (в том числе зафиксированными в корпусах), показывает, что люди в большинстве случаев сами не полностью осознают свое подлинное речевое поведение [ср., например, Eelen 2001].

Наши данные во многом подтверждают это положение. Исключением, однако, оказалось использование местоимений прямого и косвенного обращения (то есть *tu / vous*). Примечательно, что во всех наших интервью респонденты ни разу не колебались в своих ответах, пока речь шла о нормах, влияющих на использование прямого / неформального и косвенного / формального местоимения, о сомнениях, испытанных при выборе подходящей формы, а также о своих реакциях на нарушение норм собеседниками. При других вопросах (например, касающихся конкретных форм приветствий, использования имен и т. д.) респонденты сразу же начинали колебаться, старались, иногда неудачно, припоминать соответствующие ситуации, признавали, что не могут быть уверены в своих от-

ция. Формулировка отдельных вопросов и предполагаемая форма ответов остаются свободными, открытыми, их конкретное оформление происходит в ходе интервью. Ход беседы свободный, интервьюирующий задает интересующие его вопросы в русле разговора, не нарушая общего его хода, они органически вписываются в рассказ как уточнения.

ветах. Отчасти это объяснимо наличием в таких ситуациях множества почти равных, одинаково допустимых, взаимозаменяемых форм (например, вербальная форма приветствия, кивание головой и / или улыбка, обращение к собеседнику по имени или сразу с вопросом, полностью опустив приветствие и / или имя, и т. д.). *Tu* и *vous* же по своему прагматическому значению для конкретного человека не являются взаимозаменяемыми — в этом смысле эти формы ближе всего к морфологическим формам. К тому же использование *tu / vous* теснейшим образом связано с «лицом» человека, с его личностью, идентичностью, представлением о себе («само-образом»), а также с иерархическими и эмоциональными взаимоотношениями между людьми. Не заметить здесь форму, используемую самим собой, или форму, с которой обращается собеседник, очень трудно.

В нашем исследовании к настоящему времени проведены в общей сложности 60 интервью: 21 из них с эстонцами, 19 — с русскими, живущими в России (в основном в Москве и Санкт-Петербурге) и 20 — с русскими, живущими в диаспоре Эстонии. В среднем длина каждого интервью составляла 60 минут (причем самое короткое интервью длилось 36 минут, самое длинное — 84 минуты). Все интервью были записаны на диктофон, а затем расшифрованы и представлены в орфографической записи.

В основу выбора респондентов был заложен принцип достижения наибольшего разнообразия в возрасте, профессии, месте жительства, а также — в случае диаспоры — в степени адаптации, в самоопределении культурной причастности, в частоте использования разных языков и в длительности пребывания в разных культурных средах. В наименьшей мере варьировался уровень образования респондентов, в основном это были представители интеллигенции. В интервью, однако, они часто эксплицитно упоминали случаи общения с менее образованными собеседниками.

В обсуждении результатов исследования русскоязычной диаспоры мы будем учитывать как использование *ты / Вы* на родном языке, стараясь при этом выяснить разные степени

переноса прагматических навыков эстонского языка, так и использование *sina / Teie* представителями русскоязычной диаспоры в общении с эстонцами на эстонском языке.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Первоначальную гипотезу о возможных прагматических значениях *tu / vous* мы выдвинули на основе трех систем вежливости, предложенных Сколлоном и Сколлоном [Scollon and Scollon, 2001], а именно: а) симметричную с небольшим расстоянием, в которой преобладает позитивная вежливость (в том числе взаимное *tu*), б) симметричную с большим расстоянием, в которой превалирует негативная вежливость (в том числе обоюдное *vous*), и в) асимметричную, в которой сторона с большей властью может использовать стратегии позитивной вежливости (и, добавим, воздерживаться от использования каких-либо стратегий вежливости), но ожидает от подчиненного употребления стратегий негативной вежливости. Браун и Левинсон [Brown and Levinson, 1978 / 1987: 107], а также Сколлоны и Сколлоны, причисляют использование *tu* к позитивной вежливости, а использование *vous* к негативной вежливости¹. В асимметричной системе возможны, хотя и необязательны, случаи, в которых вышестоящий использует *tu*, но в ответ ожидает *vous*.

Исходя из названных трех систем, мы выделили три различных значения стратегий позитивной вежливости, в том числе использования *tu*, а именно: 1) дружелюбие, 2) выражение принадлежности к одной и той же группе (*ingroup*), 3) выражение вышестоящей стороной своей власти над собеседником. Аналогичным образом стратегии негативной вежливости, в том числе *vous*, могут означать: 1) дистанцию, 2) отстраненность / исключение и 3) уважение. Однако мы уже предвидели, что как *tu*, так и *vous* будут иметь больше значений, по-

¹ Разумеется, *tu* может употребляться без использования стратегии вежливости (при суперстратегии „bald-on-record“), а также при намеренной грубости — последнюю Браун и Левинсон не рассматривают.

скольку нами исследовались не только значения, вытекающие из уместного употребления этих форм (исследуемого теориями вежливости), но и значения, связанные с употреблением, не соответствующим ожиданиям адресата. Следует отметить, что само слово «вежливость» в интервью было упомянуто лишь несколько раз.

А) ЭСТОНЦЫ, ПРОЖИВАЮЩИЕ В ЭСТОНИИ

Среди опрошенных эстонцев наблюдалась значительная вариативность использования *tu / vous (sina / Teie)* и, соответственно, придаваемых этим формам значений. Обращение на *tu* большинством респондентов определялось тем, что, следуя выражению одного респондента, можно назвать «зоной фамильярности (близких отношений)», причем особенностью эстонцев являлась заметная вариативность именно в определении того, кто принадлежит к их зоне фамильярности. Наблюдается некоторая негативная корреляция между «величиной» «зоны фамильярности» и возрастом, а также уровнем образования, хотя в основном можно утверждать, что «величина» зоны фамильярности сугубо идиосинкретична. Например, среди респондентов были три молодых человека в возрасте 18 лет, относивших, кроме членов семьи, в эту зону только молодых людей, с которыми, цитируя одного из этих респондентов, «можно вместе идти в клуб / пить пиво» и с которыми потенциально могла бы сложиться дружба. Для этих респондентов фактор возраста был важен; один из них отметил: *Человек более старшего возраста, даже духовно близкий — это скорее наставник, чем друг*, поэтому форма обращения *vous* является более приемлемой. При особой духовной близости собеседников можно несколько поступиться данной нормой: *молодость — это период жизни до 30 лет*. В то же время несколько других молодых людей того же возраста обращаются на *ты*, например, ко всем своим учителям. Еще один респондент — 20-летний студент — отметил, что не возражал бы против всеобщего использования *ты*, как в Финляндии.

Согласно нашим интервью, особое разнообразие в употреблении *tu / vous* и, соответственно, наибольшее число недопониманий между самими эстонцами наблюдается в служебной сфере. Многие респонденты подчеркнули, что в формальной / официальной служебной ситуации (в магазине, в банке, у врача и т. д.) они ожидают обращения на *vous*. В таких случаях респонденты исходили из нормы (в трех случаях эксплицитно описали эту норму), которая еще в начале 1990-х годов в Эстонии являлась общепринятой, то есть в служебной сфере преобладало взаимное *vous* (симметрические отношения с большим расстоянием). В нормальных условиях взаимное *vous* употреблялось и между начальником и подчиненным, которые при этом асимметрично использовали другие стратегии вежливости.

Как правило, ожидания респондентов по поводу симметричного использования *vous* в служебной сфере (так же, как и при общении с начальниками, см. выше) сбываются. Однако нередки были и исключения. Одна женщина в возрасте 30 лет сообщила об асимметричном использовании *tu* со стороны врача (в то время как другой врач в идентичной ситуации обращалась к ней на *vous*). Сотрудники и консультанты в банке, как отмечали почти все респонденты, используют *vous* — но и здесь один респондент (женщина 30 лет) описала использование *tu* со стороны консультанта, а другой (женщина 19 лет) — со стороны молодого кассира. В ряде других служебных ситуаций, в основном менее формальных (например, у парикмахера, массажиста и т. д.), респонденты описывали произошедший в Эстонии практически всеобщий переход от специфических для этих ситуаций косвенных форм (например, местоимения третьего лица) на *tu*. Ряд респондентов отметили распространенное в последнее время обращение на *tu* со стороны менее образованных людей, например, водопроводчиков, строителей и т. д.

На вопрос об эмоциональной реакции в связи с нежелательным *tu* или *vous* мы также получили достаточно разнообразные ответы, которые варьировались от ощущения легкого неудобства — в таких случаях *tu* истолковывалось как попыт-

ка демонстрации дружелюбия — до сильного раздражения. Например, описанный выше случай с консультантом банка завершился прерыванием отношений и сменой банка.

Респонденты, которых использование *tu* не устраивало, нередко воспринимали нежелательное *tu* как вторжение в личное пространство. Три респондента использовали именно это выражение, другие употребляли сходные выражения (например, «она же не моя подруга»).

Чаще всего нежелательное *tu* вызывало чувство искаженных отношений власти. Два респондента описали эффект отклонения от этой нормы подробнее следующим образом: изначальное использование *tu* является односторонним и обозначает отстаивание крайней степени власти над собеседником, а зачастую запугивание, намеренное внушение страха. Как образно выразился один респондент, в советское время одностороннее *tu* использовалось в милиции при обращении к подозреваемым и в армии при обращении к рядовым.

Несколько респондентов заявили, что даже когда они на рациональном уровне сознают, что собеседник ждет от них ответного *tu* и хочет выразить дружелюбие, на эмоциональном уровне все же возникают ассоциации с вышеуказанным значением. Для этих респондентов описанная норма, которая, по нашим данным, перестала быть всеобщей, все же остается в силе. Ею руководствуется и часть молодых респондентов. Их аргументы против использования *tu*, к примеру, продавцом, также опирались на понятие иерархических отношений. В одном случае было использовано само слово «иерархия», другие ответы включали такие выражения как «какое она / продавщица / имеет право мне “тыкать”?»¹

¹ Опираясь на косвенные данные консультирования по этому вопросу со знакомым эстонским врачом, мы имеем основание предполагать, что *tu* со стороны врача вполне может обозначать отношение иерархии: некоторые врачи действительно относятся к пациентам с позиции вышестоящего

Ответы респондентов на вопрос, как они реагируют на нежелательное *tu*, что они предпринимают, встречаясь с нежелательным *tu*, также сильно варьировались. Один респондент (возраст 36 лет) сказала, что она в нескольких таких случаях открыто заявила собеседнику, что считает *tu* странным и неприемлемым. Встречалось и более «мягкое» открытое заявление своей позиции: респондент (63 года) послала молодому адресату электронное письмо, в котором объяснила, что сама *tu* использовать не будет, поскольку это для нее неприемлемо, но не будет обижена, если адресат продолжит использовать *tu*. Два респондента заявили, что во всех таких случаях они подчеркнуто продолжают обращаться на *vous*. Некоторые респонденты в упомянутых ситуациях стараются вообще избегать и *tu*, и *vous*, прибегая к другим языковым средствам (при этом приводились примеры предложений с конструкциями неопределенно-личного залога и т. д.). Они объясняли, что не хотят принимать правила собеседника, но продолжать использовать *vous* тоже неловко. Интересно, что продолжение использования *vous* только у одного из этих респондентов маркировало описанное Сколлоном и Сколлон принятие более низкого положения. По его выражению, *раз он уже использовал «tu», то я этим и ответила, иначе бы он подумал, что он мой начальник* — собеседником в данном случае был владелец строительной компании, у которого респондент в качестве клиента заказала строительство дома. Как правило, *tu* истолковывали как выражение дружелюбия, хотя и нежелательное. Ряд респондентов отметили, что перешли на *tu*, исходя именно из такого истолкования *tu* собеседника, подтверждаемого невербальными сигналами и общей дружеской атмосферой. Некоторые из этих респондентов добавили, что постепенно *tu* для них стало приемлемым.

Варьирование наблюдалось и в употреблении *tu / vous* в разных коллективах. Среди респондентов были представители двух кафедр разных вузов. В общении на обеих преобладало всеобщее *tu*. На одной из них, однако, встречалось и обоюдное *vous* (во всех случаях участниками общения были молодые преподаватели из числа студентов, недавно окончивших

вуз). На второй кафедре использование молодой коллегой *vous* рассматривалось респондентами (в основном среднего и старшего возраста) как выражение не только отстраненности, но и высокомерия и «гордыни». Наконец, один респондент (мужчина 45 лет) категорически заявил, что использование *vous* эстонцами в большинстве случаев выражает враждебность.

В итоге, в дополнение к значениям *tu / vous*, изначально предложенным авторами исследования, прямая и косвенная формы обращения могут иметь еще следующие значения:

<i>TU</i>	<i>VOUS</i>
- принадлежность к «зоне фамильярности (близких отношений)», духовная близость	- высокомерие
- вторжение в личное пространство	- враждебность
- запугивание, внушение страха	

В заключение следует признать, что отмеченная Клайном [Clyne et al.: 2009] европейская тенденция более обширного употребления *tu* в некоторой степени находит свою реализацию и в эстонской культуре. Можно предполагать, что в значительной мере этим и объясняется высокая вариативность результатов нашего исследования.

Б) РУССКИЕ, ПРОЖИВАЮЩИЕ В РОССИИ

Согласно данным нашего исследования, использование *ты / Вы* представителями русской культуры отличалось значительно меньшей вариативностью, чем у эстонцев. В «зону фамильярности» входили, прежде всего, члены семьи и близкие друзья. Почти все респонденты отметили важность фактора возраста: форма обращения *ты* используется исключительно между представителями одного поколения, а при обращении к членам семьи, принадлежащим к старшему поколению (дядя, тетка, в некоторых семьях бабка или дед), часто используется форма обращения *Вы*. В служебных ситуациях дружелюбное *ты* отсутствует полностью, использование *ты* может обозначать только намеренную грубость.

Парадоксальным образом оказалось, что обращение на *Вы*, которое в литературе причисляется к негативным стратегиям

вежливости, тоже может быть индикатором принадлежности к определенной группе. Например, несколько респондентов отметили, что данная форма, употребляемая представителями высших учебных заведений, как студентами по отношению к преподавателям, так и наоборот, свидетельствует об их принадлежности к элитарной институции, о чем на первой вводной лекции эксплицитно говорят. Таким образом, *Вы* может использоваться даже при полном отсутствии личного уважения к конкретному адресату. Более того, данная форма может быть использована в качестве основной формы обращения даже студентами, в особенности в официальной ситуации и при высоком значении переменной «расстояние».

Формат ситуации также играет важную роль при выборе формы обращения. Сфера употребления обращения *ты* ограничивается в большинстве случаев неформальностью ситуации и, наоборот, *Вы* является маркером официальной ситуации.

Исследование также показало, что именно уровень образования часто играет решающую роль при выборе форм обращения. Иными словами, форма обращения *ты* более приемлема для респондентов, чей уровень образования ограничивается начальным и основным школьным образованием. В обратном случае предпочтение отдается форме обращения *Вы*, причем даже в ситуациях, в которых форма *ты* более соответствовала бы коммуникативным нормам, установленным в языке. Например, один из респондентов, преподаватель высшего учебного заведения (60 лет), привыкший к использованию формы *Вы* в официальных ситуациях, отметил, что даже при обращении к школьникам склонен употреблять форму *Вы*, несмотря на то, что в системе среднего образования России используется иерархическая система вежливости, в которой учащиеся используют форму *Вы* при обращении к преподавателю, а последний — форму *ты* по отношению к учащимся.

Ассоциация *Вы* с высоким уровнем образования может также истолковываться как употребление *Вы* в качестве маркера принадлежности, а именно принадлежности к группе «интеллигенция». Например, один из респондентов, высоко-

образованная женщина (москвичка, 65 лет), описала ситуацию, в которой она использует форму обращения *Вы* и имя и отчество (стратегия негативной вежливости) по отношению к другу семьи, с которым их связывает и высокая степень духовной близости. Примечательно, что ее друг имеет аристократические корни. Тем не менее, по мнению некоторых респондентов, в прошлом имело место так называемое протестное употребление формы обращения *ты* среди представителей интеллигенции в некоторых высших учебных заведениях Москвы, когда *ты* употреблялось при обращении к коллегам как протест против бюрократического *Вы*. Данное употребление сохранилось и до нашего времени.

Немаловажную роль играет также понятие т. н. метафорического / психологического «личного пространства» (для эстонской культуры существенно то, что плотность населения Эстонии — одна из самых низких в Европе). В дополнение к вышесказанному важно отметить существенность физического понятия «личного пространства» для представителей скандинавских культур и для эстонцев. Интересно отметить, что один респондент, женщина, проживающая в Москве, но знакомая и с эстонской культурой, выдвинула гипотезу о том, что если в эстонской культуре существует понятие физического личного пространства, то сходное понятие могло бы существовать и в русской культуре. Однако в силу таких объективных причин, как высокая плотность населения в крупных городах, наличие физического «личного пространства» несколько проблематично. В связи с этим говорят о существовании метафорического / воображаемого / психологического «личного пространства», вербальной реализацией которого является употребление формы обращения *Вы*. Так, например, подавляющее большинство респондентов заявили, что в случае, когда собеседник, человек, не принадлежащий к близким друзьям или родственникам или даже незнакомый, употребляет вместо формы обращения *Вы ты*, то невольно возникает «неприятное чувство», «чувство опасности», как будто незнакомый человек «подошел слишком близко», «находится в состоянии алкогольного опьянения и нарушает дистанцию».

Важно отметить, что данные эмоции связаны именно с вербальным поведением и употреблением форм обращения, а не с физическим положением респондентов в пространстве. Представители русской культуры не придают такого значения физическому «личному пространству», как представители скандинавских культур и эстонцы. Так, одна из участниц опроса, представительница русской диаспоры Эстонии, заметила, что при общении с эстонцами ее в некоторых случаях упрекали в нарушении физического «личного пространства», в то время как для нее самой физическое «личное пространство» было настолько несущественно, что она не обращала на него внимания. С другой стороны, для нее немаловажную роль играло метафорическое пространство, выражаемое в употреблении формы обращения *Вы*, и нарушение его даже при разговоре по телефону, когда о физическом вторжении в «личное пространство» не может идти речи, вызывало интенсивное чувство дискомфорта.

Вариативность реакций на нежелательное *ты* или *Вы* была существенно ниже по сравнению с представителями эстонской культуры. Следует особо отметить реакцию на неожиданное *Вы*. Подавляющее большинство респондентов отметило, что не против употребления *Вы* даже в ситуациях, где норма предусматривает *ты*. Несколько респондентов заявили, что для них *Вы* почти никогда не имеет негативной коннотации. С другой стороны, реакции на нежелательное *ты* были значительно сильнее эстонских. Поражало количество респондентов, употребивших в этой связи слова «опасность» и «агрессивные намерения». Стратегии сопротивления нежелательному *ты* также были решительными: респонденты называли только прерывание отношений и / или открытое опровержение *ты*, иногда с использованием для достижения эффекта ответного *ты*.

В итоге, в дополнение к значениям *tu / vous*, изначально предложенным авторами исследования, прямая и косвенная формы обращения могут иметь также следующие значения:

<i>TU</i>	<i>VOUS</i>
- угроза	- принадлежность к «элитарной»
- агрессивные намерения собеседника	группе (особенно, более образованной)
- намеренная грубость, враждебность	- формальность ситуации
- вторжение в психологическое личное пространство	- соблюдение психологического личного пространства
	- разница в возрасте между собеседниками

В заключение следует отметить, что хотя этикетные нормы в русском языке в настоящее время подвергаются заметным изменениям [Кронгауз 2004, Rathmaug 2008], отмеченная Клайном [Clyne et al.: 2009] европейская тенденция более обширного употребления *tu*, согласно нашим данным, почти не проявляется.

В) РУССКИЕ, ПРОЖИВАЮЩИЕ В ЭСТОНИИ

Русскоязычную диаспору Эстонии нельзя рассматривать как одно целостное сообщество. Поскольку в последнее время наблюдается определенное сближение эстонского большинства и русскоязычной диаспоры, которое, однако, в разных регионах происходит весьма разными темпами, то члены этой диаспоры подвергаются влиянию со стороны эстонцев в разной степени. Например, среди наших респондентов были люди, почти свободно владеющие эстонским языком; люди, состоящие в браке с эстонцами (эти два класса совпадали не полностью), а с другой стороны — люди, имеющие мало контактов с эстонцами. Более того, — что особенно важно с точки зрения возможного эстонского влияния на прагматическое значение *tu / vous* — учитывая значительную вариативность значений *tu / vous* среди эстонцев, даже респонденты, часто общающиеся с эстонцами, получают разные, а иногда прямо противоположные сигналы о значениях этих местоимений.

У ряда респондентов прагматические значения форм обращения *ты / Вы* были во многом сходны с соответствующими значениями в русской культуре. Встречались практически все

значения, которые *ты* и *Вы* могут иметь для русских в России. Тем не менее у представителей диаспоры, наиболее часто общающихся с эстонцами, значения этих форм подвергаются постоянному влиянию со стороны эстонской культуры. При большой вариативности здесь все же можно найти и некоторые общие тенденции. В первую очередь речь идет о принадлежности группе фамильярности. В русской культуре употребление формы обращения *ты* по отношению к членам семьи, родственникам относительно строго ограничено фактором возраста: при обращении к старшим по возрасту родственникам предпочтительна форма обращения *Вы*. С другой стороны, в эстонской культуре данное ограничение отсутствует, и форма обращения *ты* приемлема при обращении ко всем членам семьи и родственникам. Данный фактор оказывает влияние на представителей русской диаспоры в Эстонии. Приведем здесь только один, наиболее яркий, пример. Два респондента, участвовавшие в исследовании, являются двоюродными сестрами. Одна из них выросла в Московской области, в России, а вторая — в Таллинне. Респонденты принадлежат к одной возрастной группе и воспитывались в сходных условиях. Тем не менее при общении с родственниками участница опроса, выросшая в России, употребляет форму обращения *Вы* по отношению к родственникам — представителям старшего поколения, в то время как участница, воспитанная в Эстонии, употребляет форму обращения *ты* в отношении всех родственников, вне зависимости от возраста.

Следующий фактор, оказывающий влияние на выбор форм обращения, функции которых в русской и эстонской культуре различны, — это ситуационный фактор. Если в русской культуре во всех официальных ситуациях, особенно при обращении к коллегам, более приемлема форма *Вы*, то в эстонской культуре ее употребление может вызвать негативную реакцию. Одна из участниц исследования, представительница русской культуры, сравнительно недавно иммигрировавшая в Эстонию из России, в интервью заметила, что вынуждена постоянно следить за собой при общении со своими эстонскими коллегами, так как естественная для нее форма обращения

vous / Teie является для них неприемлемой и даже обидной. Той же участницей, тем не менее, было отмечено, что с течением времени употребление формы обращения *tu / sina* при обращении к коллегам на эстонском языке становится все более и более естественным, но данный феномен не распространяется на общение на ее родном, русском языке. То есть налицо процесс именно частичной ассимиляции, тесно связанный с языком общения.

Одна из респонденток, прожившая в Эстонии на момент опроса более шести лет, описала следующую интересную ситуацию. К ней были приглашены в гости родственник и знакомый ее супруга, этнического эстонца. Следует отметить, что предварительное общение нашей русскоязычной респондентки со знакомым супруга было ограничено официальными ситуациями, в которых в русской культуре приемлема форма обращения *Вы*. Во время коммуникации, происходившей на эстонском языке, все участники использовали форму обращения *tu*, выражающую дружеские отношения между участниками коммуникации. Тем не менее вышеупомянутый знакомый супруга употреблял подчеркнуто вежливую форму обращения *Вы*, что вызывало чувство дискомфорта не только у эстонских участников коммуникации, которые в данной ситуации могли воспринимать форму обращения *Вы* как имеющую значение враждебности, отстраненности, но и у русской участницы коммуникации. В последнем случае данный факт объясняется именно влиянием эстонской культуры.

Социальный статус участников коммуникации также играет роль при выборе форм обращения. В этой связи особенно интересна ситуация, когда представитель властных структур одновременно является представителем этнического или культурного меньшинства. В данном исследовании принимала участие следователь полиции. Ею было замечено, что в официальных ситуациях она не решает первая переходить к употреблению формы обращения *tu / sina*, так как опасается, что это может спровоцировать конфликт в связи с тем, что она является представителем этнического меньшинства, что явствует из ее имени. С другой стороны, у нее возникает чувство

дискомфорта, когда русскоязычные представители старшего поколения слишком быстро переходят в разговоре к форме обращения *ты*, потому что, с одной стороны, согласно правилам культуры большинства (эстонской культуры) ей следует поддержать собеседника и тоже перейти к форме обращения *ты*, чтобы сохранить позитивный настрой ситуации; а с другой стороны, правила русской культуры не позволяют обратиться к представителю старшего поколения, используя форму обращения *ты*. Тем не менее, так как она живет в Эстонии, то, несмотря на дискомфорт, она, по ее словам, «придерживается правил эстонской культуры». Здесь следует особенно подчеркнуть тот факт, что при обращении к полиции *tu* в Эстонии далеко не общее правило, а скорее исключение. Налицо ситуация, в которой представитель диаспоры, получая противоречивые сигналы об эстонских этикетных нормах, находится в смятении и как будто «создает» эти нормы для себя.

Особый интерес вызывает также факт, что именно русскоязычные участники коммуникации — причем в русскоязычной коммуникации — чаще обращаются к упомянутому выше респонденту на *ты*. Необычность данной ситуации заключается в том, что, с одной стороны, в русской культуре использование прямой формы обращения по отношению к представителю власти является в высшей степени неприемлемым. В эстонской культуре использование прямой формы обращения возможно, но, даже принимая во внимание высокую степень вариативности нормы, далеко не частотно. Данный феномен может быть объяснен, во-первых, влиянием эстонской культуры, во-вторых, что кажется более вероятным, нестабильностью нормы и ее вариативностью в эстонской культуре, вследствие чего русские в Эстонии получают противоречивые сигналы об эстонских этикетных нормах, а, возможно, также чувством солидарности, общей принадлежности к диаспоре.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В качестве основных результатов нашего исследования можно выделить следующие.

1. Как в эстонском, так и в русском языках *tu / vous* имеют гораздо больше значений, чем предполагалось в изначальной гипотезе, полученной на основе анализа теоретической литературы.

2. Среди опрошенных эстонцев наблюдалась значительная вариативность использования *tu / vous* (*sina / Teie*) и, соответственно, придаваемых этим формам значений, что в большой мере объясняется отмеченной Клайном европейской тенденцией более обширного употребления *tu*, которая, в определенной степени, находит свою реализацию и в эстонской культуре. В то же время, хотя этикетные нормы в русской культуре в настоящее время подвергаются заметным изменениям, тенденция более обширного употребления *tu*, согласно нашим данным, почти не проявляется.

3. Наибольшей степенью вариативности отличается употребление *tu / vous* у представителей русскоязычной диаспоры Эстонии. Вариативность употребления *tu / vous* напрямую связана с тем, в какой степени представитель диаспоры использует эстонский язык и подвергается непосредственному его влиянию. Непосредственное влияние на выбор формы обращения оказывает также язык коммуникации. Ситуация осложняется нестабильностью норм употребления этих форм обращения в эстонской культуре, в результате которой представитель диаспоры получает разные, а зачастую прямо противоположные сигналы о значении *tu / vous* в эстонском языке, что вынуждает его вырабатывать свою версию «нормы эстонского языка», которая иногда не соответствует эстонским нормам даже при их большой вариативности.

ЛИТЕРАТУРА

- Кронгауз М. — Русский речевой этикет на рубеже веков. *Russian Linguistics*. 28. С. 163–187.
- Семенова В. 1998 — *Качественные методы: введение в гуманитарную социологию*. Москва.
- Brown, P. and Levinson, S. 1978 / 1987 — *Politeness. Some Universals in Language Usage*. Cambridge: Cambridge University Press.

- Eelen, G. 2001 — *A Critique of Politeness Theories*. St. Jerome Publishers.
- Clyne, M., Norby, C. & J. Warren. 2009 — *Language and Human Relations. Styles of Address in Contemporary Language*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Lindloff, T. R., Taylor, Bryan C. 2002 — *Qualitative Communication Research Methods*. 2nd edition. Thousand Oaks, California: Sage Publications.
- Pajusalu, R., Vihman, V., Klaas, B., Pajusalu, K. 2010 — Eestlaste ja venelaste suhtluskäitumine: sina, teie ja keegi veel. *Eesti Rakenduslingvistika aastaraamat*. Lk. 207–224.
- Rathmayr, R.. 2008 — Intercultural aspects of new Russian politeness. *WU Online Papers in International Business Communication / Series One: Intercultural Communication and Language Learning*. No. 4.
- Scollon, R. and S. W. Scollon. 2001 — *Intercultural Communication. A Discourse Approach*. 2nd edition. Massachusetts, US, Oxford, UK: Blackwell.
- Thomas, J. 1995 — *Meaning in Interaction: An Introduction to Pragmatics*. London: Longman

KAUDSE JA OTSESE KÕNETUSVORMI SINA / TEIE
PRAGMAATILISTEST TÄHENDUSTEST
EESTLASTEL, VENELASTEL
JA VENEKEELSES DIASPORAAS EESTIS

Irina Kokšarova, Krista Vogelberg

Artikkel põhineb 60 transkribeeritud pool-struktureeritud intervjuul, neist 21 Eesti eestlastega, 19 Venemaa venelastega, kes elavad Venemaal (peamiselt Moskvas ja Sankt-Peterburis) ja 20 venekeelse diasporaa esindajatega Eestis. Intervjuude kestus varieerus 36 kuni 84 minutini (keskmiselt 60 minutit). Intervjueeritavad valiti eesmärgiga saada võimalikult mitmekesine valim selliste parameetrite järgi nagu vanus, sugu, elukutse jne, diasporaa puhul ka eesti keelega kokkupuutumise ulatus. Lähtudes pragmaatilise tähenduse määratlusest kui tähendusest interaktsioonis, keskenduti mitte ainult *sina / Teie* kasutamisele, vaid ka reaktsioonidele nimetatud vormide soovitava ja mittesooitava tarvituse puhul kaasvestleja poolt ning strateegiatele, mida tarvitatakse mittesooitava tarvituse puhul. Võrreldes nt välimärkmetega annavad intervjuud reeglina vähem

autentseid tulemusi, mis aga erandina ei kehti *sina* / *Teie* uurimisel, kus intervjuude tulemused langevad kokku väliuurimiste tulemustega ja intervjuueeritavad ei kõhkle vastuste andmisel. *sina* / *Teie* on liiga tihedalt seotud inimese enesest lugupidamise ja mina-pildiga, et nii norm kui ka normist kõrvalekaldumised jääksid märkamata. Uurimus andis arvukalt uusi tulemusi (nt hüpotees *Teie* kasutamisest kui verbaalsest vastest kaasvestleja isikliku ruumi tunnustamisele jpm). Olulisemateks tuleks nimetada järgmisi: kui kirjanduse põhjal võib eeldada nii *sina* kui *Teie* puhul kolme erinevat tähendust, siis tegelikkuses on neid tunduvalt rohkem (*sina* ja *ты* puhul 9. *Teie* ja *Вы* puhul 10, kusjuures paljud tähendused kattuvad, kuigi loomulikult erinevates olukordades ja / või kultuurides (nii *sina* kui *Teie* võivad tähendada sisegruppi kuulumist või nt vaenulikkust). Eestlaste puhul ilmnes äärmiselt suur variatiivsus *sina* / *Teie* kasutamisel, tendentsiga *sina* järjest laiemale aktsepteeritud, positiivse tähendusega tarvitusele, mis korreleerub, aga mitte kuigi tugevalt, vanusega. Vene kultuuris, kus pragmaatilised tähendused üldiselt kiiresti muutuvad, ei näidanud uurimus vastavaid muutusi *sina* / *Teie* kasutuses: *Teie* üldine positiivne konnotatsioon on jätkuvalt valdav. Kõige variatiivsemad olid tulemused diasporaa puhul. Ootuspäraselt mõjutas *sina* / *Teie* kasutust kokkupuudete ulatus eestlastega ning äärmiselt oluliselt ka tarvitataav keel. Samas esines paradoksaalseid olukordi (nt *sina* viisakas venekeelses pöördumises venelasest politseiniku poole). Arvestades olukorra dünaamilisust eesti kultuuris, saavad eestivenelased eesti normide kohta erinevaid, kohati lausa vastakaid signaale ning ajuti loovad omaenese versiooni „eesti normidest“, mis ei vasta päriselt eestlaste kasutusele isegi selle variatiivsuses.

РОЛЬ ПРАГМАТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ В ФОРМИРОВАНИИ ОСОБЕННОСТЕЙ РЕЧИ ДИАСПОРЫ

Е. И. КОСТАНДИ

Любые территориальные варианты языка имеют, как известно, свою специфику, становящуюся особенно очевидной в условиях диаспоры, что относится и к речи русскоговорящих жителей Эстонии. Последние два десятилетия описание и анализ языковых процессов в условиях диаспоры постоянно привлекают местных исследователей. Собирается речевой материал, проводятся конференции, издаются научные сборники [см., например: Очерки 2004, Очерки 2007, Труды 2000, Труды 2002]. На материале языка СМИ (газета, радио, телевидение, Интернет), рекламы, разговорной речи, официально-деловых текстов, учебной литературы и др. выявлен ряд особенностей современной русской речи в Эстонии. К ним относятся, например, специфика функционирования русского языка в разных сферах, распространенность латиницы, эстонские заимствования (варваризмы, многочисленные кальки и полукальки), местные неологизмы или переосмысление семантики слов, называющих местные реалии, некоторые особенности использования глагольного управления, отдельных типов предложений, степень и характер оценки в текстах разных видов и т. д. На первый взгляд эти разнообразные «местные» черты представляются довольно хаотичным набором признаков, однако по мере накопления материала постепенно выри-

совыпадают некоторые общие закономерности, характеризующие это многообразие. Разумеется, в каждом конкретном случае значимы и специфические условия и причины, далеко не все поддается какому бы то ни было объяснению, тем не менее представляется возможным говорить и о ряде регулярно действующих факторов. Объем статьи не позволяет рассмотреть все речевые факты, дающие системное представление о языке русской диаспоры Эстонии, поэтому ниже будут приводиться наиболее очевидные примеры. Выбор последних осуществлялся также с целью продемонстрировать специфику использования языковых средств в разных функциональных сферах и коммуникативных условиях, что позволит более полно представить общую картину.

Как показывает анализ разнообразного материала, на появление местных особенностей русской речи, помимо частных причин, регулярно влияют факторы, которые, обобщая, можно разделить на три группы: 1. Системно-языковые признаки единиц (слов, словосочетаний, предложений и др.); 2. Семантика; 3. Прагматика. Характеристика последней является основной целью статьи, однако, во-первых, тесная взаимосвязь всех факторов предполагает их комплексное рассмотрение, во-вторых, в двух первых группах также присутствует прагматическая составляющая, поэтому далее будут рассмотрены все группы. В первых двух основное внимание будет уделено прагматическому аспекту.

Итак, одним из условий появления местной специфики в речи является характер языковых единиц и категорий, то, что уже было описано исследователями «старых» русских диаспор и охарактеризовано как «слабые места» языковой системы [Земская 2001], то есть места, в наибольшей степени поддающиеся внешнему влиянию и, соответственно, изменяющиеся. Наш материал предоставляет многочисленные примеры, подтверждающие действие этого фактора. Так, например, воздействию регулярно поддаются области языка, характеризующиеся вариативностью, поскольку наличие вариантов дает возможность выбора, на который могут влиять внешние условия,

такие, например, как сфера использования языка, языковая и речевая ситуация, широкое распространение переводных текстов и т. д. Тем самым вариативность прямо соотносится с коммуникативно-прагматическими факторами. Так, в русском языке вариативны, например, типы и средства синтаксической связи (1) и типы предложений (2), ср.:

- (1) Сочинительная связь: *Мальчик сидел и (а, но, однако, да, но и, а также) читал*; подчинительная связь: *молочный кувшин / кувшин для молока; московский гость / гость из Москвы*; предикативная связь: *Он учится в школе; Он начал учиться в школе; Он школьник; Он стал школьником; Он оказался школьником; Он выглядит школьником*; связь в сложном предложении (и соотносящийся с характером связи тип предложения): *Когда мы вернулись, было поздно; Было поздно, и мы вернулись; Было поздно, а мы вернулись; Было поздно, мы вернулись*.
- (2) *Я скучаю / Скучаю / Мне скучно / Скука; Мы вернулись вечером / Мы вернулись, когда наступил вечер / Наступил вечер, и мы вернулись / Так как наступил вечер, мы вернулись*.

Многочисленные примеры из оригинальных и переводных текстов на русском языке, появляющихся в Эстонии, подтверждают, что и синтаксическую связь, и типы предложений можно определить как «слабые места», подверженные влиянию эстонского языка, местных условий функционирования русского языка, специфики речевой ситуации. Например, чаще в переводных, однако нередко и в оригинальных текстах регулярно встречаются ошибки в подчинительных словосочетаниях (3), предикативной связи (4), некоторых типах предложений, например, определено-личных (5) и сложных (6), что можно увидеть в следующих примерах:

- (3) *Дело в том, что главная задача ассистента осветителя в том и заключалась, чтобы **снабжать** (кого?) куравом и пивом, при этом пива президент не хотел* (О. Ремсу. Его превосходительство: оот-оот! Постой-погоди!);
- (4) *Вполне очевидно, что работники **являются незаинтересованными** в уменьшении своей текущей зарплаты за счет*

пенсионных платежей («Деловые ведомости», 16–22. 07.03);
Что есть «супервайзер»? («День за Днем», 04.07.03);

- (5) *Сократим бюрократию. Поддержим предприятия, пожелавшие вывести производства за пределы городов в сельскую местность (предвыборная партийная реклама);*
- (6) *Другие гости на этой летней пирушке заводят себя криками, что Эстония в тринадцатом веке и не могла отстоять независимость, зато в результате нашествия мы оказались в Европе (Я. Каплинский. Весна на двух побережьях, или Сентиментальное путешествие в Америку); Если к ошибкам «большого вождя», что для трезвомыслящей части партийцев не осталось незамеченным, присоединить вал критики в адрес Центристской партии в связи принятием отрицательной платформы по отношению к Евросоюзу, становится ясно, что раскол в партийной верхушке неизбежен («День за Днем», 15.08.03).*

Приведенные и другие аналогичные примеры рассматривались нами ранее [см., например, Костанди 2002], и в данной статье они анализироваться не будут, подчеркнем лишь, что вариативность — одно из заложенных в языковой системе и характере языковой единицы условий, способствующих появлению местной специфики речи. Вместе с тем вариативность предполагает прагматический компонент, так как наличие вариантов требует от автора выбора и / или знания того, что некоторые варианты невозможны или нежелательны. На авторский выбор могут влиять тип текста, коммуникативные условия, признаки адресата, цель коммуникации и иные коммуникативно-прагматические факторы. В этой связи остановимся на рассматривавшемся ранее [Костанди 2007] примере, который на общем фоне выделяется высокой степенью вариативности, субъективной окраской и, как показывает анализ разных контекстов, регулярной «местной спецификой». Речь идет об атрибутивных словосочетаниях, значительная часть которых в русском языке допускает возможность варьирования; выбор варианта может быть обусловлен как индивидуально-авторской установкой, например, необходимостью акцентиро-

вать определенные компоненты семантики, оценкой, моделированием ситуации непосредственного наблюдателя, так и более общими факторами, например, стилистической маркированностью, предварительными знаниями носителей языка и т. д. Выбор осложняется характером атрибутивных отношений, так как, по словам авторов «Коммуникативной грамматики русского языка», «любой признак естественным образом связан с двумя типами субъектов: диктумным (носителем признака) и модусным (говорящим, наблюдающим, эмоционально переживающим, мыслящим, оценивающим), — не всегда совпадающими в одном лице» [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998: 83]. Множественность проявлений и соотношений названных типов субъектов становится основой структурного, семантического и прагматического многообразия атрибутивных словосочетаний, что усложняет выбор варианта, соответствующего контексту и коммуникативной цели. При переводе такие сложности становятся еще более очевидными, что регулярно приводит к появлению в Эстонии первоначально в переводных, а затем и в оригинальных текстах на русском языке атрибутивных словосочетаний, подобных следующим:

- (7) *Концертный дом; неделя дня рождения; лампа местного освещения; обогреватель воздуха; настольные свечи; скатерть на рождественские темы; дворовая метла; дворовая свеча; бокал для десерта; сумка для покупок; остающаяся ценность; сетка для дров; широчайший покупательский потенциал; вешалка из дерева; перчатки для работы; самая прекрасная зона действия.*

Такие словосочетания часто можно охарактеризовать как семантически и грамматически правильные, однако при их образовании нарушается прагматическое условие учета существующих в русском языке устойчивых сочетаний лексем и словоформ, стилистических ограничений, коннотаций. Помимо регулярного появления словосочетаний, подобных приведенным выше, частотны и просто ошибки при переводе на русский язык. Атрибутивные словосочетания демонстрируют значимость такого фактора, как характер языковой единицы, на-

личие «слабых мест» в системе языка. Вместе с тем в данном случае особенно явно и действие прагматической составляющей: вариативность и признаковость непосредственно соотносятся с субъектом — центральной категорией прагматики.

Так как цель настоящей статьи — общая характеристика действия прагматического фактора, в ней не могут детально рассматриваться все частные примеры, как, например, приведенные выше под номерами (3)–(6), но и в них можно обнаружить действие прагматического фактора, хотя и в меньшей степени, чем в атрибутивных словосочетаниях. Кроме того, что во всех случаях вариативность (синтаксической связи, типа простого и сложного предложения) предполагает выбор говорящим определенного варианта, что относится к области прагматики, в приведенных примерах есть и более частные проявления этого аспекта. Глагольное управление (3) предполагает знание говорящим необходимой формы зависимого слова (в нашем случае — и отличия от эстонского управления). Предикативная связь (4) представляет собой осуществляемое говорящим приписывание признака предмету предикации и выбор говорящим типа сказуемого и соответствующих средств связи. Определенно-личные предложения могут обладать прагматикой призыва к совместному действию (ср. *Повысим производительность труда! Очистим город от мусора!*), что не учтено автором в примерах (5), представляющих собой не призывы, а предвыборные обещания. Сложное предложение всегда имеет и субъективный аспект, в наибольшей степени проявляющийся на границе его частей, в их связи. Таким образом, во всех случаях есть дополнительная соотнесенность с категорией субъекта и, следовательно, добавочная прагматика. Говоря о «слабых местах» языковой системы, очевидно, следует иметь в виду, что эта «слабость» часто обусловлена заложенной в языковой единице прагматикой.

Как показывает анализ материала, не менее значимо влияние на речь диаспоры семантического фактора, в частности — соотнесенности языковой единицы с определенным денотатом. Понятие денотата, его составляющих, как известно, имеет

множество трактовок; цели нашего анализа дают возможность ограничиться самой общей трактовкой и понимать под денотатом то во внеязыковой действительности, что обозначается языковым знаком: предмет, лицо, факт, действие, признак и т. п. Соответственно, имеются в виду такие частично пересекающиеся понятия, как содержание, семантика, значение, смысл слов, словосочетаний, предложений и других единиц. С этой точки зрения остановимся на одном из наиболее наглядных примеров, содержащихся в нашем материале.

В письменном русском языке в Эстонии распространена латиница, которая используется и в языке метрополии, однако, как показывает сопоставление, в существенно меньшем объеме. В эстонской действительности русские газетные тексты, реклама, тексты в Интернете пестрят вкраплениями слов и словосочетаний, передаваемых латинской графикой. Регулярное использование латиницы в русских текстах можно охарактеризовать как местную особенность, поскольку в эстонском языке используется именно латиница и ситуация двуязычия, в значительной степени даже и многоязычия (постоянное обращение к английскому, немецкому, финскому и другим языкам), способствует широкому распространению латиницы. Как показало исследование использования латиницы в СМИ, можно выделить ряд семантических групп, или, лучше сказать, областей, для которых наиболее характерна латиница. Чаще всего она используется для передачи названий:

- фирм: *Победитель конкурса, архитектурное бюро «Luhase ja Tuhal», вскоре представит наброски по первому этапу; Не исключено, что оперирование шахтой будет передано Eesti Põlevkivi;*
- товарных знаков: *Там состоялась премьера нового BMW пятой серии; Цифровая фотокамера PH Photosmart 435 — доступная возможность попасть в мир цифровой фотографии;*
- электронных карт: *Еще можно купить карты дополнительного времени SMART, ULTRA, SIMPEL; С собой необходимо иметь только документ, удостоверяющий личность (паспорт, ID-карту) и справку от работодателя;*

- учреждений, организаций, клубов, студий, школ и т. п.: *Тринадцатая юных боксеров из силламяэского клуба «Tvail Athletics» приняли участие в открытом чемпионате города Кохтла-Ярве; Школа AUTOKOOL приглашает на утренние и вечерние курсы водителей категории В;*
- газет, журналов, информационных агентств, телеканалов и т. п.: *...заверили президенты двух главных европейских организаций в своем комментарии в газетах Finantsial Times Deutschland и Finantsial Times; Ксмапи, состоялась и презентация новой причудской газеты «Peipsirannik» / «Чудское побережье»;*
- почтовых адресов: *СВ отправлять по адресу: Peterburi maantee 47, 11415 Tallinn; Салоны: Tallinn Vana-Lõuna 19, Tallinn Kadaka 56A (Kadaka Selver);*
- электронных адресов и других наименований из области инфотехнологий: *Второе важное событие — предстоящее в мае расширение ЕС за счет десяти новых государств, сообщает портал RusEU.org; В программе: устройство компьютера, файловая система (Windows), текстовый редактор (MS Word), электронные таблицы (MS Exel) и возможности сети Интернет;*
- денежных единиц: *Стоимость одного часа работы от 120 ЕЕК; Билеты предварительно: 2LS, на месте 3LS!!!*

Именно при использовании наименований, относящихся к этим областям, во всех СМИ чаще всего появляется латиница, то есть можно говорить об определенном круге денотатов, для обозначения которых регулярно используется латиница. Такие наименования приближаются к именам собственным или таковыми и являются. Встречается латиница в СМИ и в иных случаях, однако они не регулярны и могут быть определены как единичные, следовательно, можно предположить, что денотат содержит признаки, обуславливающие большую возможность использования латиницы. Однако более значимым оказывается именно характер соотнесенности языковой единицы с тем, что она называет. Так, анализ материала официальных сайтов эстонских министерств, на которых дается параллельно эстонский и русский тексты, показал, что в офи-

циальных текстах латиница представлена минимально. Здесь различные названия, которые в СМИ регулярно передаются латиницей, в основном даются кириллицей, то есть в этих функциональных стилях представлены более строгий, официальный вариант соотношения наименования с денотатом и, напротив, более «свободный» и понятный массовому адресату. Итак, денотат может быть одним и тем же, различия же проявляются в характере соотношенности, обусловленной условиями коммуникации, коммуникативной установкой, признаками автора и адресата и т. д.

Приведем еще один пример, подтверждающий значимость семантического фактора в процессе появления специфики речи диаспоры. Одной из местных особенностей является распространенность полностью или частично калькированных единиц, обычно представляющих собой перевод эстонского сложного слова русским словосочетанием или несколькими словосочетаниями описательного характера. В 1990-е годы этот процесс был особенно активным, так как появлялось много новых политических, экономических, социальных, технических, бытовых реалий, часто не имевших ни в русском, ни в эстонском языке устоявшегося названия. В наших условиях многие государственные органы, общественные институты, организации, политические партии и т. д. первоначально получали название на эстонском языке, которое затем, часто варьируясь, переводилось на русский, что и привело к появлению многочисленных калек. К настоящему времени многие такие наименования не только в эстонском, но и в «местном» русском языке стали устойчивыми, хотя постоянно образуются и новые единицы; однако процесс этот происходит уже не столь активно. Правда, в русской спонтанной речи наряду с русскими вариантами регулярно используются и собственно эстонские слова, что будет отдельно рассмотрено ниже, сейчас же остановимся на характеристике русских вариантов, являющихся кальками и полукальками эстонских наименований. Они используются, как правило, в официальной речи, в языке

СМИ, в деловой, научной, учебной и т. п. сферах. Кальками и полукальками являются, например, следующие наименования:

- (8) *Больничная касса, центр крови, экономическая полиция, налоговый департамент, основная школа, целевое учреждение, руководство бизнесом, семейный врач, вынужденные квартиросъемщики, эстоноземельцы, карточка больничной кассы, интеграционные проекты, центристская партия, реформистская партия, курсы по выбору, основной модуль, физическое лицо-предприниматель.*

Все приведенные словосочетания, как и множество аналогичных, не являются свободными, это устойчивые, часто официальные наименования институтов, учреждений (*экономическая полиция, налоговый департамент*), статуса лиц (*вынужденные квартиросъемщики, физическое лицо-предприниматель*), учебных дисциплин (*руководство бизнесом*), государственных программ (*интеграционные проекты*) и т. д. Как видно из примеров, характер денотата — один из основных факторов, обусловивших появление таких словосочетаний: это должно быть нечто, относящееся к официальной, публичной сфере. Подобные процессы калькирования могут наблюдаться и в других областях, достаточно регулярны они, например, в рекламе на русском языке, где названия товаров, услуг часто переводятся описательными оборотами, основанными на калькировании. Однако в этой области обычно не появляются устойчивые наименования. Единичные случаи наблюдаются и в устной бытовой речи. Таким образом, именно государственная, политическая, общественная, экономическая области предопределяют семантический аспект таких калек. Попутно отметим, что результаты подобных процессов номинации могут в отдельных случаях полностью или частично совпадать с аналогичными наименованиями, появляющимися в России, где, разумеется, никакого влияния эстонских наименований нет. Иногда подобные новообразования имеют общий источник в других языках, например в английском, однако в наших условиях, прежде чем войти в русскую речь, они «прошли» и через эстонский язык.

Пересекается с рассмотренным использованием калек появление в русской разговорной речи эстонских вкраплений. В течение пяти последних лет студентами и сотрудниками кафедры русского языка Тартуского университета проводятся регулярные записи местной разговорной речи. К настоящему времени собран достаточно объемный материал, позволяющий делать и общие выводы. Одной из регулярных местных особенностей такой речи является использование говорящими иноязычных (эстонских) вкраплений — слов, словосочетаний, иногда и целых фраз, например:

- (9) Ну ... мы конечно / уже успели сбегать в кюлу / там мест не дают; Она за **Льунакекусом** живет; Да вот // **сихтом** занимаюсь; Мне еще в **максуамет** сходить надо.

Во всех приведенных примерах, как и во множестве аналогичных, можно было бы использовать русский перевод, в частности кальки, о которых говорилось выше. Рассмотрим эти примеры, отражающие общую ситуацию.

Вкрапление «в кюлу» (эстонская основа с русским предложением и окончанием) переводится как «в деревню». Говорящий имеет в виду организацию, занимающуюся студенческими общежитиями, эстонское название которой переводится как «Студенческая деревня» (ср.: Олимпийская деревня). «За **Льунакекусом**» можно перевести как «за Южным центром» — название торгового центра (ср. метро «Юго-Западная»). Эстонское *siht* в приведенном контексте означает «целевой» и является частью сложного слова *sihtfinanseerimine* / *целевое финансирование* — названия программы, финансирующей научные темы, проекты. Говоря «занимаюсь **сихтом**», автор имеет в виду, что он готовит заявку на такое финансирование. *Maksuamet* (максуамет) — эстонское название налогового департамента. Таким образом, как видно из приведенных примеров, и в случае использования подобных вкраплений есть влияние содержательного фактора, чаще всего так называются какие-то местные реалии, обычно относящиеся к тем же сферам, о которых говорилось выше при рассмотрении калек. В речи отдельных говорящих могут, однако, встречаться раз-

ные вкрапления, использование которых зависит от коммуникативных условий, общих знаний автора и адресата, целевых установок и т. д.

Итак, характер денотата, семантика языковых единиц регулярно влияют на появление специфических черт в речи диаспоры. Действие этого фактора, разумеется, нельзя рассматривать как некоторое правило, содержательные критерии достаточно неопределенны, границы между реалиями, сферами, к которым эти реалии относятся, могут быть размытыми. В целом речь должна идти, скорее, о тенденции, однако тенденции достаточно устойчивой и выраженной. Следует еще раз подчеркнуть, что семантический фактор не действует изолированно, он тесно связан с другими, в частности, с прагматическим. Рассматривая выше действие семантического фактора, мы неизбежно затрагивали и прагматический аспект, далее остановимся на нем отдельно.

Приведенные выше случаи использования латиницы, калек, вкраплений эстонских слов в значительной степени обусловлены прагматически. Так, применение латиницы часто диктуется невозможностью замены ее кириллицей (электронные адреса, названия сайтов и т. п.), так как при такой замене не произойдет действие, в данном случае — в электронном пространстве. Разумеется, это условие относится не только к языку диаспоры, в отличие, например, от обычных почтовых адресов. Если в рекламе или на конверте написать адрес «порусски», его не всегда можно однозначно идентифицировать. Это же относится, например, и к названиям фирм, торговым маркам. Целевая установка, предполагающая необходимость однозначно идентифицировать предмет речи, побуждает автора использовать латиницу.

Появление большого числа калек в значительной степени обусловлено местной языковой ситуацией. Так как в Эстонии государственным является эстонский язык, то именно на нем, за редким исключением, первоначально появляются наименования государственных органов, учреждений, организаций и т. п., которые затем переводятся на русский язык, и здесь

нужны именно «местные» русские наименования, своего рода имена собственные местных же реалий. Влияние общей языковой ситуации в этом случае также, на наш взгляд, следует отнести к области прагматики.

Учет фоновых знаний автора и адресата становится одной из причин использования эстонских вкраплений в разговорной речи. В приведенных выше примерах участники коммуникации знают, что называет используемое эстонское слово, именно оно лучше идентифицирует известный им предмет речи, говорящему проще использовать эстонское наименование, чем «переводить» его на русский язык. Так, замена рассматривавшейся выше фразы с эстонским вкраплением *«уже успели сбежать в кюлу»* на полностью русскую *«уже успели сбежать в деревню»* приводит к явной двусмысленности, и использование русского варианта в подобных случаях усложняет коммуникацию. В других примерах эстонские вкрапления так же позволяют говорящим однозначно идентифицировать предмет речи. Таким образом, в приведенных примерах прагматические факторы (целевая установка, общие знания, учет экстралингвистических компонентов) влияют на появление специфических черт в устной речи диаспоры.

Выше прагматический фактор рассмотрен в соотношении с системно-языковым и семантическим, помимо этого существует множество частных проявлений воздействия прагматических, в более узком значении слова, факторов на речь диаспоры. Это может быть ориентация на аудиторию, которая говорит и по-русски, и по-эстонски, желание передать местный колорит, языковая игра, ирония, создание языкового портрета кого-либо и т. д., то есть то, что принято называть коммуникативно-прагматическим аспектом. Рассматривать столь разнообразные случаи в одной статье не представляется возможным, поэтому далее остановимся на одном примере. Рекламные тексты, для которых значимость прагматической установки не вызывает сомнений, очевидным образом демонстрируют местную специфику русского языка. Рассматривая рекламные тексты, следует сказать о таком общеизвестном явлении, как стандарт, однотип-

ность текстов на разных языках. Процессы глобализации современного мира затрагивают не только экономику, политику, но и язык, в первую очередь — язык средств массовой коммуникации, в том числе — рекламы. Транснациональные корпорации рекламируют свои товары по всему миру, в разных странах люди видят, например, телевизионные ролики, где одни и те же персонажи рассказывают о достоинствах зубной пасты, стирального порошка, кофе, чистящего средства и так далее. Говорят эти персонажи на английском, украинском, русском, эстонском и других языках, произносят одинаковые фразы, различия между ними часто минимальны и мало учитывают национальную, культурную, социальную специфику, языковые возможности. С другой стороны, разумеется, в каждой стране, в разных регионах существует своя реклама, о которой и пойдет речь ниже. В настоящее время в Эстонии наиболее типична ситуация, когда рекламный текст первоначально создается на эстонском языке и затем переводится на русский. Характеризуя в целом такие переводы, можно выделить их следующие основные разновидности: прямой перевод эстонского текста или его части, некоторые изменения в переводе, полностью новый текст, ориентированный на русскоязычную аудиторию. Создание хорошей рекламы требует больших усилий, знаний, удачная реклама на русском языке в наших условиях есть, однако мы приведем в качестве примера простые и дешевые варианты рекламных изданий — регулярно в большом количестве появляющиеся рекламные листки, буклеты, газеты сетей розничной торговли. Как правило, в них сосуществуют эстонский и русский тексты в равном или разном объеме, русский вариант обычно является переводным. Поскольку речь — это не только создаваемые, но и воспринимаемые тексты, такие переводные издания тоже следует отнести к речи диаспоры. В этих изданиях в русском тексте постоянно появляются латиница, кальки и полукальки, описательные, часто неточные, номинации, в частности в форме атрибутивных словосочетаний, различные ошибки при переводе и иные признаки «местной» специфики. Очевидно, свою роль в этом играют прагматические факторы. Отметим далее основные.

Часто в подобных не совсем удачных переводах или ошибках можно увидеть проявление прагматического фактора, однако не системно-языкового, а иного характера. Зачастую такие рекламные тексты переводятся не только не профессиональными переводчиками, но и теми, кто не имеет филологического образования, почти не умеет пользоваться специальной литературой и исходит из своих, порой ограниченных, знаний языка. Не последнюю роль играет стоимость перевода и издания в целом. Направлены эти издания на массовую аудиторию, для которой, возможно, качество перевода тоже не столь значимо, кроме того, можно получить информацию и из эстонского текста или неязыковых каналов передачи информации (изображение товара). Массовость аудитории, дешевизна, оперативность, наличие неязыковых средств — эти условия коммуникации можно отнести к прагматическим факторам, повлиявшим на перечисленные выше местные особенности таких текстов на русском языке. Особенно очевидным их влияние становится при сопоставлении с иными рекламными изданиями — специализированных магазинов (например, строительных, автомобильных), телефонных компаний, туристических фирм, банков. Здесь, как правило, мы имеем дело с более качественным текстом, то есть с изменением внешних условий коммуникации (адресат, стоимость и т. п.) меняются и языковые характеристики рекламного текста. В целом же рекламные тексты наглядно демонстрируют специфику языка диаспоры.

Таким образом, как показывает анализ материала, характер языковой единицы, семантический и прагматический компоненты постоянно воздействуют на речь, их можно охарактеризовать как «движущую силу» появления местной специфики в речи диаспоры. Коммуникативно-прагматические факторы, во взаимодействии с прагматикой языковых единиц и средств и прагматической составляющей семантики, образуют целостный комплекс. Рассмотренные выше случаи представляют часть речевого материала, собранного автором статьи и другими исследователями, занимающимися изучением особенностей современного русского языка в Эстонии. Однако эти ча-

стные примеры отражают общие тенденции, далеко не полностью описанные в настоящей статье. Требуется дальнейший анализ имеющихся речевых фактов, сбор нового материала, систематизация отдельных наблюдений. Думается, такого рода описание любого варианта языка, в нашем случае — речи русской диаспоры Эстонии, может представлять интерес и с общетеоретической точки зрения, способствуя осмыслению многих процессов, происходящих в языке и речи.

ЛИТЕРАТУРА

- Земская Е. А. 2001 — *Язык русского зарубежья. Общие процессы и речевые портреты*. Москва – Вена.
- Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова Н. Ю. 1998 — *Коммуникативная грамматика русского языка*. Москва.
- Костанди Е. И. 2002 — Синтаксические особенности перевода (на материале эстонско-русских переводов художественных текстов). *Проблемы языка диаспоры. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. VI*. Отв. ред. И. П. Кюльмоя. Тарту. С. 124–134.
- Костанди Е. И. 2007 — Прагматика перевода атрибутивных словосочетаний. *Международная конференция «Русский язык и литература в международном образовательном пространстве: современное состояние и перспективы»*. Гранада, 7–9 мая 2007 г. Доклады и сообщения. Т. 2. Ред. Р. Гусман Тирадо, И. Вотякова, Л. Соколова и др. Санкт-Петербург – Гранада. С. 961–966.
- Очерки 2004 — *Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. I*. Отв. ред. И. П. Кюльмоя. Тарту.
- Очерки 2007 — *Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. II. Humaniora. Lingua Russica: Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. X*. Отв. ред. И. П. Кюльмоя. Тарту.
- Труды 2000 — *Язык диаспоры: проблемы и перспективы. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. III*. Отв. ред. И. П. Кюльмоя. Тарту.
- Труды 2002 — *Проблемы языка диаспоры. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. VI*. Отв. ред. И. П. Кюльмоя. Тарту.

PRAGMAATILISTE FAKTORITE ROLLIST DIASPORAA KEELE
SPETSIIFIKA MOODUSTAMISEL*Jelisaveta Kostandi*

Eesti vene diasporaa keele (meediakeel, reklaam, suuline kõne jt.) süsteemne uurimine algas 1980ndate aastate lõpus, tänaseks on uurijad leidnud spetsiifilisi jooni keelekasutuse eri sfäärides (ladina tähestiku kasutus, eesti laenud, kohalikud neologismid ja uued sõnatähendused, mõningate sõnaühendite aktiivsus, verbirektsiooni ja hinnangute omapära). Artikli analüüsi lähteobjektiks on eelnimetatud ja teised vene diasporaa keele iseärasused, mille põhjuseks võib olla eestikeelse keskkonna mõju, analüüsitakse nii olemasolevat kui uut materjali. Artikli eesmärgiks on kindlaks teha mõned diasporaa keele spetsiifikat regulaarselt mõjutavad faktorid. Olemasoleva materjali põhjal on olulisemaks neist pragmaatiline, mille puhul tuleb arvestada 3 aspekti:

1. Keelendi ja grammatikakategooria omadused keelesüsteemis ning nende pragmaatiline potentsiaal (keelendid, mis on keelesüsteemi nn nõrgaks lüliks, st välismõjule kergesti alluvad, nt süntaktilised seosed, mõned lausetüübid, ladina tähestiku kasutus jt.).

2. Keelendi semantika: kõnelejapoolne keelendi valik suhtlusaktis lähtuvalt keelemärgi ja denotaadi suhtest („kohalik” semantika: kohalikke reaale tähistavate keelendite semantika, eesti laenud, kohalikud neologismid ja uued sõnatähendused).

3. Kommunikatiiv-pragmaatilised faktorid (suhtlustingimused, hinnangud, intentsionaalsus, kõnestrateegiad ja -taktikad, kõneakti tüüp jms).

Need aspektid moodustavad ühtse kompleksi, mis suhestub keelemärgi süntaktika, semantika ja pragmaatikaga. Artiklis analüüsitakse neid aspekte ühise kompleksina, mis tervikuna moodustab diasporaa keele spetsiifikat regulaarselt mõjutava pragmaatilise faktori.

КОНТАКТЫ РУССКОГО ЯЗЫКА В ЛАТВИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.

И. С. КОШКИН

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА: СПЕЦИФИКА КОНТАКТИРОВАНИЯ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ ЛАТВИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ (1918–1940 гг.)

Понимание синхронных процессов в языке диаспоры часто связано с анализом динамических тенденций в нем, а специфика конкретного регионального варианта языка лучше осознается на широком историческом фоне. Языковая ситуация в Латвии и с точки зрения синхронии, и с точки зрения диахронии характеризуется такой чертой, как мультилингвальность. Рефлексами языковых контактов, как известно, выступают различного рода заимствования и интерференции. При этом в диахроническом плане интерференции как явления узуса могут представлять собой начальный этап в процессе заимствования, который характеризуется вариативностью потенциальных заимствований. В данной статье рассматриваются заимствования на лексемном уровне как результат контактирования русского языка с другими языками в недавнем историческом прошлом Латвии (речь идет о первой половине XX в.).

Исторически на территории Латвии в роли контактных языков по отношению к латышскому языку как языку коренного населения главным образом выступали два языка — русский язык (изначально древнерусский)¹ и немецкий язык, в

¹ В определённые периоды осуществлялись контакты латышского языка также и с польским и белорусским языками, особенно ин-

роли которого сначала выступал средненижненемецкий язык, а затем сменивший его верхненемецкий. В хронологии контактов русского языка Латвии с другими языками можно выделить несколько различных периодов, см. подробнее [Кошкин 2007: 102–109]. Особого внимания заслуживают контакты русского языка как языка меньшинства в период независимости Латвийской Республики (1918–1940 гг.). Этот период характеризовался такими общими с предшествующим периодом особенностями языковой ситуации, как наличие русско-латышско-немецкого трехязычия (особенно это было характерно для языковой ситуации города Риги) и двусторонний характер контактов русского и латышского языков. При этом для периода первой Латвийской Республики было характерно усиление роли латышского языка, особенно в 30-е годы, чему способствовали изменившиеся социально-культурные условия функционирования языков в обществе.

Региональный русский язык в период независимого Латвийского государства в первой половине XX в. не был однородным явлением. С одной стороны, русский язык был средством общения тех слоев населения, которые занимали невысокие позиции в социальной иерархии общества и для которых этот язык был родным языком. Сюда относились крестьяне, рабочие, малообразованные жители столицы. Этот вариант регионального русского языка по своему происхождению и по своим чертам был тесно связан с диалектным языком — как с так называемыми старожильческими говорами Латвии, главным образом Латгалии, так и с теми говорами русского языка, которые были распространены на территории губерний России, из которых пополнялось рабочее население Латвии в предшествующий период. По отношению к русскому языку Риги этот вариант был назван М. Ф. Семеновой, известным исследователем русско-латышских языковых связей, «своеобразным полудиалектом» [Семенова 1977: 214].

С другой стороны, русский язык в период первой Латвийской Республики активно использовался представителями интеллигенции, которые себя считали хранителями традиций русского литературного языка [Семенова 1973: 38–39]. Можно полагать, что этнический состав этой интеллигенции, говорящей и пишущей на русском языке, был достаточно пестрым: кроме русских, сюда входили латыши, евреи, поляки, немцы. Известный историк русской печати Латвии Ю. И. Абызов так отзывается о редакции самой авторитетной русской газеты, издававшейся в годы первой Латвийской Республики в Риге и ориентированной на все латвийское общество, выросшее «в атмосфере русской культуры»: «В составе редакции было много евреев. Но то были евреи — местные уроженцы, которые владели и латышским, и немецким, и русским языками, знали прошлое и настоящее края, хорошо ориентировались и в жизни сопредельных европейских стран» [Абызов 1997: 4]. Этот вариант регионального русского языка, представленный в текстах русской публицистики, в языке газет, отражая особенности русского литературного языка предшествующего периода, периода вхождения территории Латвии в состав Российской империи, постепенно стал развиваться в первой половине XX в. обособленно, вырабатывая собственные черты и отличаясь тем самым от языка метрополии.

Меняющийся характер языковой ситуации в первой половине XX в. обуславливал и специфику контактов регионального русского языка с другими языками. Это нашло свое отражение как в новых лексических заимствованиях, так и в длительном сохранении местным русским языком (речь идет о его втором варианте) тех особенностей в области заимствованной лексики, которые стали утрачиваться в течение первой половины XX в. в русском языке метрополии. При этом картина русско-латышских языковых контактов в этот период представляется сложной и неоднозначной, особенно в отношении отдельных заимствований. Как было отмечено, эти контакты носили взаимный, двусторонний характер: местный русский язык мог выступать как языком-источником по отношению к латышскому языку (фактически языком-посредником для новых за-

имствований), так и языком, испытывающим влияние со стороны латышского языка, занявшего в обществе активные позиции. Изучение такого рода вопросов тем более актуально, что в латышском языкознании непосредственный язык-источник для некоторых заимствований первой половины XX в. не был выяснен. Рассматриваемые в статье заимствования анализируются и с этой точки зрения.

2. КОНТАКТЫ РУССКОГО И ЛАТЫШСКОГО ЯЗЫКОВ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ ЛАТВИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ, ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ РУСИЗМЫ В ЛАТЫШСКОМ ЯЗЫКЕ

Предположительными русизмами в латышском языке, связанными с контактами русского и латышского языков в первой половине XX в., являются латыш. *filma* 'фильм', (ср. русск. устар. *фильма*) и латыш. *televīzija* 'телевидение' (ср. русск. устар. *телевизія = телевизия*). В данной статье более подробно освещается история слова *фильма* и его дериватов в русском языке Латвии.

Русск. *фильм* (устаревшая форма *фильма*) является заимствованием из английского языка, восходит к англ. *film* 'пленка, фильм' [Фасмер ЭСРЯ IV: 194]. По отношению к русскому языку метрополии слово фиксируется в словарях с 1926 г. [Черных ИССРЯ II: 313]. Первоначально употреблялась форма женского рода *фильма*: форма женского рода объясняется аналогией с существительным *лента*, которое регулярно употреблялось наряду с новым заимствованием [Крысин 2004: 82]. Для периода 20-х годов характерно морфологическое варьирование в языке метрополии форм женского и мужского рода *фильма / фильм*; к началу 30-х годов как наиболее частотный устанавливается вариант мужского рода, хотя иногда еще встречается форма женского рода [Крысин 2004: 82, 94]. Оба варианта отмечены в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, отражающем лексику русского литературного языка 20-х – 30-х годов, в том числе новые заимствования. Ср.: *фильм, фильма* '1) тонкая прозрачная пленка со светочувствительным слоем, служащая для фотографиче-

ских или кинематографических съемок (спец.), 2) кинолента для демонстрации (спец.), 3) кинокартина' [ТСРЯ IV: 1082]. В толковом словаре русского языка, отражающем нормативную лексику второй половины XX в., — в так называемом «Малом академическом словаре» отмечена только форма мужского рода: *фильм* 'то же, что кинофильм' [МАС IV: 565].

О том, что форма женского рода в языке метрополии постепенно превратилась в архаическую форму, свидетельствует сравнительный анализ употребления двух родовых вариантов этого существительного в тематически близких статьях московской газеты «Правда» — соответственно в конце 20-х годов и во второй половине 30-х годов. В номере газеты за 1929 г. в тексте статьи о вновь вышедшем кинофильме употребляется исключительно вариантная форма женского рода (всего девять словоупотреблений), например:

хорошая фильма, является темой фильмы, название фильмы, фильма каких-либо открытий и новшеств не даёт и т. д. [«Правда», 3 апреля 1929 г.].

В публицистическом тексте одного из номеров газеты за 1937 г., также содержащем отзыв о новом фильме, все восемнадцать словоупотреблений этого существительного — это исключительно формы мужского рода:

новый фильм, фильм открывается, по воле авторов фильма, фильм не даёт представления об эпохе, фильм сделан и т. д. [«Правда», 2 ноября 1937 г.].

То, что в 20-х годах в языке метрополии обе родовые формы этого существительного были сосуществующими вариантами, доказывает, например, тот факт, что в цитируемом номере газеты за 1929 г. на странице, где помещены рекламные тексты, употребляется победившая впоследствии форма мужского рода:

«Премьера / сегодня, 3го апреля, монопольно / художественный фильм / ПРОСТЫЕ СЕРДЦА»¹ [«Правда», 3 апреля 1929 г.].

¹ В оригинальном тексте слова размещены на разных строках, переход с одной строки на другую обозначен знаком /.

В русском языке Латвии и в 20-е годы, и, что особенно важно, в 30-е годы активно употребляется форма женского рода существительного **фильма** (иногда в составе сложного слова с первой частью **кино-**). Например¹:

Кино-фильма «Еврейское общественное строительство» въ Ригѣ [«Сегодня», 2 октября 1928 г.];

Норвежское консульство в Ригѣ устроило ... закрытый сеанс **фильмы**, инсценированной по новеллѣ Кнута Гамсуна «Викторія, исторія одной любви» [«Сегодня», 5 января 1936 г.];

Латышско-финское о-во (общество)² устроило вчера въ «Сплендидъ-Паласѣ» закрытый сеанс **фильмы** «Финляндия зоветъ» [«Сегодня», 7 января 1936 г.];

Гарри Боръ в одной изъ своихъ сильнейшихъ ролей в безподобной **фильме** изъ русской жизни «Очи черныя» [«Сегодня», 20 января 1936 г.];

Вл. Стрижевский извѣстен публикѣ, въ частности, какъ режиссер картины «Тройка», но сценарій новой **фильмы** совершенно иной ... **Фильму** будут крутить подъ Вильно, тамъ, гдѣ найдутъ возможно больше зрителю [«Сегодня», 3 марта 1936 г.];

Фильма «Маленькій бенгальскій стрѣлокъ» самая постановочн.(ая) **фильма** сезона, она превзошла карт.(ину) «Бень-Гали» [«Сегодня», 1 января 1938 г.];

Вчера показывали въ Лондоне впервые **фильму** Нормана Эллей о японской бомбардировке и потопленіи американскаго военного судна «Пеней». Уже до того демонстрировались въ Лондоне другіе версіи этой **фильмы** [«Сегодня», 12 января 1938 г.];

Въ огнѣ погибли три кино-**фильмы** [«Сегодня», 4 июля 1939 г.].

Вариантная форма мужского рода хотя и встречается в языке русской газеты Латвии во второй половине 30-х годов, но крайне редко. Ее употребление в номерах газеты «Сегодня» за

¹ Примеры даны в хронологическом порядке.

² Здесь и далее приводятся в круглых скобках обычным шрифтом слова полностью или их недостающие части, если эти слова в оригинальном тексте каким-либо образом сокращены.

1936–1940 гг. ограничивается лишь отдельными случаями. При этом она встречается, как правило, в текстах, тематически связанных с пространством языка метрополии, например:

На кинофабрике Ленфильм возобновились съемки фильма «Петр I» [«Сегодня», 2 марта 1936 г.].

Причиной появления формы мужского рода может быть и инерция употребления, в этом же мартовском номере газеты встречается еще один контекст с формой мужского рода:

Почему запрещенъ фильмъ «Холостячка»...? Министръ запретилъ вывозъ фильма за границу, такъ какъ считалъ, что французенка выведена в немъ въ недостойномъ видѣ [«Сегодня», 2 марта 1936 г.].

Следует отметить, что за пределами Латвии, но вне территории метрополии для языка русских в 30-е годы характерно употребление как формы мужского рода *фильм*, так и архаичной формы женского рода *фильма*. Например, в написанном в 1935 г. в Пекине эссе Н. К. Рериха «Потустороннее» употребляется именно форма женского рода:

Если грубая фильма может запечатлеть тонкие формы, то насколько больше может, при известных условиях, воспринимать их человеческое сознание [Рерих 1992: 29].

В то же время в языке берлинских русских газет уже в начале 30-х годов активно употребляется форма мужского рода, например:

В сценаріи — море шампанскаго, пьют его непрерывно всѣ, но фильм все же остается водянистым [«Наш вѣкъ», 29 ноября 1931 г.].

В этой же газетной статье, посвященной новым фильмам, и в других контекстах употребляется исключительно форма мужского рода: *тон-фильм*, *будущность звукового фильма*, *в последнем фильмѣ*, *очередным фильмом*, *этому фильму* и т. д. [там же]. Вряд ли здесь можно предположить какое-либо влияние языка метрополии: язык русской газеты Берлина «Наш вѣкъ» отражает те же архаичные графико-

орфографические особенности, что и язык русской газеты Риги «Сегодня». Употребление формы мужского рода в контекстах берлинской газеты и активное сохранение формы женского рода в контекстах рижской газеты в 30-е годы, по-видимому, следует объяснять спецификой контактирующих языков. В немецком языке существительное *Film* является формой мужского рода, в то время как в латышском языке коррелятивное слово принадлежит к разряду имен существительных женского рода. Несмотря на то что в самом латышском языке это слово является возможным заимствованием из местного русского языка как языка-посредника (см. далее), сама ситуация контактирования с латышским языком (при оторванности от языка метрополии) могла способствовать сохранению и активному распространению в русском языке Латвии первоначальной формы женского рода *фильма*.

В латышском языке, как было отмечено, слово *filma* ‘фильм’ является существительным женского рода. В толковом словаре латышского литературного языка зафиксированы те же значения, что и для русск. *фильм* (*фильма*) в словарях русского языка: ‘1) тонкая, изготовленная из прозрачного материала лента со светочувствительной эмульсией (для фотографирования); фотофильм, 2) произведение киноискусства’ [LLVV II: 529]. Те же два значения отмечены для латыш. *filma* в современном словаре иностранных слов латышского языка, слово восходит к англ. *film* ‘пленка’ [SV 1999: 223].

Если соотносить новые заимствования латышского языка с той языковой ситуацией, которая исторически сложилась в Латвии на протяжении столетий и которая продолжала влиять на характер контактирования языков в первой половине XX в., то можно полагать, что в качестве языков-посредников для новых заимствований могли одинаково выступать русский и немецкий языки. Если англ. *film* является исконным словом (форма *film* ‘мембрана’ развилась из англосаксонской формы *filmen* ‘тонкая кожа, пленка’), то в немецком языке существительное (*der*) *Film* также является заимствованием и восходит к англ. *film* [Kluge EWDS: 197]. При этом нем. *Film* зарегистрировано в немецком языке с 1891 г. в значении ‘светочувст-

вительная целлюлозная лента для фотографирования', которое впоследствии в XX в. развилось в значение 'кинолента' [там же]. В свою очередь, латыш. *filma* отмечено в «Словаре иностранных слов» 1926 г., при этом дано косвенное указание на связь с немецким словом: нем. *Film* 'тонкая целлюлозная лента' [SV 1926: 33].

Однако следует исключить в данном случае роль немецкого языка как языка-посредника. Хотя в немецком языке слово *Film* известно с конца XIX в., оно отсутствует в авторитетном в первой половине XX в. в Латвии «Немецко-латышском словаре» Екабса Дравниекса, вышедшем в свет в 1910 г. (третье, стереотипное издание относится к 1929 г.) [Drawniek DLW]. Фактор морфологического освоения латыш. *filma* также не указывает на немецкий язык как на язык-посредник. Немецкое слово является существительным мужского рода, которое заканчивается на согласный (речь идет о большинстве падежных форм единственного числа, где нет окончаний и звуковой вид формы самого существительного совпадает с основой — *der Film, dem Film, den Film*). С точки зрения морфологической ассимиляции немецких существительных в латышском языке подобные формы должны были бы быть освоенными по другому словоизменительному типу, чем тот тип, который демонстрирует латыш. *filma* как существительное женского рода с окончанием *-a* в форме номинатива единственного числа.¹ Латышский язык столь же активно контактировал и с русским языком в первые десятилетия XX в., выступая в том числе и в роли заимствующего языка. Учитывая характер морфологического освоения, можно предположить, что латыш. *filma* заимствовано из русского языка как языка-посредника, в котором первоначальной формой была форма женского рода *фильма*.

¹ Надо отметить, что морфологическое освоение германизмов, особенно нового времени, в латышском языке практически не исследовано. Поэтому нет выводов обобщающего характера о принципах морфологической ассимиляции и адаптации, которые бы базировались на анализе широкого пласта немецких заимствований, не относящихся к древнему слою.

Как было отмечено, в русском языке Латвии эта родовая форма продолжала оставаться господствующей, что отчасти уже поддерживалось обратным влиянием латышского языка в условиях изоляции от языка метрополии.

Поддерживающим влиянием латышского языка, очевидно, следует объяснять также активное употребление в русском языке Латвии 20-х – 30-х годов дериватов, образованных от имени существительного *фильм*, — относительного прилагательного *фильмовый* и глагола *зафильмовать* ‘снять фильм’. Например:

*Германско-русский **фильмовый** конфликт* [«Сегодня», 2 октября 1928 г.];

***Фильмовая** экспедиция въ поисках снѣга и троекъ. В. Стрижевский... побывалъ въ разныхъ ателье, въ **фильмовыхъ** организаціяхъ...; приняли участие нѣкоторые представители **фильмоваго** мира* [«Сегодня», 2 марта 1936 г.];

*Публика состоитъ изъ видныхъ дѣятелей англійской **фильмовой** индустріи, артистовъ, биржевиковъ и т. д.* [«Сегодня», 2 января 1938 г.];

*Этому закону подчинены даже **фильмовые** «стары», какъ Грета Гарбо, Марлена Дитрихъ, Вилли Фричъ* [«Сегодня», 4 января 1938 г.];

*...если и будетъ разрешено **зафильмовать** казнь Гауптмана, то **фильма** должна быть сдѣлана «достойнымъ образомъ»* [«Сегодня», 18 января 1936 г.].

Прилагательное *фильмовый* не отмечено в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, отражающем лексику языка метрополии 20-х – 30-х годов. Хотя в более позднем толковом словаре это слово зарегистрировано (ср. *фильмовый* ‘прилагательное к *фильм*’ [МАС IV: 566]), узально более типичным для современного русского литературного языка является употребление или формы генитива существительного *фильм*, или, если речь идет о жизни кино, о кинопроцессе в целом, морфемы *кино-* в качестве первой части сложного слова, например: *успех фильма* вместо *фильмовый успех*, *герой фильма* вместо *фильмовый герой*, *действие филь-*

ма вместо *фильмовое действие*¹, киноиндустрия вместо *фильмовая индустрия*, киномир вместо *фильмовый мир* и т. п. Как видно, всем словосочетаниям с прилагательным *фильмовый*, приведенным в примерах из языка газеты «Сегодня», соответствуют в современном русском языке сложные слова с компонентом *кино-*. С точки зрения русско-латышских корреляций относительно прилагательному русского языка, как правило, соответствует находящаяся в препозиции к определяемому слову форма генитива существительного, например: *ziemas dienas* 'зимние дни', где *ziemas* — форма генитива существительного *ziema* 'зима'. Аналогично латышская форма генитива *filmas* (единственное число) или *filmu* (множественное число), употребляемая в препозиции, выражает значение 'относящийся к фильму (фильмам)': *filmas varonis* 'герой фильма', *filmas uzvara* 'победа фильма' и т. д. В норме современного латышского языка зарегистрированы также сложные слова *filmaktieris* 'киноактер', *filmaktrise* 'киноактриса' [LLVV II: 529], которые с исторической точки зрения представляют собой лексикализованные словосочетания и в которых первую часть составляют формы генитива существительного без окончаний. Как известно, образование такого рода сложных слов является продуктивным типом словообразования в латышском языке². Русск. *фильмовая артистка* [«Сегодня», 3 марта 1937 г.] является лексическим коррелятом по отношению к латыш. *filmaktrise*. Взаимовлияние двух языков в условиях русско-латышского контакта, как было отмечено, поддерживало активное употребление в местном русском языке слова *фильмовый*, которое как относительное прилагательное

¹ Именно с этим словосочетанием приводится иллюстративный пример в МАС: ...*создаётся ритмичное нарастание фильмового действия* [МАС IV: 566].

² В современном латышском языке также частотны и формы сложных слов с первым компонентом *kino-*, в качестве которого выступает, как и в русском языке, основа несклоняемого существительного *kino*. Например, к *filmaktieris* возможен также синоним *kinoaktieris*.

тоже употреблялось в препозиции по отношению к определяемому слову. Об этом также свидетельствуют примеры не только из языка газет. Например, в тексте мемуаров бывшего офицера белой армии, латыша по национальности Э. Дуганова-Смильгайниса, вышедших в Риге в середине 30-х годов, во многих контекстах употребляется это прилагательное:

...интимная жизнь этой **фильмовой** дивы... [Дуганова-Смильгайнис 1934: 62], **сумѣть** устроиться въ **качестваѣ фильмо-вого актѣра** на маленькя роли [там же: 63] и т. д.

Глагол *зафильмовать* ‘снять фильм’ также не зарегистрирован в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова. В отличие от прилагательного *фильмовый*, он не отмечен и в МАС. Тем не менее Л. П. Крысин упоминает это слово среди заимствований русского языка 20-х годов [Крысин 2004: 91]. Употребление этого глагола в русском языке Латвии в 30-е годы также можно объяснить поддерживающим влиянием латышского языка в рамках русско-латышского контакта. Глаголы, образованные от латыш. *filma*, принадлежат норме латышского языка: *filmēt* ‘снимать в кинофильме’, *filmēties* ‘сниматься (для кинофильма); быть снятым в кинофильме’ [LLVV II: 529]; оба глагола — *filmēt* (англ. *to film*), *filmēties* — приводятся также в современном словаре иностранных слов латышского языка [SV 1999: 223].

Другая лексема, принадлежащая к новым заимствованиям 20-х – 30-х годов, — это существительное *телевизия* (орфографический вариант в русском языке Латвии *телевизія*). Будучи заимствованием из английского языка (англ. *television*), это слово появилось в русском языке метрополии в конце 1920-х – начале 30-х годов и было, по мнению Л. П. Крысина, оформлено по одной из моделей оформления заимствованных слов — с заменой сочетания *-ion* на сочетание *-ия* [Крысин 2004: 112–113]. Слово *телевидение* возникло как параллельный вариант, который отражает субституцию компонента *-vision* компонентом *-видение*, состоящим из русских морфем; в самом начале 30-х годов слово *телевидение* стало вытеснять из

употребления первоначальный вариант *телевизия* [там же]. Очевидно, успеху слова *телевидение* в языке метрополии способствовало то, что этот вариант имел характер полукальки, то есть более освоенного слова, чем *телевизия*¹. Если в современном по отношению к той эпохе толковом словаре русского языка приводятся оба слова (ср. *телевизия* ‘то же, что телевидение’, *телевидение* ‘видение на расстоянии при помощи электрических методов связи по проводам или по радио’ [ТСРЯ IV: 669]), то в МАС отмечен только победивший вариант *телевидение* [МАС IV: 347].

В русском языке Латвии лексема *телевизия* продолжала активно употребляться и в конце 30-х годов, например:

Министерство почтъ, телефоновъ и телеграфовъ заказало аппаратуру для отправительной станціи телевизіи. ...пионеръ новаго достиженія техники — телевизіи [«Сегодня», 23 марта 1937 г.];

Чудеса телевизіи. Телевизионное общество «Скофони» собирается демонстрировать передъ міромъ науки, фильмъ и финансовъ свои достиженія. После нѣсколькихъ лѣтъ лабораторной работы оно хочетъ показать міру, что телевизія можетъ уже занять свое мѣсто въ повседневной жизни каждаго культурнаго человека [«Сегодня», 2 марта 1938 г.].

Латыш. *televīzija* ‘телевидение’, как и русск. *телевизия*, является существительным женского рода и, будучи новым заимствованием не позднее первой половины XX в., также связано с английским языком как языком-источником. На связь с английским языком этого существительного, как и существительного латыш. *televizors* ‘телевизор’, указывает, например, современный словарь иностранных слов латышского языка [SV 1999: 782]. Однако и здесь встает вопрос о языке-посреднике, учитывая контактную ситуацию латышского языка. С большой долей вероятности можно предположить, что в данном случае в качестве языка-посредника мог выступить

¹ Ср. отмеченный Л. П. Крысиным в текстах на русском языке, относящихся к периоду 20-х — начала 30-х годов, вариант полной кальки *дальновидение* [Крысин 2004: 113].

местный русский язык. Роль немецкого языка как языка-посредника следует исключить: в немецком языке аналогичное заимствование, также восходящее к английскому языку, представляет собой кальку. Нем. (das) *Fernsehen* ‘телевидение’, являясь существительным среднего рода (в латышском языке соответствующее заимствование женского рода) образовано на базе двух исконных основ — *fern-* ‘дальний, далеко’, что соответствует компоненту английского слова *tele-* и *-sehen* ‘видеть’, что соответствует компоненту *-vision* [Pfeifer EWD: 337]. Калькированию способствовало наличие своего глагола *fernsehen* ‘предусмотреть’, который в первой половине XX в. стал употребляться в современном значении ‘смотреть телевизионную передачу’ [там же]. Следует, однако, подчеркнуть, что история заимствования латыш. *televīzija* требует дальнейших уточнений, так как, с одной стороны, это, по видимому, более позднее заимствование, чем латыш. *filma*, если иметь в виду то техническое новшество, которое оно обозначает, а с другой стороны, в латышской лексикографии отсутствуют данные о хронологии распространения этого слова в латышском языке.

Поддерживающим влиянием латышского языка в ходе русско-латышского контакта объясняется активное употребление относительного прилагательного *телевизорный*, например:

Самая большая *телевизорная* отправительная станция на Эйфелевой башне [«Сегодня», 23 марта 1937 г.].

В перечне иноязычных заимствований 20-х – 30-х годов в русском языке, приводимом Л. П. Крысиным, упоминается только существительное *телевизор* [Крысин 2004: 109]¹. Причины и языковые условия латышского влияния в данном случае те же, что и охарактеризованные выше по отношению к прилагательному *фильмовый*: в латышском языке относительный признак ‘относящийся к телевизору (телевизорам)’ выражается

¹ Прилагательное *телевизорный* тем не менее фиксируется лексикографией, отражающей русский язык метрополии. Например, оно отмечено в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова [ТСРЯ IV: 669], в МАС [МАС IV: 347].

препозитивно формой генитива существительного *televizors — televizora* (единственное число) или *televizoru* (множественное число)¹.

3. НОВЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАЙМСТВОВАНИЯ ИЗ ЛАТЫШСКОГО ЯЗЫКА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ ЛАТВИИ ПЕРИОДА ПЕРВОЙ ЛАТВИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Результатом контактирования местного русского языка с латышским в изменившихся социально-культурных условиях в 20-е – 30-е годы стали новые лексические заимствования из латышского языка. Этот процесс значительно активизировался во второй половине 30-х годов (после смены власти в 1934 г.) в связи с укреплением национального государства и, следовательно, позиций латышского языка как государственного. Процесс заимствования охватил лексико-тематические группы, отражающие различные сферы общественно-политической жизни. В местном русском языке появились новые наименования профессиональных, молодежных организаций, поддерживаемых правительством. К таким заимствованиям, часто встречающимся в языке русской газеты, относятся, например, слова *айзсарги* ‘члены добровольной военной организации’, *мазпулки* ‘члены молодежной организации’, *ванаги* ‘члены военизированной организации’ (приведены формы множественного числа). Понятно, что эти слова были заимствованы в их специфически-терминологических значениях, получивших отражение в толковом словаре латышского языка: *айзсарг* — *aizsargs* [LLVV I: 108], *мазпулк(у)* — *mazpulks, mazpulki* [LLVV V: 124]². Ср. нетерминологические значения этих слов: латыш. *aizsargs* ‘защитник (в спорте)’, *vanags, vanagi* ‘сокол, соколы’, *mazpulki* букв. ‘малые полки’. Указан-

¹ С точки зрения смысла приведённого контекста из газеты «Сегодня» в современном латышском языке здесь скорее будет употребляться форма генитива существительного *televīzija* ‘телевидение’.

² Терминологическое значение слова-наименования *ванаги* — *vanagi* не получило отражения в LLVV.

ные слова были грамматически освоены местным русским языком, они выступают в различных падежных формах с соответствующими окончаниями имен мужского рода, например:

Новыя постановленія о санитарной службѣ айзсаргов... Предполагается обучить всѣхъ айзсарговъ и женщинъ-айзсарговъ оказанію первой помощи при несчастныхъ случаяхъ, а также гигиенѣ [«Сегодня», 20 января 1936 г.]¹;

Рѣчь министра внутр.(енних) дѣлъ А. Берзиня на освященіи знамени 667 мазпулка [«Сегодня», 2 марта 1936 г.];

По порученію Президента государства полк.(овник) Р. Бебрисъ посылить лагерь рижскихъ мазпулковъ [«Сегодня», 9 июля 1938 г.];

Ванаги стоят твердо за Латвію... Семья латвійскихъ ванаговъ пригласила Васъ въ качествѣ перваго въ свои ряды почетнымъ ванагомъ [«Сегодня», 5 апреля 1936 г.]

В местный русский язык активно заимствуется в этот период лексика и из других областей жизни, например, спортивная лексика. Сюда относятся такие слова, как *спортист* ‘спортсмен’, ср. латыш. *sportists*; *гроссъ* = *гросс* ‘корзина для меча (в баскетболе)’, ср. латыш. *grozs* ‘1) плетеное изделие из прутьев и т. п., 2) корзина для меча (в баскетболе)’ [LLVV III: 153]²:

Тогдашние спортсисты состязались в стрельбе из лука. И кто лучше попадал в изваяние птицы — тот считался лучшим стрелком на целый год [газета «Слово», № 705, 1927 г., цит. по: Абызов 1993: 141];

¹ В то время как в русском языке Латвии употреблялась транслитерированная форма заимствования *айзсарг(и)*, в языке газеты «Правда», в текстах, связанных с Латвией, можно встретить вариант этого заимствования — *айсарг(и)*, отражающий транскрибированную форму, например: ...и стянутых в Ригу из различных пунктов Латвии *айсаргов* [«Правда», 16 мая 1934 г.]

² Значения латыш. *grozs* указаны в соответствии со смыслом тех толкований, которые приводятся в LLVV, без их точного перевода.

Во втором хавтайме У. С. собрался съ силами, сталь догонять противника, сравнялъ счетъ и успѣлъ нѣсколько опередить Стартъ... Циновичъ успѣлъ, однако, еще забросить мячь въ *зроссь* и тѣм самымъ обогнать на одинъ пунктъ... [«Сегодня», 19 января 1936 г.].

При этом в отношении лексем русск. *спортист*, латыш. *sportists* до конца не выясненным является вопрос о направлении заимствования. Слово *спортист* отсутствует в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, отражающем, как было отмечено, лексику языка метрополии 20-х – 30-х годов. В этом словаре приводится только лексема *спортсмен*, которая как заимствование связана с англ. *sportsman* [ТСРЯ IV: 448]. В современном латышском языке употребляется только лексема *sportists* (форма женского рода — *sportiste*): именно она зафиксирована в толковом словаре латышского языка [LLVV VII₂: 133] и в современном словаре иностранных слов латышского языка, где указывается на связь латышского слова с нем. *Sportler* ‘спортсмен’ [SV 1999: 745]. Вместе с тем в словаре иностранных слов латышского языка середины 20-х годов отмечены два варианта — *sportmenis* (приводится в качестве словарного слова) и *sportists*; при этом дается указание на английское слово [SV 1926: 181]. В уже упоминавшемся «Немецко-латышском словаре» Екабса Дравниекса, первое издание которого относится к началу XX в., для нем. *Sportliebhaber* букв. ‘любитель спорта’ приводятся два соответствия — латыш. *sportsmens* и выражение латыш. *sporta zeenitajs* = совр. *sporta cienītājs* ‘поклонник спорта’ [Drawniek WLW: 1017].

По-видимому, употребление этого слова в русском языке Латвии можно рассматривать как результат влияния латышского языка, в котором, несмотря на первоначальные колебания, предпочтение было отдано варианту *sportists*. Для языка русской публицистики тех лет характерно вариативное употребление лексем *спортист* и *спортсмен*, даже в границах одного текста. Например:

В воскресенье, 12 июня, программа праздника началась в 12¹/₂ часов дня ШЕСТВНЕМ РСС Латвии и рабочих *спортистов* иностранцев. В ше-

ствии участвовали все рижские отделы РСС, много делегаций провинциальных отделов, германские, австрийские, чехословацкие, финские и российские делегации спортсменов... [«Трудовая жизнь», 16 июня 1927 г.];

Наш праздник — свидетельство величайшего единения рабочих спортсменов (из речи) [там же];

Под звуки четырех объединенных оркестров мимо трибун проходят рабочие спортсмены [там же].

Заемствования, связанные с контактированием русского и латышского языков в первой половине XX в., их отражение в лексикографии, характер их варьирования в текстах на русском языке, прежде всего в языке газет, свидетельствуют о сложной картине взаимодействия двух языков в условиях новой языковой ситуации. Можно говорить и о заимствованиях в латышском языке из местного русского языка, и о связанном с этими заимствованиями обратном влиянии латышского языка, в результате которого активно употреблялись в русском языке Латвии 20-х – 30-х годов слова и варианты, вышедшие из употребления или отсутствующие в русском языке метрополии. Благодаря контактам с латышским языком в местном русском языке стали также употребляться новые заимствования и варианты интернациональных заимствований, неизвестные языку метрополии. Эти, как и многие другие, черты придают своеобразный с точки зрения варьирования во времени и пространстве облик русскому языку в Латвии того времени.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

Газета «*Наш вѣкъ*». Берлин, 1931–1933 (Государственная библиотека в Берлине).

Газета «*Правда*» Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков). Орган Центрального Комитета и МК ВКП(б). Москва, выходит с 1917 г. (БАН, Санкт-Петербург).

Газета «*Сегодня*». Рига, 1919–1940 (Латвийская Национальная библиотека, Рига).

Газета «*Трудовая жизнь*». Издание Центрального Бюро Профсоюзных Союзов и союза железнодорожников Латвии. Рига, выходила с 1922 г. (Государственная библиотека в Берлине).

- Дуганов-Смильгайнис Э. 1934 — *Красная книга*. Rīga.
 МАС — *Словарь русского языка* (МАС). Под ред. А. П. Евгеньевой.
 В 4-х т. 2-е изд., испр. и доп. Москва, 1981–1984.
 Рерих Н. К. 1992 — *Обитель света*. Москва
 ТСРЯ — *Толковый словарь русского языка*. Под ред. Д. Н. Ушакова.
 В 4-х т. Москва, 1935–1940.
 Фасмер ЭСРЯ — Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. В 4 т. Москва, 1986–1987.
 Черных ИССРЯ — Черных П. Я. *Историко-этимологический словарь современного русского языка*. В 2-х т. 4-е изд., стереотип. Москва, 2001.
 Drawniek DLW — *Deutsch-lettisches Wörterbuch*. Bearbeitet von J. Drawniek. Dritte stereotypierte Auflage. Riga, 1929.
 Kluge EWDS — Kluge F. *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*. 18. Aufl., bearbeitet von W. Mitzka. Berlin, 1960.
 LLVV — *Latviešu literārās valodas vārdnīca*. 1.–8. sēj. Rīga, 1972–1996.
 Pfeifer EWD — *Etymologisches Wörterbuch des Deutschen*. Erarbeitet unter der Leitung von Wolfgang Pfeifer. 4. Auflage. Berlin, 1999.
 SV 1926 — *Svešvārdu vārdnīca*. Sakārtojis E. Ozoliņš, rediģējis J. Endzelīns. Rīga, 1926.
 SV 1999 — *Svešvārdu vārdnīca*. Red. J. Balduncīks. Rīga, 1999.

ЛИТЕРАТУРА

- Абызов Ю. И. 1993 — *От Лифляндии — к Латвии: Прибалтика русскими глазами*. Т. I. Составитель и автор примечаний Ю. И. Абызов. Москва.
 Абызов Ю. И. 1997 — 20 лет русской печати в независимой Латвии. *Русские в Латвии: история и современность*. Составитель И. И. Иванов. Научный редактор Б. Ф. Инфантьев. Выпуск 2. Рига. С. 3–33.
 Кошкин И.С. 2007 — Исторические контакты русского языка в Латвии. *Мир русского слова и русское слово в мире*. XI конгресс МАПРЯЛ. Т. 3. София. С. 102–109.
 Крысин Л. П. 2004 — *Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике*. Москва.
 Семенова М. Ф. 1973 — *Русско-латышские языковые связи*. Учебное пособие. Рига.

- Семенова М. Ф. 1977 — Из истории языковых взаимоотношений в городе Риге. *Контакты латышского языка*. Рига. С. 192–214.
- Breidaks A. 2007 — К вопросу о фонетической интерференции в Латвии. *Darbu izlase*. 2. sējums. Rīga. С.134–138.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- англ.* — английский язык
букв. — буквально
латыш. — латышский язык
нем. — немецкий язык
русск. — русский язык
совр. — современная форма
устар. — устаревшая форма (слово)

VE NE KEELE KONTAKTID LÄTIS 20. SAJANDI ESIMESEL POOLEL

Igor Koškin

Vene keele kontaktid läti keelega 20. sajandi esimesel poolel, eriti Läti Vabariigi esimesel iseseisvusperioodil (1918–1940), väärivad erilist tähelepanu. Need kontaktid olid vastastikused, kahepoolised: kohalik vene keel võis olla nii lähtekeeleks läti keele suhtes (faktiliselt vahenduskeel uute laenude jaoks), kui ka keel, mida mõjutas ühiskonnas aktiivse positsiooniga läti keel. Neid protsesse pole erinevalt 20. sajandi teise poole ja kaasaja keeles praktiliselt uuritud.

Oletatavad russismid läti keeles, mis on seotud vene ja läti keele kontaktidega 20. sajandi esimesel poolel, on lätikeelne *filma* ‘фильм’ (film) (võrdle venek. van. *фильма*) ja *lätik. televīzija* ‘телевидение’ (televiisioon) (võrdle venek. van. *телевизия*). Käesolevas artiklis heidetakse põhjalikumalt valgust sõna *фильма* ajaloole ja selle tuletistele Lätis: omadussõnale *фильмовый* ja venekeelsele tegusõnale *зафильмовать*. Omadussõna ja tegusõna aktiivset kasutamist möödunud sajandi 30-te aastate kohalikus vene keeles vaadeldakse kui mõjutust toetavat vene-läti keelekontaktis.

Muutunud sotsiaal-kultuurilistes oludes olid kohaliku vene keele kontakteerumise tulemuseks läti keelega uued laensõnad läti keelest. Laenamise protsess hõlmas leksikaal-temaatilisi grupe, mis peegeldasid erinevaid sotsiaalse ja poliitilise elu valdkondi. Kohalikku vene keelde imbu-

vad lätikeelsed spordileksika sõnad, eelkõige hakatakse läti keele mõjul kasutama sõna *спортист* 'спортсмен' (sportlane), võrdle lätik. *sportists*. Poliitleksikast olid laenatud sellised sõnad nagu *айзсарги* 'vabatahtliku sõjalise organisatsiooni liikmed', *мазпулки* 'noorteorganisatsiooni liikmed', *ванаги* 'sõjaväestatud organisatsiooni liikmed'.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ДИАЛЕКТНОЙ ЭТИМОЛОГИИ (на материале говоров староверов Причудья)

Ю. С. КУДРЯВЦЕВ

Активное употребление в современных говорах староверов Причудья и родственных им диалектах коренного русского населения стран Балтии таких лексем, которые имеют древние корни, но по разным причинам не усвоены литературным языком, ставит вопрос о научной разработке наличного языкового богатства, определении и разъяснении происхождения диалектной лексики. Решение данной задачи актуально для всего русского словарного запаса в той части, которая ограничена территориальными рамками (литературный язык в этимологическом аспекте получил уже основательное освещение). Но в плане нашего краеведения она стоит остро в связи с ситуацией указанных говоров как расположенных в диаспоре. Анализ архаических пластов лексикона помогает выявить и очертить культурно-исторические корни староверской общины Эстонии. Настоящая публикация содержит некоторые материалы к будущему этимологическому словарю местных говоров и является вкладом в решение этой задачи.

Предлагаемые материалы расположены в алфавитном порядке, как это принято в лексикографической практике.

АБЛАВУК, АБЛАУК 'разиня, растяпа' [Материалы 1963: 17]. Фонетическое изменение краткой формы прил. *облоухий*. Сравнение с фамилией персонажа у Андрея Белого *Аблеухов* указывает на сложное, двухкорневое образование

(два варианта соединительного гласного, *o* и *e*). Первую производящую основу находим в *облый* 'округлый', в котором **bv* упростилось в [v]; это слово первоначально означало 'обваленный' [Ф. III: 103]. Вторая производящая основа наличествует в сущ. *ухо*. Таким образом, *облоухий* по внутренней форме совпадает с *вислоухий*: с обваленными, обвислыми ушами. Первоначально, по-видимому, являлось термином собаководства. Не родственно *оплеуха*, которое происходит от *плевать* и сблизилось по значению с *ухо* по народной этимологии.

АПРИКЛЫЙ 'надоедливый, назойливый' [Материалы 1963: 20]. Правильнее *оприклый*. Родственно нар. и предл. *опричь*, сущ. *опричник*. С тем же суффиксом, но с другими корнями: *про* - к, (*по*)*пере* - к [Ф. III: 373, 386, 238]. Во всех приведенных случаях в качестве исторических корней выступают морфемы, в современном языке играющие роль приставок: *при-*, *про-*, *пере-*.

БОРОНКА 'лошадь на третьем году' [Материалы 1963: 33]. Возрастное наименование лошади может быть связано с ее готовностью к труду. Предположение о том, что мы имеем дело с суффиксальным производным от *борона* 'сельскохозяйственное орудие', подтверждается наличием в говоре синонимичного обозначения *лошадь всоух* [там же: 52].

БУРДАДЫН 'громоздкий, неповоротливый человек' [Материалы 1963: 39]. Это необычно звучащее слово заимствовано из польск. *bernardyn* 'монах-бернардинец'. См. дополнение О. Н. Трубачева к [Ф. I: 126].

БУРЙЛА бранное слово [Материалы 1963: 39]. Образовано по модели *воротила*, *кутила*, *мазила* (неодобрительно) от диал. *бурить* 'бросать, валять, разрушать'. По мнению М. Фасмера, это слово происходит от *буря* [Ф. I: 244]. Вероятно, истонно родственно лат. *фурия* [см. Ф. I: 250] 'богиня гнева'.

ВОРОБЬИ 'вареные комочки из муки, изготовленные на терке [по-видимому, речь должна идти о кусках теста, обработанных на терке и затем сваренных. — Ю. К.]' [Материалы 1963: 50].

Внешне сходно с названиями похожих кулинарных блюд *галушки*, *галки*, но напрашивается сопоставление с постоянным эпитетом свадебного каравая *каравай-воронай*. Замена *п* на *б* может объясняться народной этимологией и влиянием сущ. *воробей*. В таком случае первоначально *воропьи* от др.-рус. архаического глагола I класса *вьрпу*, *вьрпсти* [Срезневский I: 462] в значении 'рвать'. Ср. *драчены*, *драники* от *драть*. Исследования Е. Е. Королевой, С. М. Данильченко-вой, А. Косоротовой-Чудаевой и др. показывают, что ведущим способом словообразования при формировании диалектных кулинарных терминов является отглагольный, причем мотивация связана с физическим действием, прилагаемым при изготовлении блюда к кулинарному сырью. Наше диалектное слово проясняет первоначальную конкретно-физическую семантику сущ. *воронай*, которое раньше связывали со значением *вьрпу* 'грабить', см. [Ф. I: 354; ЭССЯ 11: 115–116]. В связи с этим перспективным выглядит объяснение самого сущ. *каравай* через и.-е. корень со значением 'резать', данное Ю. В. Откупщиковым, см. [ЭССЯ 11: 116].

ВЫПОЛОТЬ 'высеять с целью удаления шелухи зерен' [Материалы 1963: 59]. Рус. литературное *полоть*, *полю* испытало семантическое заражение со стороны другого глагола, представленного, напр., ст.-сл. *плѣти*, *плѣвж*, и получило значение 'удалять сорняки'. Наше диалектное слово сохранило первичное значение 'отделять, разрывать, раскалывать', которое представлено, напр., в нем. *spalten*. См. другие соответствия в [Ф. III: 317]. Глагол **politi*, *poljo* относится к небольшой группе неправильных глаголов III класса вместе с *бороть*, *борю*, *колоть*, *колю* и имеет редуцированное соответствие в чеш. *plapolati* 'гореть (звуковая метафора)', что вместе с вокализмом **o* свидетельствует об и.-е. древности. Что касается *плѣвж* и др., то они несомненно родственны *полова*, *плевелы*, лтш. *spilva* 'шелуха', далее, возможно, *пепел* / *попел*.

ВЫЗВЯГАТЬ 'выпросить, выклянчить' [Материалы 1963: 56], *позвягать* '1) полаять; 2) попросить неотступно, поклянчить'

[там же: 233]. Приставочные производные от глагола *звягать*, *звягу*, см. [Ф. II: 88]. Глагол **ЗВАГЖ**, **ЗВАШТИ** известен уже в ст.-сл. Родственно *звон*, *звенеть*, *звук*. Корень **zven-* расширился через соотносительные по звучности *г* и *к*, что могло указывать на звукоподражательные тенденции в развитии слова. Отсюда также распространенная фамилия *Звягинцев*.

ВЫШТУРИТЬ, **-ПУТЬ** 'прогнать, вытурить' [Материалы 1963: 62]. Созвучно, но не связано с *турить*, *турнуть*. (*Выштурнуть* заимствовано из польск. *szturchnąć* 'толкнуть, подтолкнуть, пихнуть' с упрощением группы согласных; затем вторично развилось *выштурить*.)

ЖЕЛУБАТЬ 'есть (о животных и птицах)' [Материалы 1963: 89], здесь же *нажелубаться* 'наестся' [165]. Это редкое слово ценно в лингвистическом смысле тем, что наглядно демонстрирует родство сущ. *голубь* и *желудок*. С первым его объединяет суффикс, со вторым корень; в *голубь* представлена качественная ступень аблаута, в *желубать*, *желудок* — исходная.

Другие суффиксы (или расширения) представлены в *желтый* и *желчь*. Мы вслед за А. Мейе, А. Вайаном, Остен-Сакеном и др. считаем вариант *желчь* праславянским. Развитие значений исходит из последнего и идет, с одной стороны, к *желудок*, *желубать*, с другой — к *голубь*, название которого может быть объяснено только по цвету (в слав. связано с *желтый*). См. комментарии О. Н. Трубачева в [ЭССЯ 6: 216–217] в связи с лат. *columba* и *palumbēs*.

ЗАГÁИТЬ 'запутать, перепутать' [Материалы 1963: 96]. Связано с *гоиться*, *жить*. См. [ЭССЯ 6: 84–85, на **gajiti* I]. Знач. 'путать' происходит из 'теребить, трепать'. Последнее восходит к термину первобытного фаллического культа (ср. ц.-слав. *гоило* 'то, что дает жизнь (о мужском члене)' [там же: 195]). Семантическое развитие аналогично *копос* 'семя' → *копошиться*. См. [ЭССЯ 11: 23].

ЗАКАСАТЬ / ЗАКАСИТЬ ‘засучить’ [Материалы 1963: 98]. Судя по значению, заимствовано из польск. (стар.) *kasac* ‘закатывать, засучивать, подтыкать’, о котором см. [ЭССЯ 9: 155].

ЗАПРЕСТИТЬ ‘запретить’ [Материалы 1963: 102]. Новообразование со вторичным рядом чередования. Литературное *запретить*, *запрещу*, *запрещать*, *запрещен* имеет ц.-слав. огласовку. Носители говора заменили не характерное для бытовой речи чередование *щ/т* на *щ/ст* по образцу *пустить* / *пущу*.

ЗАСО́НЬЕ ‘тень, теневая сторона’ [Материалы 1963: 104]. Собственно, *засольне* с непроизносимым согласным, ср. аналогично *солнце*.

ЗАТО́ХСЯ ‘задохнулся’ [Труды 1970: 191]. А. И. Синица через блр. диал. *зато́хнуцца* ‘задохнуться’ (отмечено у Г. Ф. Юрченко) возводит эту форму к корню *-дох-*, родственному *-дух-*, *-дых-*, *-дх-*, с общим значением ‘дышать, дыхание’. Между тем чередование *т/д* характерно для слабых фонетических позиций — конца слова и положения перед шумными согласными. В данном случае мы имеем сильную позицию, перед гласным звуком, что позволяет усомниться в правильности отождествления диал. *-тох-* и литер. *-дох-*.

Примеры, приводимые автором статьи, недостаточно специфичны для того, чтобы произвести точное толкование значения. Их два: *Сыно́к мой зато́хся в Либáвы ат бамб'ошки. Лéтыс' йейный мужы́к зато́хся* [там же]. Особенно первый пример заставляет подозревать, что речь должна идти о значении ‘погиб, умер’, а не о более частном ‘умереть от невозможности дышать’ [там же].

Попытка связать корни *-тох-* и *-дох-* через контаминацию *тхнуть* и *дохлый* отмечена у Н. Иокля [см. об этом Ф. IV: 89]. Но большинство этимологов различает три или даже четыре корня:

-дх-, *-дох-*, *-дух-*, *-дых-* со значением ‘дышать, дух’;

-тх-, *-тух-*; возможно, также **-тох-* [см. Ф. IV: 128] ‘портиться, протухать’; сюда рус. *тухлый*, вероятно *затхлый*, возможно диал. *тохлый*, *тохнуть* [см. Ф. IV: 89];

-*тух*- ‘гаснуть, гасить’.

При наличии и.-е. дифтонгического вокализма **ou* > слав. [u] нулевая ступень аблаута будет выглядеть без продления как -ъ-. Выпадение ера в слабой позиции ведет к двусмысленности возникающего сочетания согласных, ср. укр. *txip* и словен. *dəhōg* ‘хорь’, рус. *задхлый* и *затхлый*. В случае ‘хорь’ она разрешается благодаря наличию древних свидетельств о звуке [d]: рус.-цслав. *дъхорь*, др.-чеш. *dchor* [Ф. IV: 270], что позволяет однозначно реконструировать праслав. **dъchorь*, связанное с *дух*, *дохнуть* [там же]. В случае же *зад[т]хлый* возможная ассимиляция согласных ведет специалистов к спорам, ср. противоположные мнения Э. Бернекера, А. И. Преображенского, с одной стороны, Н. В. Горяева и М. Фасмера, с другой [Ф. II: 74, 83; Ф. IV: 89, 128].

В отличие от этого обсуждаемая нами форма фонетически однозначна. Мы не вдаемся здесь в сложные вопросы о носовых вариантах корня -*тух*- ‘портиться’ и о взаимных отношениях этого корня и -*тух*- ‘гасить, гаснуть’; последние два могут быть не омонимами, а результатами расходящегося семантического развития. Решение этих вопросов потребовало бы серьезного анализа слав. и и.-е. языкового материала. Ограничимся сопоставлением диал. *затохся* и общеслав. **-tuch-* с первоначальным значением ‘успокаивать(ся)’ [Ф. IV: 128].

Последнее имеет надежные и.-е. соответствия. Они характеризуются значением ‘тихий, успокаивать(ся)’. Эту первичную семантику сохранило словен. *potúhñiti*, *-túhñem* ‘потухнуть, утихнуть’ [там же]. Другие слав. языки развили новые оттенки значения, из которых преобладает ‘гаснуть, гасить’.

Обсуждаемое нами слово несомненно связано с данным гнездом. Форма является правильным развитием более ранней **затъхль* (са). С точки зрения значения связь ‘умер’ ~ ‘успокоился’ весьма надежна. Ср. хотя бы рус. литер. *успокоился*, *обрел вечный покой*, ц.-слав. *почил в бозе*.

Диал. *затохся* оказывается при таком толковании весьма любопытным архаизмом. Семантически оно непосредственно связано с первоначальным общеи.-е. значением. Фонетически

оно демонстрирует нулевую ступень вокализма, которая в славянском в данном корне обычно не проявляется, ср. примеры у М. Фасмера [там же], а в и.-е. материале богато представлена, нпр.: др.-прусск. *tusnan* 'тихий', др.-инд. *túṣyati* 'он доволен', авест. *tušna-*, *tūšni-* 'тихий' и др.

ЗАТЯМИТЬ 'заметить' [Труды 1970: 191]. От *тям* 'понимание, разум, память', см. [Ф. IV: 140].

Славянские слова не могут быть заимствованы из лит. *tēmytis*, лтш. *temēt*, *-ėju* по причине своего широкого распространения: в воронежских, тамбовских, донских говорах и в укр. языке. Напротив, указанные балтийские глаголы пришли из слав., см. литературу вопроса у [Ф. IV: 141].

(За)тямить, *тям* не попали в русский литературный язык, между тем, судя по родственным др.-греч. формам *τημελέω* 'забочусь, охраняю', *τημελής* 'усердный', они — часть и.-е. лексического наследия. Сомнения в этом М. Фасмера неоправданны. Вокализм современных восточнослав. форм отражает довольно широко распространенную ассимиляцию гласного *b̄* (<*ē) последующему носовому согласному, с возникновением ринезма *ē > ę и дальнейшим развитием в [’а]. Судя по балтийским словам, этот процесс осуществился позднее их заимствования из слав. Греч. слова также отражают первоначальный долгий *ē > η.

КАРШЁНЬ 'затылок' [Материалы 1963: 117]. Правильнее *коршёнь*. Не связано непосредственно с заимствованным *карк* [см. там же: 116]. Не имеет отношения к *каршеть* [см. там же: 116]. Этимологически тождественно диал. *каршёнь* 'удар кулаком', *каршёнь*, *коршень* 'ласточка' [ЭССЯ 13: 241]. Эти слова представляют собой независимые производные с одинаковым суффиксом *-ень* от разных значений диал. *корх* 'горб; кулак; пригоршня'; см. [там же: 215].

Разнообразие значений объясняется большой — и.-е. — древностью корня, обозначавшего первоначально вращательное движение. Как указывает О. Н. Трубачев, значение 'шейный сустав' часто связано со значением 'вертеть, крутить'

[там же: 218, 219]. Тот же образ может лежать в основе названия согнутых пальцев. Ласточка названа этим словом по форме крыльев.

С формальной и содержательной точек зрения убедительна реконструкция Э. Бернекера **kьrk-so-* > *kьrcho-*. Возражения М. Фасмера вызваны, по-видимому, наличием рус. диал. *корг*, но оно приведено А. А. Шахматовым с пометой курск. и может являться гиперизмом в связи с южнорусским [γ]. См. [Ф. II: 340]. М. Фасмер также против широкого толкования семантики слова, но эти затруднения преодолены О. Н. Трубачевым. Неясно, почему последний сомневается в связи с корнем **kьrk-* [ЭССЯ 13: 215]. Несомненно, др.-инд. *kṛkātam* 'шея', галльск. *cricon* 'горло', польск. *kark* 'шея' [см. там же: 219] и рус. диал. *каршень* 'затылок' восходят к единому корню. Сюда же относятся *корчить*, *закорки* и ряд других.

КЛЕВЕЦ² 'неудачно испеченный, нерыхлый хлеб' [Материалы 1963: 121]. Правильнее *кliweц*, судя по псковск. *кливьѣ* 'ботва' [см. ЭССЯ 13: 187], зап.-слав. **klěti* (*se*) 'прорастать' [там же: 185], далее к *кол* и *колоть*. Первоначальный смысл: из испорченного, проросшего зерна.

ЛУБ 'домик' [Материалы 1963: 147]. Странное значение общерусского *луб* (обычно 'кора') объясняется благодаря обращению к историческим данным. В одном памятнике письменности, относящемся к XVI в., отмечено слово *луб* в значении 'сделанный из луба кузов саней', см. [ЭССЯ 16: 157]. Развитие значения сначала шло по линии смежности (метонимия), а затем в нашем говоре оно претерпело расширение. Ср. пример в [Материалы 1963: там же]. Т. о., слово носит исконный характер. Связано с *луб* и менее надежно с *лупить*. Имеет соответствия в и.-е. языках: лит. *lubà* 'тесина, доска', лтш. *luba* 'луб', др.-исл. *laupr*, др.-англ. *léap* 'корзина, верша', др.-верх.-нем. *louft* 'кора, лыко', *louba* 'навес', лат. *liber* (<*lubro-*) 'лыко, книга' [Ф. II: 526].

ЛЫНДЫ (бить) ‘бездельничать, бить баклуши’ [Материалы 1963: 148]. Сущ. *лында* известно в изолированном употреблении и означает ‘лентяй’. Вопреки внешнему созвучию, не имеет отношения к *лень*, а родственно гл. *отлынивать*, *лытать*, нем. *Lotter* ‘лентяй’ и некоторым уже исчезнувшим словам старых и.-е. языков, см. [Ф. II: 542].

Оборот *бить лынды* интересен своим синтаксическим параллелизмом по отношению к *бить баклуши* ‘то же’. Последнее М. Фасмер признает неясным [Ф. I: 110] в этимологическом отношении. Имеется обширная литература, большинство авторов исходят из прямого значения *бить* как физического действия. Выражения *бить лынды*, *гонять лодыря* показывают, что это не обязательно. Можно высказать предположение, что загадочное *баклуша*, как и *лында*, *лодырь*, могло первоначально означать ‘лентяй’. В таком случае его позволительно связать с *клуша* ‘наседка’, перен. ‘хлопотливая, мелочная женщина’, с экспрессивной приставкой *ба-*.

МЫЩЕЛКА ‘место сгиба пальца (руки)’ [Материалы 1963: 159–160]. См. [Ф. III: 28]. Невероятно высказанное там предположение о сложении *мышь*+*чело*. Может быть непосредственно сопоставлено с лат. *mūsculus*, если это последнее реконструировать как **mūs-k-l-*. Ср. *мослы* (< **mъskly*), *мостолыга* (< **mъsklyga*), *мосяк*, *моклак* (если из **мослак*).

НАСАЛИТЬСЯ ‘намучиться, навозиться’ [Материалы 1963: 170], *поса́литься* ‘повозиться, помучиться’ [там же: 244]. Связано с названием распространенной народной игры *салочки*, *салки*. Далее родственно блр. *сало́ха* ‘дурак’, рус. диал. *са́ло* ‘вялый человек’. Эти оценочные слова, как и конкретно-физическое *са́ло* ‘телесный жир’, происходят от глаг. *саде́тъ* с упрощением группы согласных **dl > l*, см. [Ф. III: 550]. Пейоративный оттенок, явственный в большинстве приведенных выше слов, был, по-видимому, характерен в праславянском языке уже для производящего глагола, что подтверждается семантикой других производных: *досада*, *насада*.

НАТОРГАТЬ ‘натаскать, надергать’ [Материалы 1963: 174]. Древнее слово. Родственно *восторг*, *исторгнуть*, *терзать*,

имеет соответствия в санскрите: др.-инд. *trṇēdhi* 'раздробленный, разбитый', перфект *tatarha*, перфектное страд. прич. *trdhas*, см. [Ф. IV: 83]. В нашем диалектном слове интересно значение собирательности, позволяющее предположительно связать его с *торг*, *торговать*, которые до сих пор не получили убедительного разъяснения, см. [Ф. IV: 82]. С морфологической точки зрения существенно чередование **tʲɔrg-* / **tʲɔrg-* (-*торгать* / *терзать*), совпадающее с лит. *turgus* 'рынок' / лтш. *tirgus* 'то же'.

НОВЁНКА, уменьшит. от *новина* 'кусоч домотканого полотна' [Труды 1970: 91]. Не связано с *новый*. Правильнее *навинка*, *навина*. Производное с приставкой *на-* от глагола *вить* в значении 'ткать'. С другой ступенью аблаута в корне: *повойник*.

ОБОЙТИ 'прорасти, дать ростки, всходы' [Материалы 1963: 186]. Связано с *вить*, *виться*: **ob-voɫ-i-ti*; с тем же вокализмом: *повойник*.

ПОСКУБАТЬ 'пошипать' [Материалы 1963: 244–245]. От *скубу*, *скусть* 'драть (за волосы); ошиповать (птицу)', см. [Ф. III: 660]. Древний корень имеет широкие и.-е. соответствия, см. [там же]: др.-верх.-нем. *scioban* 'двигать', лит. *skubrùs* 'быстрый', др.-инд. *kṣubhyati* 'качается, дрожит', новоперс. *ā-šuftan* 'приводить в движение' и др.

ПРАБОРОЗДОК 'борозда, канавка между двумя грядками' [Материалы 1963: 252]. От глагола *пробороздить* с характерным для балто-славянского материала продлением гласного во вторичной приставке **prō-* > *prō-* > *prā-*, перетягивающей на себя ударение, см. [Кудрявцев 1996: 128–130].

СКАНЕЦ 'мучная лепешка, начиненная подслащенным творогом' [Труды 1970: 81]. От глагола *скать* 'сучить (нитки), раскатывать тесто'. См. [Ф. III: 635].

СПОРЙНКА 'сросшиеся два колоса' [Труды 1970: 92]. Вряд ли от *пара*, поскольку последнее представляет собой позднее заимствование из зап.-европ. языков. Скорее от *спорый*, ср. значения др.-рус. *споръ* 'обильный', болг. *спор* 'прибыль, урожай', а также родственный глагол с характерным

значением *спеть* 'созревать'. Семантика изобилия, богатства, удачи фиксируется у корня *спор-* уже в древнейшие времена: др.-инд. *sphirás* 'тучный, обильный, богатый', лат. *prosper* 'счастливый, благоприятный'. Ср. также поверье о том, что цветок сирени с лишним пятым лепестком приносит счастье.

ЩВÉЛКА 'шелка, щель' [Псков. говоры 1962: 82]. Вопреки созвучию, не родственно *щель*. Однокоренными словами являются *скула*, чеш. *skulina, škulina* 'щель, трещина, отверстие' [Ф. III: 662] с вокализацией **w* при нулевой ступени вокализма.

На базе значения 'раскалывать' возможно развитие семантики 'кислый', ср. схожие семантические отношения в паре *щель* ~ *щелочь*. Поэтому допустимо видеть тот же корень в польск. *szczwiól* 'болиголов крапчатый', проблематичном рус. *щавель* (с допущением перестановочного аблаута), в неразъясненном М. Фасмером сущ. *скунец* 'муравей' [там же] < мн. ч. **скулницы* с упрощением группы согласных как в *солнце*.

* * *

Распределение активного и пассивного лексического запаса отличается в диалектной речи от того распределения, которое нам привычно по литературному языку. Приведенные материалы свидетельствуют о сохранении в староверской языковой среде элементов лексикона древнего, исконного происхождения. Это позволяет в ряде случаев по-новому решать старые этимологические проблемы, но в целом подтверждает и детализирует сложившуюся в компаративном языкознании картину родства слов. И, безусловно, такое научно-историческое изучение подчеркивает особенности речевой практики староверских общин.

ЛИТЕРАТУРА

Кудрявцев Ю. С. 1996 — *Очерки по русской исторической фонологии и морфонологии*. Tartu.

- Материалы 1963 — Немченко В. Н., Синица А. И., Мурникова Т. Ф. *Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики*. Рига.
- Псков. говоры 1962 — *Псковские говоры I*. Псков.
- Срезневский — *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*. СПб., 1893.
- Труды 1970 — *Труды прибалтийской диалектологической конференции 1968 г.* Tartu.
- Ф. — Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. Москва, 1986–1987.
- ЭССЯ — *Этимологический словарь славянских языков*. Москва, 1974.

MURDEETÜMOLOOGIA AKTUAALSEID KÜSIMUSI (Peipsiveere vanausuliste murde näitel)

Jurij Kudrjavisev

Käesolev artikkel uurib Peipsi vanausuliste kaasaegseid murdeid ja Balti riikide venekeelsete põliselanike sugulasmurdeid. Neis kasutatakse aktiivselt iidsete tüvedega lekseeme, mis erinevatel põhjustel pole jõudnud kirjakeelde. See tõstatab küsimuse olemasoleva keelerikkuse teaduslikust uurimisest, dialektisõnavara tuvastamisest ja selle päritolu väljaselgitamisest. Probleemi lahendus on oluline kogu vene keele sõnavara jaoks, eriti aga selle sõnavaraosa jaoks, mis on territoriaalselt piiratud (kirjakeele etümoloogiat on juba põhjalikult uuritud). Kuid meie koduloo uurimise vaatevinklist on see probleem eriti terav seoses nimetatud murrete asumisega diasporaas. Leksikoni arhailiste kihtide analüüs aitab tuvastada ja määratleda Eesti vanausuliste kogukonna kultuurilisi ja ajaloolisi juuri. Käesolev publikatsioon sisaldab mõningaid materjale tulevase kohalike murrete etümoloogilise sõnaraamatu jaoks ning on seega panus antud probleemi lahendamisse.

Artikkel käsitleb järgmiste sõnade päritolu: *аблаук, аблаук, априк-лий, боронка, бурдадын, бурида, воробыи, выполоть, вызвягать, выштурить, выштурнуть, желубать, загаить, закасать / закасать, запрестить, засонье, затохся, зятяमितь, каршень, клевец, луб, лынды, мыцелка, насалиться, наторгать, новинка, обойти, поскубать, прабороздок, сканец, споринка, цвелка*.

Aktiivse ja passiivse sõnavara jaotumus murdes erineb sellest jaotumusest, millega oleme harjunud kirjakeeles. Materjal näitab et vanausulis-

te keelekeskkonnas on säilinud vanu, põlissõnavara elemente. Mõnel juhul võimaldab see tegeleda vanade etümolooiliste probleemidega uuel moel, üldiselt aga kinnitab ja täpsustab komparativistikas kujunenud sõnade suguluse pilti. Selline teadusajalooline uurimine rõhutab vanausuliste kogukondade kõnepraktika eripära.

К ПРОБЛЕМЕ ИСТОРИИ И КРИТИКИ ПЕРЕВОДА С РУССКОГО ЯЗЫКА НА ЭСТОНСКИЙ

С. КУПП

Перевод всегда был и будет актуальной темой, пока существует коммуникация между разными народами, языками и культурами. Мы должны знать и понимать правила этой коммуникации и способствовать тому, чтобы она была успешной, а взаимопонимание полным и адекватным. Цель данной статьи — дать краткий обзор истории перевода с русского на эстонский язык и некоторых его проблемах.

Прежде всего, следует определить, что имеется в виду под понятием «история перевода», так как П. Тороп выделяет в своей докторской диссертации несколько разных вариантов: «является ли она историей переводческих произведений (что когда переведено), или она должна выявить уровень качества переводов в разные периоды, или она должна стать историей методов перевода, или это история переводческой мысли и т. д.» [Тороп 1995: 34]. В данной статье история перевода рассматривается в первую очередь как деятельность в целом, и уточняется, в каких условиях она возникла и как развивалась.

Нельзя забывать о том, что в определенные периоды русский язык играл чрезвычайно важную роль в жизни Эстонии. В настоящее время русский официально не используется, например, в качестве языка делопроизводства, однако по данным переписи 2000 г. русский является родным или основным языком общения почти для 30% населения страны. Им пользуются также другие жители страны, в том числе и эстонцы, для кото-

рых русский — первый или второй иностранный язык. В течение семи веков на территории Эстонии основным языком делопроизводства и образования вплоть до конца XIX в. был немецкий, затем его в этой роли заменил русский. Официальный статус эстонский язык получил после обретения Эстонией независимости в 1918 г. После инкорпорации Эстонии в СССР в 1940 г. русский язык восстановил в Эстонии свой статус, будучи официальным языком на всей территории СССР. С восстановлением независимости в 1991 г. эстонский язык стал государственным языком, русский же утратил часть своих функций.

Предположительно первый перевод русского художественного произведения на эстонский язык был опубликован в 1806 г. в первой эстонской газете «Tarto maa rahva Näddali-leht», это была повесть Н. М. Карамзина «Фрол Силин» [Issakov 1974: 319]. Начиная с 1820-х гг. число переводов на эстонский язык растет, в первую очередь это были разные прикладные тексты: официальные указы, законы и т. п. В середине XIX в. появились «Эстонско-русский словарь» [Лунин 1853] и «Словарь употребительнейших слов и выражений в русском и эстонском языках» [Мевес 1876], однако Уно Лийваку считает, что эти словари не оказали особого влияния на словарный запас эстонского языка.

Начало второго периода переводов с русского языка на эстонский можно датировать 1880-ми годами. Начиная с этого времени количество переводов с русского языка значительно увеличилось. Этот период оценивается по-разному, например, Рейн Вейдемманн пишет: «Мы можем относиться к периоду русификации конца XIX в. как к ущемлению культуры, но в то же время надо признать, что большая часть тогдашней западной философской, общественной литературы достигла эстонского культурного сознания через переводы с русского языка» [Вейдемманн 2009]. Уно Лийваку считает, что с точки зрения русско-эстонских переводов период до начала Первой мировой войны является очень важным: появились первые терминологические словари. Это было обусловлено и тем, что значительно возросло количество прикладной литературы [Liivaku, Meriste 1975: 3]. Это, в свою очередь, обусловило появление многих

новых терминов в эстонском языке. В конце 1880-х гг. появилось множество официальных изданий, в том числе уставов и отчетов разных организаций, которые были представлены на двух языках: русском (оригинал) и эстонском (перевод).

Следующим этапом можно считать первый период национальной независимости Эстонии (1918–1940), когда параллельно происходили два процесса: книги публиковались в больших количествах, нежели когда-либо ранее, но число переводных среди них резко уменьшилось. Важное изменение наблюдается и в выборе языков: если до Первой мировой войны на первом месте стояли русский и немецкий, то в это время самым «популярным» языком, с которого делались переводы, стал английский. Изменившаяся роль русского языка подчеркивается еще тем фактом, что за это время (1918–1940) не вышло ни одного нового русско-эстонского или эстонско-русского словаря.

Новый этап развития перевода начинается после Второй мировой войны, когда переводы с русского языка составляют 88 % всех переводов. После войны не хватало профессиональных переводчиков, особенно это касалось русско-эстонских специалистов. Тем не менее, в конце 1940-х гг. переводилась и научная литература, например, были переведены «Избранные статьи» В. Г. Белинского в трех томах (1948–1949). Исследователи отмечают, что в Эстонии качество переводов художественной литературы было всегда выше, чем качество прикладных текстов. Главной причиной этого является тот факт, что переводчики художественной литературы составляли устойчивую группу, тогда как среди переводчиков прикладной литературы было очень много случайных, неопытных людей. Немаловажно и то, что за перевод художественной литературы платили в несколько раз больше, чем за перевод прикладного текста.

По поводу современного состояния русско-эстонского перевода в Эстонии можно сказать, что уже начиная с 1990-х гг. прошлого века переводческая деятельность сделала резкий поворот: она стала в большей мере ориентироваться на Запад, в основном переводы стали делаться с английского языка. Они преобладают как в художественной литературе, так и в разно-

го рода прикладных и научных текстах. Однако имеются переводы и с русского языка, чаще всего переводят, конечно, художественные тексты, но можно найти примеры переводов и научной литературы, в частности, переведены такие труды Ю. М. Лотмана как «Беседы о русской культуре» (2003–2006), «Александр Пушкин» (2003), «Структура художественного текста» (2006) и др. [Lotman 2003; 2003–2006; 2006]. Что касается, например, перевода разных типов прикладных текстов, то по опыту автора данной статьи более востребованным является в данный момент перевод с эстонского языка на русский язык. Такая тенденция заметна по заказам, которые выполняются ежедневно в переводческих бюро в Эстонии. Переводческая деятельность поддерживается изданием словарей, среди которых можно отметить академические русско-эстонский в 4-х томах (1-е изд. в 1984–1994 гг.) и эстонско-русский 5-томный словари. Последнее издание, осуществляемое при финансовой поддержке государственных программ, еще не завершено, но уже вышли четыре тома. Перевод научных и отраслевых текстов поддерживается также изданием терминологических словарей, например: «Малый эстонско-русский и русско-эстонский экономический словарь» (2000), «Юридический разговорник-справочник: эстонско-русский / русско-эстонский» (2003), «Русско-эстонский медицинский и медико-социальный словарь» (2005), «Русско-эстонский словарь по туризму и отдыху» (2005), «Большой эстонско-русский и русско-эстонский юридический словарь» (2008) и др. [Vissak 2000; 2003; 2008; Raeste jt. 2005; Veldi jt. 2005].

Далее кратко рассмотрим развитие критики перевода и проблематику, которой она занимается. До середины XX в. о критике перевода вообще говорить не приходится, но в 1960-е гг. качество переводов художественной и прикладной литературы оказывается в центре внимания, что заметно способствует улучшению переводных текстов. Тем не менее, критика переводов остается слабым местом, поскольку публиковалась она очень редко и обычно была направлена только на поиск ошибок. Конструктивные предложения и советы, как следовало бы переводить тот или иной текст, не приводятся.

В последние годы дела с критикой перевода обстоят немно-го лучше, чем в прошлые века, больше публикуется статей, где анализируются переводы той или иной книги. К сожа-лению, не изменилось направление критики перевода: редко да-ются рекомендации, как следовало бы переводить. При анали-зе перевода, прежде всего, обращается внимание на лексиче-ские неточности и несоответствия. Роль грамматики в перево-де остается вне поля зрения. Между тем достижения совре-менной лингвистики показывают, что адекватный перевод возможен только при учете взаимодействия лексики и грамма-тики. Для многих направлений современной лингвистики, в том числе функциональной грамматики, характерен отказ от проведения резких границ между грамматикой и лексикой [Князев 2007: 15]. Л. С. Бархударов утверждает, что «было бы неправильным сводить понятие языкового знака исключи-тельно к единицам словаря. Второй стороной языковой систе-мы, не менее важной, чем лексикон, является грамматический строй» [Бархударов 1975: 143]. В качестве доказательства это-го утверждения можно привести самый простой пример. Предложение (1) при попытке перевести его без учета грамма-тики может оказаться таким (2):

(1) *Мальчик написал письмо.*

(2) *Poiss kirjutama kiri.*

Мальчик: NOM писать-INF письмо: NOM

С точки зрения лексики все элементы на месте, однако по это-му «переводу» мы можем лишь догадываться, что имелось в виду в исходном предложении, да и то только потому, что предложение очень простое, как по форме, так и по содержа-нию. Однако даже в данном случае часть информации ориги-нала утрачена, так как перевод не указывает на время дейст-вия, не выясняется однократность / многократность, завер-шенность / незавершенность действий и т. п. Дж. К. Катфорд называет это *ограниченным переводом*, что означает «замену текстового материала языка-источника эквивалентным тексто-вым материалом языка-цели только на одном уровне» [Кат-форд 2004: 46]. Если эта замена происходит соответственно только на грамматическом уровне, без замены на лексическом

уровне, этот перевод можно называть *грамматическим*. Катфорд утверждает, что на самом деле «чистый» ограниченный перевод на таком уровне (грамматическом или лексическом) затруднен, если вообще возможен, из-за тесной взаимосвязи между грамматикой и лексикой. Таким образом, при переводе необходимо учитывать не только лексические, но и многие грамматические значения. Особенно важно это в том случае, когда в исходном языке имеется грамматическая категория, которой нет в языке, на который осуществляется перевод. Немаловажно это и тогда, когда грамматические категории имеются в обоих языках, но семантика их различна, как, например, у пассива в русском и эстонском языках. А. Ланге пишет: «Перевод означает, между тем, и замену грамматики одного языка грамматикой другого языка, и калькировать здесь можно мало» [Lange 2008: 23]. Эти факторы необходимо учитывать и при русско-эстонском переводе, поскольку в силу типологических различий многие значения, передаваемые в одном языке лексическими средствами, выражаются в другом на синтаксическом или морфологическом уровнях, то есть информация, выражаемая в одном языке грамматическим способом, в другом может быть выражена лексически. Главный принцип критиков перевода: читатель должен ощущать перевод не как перевод, а как оригинал. Это означает, что перевод должен быть естественным в лексическом и грамматическом планах.

Л. С. Бархударов, сопоставляя в своей книге грамматику русского и английского языков с точки зрения перевода, сравнивает систему временных форм в обоих языках и приходит к выводу, что «встречаются, однако, и такие контексты, которые не содержат в себе никаких указаний на характер протекания действия; в этом случае переводчик на русский язык оказывается в затруднительном положении, поскольку в данном случае может быть использована форма как одного, так и другого вида, причем это сопряжено с семантической разницей, хотя в исходном тексте нет данных для той или иной семантической интерпретации» [Бархударов 1975: 145–146].

С другой стороны, Л. С. Бархударов ставит вопрос о том, в какой мере грамматические значения вообще необходимо передавать при переводе. По его мнению, каждую ситуацию нужно оценивать отдельно: «в каждом конкретном случае необходимо учитывать характер употребления той или иной формы, ее функциональную нагрузку и в соответствии с этим находить ей то или иное соответствие в языке перевода» [Бархударов 1975: 165]. В эстонской переводческой критике этим вопросом почти не занимались. Роль грамматики в русско-эстонском переводе очень кратко затронул Уно Лийваку в двух своих книгах: «Kust king keelt pigistab» [Liivaku: 1972] и «Kuidas seda tõlkida: järeltormatusest eestinduseni» (в соавторстве с Х. Меристе) [Liivaku, Meriste: 1975]. Однако в центре внимания в них находится все же лексика, в книге «Kust king keelt pigistab» целая глава посвящена проблеме русизмов в эстонском языке. Кроме того, в нескольких словах критикуется автоматический перенос грамматических форм и синтаксических конструкций одного языка в другой. Среди частотных ошибок переводчиков бросается в глаза также сохранение пунктуации оригинала в переводе, например:

(3) *Ошибка — это означает уменьшение скорости.*

* *Viga — see tähendab kiiruse vähenemist.*

Viga tähendab kiiruse vähenemist.

У. Лийваку приводит несколько примеров неправильного перевода русских падежных конструкций на эстонский язык [Liivaku 1972: 63]. Приведем один из них.

Предложный падеж + предлог в — в большинстве случаев такой конструкции соответствует эстонский инессив:

(4) *сын в миске*
supp on kausis,

но

(5) *мужчина в очках*
* *prillides mees*
prillidega mees

У. Лийваку не объясняет, почему в данном случае нельзя перевести это выражение с помощью инессива, а лишь указыва-

ет, что требуется комитатив. В более поздних исследованиях [Кюльмоя 2003: 64–65] показано, что инессив в эстонском языке обычно соответствует лишь первичному — локативно-му — значению предложного падежа.

К сожалению, иногда переводческие ошибки и неточности имеют очень долговременное влияние на язык, например, в современном эстонском языке наблюдается тенденция к злоупотреблению имперфектом вместо перфекта и плюсквамперфекта. По мнению некоторых лингвистов, например, Т. Леэметс, в этом случае мы имеем дело с влиянием русского языка, которое проникло в эстонский язык через плохие переводы и потом уже распространилось [Leemets 2000: 87]. С такой точкой зрения можно, конечно, спорить, однако, по мнению автора данной статьи, в этой идее есть своя доля правды. Данная тенденция не наблюдается в некоторых других языках, которые имеют также более сложную систему временных форм, например, английский или немецкий языки. С одной стороны, русский язык никогда не имел влияния на эти языки в той же степени, что на эстонский. С другой стороны, например, в английском языке форма плюсквамперфекта (Past Perfect) имеет, как нам кажется, более значимую семантическую нагрузку, чем в эстонском языке. Это подтверждается тем фактом, что без употребления формы плюсквамперфекта невозможно построить некоторые определенные синтаксические конструкции, в частности выразить условное наклонение [Murphy 2005: 80], например:

- (6) *If I had seen you, I would have said hello.*
 Если бы я увидел тебя, я бы поздоровался.

В таком предложении употребление какой-либо другой временной формы вместо плюсквамперфекта просто не допускается.

Кроме того, в английском языке существует целый ряд наречий (*hardly, no sooner* и др.) и союзов, которые в сложном предложении требуют употребления глагола в форме плюсквамперфекта. «Past Perfect часто употребляется в придаточном предложении после союза **after** *после того как*, что связано со значением самого союза» [Качалова, Израилевич 1995: 148].

(7) *After the sun had set, we decided to return home.*

После того как солнце село, мы решили вернуться домой.

Возвращаясь к эстонскому языку, можно предполагать, что если неверное употребление формы имперфекта вместо плюсквамперфекта связано с неадекватными переводами, то ясно, что это не по причине влияния английского или немецкого языков, так как в этих языках временная форма плюсквамперфекта употребляется очень активно и по строгим грамматическим правилам.

Представляется, что более тесное сотрудничество переводчиков и лингвистов помогло бы избежать таких ошибок, появившихся через неточные переводы. Однако, как отмечает Анне Ланге в своей книге «Tõlkimise aabits», «к сожалению, отношения между лингвистикой и переводоведением не самые лучшие» [Lange 2008: 24].

Таким образом, можно сказать, что хотя русский язык и утратил свою ведущую роль среди языков, с которых делаются переводы, тем не менее перевод как с русского на эстонский, так и с эстонского на русский всегда сохранял и сохраняет свою актуальность в самых разных сферах жизни и в различных типах текстов. При этом, даже если количество переводов с русского на эстонский язык уменьшилось, требования к качеству перевода не изменились. Адекватный и точный перевод нуждается в том, чтобы наряду с лексикой обращать больше внимания на роль грамматики в переводе.

ЛИТЕРАТУРА

- Бархударов Л. С. 1975 — *Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода)*. Москва.
- Вейдемани Р. 2009 — О русском влиянии в эстонской культуре. *Postimees*. 16.03.2009.
- Катфорд Дж. К. 2004 — *Лингвистическая теория перевода. Об одном аспекте прикладной лингвистики*. Москва.
- Качалова К. Н., Израилевич Е. Е. 1995 — *Практическая грамматика английского языка*. Москва.

- Князев Ю. П. 2007 — *Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе*. Москва.
- Кюльмоя И. П. 2003 — Кюльмоя И., Вайгла Э., Солль М. *Краткий справочник по контрастивной грамматике эстонского и русского языков*. Тарту.
- Лунин И. 1853 — *Эстонско-русский словарь*. Тарту.
- Мевес Д. 1867 — *Словарь употребительнейших слов и выражений в русском и эстонском языках*. Рига.
- Тороп П. 1995 — *Тотальный перевод*. Тарту.
- Issakov, S. 1974 — *Nõukogudemaa rahvaste kirjanduse eesti keelde tõlkimise ajaloost*. Looming, Tallinn.
- Lange, A. 2008 — *Tõlkimise aabits*. Tallinn.
- Leemets, T. 2000 — *Mitmeplaaniline minevik. Keelenõuanne soovitab*. № 2. Lk. 87–90.
- Liivaku, U. 1972 — *Kust king keelt pigistab*. Tallinn.
- Liivaku, U.; Meriste, H. 1975 — *Kuidas seda tõlkida: järeltormatusest eestinduseni*. Tallinn.
- Lotman, J. 2003 — *Aleksander Puškin*. Tallinn.
- Lotman, J. 2003–2006 — *Vestlusi vene kultuurist*. Tallinn.
- Lotman, J. 2006 — *Kunstilise teksti struktuur*. Tallinn.
- Murphy, R. 2005 — *English Grammar in Use*. United Kingdom at the University Press, Cambridge.
- Raeste jt. 2005 — Raeste, E.; Štšadneva, V.; Vaigla, E.; Karasjova, N. *Vene-eesti tervishoiu ja sotsiaaltöö sõnastik*. Tartu.
- Veldi jt. 2005 — Veldi, E.; Külmoja, I.; Palikova, O.; Erik, U. *Vene-eesti turismi- ja puhkesõnastik*. Tartu.
- Vissak, H. 2000 — *Väike eesti-vene ja vene-eesti majandussõnastik*. Tallinn.
- Vissak, H. 2003 — *Juriidiline vestmik-teatmik: eesti-vene / vene-eesti*. Tallinn.
- Vissak, H. 2008 — *Suur eesti-vene ja vene-eesti õigussõnaraamat*. Tallinn.

ВЕНЕ-ЕСТИ ТӨЛКЕАЖАЛООСТ JA -КРИТИКАСТ

Sirje Kupp

Төлkimine on ja jääb alati aktuaalseks teemaks, kuni eksisteerivad erinevad kultuurid, keeled ja rahvad. Käesoleva artikli eesmärk on anda lühike ülevaade vene-eesti tõlke ajaloost ja kriitikast.

Teatud ajalooperioodidel oli vene keelel väga oluline roll Eesti iga-päeva elus. Tänapäeval on vene keel, 2000. a. rahvaloenduse andmetel, emakeeleks peaaegu 30% Eesti elanikkonnast, lisaks räägivad seda keelt ka teised eestimaalased, kelle jaoks on vene keel esimeseks või teiseks võõrkeeleks. Oletatavasti esimene vene-eesti tõlge ilmus juba 1806. a. esimeses eestikeelses ajalehes „Tarto maa rahva Näddali-leht“, selleks oli N. Karamzini jutustus „Frol Silin“. 19. saj. alguses ilmusid ka esimesed eesti-vene ja vene-eesti sõnaraamatud.

19. saj. teisest poolest kasvas vene keelest tehtavate tõlgete arv märgatavalt. Ilmusid ka esimesed oskussõnastikud, hoogustus eelkõige tarbetekstide tõlkimine. Kuna vene keel sai valdavaks kõikides ametiasutustes, siis tänu erinevate ametlike dokumentide tõlkimisele eesti keelde, täienes viimane paljude uute terminite ja väljendite võrra.

Eesti Esimese Vabariigi ajal (1918–1940) muutus olukord kardinaalselt, kuigi raamatuid trükiti rohkem kui kunagi varem, kahanes tõlkekirjanduse osakaal märgatavalt. Vene keel võidab oma juhtpositsiooni tagasi pärast II Maailmasõda, mil tõlked vene keelest moodustavad 88 % kõiki-dest tõlgetest. Uno Liivaku peab seda kõige olulisemaks perioodiks vene-eesti tõlke arengu seisukohast.

Käesoleval ajal on vene-eesti tõlgete osatähtsus jälle vähenenud, esiplaanile on kindlalt tõusnud inglise keel. Kuid teisest küljest pole kunagi varem ilmunud nii palju vene-eesti sõnaraamatuid ja oskussõnastikke kui praegu.

Tõlkekriitika tekkis alles 20. saj. keskpaigas. Kuni 1950. a. tõlkekriitikat kui sellist, ei eksisteeri. Alates 1960-ndatest hakkavad ilmuma esimesed sellealased tööd, mis keskenduvad eelkõige tõlgetest vigade otsimisele, kriitikud ütlevad vaid seda, kuidas ei tohi tõlkida, aga kasulikke ja praktilisi nõuandeid ei anta. Praegusel ajal on tõlkekriitika olukord paranenud, ühe või teise teose tõlget analüüsivaid artikleid ilmub päris palju, kuid neil kõigil on siiski üks puudus. Need kirjutised analüüsivad tõlkeviigu, mis on seotud keelte leksikaalse küljega, grammatika roll on tõlkimiseprotsessis jäetud täiesti tahaplaanile. Samas tuleb märkida, et paljude kaasaegsete keeleteaduse suundade jaoks (sh funktsionaalne grammatika) on iseloomulik loobuda selgete piiride tõmbamisest grammatika ja leksika vahele, vaid neid vaadeldakse kui teineteisega lahutamatuult seotud elemente. Viimased teosed, mis põgusalt puudutasid ka grammatika osatähtsust tõlkimises pärinevad möödunud sajandi 70-ndatest: Liivaku U., Meriste H. *Kuidas seda tõlkida: järeltormatusest eestinduseni* (1975) ja U. Liivaku *Kust king keelt pigistab* (1972).

Artikli autor soovib juhtida tähelepanu sellele eesti tõlketeaduses ja -kriitikas valitsevale tühimikule ning loodab oma tulevaste töödega hakata grammatika osatähtsust tõlkimises aktiivsemalt esile tooma.

ЗАТРУДНЕНИЯ В СЛОВООБРАЗОВАНИИ И СЛОВОУПОТРЕБЛЕНИИ В РЕЧИ УЧАЩИХСЯ-БИЛИНГВОВ

И. М. МОЙСЕЕНКО, Н. В. ЗАМКОВАЯ

Границы русского литературного языка постоянно расширяются, изменяются его состав и нормы. На эти процессы оказывает влияние речевая практика, в частности, языковые контакты — как «стихийные», специально не организованные, так и обусловленные определенной, заранее спроектированной ситуацией.

«Русский язык как ментальная структура открыт, гибок и восприимчив, он легко абсорбирует чужие слова и обороты, приспособливает их к своим нуждам, переплавляет в необходимые формы» [Штивельман 2008: 99]. Открытость и гибкость проявляются и в том, что активные процессы, как отмечают исследователи, протекают внутри языковой системы на всех ее уровнях [Костомаров 1994, Земская 1996]. Все это в определенной степени характерно для русского языка не только метрополии, но и диаспоры, в том числе и для определенных групп носителей этого языка.

Многоаспектным изучением специфики речи носителей русского языка в Эстонии на протяжении последних лет занимаются ученые Тартуского университета [Евстратова 2002; Костанди 2006, 2006а; Кюльмоя 1999, 2000; Щаднева 2002]. Отмечается, что русские в Балтии имеют неиспорченный, практически академический русский. Он испытал влияние локального колорита в виде минимального сленга и шутливо искаженных слов из местных языков. Пытаясь определить тен-

денции, характеризующие развитие русского языка русской диаспоры Эстонии, исследователи прежде всего обращают внимание на устную речь, ведь именно спонтанная устная речь является наиболее гибкой. Их наблюдения говорят о том, что в повседневной жизни часто встречаются неправильно поставленное ударение (*собрала*, вместо *собрала*), нарушения синтаксиса, в том числе проникновение чуждого русскому языку порядка слов, неправильное употребление разговорных и просторечных конструкций (*обмен опыта* вместо *обмен опытом*). По данным, приводимым И. П. Кюльмоя, количество ошибок такого типа увеличилось за последние пять лет. Их наличие может быть случайностью или оговоркой, обусловленной спонтанной речью, однако в определенной степени это объясняется влиянием эстонского языка [Кюльмоя 2000: 84–90].

При исследовании устной молодежной речи были отмечены некоторые тенденции в словообразовании. В речи встречаются заимствования из эстонского языка и многообразные дериваты на их основе. Характерны также суффиксальные образования от заимствований, к которым присоединяется русский суффикс, чаще всего диминутивный, например:

-ик — *исик* (*isa* ‘отец’), *лапсик* (*laps* ‘ребенок’), *каксик* (*kaks* ‘два’), *крооники* (*kroon* ‘крона’).

Представлены и другие суффиксы:

-ичк(а) (*эстичка* ‘преподаватель эстонского языка’ — *eesti keel* ‘эстонский язык’), -оват- (*кюльмовато* — *külm* ‘холод’).

Реже встречаются универбы: *каубушка* (от *kaubamaja* ‘торговый центр’). Глагольные заимствования предполагают обязательное грамматическое освоение слова, суффиксы здесь облигаторны:

мытлить (*tõtlema* ‘думать’), *кыйкнуться* (*kõik* ‘всё’ — 1. закончить, 2. сойти с ума, 3. разбить), *максовать* (*maksma* ‘платить’).

Глагол *максовать* уже настолько «освоен» русским языком, что допускает различные варианты перфективов: *замксовать*, *отмаксовать*. Встретились весьма любопытные универбы: *сайтарить* (от *said aru* — форма 2 лица, ед. ч. эст. глагола со значением ‘понимать’) [Кюльмоя 2000: 92].

В данной статье анализируется письменная молодежная речь, а именно речь двуязычных детей (русско-эстонское двуязычие), получающих образование в школе с эстонским языком обучения. Исследование проводилось при финансовой поддержке исследовательского фонда Таллиннского университета.

Практика обучения двуязычных учащихся на эстонском языке становится все более распространенной. В настоящее время 3392 учащихся школ с эстонским языком обучения являются двуязычными, что составляет 3,1 % от общего количества учащихся в школах с эстонским языком обучения. При этом в ходе сбора данных в рамках проекта «Эстонский текст в русской культуре. Русский текст в эстонской культуре»¹ не учитывались двуязычные учащиеся школ для взрослых. Более подробная информация приводится в табл. 1.

Т а б л и ц а 1. Данные о количестве двуязычных учащихся, обучающихся в школах с эстонским языком обучения.

РЕГИОНЫ	ЭТАПЫ				
	1-3	4-6	7-9	10-12	Всего
Ида-Вирумаа	149	165	179	82	575
Ляэнемаа	11	12	27	35	85
Ляэне-Вирумаа	48	48	40	30	166
Валгамаа	47	40	38	21	146
Вильяндимаа	26	26	32	16	100
Вырумаа	9	11	11	6	37
Йыгевамаа	44	32	29	17	122
Пярнумаа	63	73	56	23	215
Пылвамаа	6	6	5	7	24
Рапламаа	33	35	21	9	98
Сааремаа	5	4	8	2	19
Тартумаа	85	94	82	60	321
Харьюмаа	372	380	381	307	1440
Хийумаа		1			1
Ярвамаа	7	9	21	6	43
Всего	905	936	930	621	3392

¹ Проект целевого финансирования «Эстонский текст в русской культуре. Русский текст в эстонской культуре» (SF 0130126s08, руководитель проекта И. З. Белобровцева).

Наибольшее количество двуязычных учащихся было выявлено в Харьюском (42,4% из выборки по всем регионам), Ида-Вирумааском (16,95%), Тартуском (9,5%), Пярнуском (6,3%) и Ляэне-Вирумааском (4,9%) уездах. Меньше всего таких учащихся в островных регионах: на Хийумаа (0,02%) и Сааремаа (0,6%). Следовательно, целевой группой для изучения являются двуязычные учащиеся пяти регионов с наибольшей их представленностью.

Данные изучения отдельных школ в основном подтверждают тот факт, что больше всего двуязычных учащихся учится в эстонских школах больших городов со значительным количеством русскоязычных жителей. Например, в Таллинском французском лицее насчитывается чуть меньше 10 % (64 из 740) таких учащихся, в Таллиннской гимназии Артэ — более 10 % (86 из 710), в Таллиннской немецкой гимназии — более 8 % (60 из 839), в Таллиннской лагнаской гимназии — более 30 % (239 из 710), в Нарвской эстонской гимназии — больше половины (176 из 235). Но и в некоторых небольших городах и поселках работают школы со значительным количеством двуязычных учащихся. Например, в Кундаской общей гимназии насчитывается около 30 % (152 из 419), в Кивиылиской средней школе — более 20 % (67 из 317), в Кохилаской гимназии — почти 10 % (72 из 751), а в Аэгвидуской гимназии — более 10 % (7 из 56), в Муствеэской гимназии — около 20 % (30 из 158) двуязычных учащихся. Это, вероятно, можно объяснить отсутствием в большинстве из перечисленных населенных пунктов школ с русским языком обучения при традиционно значительной части русскоязычного населения.

Количество двуязычных учащихся распределяется по этапам равномерно, за исключением гимназического этапа, что вполне объяснимо, так как не все учащиеся продолжают свое образование в гимназии. Динамику процесса «распространения» двуязычных учащихся можно проследить, используя данные табл. 2.

Таблица 2. Количество двуязычных учащихся, обучающихся в школах с эстонским языком обучения в 2001/2002 и 2008/2009 учебных годах.

Регион	Учебный год		Рост числа учащихся-билингвов	Уменьшение числа учащихся-билингвов
	2001/2002	2008/2009		
Ида-Вирумаа	436	575	+139	
Ляэнемаа	64	85	+21	
Ляэне-Вирумаа	236	166		-70
Валгамаа	61	146	+85	
Вильяндимаа	40	100	+60	
Вирумаа	15	37	+22	
Йыгевамаа	106	122	+16	
Пярнумаа	57	215	+158	
Пылвамаа	49	24		-25
Рапламаа	95	98	+3	
Сааремаа	0	19	+19	
Тартумаа	136	321	+185	
Харьюмаа	690	1440	+750	
Хийумаа	2	1		-1
Ярвамаа	64	43		-21
Всего:	2051	3392	+1315	-117

Как видно из табл. 2, прослеживается тенденция увеличения числа двуязычных учащихся в тех уездах, в которых имеются крупные города, такие как Таллинн, Пярну, Тарту. На рост количества двуязычных учащихся оказывает влияние и такой объективный внешний фактор, как закрытие ряда русскоязычных школ в регионе (например, в Пярну и Тарту). Как видно из таблицы, количество двуязычных учеников в сельских районах и на островах остается стабильным или в ряде случаев уменьшается (см. Пылвамаа, Рапламаа, Хийумаа, Ярвамаа). Это объясняется тем, что ряд жителей уезжает на работу в крупные города.

Изменения количества исследуемых учащихся по этапам обучения за последние семь лет можно проследить по табл. 3.

Таблица 3. Изменение числа учащихся-билингвов по этапам обучения с 2001/2002 уч. г. по 2008/2009 уч. г.

Этап обучения	Количество учащихся-билингвов	
	2001/2002 уч. год	2008/2009 уч. год
1–3	483 (1 %)	905 (2,45 %)
4–6	597 (0,9 %)	936 (2,56 %)
7–9	578 (1,35 %)	930 (2,18 %)
10–12	393 (1,25 %)	621 (2,29 %)

Сопоставление данных, представленных в таблице, позволяет сделать вывод о равномерном приросте количества учащихся-билингвов на всех этапах обучения. Это еще раз подтверждает наличие четкой тенденции к «расширению» группы учащихся-билингвов в школах с эстонским языком обучения.

Получение образования на эстонском языке учащимися-билингвами, естественно, оказывает существенное влияние на состояние родного языка, зачастую приводит к снижению уровня владения им [Baker 2005: 27]. В подобной ситуации особую актуальность приобретают специальные исследования языка данной категории носителей русского языка диаспоры.

Речь рассматриваемой группы учащихся далека от нормативной, о чем свидетельствует анализ их письменных работ. Для определения затруднений исследовались письменные творческие работы двуязычных участников республиканской олимпиады по русскому языку как иностранному (за 2007/2008 и 2008/2009 учебные годы) и выпускников гимназии, сдававших экзамен по русскому языку как иностранному в те же годы. Просматривались также русскоязычные анкеты, предназначенные для определения этнокультурной идентичности и динамики языкового развития, заполненные учащимися-билингвами. В общей сложности было проанализировано 200 письменных текстов. Внимание было сосредоточено на нарушениях языковых и речевых норм.

Проведенный анализ показал, что особенно характерными для речи билингвов оказываются ошибки в словообразовании и формообразованиях. Большинство таких ошибок имеет «сис-

темный характер». Поскольку различие между системой и нормой объективно существует и факт их неравномерного усвоения при овладении языком также не подлежит сомнению, системные ошибки неизбежны и характеризуют речь любого человека. Но особенно они характерны для детей и иностранцев. С. Н. Цейтлин выделяет несколько основных типов системных ошибок [Цейтлин 1997: 9–11]:

1. Ошибки типа «заполнения пустых клеток». Руководствуясь первоначально лишь требованиями системы и не зная каких бы то ни было ограничений, говорящий (пишущий) заполняет «пустые клетки». Особенно много «незаполненных клеток» в словообразовании: число реально существующих слов во много раз меньше числа слов, которые могли бы быть образованы по имеющимся в языке словообразовательным моделям.

2. Ошибки типа «выбор ненормативного варианта из числа предлагаемых языковой системой». Примером может служить механизм образования видовых пар: выбор одного из суффиксов, передающих значение несовершенного вида, не может быть логически предсказан.

3. Ошибки типа «устранение фактов, чуждых языковой системе». В качестве примера можно привести распространенные в речи случаи изменения несклоняемых существительных, образования соотносительных форм числа и т. п.

Приведем примеры некоторых ошибок данного (системного) типа из речи учащихся-билингвов. Большинство из них относится к первой группе. Например:

долговечие, любопытность, уважаемость, разнообразность, латынская, шахтёрство (как отрасль промышленности), упоминун (вместо упомянут), прогрессия жизни (вместо прогресс), спокойность, создавание, раскопления (полезных ископаемых), хотение, вкладывание (силы), установление (света), отстраивание.

В рассмотренном ряду ошибок особое место занимают так называемые формообразовательные или грамматические просторечия, наличие которых можно объяснить тем, что общение билингвов на изначально родном языке зачастую происходит преимущественно на бытовом уровне.

Ошибки второй группы в основном представлены случаями употребления или образования видовых форм глаголов и некоторых падежных форм существительных (в основном форм именительного и родительного падежа множественного числа как наиболее проблемных), при выборе альтернативных приставок. Наиболее характерным нарушением является смешение видовых форм:

*мало времени остаётся **побывать** дома; не сразу понимал, мы завтра ездим, будем навестить, овладеть (вместо овладеть), видеv (это), непройденые (пути).*

Такие ошибки можно объяснить отсутствием грамматической категории вида в эстонском языке. Другие случаи ошибок второй группы можно проиллюстрировать следующими примерами:

орудиеv (труда), (не хватает) знаниеv, путя (вместо пути), залежа (полезных ископаемых), богатствv недров, обсмотреть, обхватить (взором).

Ошибки третьей группы многочисленны и разнообразны:

(углублюсь) в недро Интернета, на пианине, (добирался) метром, мясная консерва, (собирают) клюквы и черники, в (таких) ампулах и др.

Многие учащиеся-билингвы, таким образом, номинально являясь полноценными носителями русского языка, образуют слова и словоформы, как типичные иностранцы или маленькие дети, — по существующим в языковой системе моделям без учета норм, сложившихся в речевой практике; видимо, сказывается недостаток речевого опыта таких учащихся.

Характерными для письменной речи билингвов являются лексические ошибки. Наиболее специфическая из них — замена русскоязычных слов на лексические единицы эстонского языка:

в Саксама (в Германии), инфомесса (вместо ярмарка), артикль (вместо статья), фамилия (вместо семья), каубамая (вместо универмаг), тулумакс (вместо подходящий налог), аула (вместо актовый зал), тург (вместо рынок), милитарные (вместо военные) науки, санаториум и др.

Тенденция к активным лексическим заимствованиям из эстонского языка проявляется в речи всех молодых носителей русского языка, что отмечает И. П. Кюльмоя [Кюльмоя 1999], однако в речи билингов их продуктивность, как показывают наши наблюдения, выше, что объясняется более тесными языковыми контактами.

Лексические ошибки в письменной речи учащихся-билингвов представлены практически всеми своими многочисленными типами. Наиболее частотными и характерными оказались нарушения лексической сочетаемости, употребление слова в несвойственном ему значении, смешение паронимов, деформация фразеологизмов, использование просторечий.

А. Употребление слова в несвойственном ему значении:

- (1) *Некоторым людям надоедает жить по тому же образу всё время*
- (2) *Возможность двигаться по разным сортам земли*
- (3) *Получил возможность попробовать некоторую технологию*
- (4) *Карьера, это достигнуть что-то неуловимое*
- (5) *Достигли в карьере изумительный успех*
- (6) *Карьера это хороший способ показать, к чему готов человек идти и как далеко он повысит свой рейтинг в обществе*
- (7) *Некоторые готовы идти до такой степени, но семья и друзья остаются на задний план*
- (8) *Исследования геологов преподаются в школах под географией*
- (9) *Хочется испытать новые вещи*
- (10) *Археология узнаёт прошлое благодаря ископаемым веществам*
- (11) *Русла человеческой деятельности*
- (12) *Геологи изучают глубину земли*
- (13) *Это придаёт некий интерес и азарт в эту нелёгкую работу*
- (14) *Ещё в детском саде я проявлял неплохие возможности в изучении музыки*
- (15) *Терпеть ужасные условия*
- (16) *Геологи много путешествуют, но эти путешествия кардинально отличаются от тех путёвок, которые нас предлагают с туристических бюро*
- (17) *На стройках новых дорог, домов*
- (18) *При стройках (вместо при строительстве)*
- (19) *Земля утрамбовывалась природой*

- (20) *Для работы геолога требуется специальная технология*
- (21) *Я очень разнообразный человек*
- (22) *В чем скрывается престижность профессии?*
- (23) *Меня заинтересовала затея... (вместо идея)*
- (24) *Выстраивают людей в ряд (вместо очередь)*
- (25) *Работа нравилась по характеру*

Эта категория ошибок объясняется узостью словарного запаса билингов, ограниченностью их контактов с носителями русского языка, вследствие чего утрачивается «чувство» языка, не осознаются смысловые нюансы лексических единиц.

Б. Смешение паронимов:

- (26) *формулирование семьи*
- (27) *семья всегда поддержит*
- (28) *надо сделать адекватные выводы на базе факторов*
- (29) *виновны в результате (в последствиях)*

Кроме перечисленных выше причин, вероятно, сказывается тот факт, что русская речь воспринимается в основном на слух, при этом, естественно, не различаются какие-то звуковые оттенки воспринятых лексических единиц.

В. Тавтология:

- (30) *молодая молодёжь*
- (31) *молодой юноша*
- (32) *очень обожаю*

Такого типа ошибки, видимо, можно объяснить тем, что, находясь преимущественно в эстоноязычном окружении, билингвы перестают воспринимать тонкости родного языка.

Г. Нарушение лексической сочетаемости:

- (33) *выкапывая предметы, руины и катакомбы*
- (34) *если высокие технологии попадут в недобросовестные руки*
- (35) *математика у меня всегда получается*
- (36) *открытия про инфаркт*
- (37) *автору очень симпатизирует природа нашей планеты*
- (38) *стремительный труд*
- (39) *встречаться с разочарованием*
- (40) *в области компьютер*
- (41) *развивать себя*
- (42) *дальняя (вместо будущая) профессия*

- (43) *надеюсь мне достанется правильное совпадение времени и места, и я смогу совершить что-нибудь совершенно необыкновенное*
- (44) *хочу хорошо выучиться в заграничном университете*
- (45) *желания выполнятся*
- (46) *иностраннные люди*
- (47) *математика у меня неплохо получается*
- (48) *Углов академик наук*
- (49) *долго до нашего времени*
- (50) *ходит много по природе*
- (51) *обслуга людей*
- (52) *придаёт возможность*
- (53) *длительность фестиваля*
- (54) *состроил (таблицу элементов)*
- (55) *может потерять свою сильную структуру*

Наличие таких ошибок объясняется ограниченностью языкового опыта.

Д. Деформация фразеологизмов:

- (56) *развитие нашей цивилизации происходит семимильными шагами*
- (57) *но у каждой монеты есть и вторая стороны*
- (58) *любая техника проявляет во мне интерес*
- (59) *круиз в длину жизнь*
- (60) *есть толк всему миру*
- (61) *решить гипотезу*
- (62) *поправить уровень жизни*
- (63) *увеличиваю кругозор*

По большей части фразеологизмы относятся к выразительным средствам языка, поэтому билингвы, владеющие в основном разговорной, бытовой его разновидностью, оказываются неспособными к полноценному использованию русской фразеологии.

Е. Использование в письменной речи просторечий:

- (64) *нету интереса*
- (65) *со школы*
- (66) *на кого я пойду учиться*
- (67) *обратно стал изучать*

Частотность нарушений такого типа, вероятно, можно объяснить общением исследуемой категории учащихся преимущественно в бытовой сфере, для которой характерны вышерассмотренные лексические единицы.

Как видно из приведенных примеров, затруднения в речи исследуемой группы носителей русского языка обусловлены во многом влиянием государственного языка, на котором учащиеся получают образование, а также ограниченным использованием русского языка или применением его преимущественно в бытовой сфере.

Проанализированный выше материал свидетельствует о том, что в речи учащихся-билингвов так же, как в речи носителей русского языка метрополии, «меняется продуктивность ряда словообразовательных моделей: некоторые ее увеличивают, другие сокращают» [Костомаров 1994: 156]. Например, отмечается много новообразований с суффиксом *-ость*. Так, В. Г. Костомаров приводит входящее в речевую практику ранее ненормативное слово *смотримость*. Такого же типа новообразования мы видим и в речи учащихся-билингвов: *любопытность, уважаемость* и др.

В. Г. Костомаров отмечает конкуренцию разговорно-непринужденных бессуффиксальных слов (*нагрев, окрик*) и книжных суффиксальных (*загадыванье, нагревание*), но констатирует, что «первенство остается сейчас со всей очевидностью за первыми» [Костомаров 1994: 161].

Тем не менее, он же отмечает, что наблюдается стремление к книжности. «В словообразовании это проявляется в сохранении и даже повышении продуктивности основных книжных суффиксов...» [Костомаров 1994: 179]. В речи исследуемого контингента учащихся встречается много образований с суффиксом *-иј(е)*:

долговечие, раскопление (раскопки), установление (света), отстраивание, вкладывание.

Такая словообразовательная модель зачастую воспринимается в языке диаспоры как норма, в то время как словари, изданные в России, подобную единицу не приводят. Ученики используют

словообразовательную модель с суффиксом *-ств(о)*: *шахтерство, бизнесменство*. Часто встречается такая единица, как *пропитание*, характеризующаяся в словарях как устаревшая.

Поскольку русская речь воспринимается учащимися-билингвами главным образом на слух, в их речи достаточно много ошибок, связанных с неправильным образованием словоформ и производных слов:

орудиев, могут, тартувский, хапсуловский, внутренность, разносторонний, латынские.

Характерно распространение модели образования кратких прилагательных на *-ен* на другие словообразовательные модели кратких форм прилагательных: *крепен, непряхотливен*.

Лексические затруднения учащихся-билингвов также соотносятся с изменениями в лексике метрополии: прослеживается нарушение прежних смысловых корреляций, возникновение новых, трансформация в лексической семантике и сочетаемости [Земская 1996: 65], тенденция к ослаблению норм, терпимость к небрежности, ошибкам [Костомаров 1994: 208]. Отмечается также толерантное отношение к иноязычным лексическим элементам [Земская 1996: 156].

Таким образом, в письменной речи исследуемого контингента учащихся отражаются основные тенденции, характерные для развития русского языка в России. Это раскованность, усиление личностного начала, резкое ослабление автоцензуры, неузואльное словообразование и словоупотребление, появление большого количества окказионализмов [там же: 138]. Эти процессы могут привести к расшатыванию норм, что мы и наблюдаем в речи билингвов.

С другой стороны, явно прослеживается влияние эстонского языка, поскольку среда обучения оказывает сильное воздействие на качество речи учащихся-билингвов. Также сказывается применение русского языка в устной форме и преимущественно в бытовой сфере. Поскольку исследовалась письменная речь учащихся, проявилось противоречие между «бытовой речевой практикой» и ситуацией письменного использования языка, что приводит к такой «лавине» ошибок.

Если при этом учесть, что «в подготовленной письменной речи ответственность за грамотное выражение мысли возрастает, поскольку пишущий может обратиться к словарям или к лингвистам за квалифицированной консультацией» [Щаднева 2002: 298], можно предположить, что «качество» устной речи заметно ниже (устная речь еще в большей степени далека от совершенства), поскольку «нарушения чаще всего происходят в спонтанной речи, так как именно в ней мысль нередко опережает внешнюю речевую форму. Ненормативность речи заметного количества носителей языка может оказать существенное влияние на языковую систему в целом, учитывая тот факт, что нарушения в речи, либо нововведения отражаются в языковой системе» [там же: 300].

Поскольку в школах с эстонским языком обучения получает образование все больше двуязычных учащихся, чья речь характеризуется нарушением языковых норм, это может оказать определенное влияние (не всегда положительное) на функционирование русского языка в Эстонии.

ЛИТЕРАТУРА

- Евстратова С. Б. 2002 — Особенности функционирования лексики в русскоязычной прессе Эстонии. *Проблемы языка диаспоры. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. VI*. Тарту. С. 82–90.
- Замковая Н., Моисеенко И., Чуйкина Н. 2009 — Ситуация распространения русско-эстонского двуязычия в школах с эстонским языком обучения. *Kultuuride dialoog — võimalus või paratatus?* Таллинн. С. 266–286.
- Земская Е. А., отв. редактор 1996 — *Русский язык конца XX столетия (1985–1995)*. Москва.
- Костанди Е. И. 2006 — Русская разговорная речь диаспоры. *Микроязыки, языки, интерязыки: сборник в честь ординарного профессора А. Д. Дуличенко*, Тарту. С. 332–336.
- Костанди Е. И. 2006 — Отличительные особенности языка современной русской прессы Эстонии. *Acta Universitates Latviensis. Linguistica. 707*. Рига. С. 23–28.

- Костомаров В. Г. 1994 — *Языковой вкус эпохи (Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа)*. Москва.
- Кюльмоя И. П. 1999 — О прагматике сленговой лексики. *Прагматический аспект исследования языка. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. II*. Тарту. С. 151–159.
- Кюльмоя И. П. 2000 — Специфические черты языка русской диаспоры Эстонии. *Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. III*. Тарту. С. 84–93.
- Цейтлин С. Н. 1997 — *Речевые ошибки и их предупреждение*. Санкт-Петербург.
- Штивельман М. 2008 — Русит — язык русскоговорящих граждан Израиля. *Русский язык за рубежом*. № 3. С. 99–106.
- Щаднева В. П. 2002 — Языковые качества русскоязычных изданий Эстонии. *Проблемы языка диаспоры. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. VI*. Тарту. С. 297–307.
- Baker, C. 2005 — *Kakskeelne laps*. Tallinn.
- Valik ülddidaktika termineid 2003 — *Valik ülddidaktika termineid inglise-, saksa-, soome- ja venekeelsete vastetega*. Tallinn.

RASKUSI SÕNAMOODUSTUSES JA -KASUTUSES KAKSKEELSETE ÕPILASTE KÕNES

Irina Moissejenko, Natalija Zamkovaja

Vene kirjakeele maastik on üha avardumas. Keelesüsteemis käimasolevaid protsesse mõjutab tugevasti kaasaegne keeekasutus, sealhulgas erinevate keelte suhe, olenemata sellest, kas vahetu ja tihe kontakt leiab aset juhuslikult või on selline nähtus siiski tingitud kellegi poolt varakult ning teadlikult kujundatud olukorrast.

Käesolevas artiklis on vaatluse alla võetud kakskeelsete õpilaste kõne (*vene-eesti kakskeelsus*), kes on haridust omandamas eesti õppekeelega koolis. Kakskeelsete laste vastuvõtt eesti õppekeelega kooli on üha laienev nähtus. Käesoleval ajal õpib eesti õppekeelega koolis u 4000 kakskeelset last ja noorukit. Uuritavasse rühma kuuluvate õpilaste venekeelne kõne reeglina ei vasta keelenormidele — seda näitab kujukalt nende kirjakeele tööde analüüs. Määramaks täpsemalt levinumaid kitsaskohti analüüsi ligi 200 kirjatööd. Nende hulgas oli riikliku vene keele (võõrkeelena) olümpiaadist osalejate töid ning kirjandeid gümnaasiumi lõpetajailt, kes sooritasid lõpuksami vene keele kui võõrkeele alal.

Uuringus olid tähelepanu keskmeks vead, mida põhjustasid keelenormide rikkumine ja ebakorrektned kõnepruuk. Analüüs näitas, et kõige suuremaid raskusi valmistab vaatlusalusele õpilasarühmale reeglitekohane sõnamoodustamine ja õige sõnatarvitus. Artiklis on sellelaadsed vead süstematiseeritud ja liigitatud; igale vealiigile on lisatud näiteid kirjanditest. Need lubavad järeldada, et vaatlusaluse vene keele kõnelejate rühma keeletarvitus on paljuski tingitud eesti keele mõjutustest — eeskätt selle tõttu, et see on õppekeel, milles omandatakse haridust varasest lapsepõlvest peale. Seda soodustab ka asjaolu, et vene keele kasutussfäär on suhteliselt kitsas, kuna seda kiputakse tarvitama üksnes olmesuhtluskeelena.

Samal ajal peegelduvad õpilaste kirjutekstis kõik põhitendentsid, mis iseloomustavad vene keele arengut Venemaal: suur hulk okasionalisme, hoolimatu keelekasutus, autotsensuuri nõrgenemine, tavapärasest erinev sõna- ja vormimoodustus. Osutatud protsesside jätkudes võib oodata keelenormide üldist eiramist kohalikus vene keeles, mida on praegugi märgata kakskeelsetel inimestel küllalt suures ulatuses. Kuna eesti õppekeelega koolides omandab hariduse iga aastaga üha enam kakskeelseid õpilasi, kelle kõnet iseloomustab keele normide rikkumine, võib see negatiivselt mõjutada vene keele kvaliteeti Eestis.

РУССКИЙ ЯЗЫК В РЕКЛАМНЫХ КАТАЛОГАХ ЭСТОНИИ

О. Н. ПАЛИКОВА

Одна из сфер функционирования письменного русского языка в Эстонии — безадресно распространяемые по почте рекламные материалы, при помощи которых торговые сети периодически осуществляют информирование населения относительно продаваемых в них товаров. Данный вид печатной продукции мы в дальнейшем будем условно называть каталогами товаров, имея в виду, что они представляют собой периодически издаваемые перечни товаров с описаниями и иллюстрациями, по форме приближающиеся к газетам (вложенные один в другой или сброшюрованные листы, как правило, формата А4), однако отличающиеся от эталонного типа каталогов — многополосных, хорошо иллюстрированных, сброшюрованных «солидных» изданий.

Каталоги товаров появились в Эстонии не позднее середины 1990-х годов, и с самого начала некоторые издания, выходящие на эстонском языке, включали также перевод на русский язык¹. С лингвистической точки зрения эти переводы ин-

¹ Каталоги на эстонском языке зачастую и сами по себе являются переводными — например, с английского языка. Перевод на русский язык включают рекламные материалы торговых сетей «Novalux», «Maxima», «Säästumarket», «Selver», а рекламные издания «Elion», «Diivaniparadiis», «Sotka», «Asko», «Comarket» — не включают (в последнем на русский язык переведены только слоганы, но не

интересны тем, что содержат лексические единицы, используемые для номинации предметов «нового времени» — то есть таких предметов, которые вошли в обиход в последние два десятилетия, после изменения политической, социальной, экономической и др. ситуации.

В данных переводах проявляются два важных внеязыковых фактора: на фоне того, что русский язык в Эстонии утратил статус государственного (с соответствующим сужением сфер функционирования), возникает потребность в номинации новых товаров и услуг, либо не востребованных, либо не существовавших в предыдущий период. Другими словами, появляются дополнительные условия для развития регионального (по другой терминологии — национального¹) варианта русского языка (языка диаспоры): децентрализация в области соблюдения литературного стандарта и отсутствие профессионального редактирования ряда письменных и тиражируемых форм существования языка.

В Эстонии с начала 1990-х годов появляются сферы, где «публично» существует неотредактированный письменный русский язык: частные и официальные объявления, информационные сообщения «для внутреннего пользования» (например, в квартирных товариществах, русских школах, детских садах и т. п.), к которым добавляются и каталоги товаров. Русский текст в них может быть переводным или оригинальным, однако в обоих случаях он содержит определенные признаки языка диаспоры. В силу своей *неотредактированности* эти тексты занимают промежуточное положение между устной и письменной речью² и дают поэтому интересный языковой материал для размышлений о тенденциях развития регионального русского языка, так как «если мы хотим выявить наиболее динамичные структу-

описания товаров). Частично перевод на русский язык содержат издания «ONOFF», «ETK Kliendileht» (кампания «Suur Saak»).

¹ См. [Рудяков 2010].

² Рекламные материалы такого рода можно отнести к сфере функционирования *естественной письменной речи* — как тексты, написанные «спонтанно и непрофессионально», см. [Лебедева 2001].

ры живого русского языка <...и> хотя бы отчасти заглянуть в будущее русского языка, мы должны обратиться к стихии устной речи, не скованной традицией и нормой» [Плунгян 2005: 9].

В данной статье нас будет интересовать то, какие языковые явления в переводных русских текстах можно считать регионально ограниченными и характеризующими поэтому язык диаспоры. Выбор в качестве источника материала каталогов товаров обусловлен тем, что в них (в отличие от других печатных изданий: газет, учебников, информационных буклетов и т. п.) отсутствует профессиональное редактирование, а перевод, по-видимому, также выполняется непрофессиональным переводчиком¹. Таким образом мы получаем образец письменно зафиксированной русской речи «наивного» носителя русского языка в Эстонии (до сих пор в научной литературе преимущественно рассматривались редактируемые или профессионально переведенные письменные тексты², см.: [Труды 2000; Труды 2002]).

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПЕРЕВОДА

В рассматриваемых изданиях основной объем информации передается не языковыми средствами, а при помощи графических иллюстраций (фотографии товаров) и символов (условные обозначения стоимости, веса и т. п. характеристик). Так, сообщения о характеристиках электронных товаров включают настолько много условных обозначений, что отпадает необходимость в переводе подписи к изображению на русский язык, поскольку собственно перевода требуют два-три слова, достаточно хорошо известные местным покупателям таких товаров: *sülearvuti* 'ноутбук', *multifunktsionaalne printer* 'многофункциональный принтер' [ONOFF]. По-видимому, именно поэто-

¹ В первую очередь об этом свидетельствует уровень допускаемых в каталогах товаров языковых ошибок. Приводимые далее в статье примеры показательны с этой точки зрения.

² Прагматический аспект русских переводов эстонских рекламных изданий анализировался в статьях Е. И. Костанди, напр.: [Костанди 2006-а; Kostandi 2007]; она же исследовала разговорную речь диаспоры, см., напр.: [Костанди 2006-б; Костанди 2008] и др.

му в одном и том же каталоге на русский язык, например, не переводятся подписи к изображениям компьютеров, принтеров и т. п. (1), но переводится информация о холодильниках, мобильных телефонах (2):

- (1) Lauaarvuti Compaq SG3-110SC. AMD Athlon II X2 protsessor, 2 GB RAM, 320 GB HDD, Windows 7 Home Premium [ONOFF]
- (2) Холодильник Brandt C2210. 210 литров, размеры: 153x54x56 см, класс энергопотребления А [ONOFF]

Интересно, что в каталогах также не переводятся на русский язык многие заголовки, слоганы, а также комментарии общего плана. Например, в одном из выпусков каталога бытовой техники и электроники «ONOFF» не переведены: заголовок *Arvutipäevad* ('компьютерные дни'), слоган *Suurepärane arvuti tööle ja koju* ('отличный компьютер для офиса и дома') и информация о веб-сайте *Ei leidnud sobivat mudelit? Vaata ka www.onoff.ee!* ('Не нашел подходящей модели? Смотри на www.onoff.ee'); зато имеют перевод предложения *Palju uusi mudeleid — Много новых моделей* и *ONOFF on tagasi Mustika keskuses! — ONOFF вернулся в торговый центр Mustika!* [ONOFF].

Что касается переводимого на русский язык материала, то мы предполагаем, что перевод осуществляется непрофессиональным переводчиком, причем некоторые примеры свидетельствуют о том, что им может быть и тот, для кого русский язык не является родным. Так в [Малинкович 2003] приводятся следующие, весьма характерные для начального этапа существования каталогов в Эстонии, примеры:

- (3) *часка* <чашка>, *груглая лампа*, *компьютер*, *фень* <фен>, *скульптура*, *ёмкость*, *фонар*, *хозяйственная фолга*, *в первые в Эстоний* и др.

Все эти случаи демонстрируют типичные ошибки, допускаемые на письме носителями эстонского языка или русскоязычными билингвами, учившимися в эстонской школе (неразличение глухих / звонких согласных, неправильное употребление «ь» и «й» и т. п.). В свое время печатные каталоги товаров «прославились» среди русского населения Эстонии именно

плохим русским языком. Опечатки (4) и грубые орфографические ошибки (3, 5) были, конечно, наиболее заметны, однако имелся еще целый ряд ошибок на разных уровнях — неправильный выбор эквивалента, нарушение лексической сочетаемости, стилистические несоответствия, плеоназмы и т. д. (6):

- (4) *сеуржневой ъксер* <стержневой миксер>, *скоровода*;
- (5) *с ароматической свечей, видеоплеер, самоклеящихся крючки*;
- (6) *подставка для мыла* <мыльница>, *миска для конфет* <конфетница>, *бутылка для мыла* <флакон для жидкого мыла>, *газовая зажигалка с пламенем* <зажигалка для газовых плит>, *губка для мытья* и т. д. [Малинкович 2003].

С учетом того, что содержание каталогов товаров переводится не полностью, русские тексты в них не редактируются, а доля нелингвистических средств передачи информации велика, можно заключить, что основная функция русского подстрочника заключается не столько в том, чтобы сообщить некоторую информацию, сколько в том, чтобы продемонстрировать **лояльность торговой сети по отношению к русскоязычному покупателю**¹. Качество перевода, однако, может препятствовать созданию «лояльного имиджа» торговой сети, поэтому со временем ошибки самого низкого уровня из каталогов исчезают² (приведенные в [Малинкович 2003] примеры относятся к изданиям 2001–2002 гг.).

В настоящее время ошибок несистемного плана (опечаток, орфографических ошибок) в каталогах товаров практически нет, стало меньше лексических ошибок. Очевидно, что переводчик теперь — носитель русского языка, который демонст-

¹ Напомним, что не все каталоги товаров содержат перевод на русский язык, хотя число таких изданий и увеличилось за последнее время. Так, например, в [Малинкович 2003: 4] каталог товаров «Säästumarket» приводился в числе изданий, не включающих перевод на русский язык, тогда как в настоящее время он является двуязычным.

² Хотя они не так многочисленны, как раньше, некоторое количество опечаток и орфографических ошибок все же встречается в каталогах товаров, например: *едевика* вместо *ежевика* [Nvlx], *джинн* вместо *джин* (можжевеловая водка) [Mxt].

рирует разные стратегии перевода. Вообще же переводчик рекламных каталогов товаров решает, в частности, две задачи:

- 1) поиск адекватного русского слова / словосочетания для названия соответствующих товаров (классифицирующая и характеризующая информация, которая нуждается в переводе);
- 2) передача имени собственного — торговой марки и названия разновидности товара (индивидуализирующая информация, которая не требует перевода).

2. ПОИСК РУССКОГО СООТВЕТСТВИЯ

Решение этой задачи представляет наибольшую трудность для переводчика — в тех, разумеется, случаях, когда эквивалент неочевиден (понятно, что *oliiviõli* всегда переводится как *оливковое масло*, а *pelmeenid* — *пельмени*). При выборе русского соответствия эстонского названия рекламируемого товара переводчик может использовать несколько стратегий:

- подобрать имеющийся русский эквивалент,
- калькировать (использовать буквальный перевод, «подстрочник»),
- заимствовать слово из языка-источника,
- создать собственную номинацию.

2.1. Подбор имеющегося русского эквивалента. Как уже было сказано, качество переводов на русский язык в рекламных каталогах товаров в последнее время заметно улучшилось, большая часть номинаций переводится с использованием точного эквивалента и без орфографических ошибок. При этом переводчики находят как явные соответствия (7), так и менее очевидные (8):

(7) *Mahlaarutaja 10 L* — Соковарка [*Nvix*]

(8) *Veekeetja 1,7 L* <букв. 'кипятильник для воды'> — Электрический чайник [*Nvix*]

Однако целый ряд названий вызывает затруднения при переводе — в первую очередь, это касается номинаций «но-

в их» предметов¹. В этом случае разные переводчики выбирают разные эквиваленты — либо приблизительные соответствия из числа имеющихся русских лексем, зачастую малоупотребительных или разговорных (9), либо неологизмы, функционирующие в языке метрополии и точно называющие данный предмет (10), например:

(9) Klaasist **presskann** — Пресс-кофейник [Nvlx]

(10) Kohvi **presskann** purutopsiga, roostevaba korpus. 1 L — Френч-пресс, корпус из нержавеющей стали²

Неологизм *френч-пресс* является тем соответствием эстонскому слову *presskann*, которое функционирует в языке метрополии; *пресс-кофейник* представляется более разговорным и менее употребительным вариантом (результаты поиска в системе www.google.ru для *пресс-кофейника* — 198 000, для *френч-пресса* — 104 000 000). Сходным образом могут переводиться и другие названия новых предметов, например:

(11) Lendav taldrik — Летающая тарелка [Nvlx]

Этот перевод является не только буквальным, но и точным. Однако, с учетом функциональной направленности издания (каталог товаров), более уместно было бы использовать не разговорный, а терминологизированный вариант названия данной игрушки: *летающий диск* или *фризби* (от англ. *Frisbee* — зарегистрированная торговая марка компании «Wham-O»; так называют любой летающий диск, хотя это не совсем корректно³). Второй вариант названия (*фризби*) является более специальным и ограниченным в употреблении, поэтому самым правильным решением был бы перевод *lendav taldrik* — *летающий диск*.

¹ Новыми их можно назвать либо потому, что они недавно появились в обиходе, либо потому, что новой оказалась потребность в их однозначной и нормативной номинации, допускающей письменное тиражирование.

² Ср. также: *Jahvatatud kohv* <...> *Keskmine röst, presskannu kohv*. — *Молотый кофе. Средней обжарки, для френч-пресса* [Mxt].

³ Подробнее см.: <http://175g.ru/About/Frisbee>

Перевод названия нового предмета может осуществляться и с использованием слова, имеющего близкое значение (при этом нарушается точность номинации), например:

(12) Soojapuhur — **Калорифер** [EhtsABC]

(13) **Blender**. Hakib, püreestab ja vahustab — **Миксер** 2ml, мелет и взбивает [NvIx]

То, что в примере (12) использован неверный эквивалент (*soojapuhur* букв. ‘теплодув’ — рус. нов. *тепловентилятор*), объясняется оторванностью русского языка диаспоры от русского языка метрополии (то же относится и к примерам 9, 11). Повидимому, неуверенностью в существовании русского неологизма *блендер* (амер. англ. *blender* — ‘приспособление для измельчения, перемалывания и перемешивания продуктов’) объясняется то, что в примере (13) переводчик не использовал имеющееся точное соответствие *blender* — *блендер*, заменив его словом близкого значения — *миксер* и попытавшись компенсировать смысловые потери (многофункциональность *блендера*) — вставкой «2in1».

Не все переводчики, однако, оказываются столь невнимательными к лексическим новшествам, появляющимся в языке метрополии. Так, например, с использованием неологизмов переводятся следующие номинации:

(14) **Võidel Tere**, 200 g — **Спред** [Mxm]

(15) **Pasta Vita makaronid** 350g Sarvekesed, teokarbid, torukesed, **spiraalid** — Рожки. Ракушки. Макароны. **Фузилли**¹ [SM]

Использованная в (14) лексема *спред* точно называет рекламируемый товар (‘род пищевых продуктов на основе смеси растительных и молочных жиров; легко размазывается даже при охлаждении в холодильнике’; от англ. *spread* ‘паста, пастообразный продукт’). То же можно сказать и о переводе названия макаронных изделий *spiraalid* (эст. ‘спиральи’) словом *фузилли* (итал. *fusilli* ‘сорт макаронных изделий спиралевидной формы’). Однако в обоих случаях оказывается неучтенным лексический запас потенциального читателя — оба слова настолько

¹ Правильно: *фузилли*.

редки и малоупотребительны, что отсутствуют даже в орфографическом словаре справочного портала www.gramota.ru, который в целом достаточно оперативно фиксирует неологизмы¹. Так, термин *спред* стал употребляться в русском языке после появления специального ГОСТа России в 2004 г. (ГОСТ Р 52100-2003. «Спреды и смеси топленые. Общие технические условия») и никак не может считаться общеизвестным фактом языка русской диаспоры Эстонии.

Необходимость письменной и тиражируемой фиксации названий некоторых давно имеющих предметов также может представлять переводческую проблему — например, если для предмета номинации нет устоявшегося наименования, которое можно было бы считать общеупотребительным, литературным и однозначным. Так, в 1990-е годы в каталогах товаров появляется эстонский неологизм *pusa*, который сразу приводит к сомнительному переводу на русский язык:

- (16) Soojad kapuutsiga fliis**pusad** lastele — Флисовые **свитера** с капюшоном для детей;
Pikkade varrukatega **pusad** lastele — Детские **свитера** с длинными рукавами [Малинкович 2003: 21].

«Ортологическим словарем эстонского языка» слово *pusa* фиксируется с 1999 года² с использованием пометы *argikeelne* ('разговорное') и толкованием *avaralõikeline trikoodžemper* ('трикотажный джемпер широкого покроя') [ÕS 1999: 624]. В каталогах товаров последних лет тот же предмет одежды именуется *dressipluus* (от *dress* 'спортивная одежда' + *pluus* 'блуза, кофта') и переводится иначе:

- (17) **Dressipluus** — Легкая спортивная куртка [TkkFshn]
Kapuutsiga **dressipluus** — Спортивная **байка** с капюшоном [TkkFshn]

¹ Так, в Русском орфографическом словаре РАН (Отв. ред. В. В. Лопатин. © Электронная версия, «ГРАМОТА.РУ», 2001–2007) зафиксированы слова *блендер*, *тепловентилятор*.

² В том же словаре 1980 и 1984 годов издания эта лексема не представлена (как и в более ранних изданиях).

Смена наименования в эстонских каталогах происходит со сдвигом в сторону большей нормативности: слово *dress* и его производные (*dressipluus*, *dressipüksid* ‘спортивные брюки’) фиксируется «Ортологическим словарем эстонского языка» уже в 1980 году и не сопровождается в нем стилистическими пометами [ÕS 1980: 92]. Слово *pusa*, как неологизм 1990-х гг., остается в разряде разговорных номинаций¹. Однако разнотой предлагаемых переводчиками русских соответствий (*свитер*, *спортивная куртка*, *байка*) только частично может быть объяснен сложностями, которые может вызвать перевод именно неологизма.

Вопрос о том, какое однословное название надо сегодня использовать для *спортивной кофты*, актуален для русского языка безотносительно эстонских лексических новаций. Обсуждение данной проблемы можно встретить в Интернете, например на форуме сайта «Английский язык из первых рук», где носители русского языка оживленно дискутируют на тему «Толстовка» (2006), делясь своим языковым опытом². Общее заключение, которое можно сделать по поводу слова *толстовка* в современном русском языке метрополии, на наш взгляд, сводится к следующему:

1) предположительно это новое значение литературного слова *толстовка* (‘широкая, длинная мужская блуза в складку с поясом; по имени Л. Н. Толстого, носившего такую блузу’ [БТС: 1328]);

2) это наименование не является общеизвестным, воспринимается как относительно новое и при этом разговорное, может быть, сленговое;

3) оно достаточно точно называет востребованный сегодня предмет одежды и не имеет столь же распространенного, однословного и стилистически нейтрального синонима (другие

¹ Эстонское *pusa*, вероятно, представляет собой заимствование 1990-х годов из финского языка, в котором имеется разговорное слово *pusakka* с тем же значением (в финском языке это слово не является неологизмом).

² Веб-ресурс: <http://www.efl.ru/forum/threads/11567/>

названия: *олимпийка, кенгуру, байка* и т. п. — также ограничены в употреблении).

Иначе говоря, слово *толстовка*, при том что оно является точным, однословным наименованием, не может пока занять соответствующую нишу в русском языке. Основное препятствие — стилистическая небезупречность и живая связь с литературным значением. Тем не менее, потребность в нейтральной номинации нового явления остается (ср., аналогичная ситуация привела к тому, что семантический неологизм *модель* полностью вытеснил в русском языке лексему *манекеница*). Русский перевод каталогов товаров в Эстонии свидетельствует о том, что язык диаспоры эту проблему также пока не решил:

1) слова из ряда *свитер, джемпер* имеют достаточно далекие значения;

2) слово *байка* в данном значении не является ни литературным, ни общеизвестным;

3) словосочетание *спортивная куртка* не удовлетворяет требованию точности номинации (прототипическая *куртка* — предмет верхней одежды);

4) вариант *спортивная кофта*, по-видимому, представляется излишне «бытовым» (тем более что прототипическая *кофта* — это предмет женской или детской одежды).

Кроме того, в речи русских в диаспоре функционирует еще один вариант названия для спортивной кофты — *флис / фли-ска*, то есть кофта из *флисового* материала. Для многих носителей русского языка в Эстонии — это заимствование из эстонского языка, однако то же слово можно встретить в российских Интернет-форумах, его же используют, по нашим сведениям, русские, живущие в Финляндии. То есть данный неологизм является параллельной и одновременной новацией в языке метрополии и диаспоры. На роль обобщающего названия слово *флис / фли-ска* также не претендует в силу того, что: а) не является широко распространенным, б) называет только одежду из *флисового* материала, в) сохраняет отпечаток разговорности. Видимо, поэтому данная номинация не встречается в переводах каталогов товаров на русский язык.

При поиске русских соответствий для наименований «новых» предметов используются и другие стратегии перевода, но реже.

2.2. Калькированием исходной номинации обычно сопровождается перевод не столько названий «новых» предметов, сколько сложносоставных наименований с прозрачной внутренней формой. Причина необоснованного калькирования в данном случае заключается в утрате языком диаспоры собственно номенклатурной сферы существования русского языка. Так, в каталогах товаров можно встретить следующие примеры буквальных переводов эстонских номинаций («подстрочника»):

- (18) *Kuivatatud aprikoosid*, 500 g — Сушёные абрикосы [*Mxm*]
- (19) *Rannamõisa jahutatud hakitud kalkuni kintsuliha* — Охлажденное покрошенное мясо окорочков индюка [*SM*]
- (20) *Tallegg kanapallid*, kg — Куриные шарики [*Shvr*]
- (21) *Virtuosso kartulipuder*, 200 g — Картофельная каша [*SM*]
- (22) *Hagari tordipõhi* 340 g — Основа для торта [*SM*]
- (23) *Joogikõrred* 225 tk — Коктейльные трубочки, 225 шт. [*Hndmnn*]

Легко объяснимы причины неточного перевода, приведенного в примере (18): вместо слова *курага* использовано описательное словосочетание *сушеные абрикосы*. Действительно, подобная лексика (изначально *курага* — экзотизм) имеет тенденцию к забвению в условиях сужения сфер функционирования языка (например, по нашим наблюдениям, далеко не все современные студенты-русские филологи в Эстонии знают слова типа *отара*, *чабан*). Однако остальные примеры, на наш взгляд, более очевидно демонстрируют тенденцию к сужению лексического запаса носителей русского языка в диаспоре.

Так, в примере (19) мы видим попытку буквального, дословного перевода эстонского наименования соответствующей разновидности товара, что приводит к ожидаемому результату: сквозь перевод на русский язык «просвечивает» эстонский оригинал. Во-первых, в эстонском тексте использовано словосочетание *hakitud ...liha*, которому в литературном русском языке соответствует сочетание *рубленое* (а не *покрошенное*)

мясо — ограничение на уровне лексической сочетаемости. Вторых, далее идет нанизывание также сомнительных с точки зрения сочетаемости русских слов: *мясо + окорочков + индюка*. В данном случае лучше было бы использовать в качестве перевода слово *фарш*: *фарш индейки охлажденный*. Такой вариант не просто короче, он понятнее читателю за счет достигаемого автоматизма восприятия — этим компенсируются и небольшие смысловые потери перевода. Тот же результат (затемнение смысла русского текста, «просвечивание» эстонского оригинала) наблюдается в примерах (20–23), где (*куриные шарiki*) надо заменить на *тефтели* ('кушанье из мясного или рыбного фарша в виде шариков'), (*картофельную кашу* — на (*картофельное*) *пюре, основу для торта* — на *корж(и) для торта, коктейльные трубочки* — на *соломинки* и т. п.

Все предлагаемые нами варианты перевода (*фарш индейки, тефтели, пюре, коржи, соломинки*) никак нельзя отнести к разряду специализированных или малоупотребительных лексем, что могло бы частично «оправдать» переводчика. В свое время Л. В. Щерба точно охарактеризовал данную ситуацию: «Если переводчик хочет избежать иностранного языка, он часто должен вернуться вспять и перестроить всю мысль, а это раздражает. Вот почему язык наших газет и рекламных листов кишит ненужными варваризмами, проистекающими от спешки, от недостатка вкуса, филологического образования в настоящем смысле этого слова и усидчивости в работе» [Щерба 1974: 69]. В нашем случае, однако, не стоит винить только переводчика: в условиях диаспоры язык неизбежно что-то теряет, функциональное преобладание государственного языка приводит к интерференции, которая, в идеале, может контролироваться сознательно, но лишь небольшой частью носителей русского языка.

Тем более сложно сохранять такую, изначально достаточно условную, форму существования языка, как *номенклатурная лексика*. Ведь в языке метрополии этот пласт регулируется централизованно, наименования товаров описываются в ГОСТах, поступают на прилавки вместе с самими товарами. Кроме того, номенклатурная номинация часто оказывается непредсказуема, эти названия с языковой точки зрения зачастую **идиоматичны**.

Так, в номенклатуре товаров предмет, названный в примере (24), имеет объяснимое, но непредсказуемое наименование *контейнер* (*вакуумные пищевые контейнеры, контейнеры для заморозки фруктов и овощей, контейнеры для заморозки еды*), на фоне которого перевод, предложенный переводчиком в (24), несмотря на свою точность, кажется наивным:

- (24) Sügavkülmakarbid — **Коробочки** для заморозки продуктов
[Nvlx]

Также, например, в современном русском языке метрополиии распространено устойчивое номенклатурное выражение *в ассортименте*, например: *консервы для кошек в ассортименте* [АБК], *бумага наждачная в ассортименте* и т. п., которое является идиоматичным и не имеет распространения в языке диаспоры. Иногда переводчики в диаспоре используют для передачи данного значения неудачное соответствие *выбор* (25), иногда — описательные конструкции (26) и лишь в редких случаях демонстрируют знание данного выражения (27):

- (25) **выбор** мужских и женских брюк; **выбор** баскетбольных мячей [Малинкович 2003: 25]
(26) Набор для ухода за волосами. Розовый или синий **на выбор** [Hndmnr]; Средство для ополаскивания белья, **различные виды** [Slvr]; Напиток, **различные вкусы** [Slvr]
(27) DVD **в ассортименте** [Slvr]

При этом использование выражения *в ассортименте* в некоторых изданиях некоторыми переводчиками вряд ли может привести к проникновению его в язык диаспоры, в котором, как показывают не только примеры (18–23), но и наши личные наблюдения, заметна тенденция к сужению лексического запаса. Так, например, в речи учителей одной русской школы Эстонии встретилось немотивированное заимствование из эстонского языка *швámка / швámочка* (эст. *švamm* ‘губка’), которым называлась *губка для доски*, причем альтернативного варианта номинации (то есть того же слова *губка*) они в своей речи не использовали.

2.3. В этой ситуации обнадеживающей выглядит заметная тенденция **не использовать заимствования** (эстонизмы)

в переводах каталогов товаров на русский язык. Лексические заимствования в них встречаются крайне редко, причем в двух случаях: а) для называния «экзотической» реалии, то есть там, где заимствование оправдано (28); б) для номинации все тех же «новых» предметов, когда заимствование происходит из-за незнания соответствующего неологизма (29). Ср.:

(28) *Naigari viilutatud sepiк* 300 g — Нарезанный¹ **сепик** [SM]

(29) *Kõik rulood ja bambusrulood* — Все **руло** и **руло** из бамбука [EhtsABC]

При этом лексема *сепик* ('пшеничный хлеб из муки грубого помола'), в целом неизвестная русскому языку метрополии, в узусе диаспоры является давним и широкоупотребительным заимствованием, не имеющим альтернативной номинации. Слово *руло* представляется менее удачным нововведением, которому в языке метрополии соответствуют *рулонные шторы* (202 тыс. документов по данным google.com), *рулонные жалюзи* (143 тыс. документов) и *рольшторы* (32 тыс. документов). Ответ на вопрос о том, какая из этих номинаций закрепится в языке диаспоры, может дать только время; на данный момент поиск среди веб-страниц, расположенных в эстонском Интернете, демонстрирует явное преобладание заимствования *руло*: *рулонные шторы*, *рулонные жалюзи*, *рольшторы* — 2360, 1860 и 6 документов соответственно, тогда как для *руло* найдено 4410 документов. Как мы видим, в каталогах товаров появляются такие заимствования из эстонского языка, которые уже функционируют в языке диаспоры, то есть переводчик в данном случае является не «автором» заимствования, а его «транслятором».

2.4. Как мы видели из предыдущих примеров, переводчик каталогов достаточно точно следует эстонскому оригиналу: он либо старается подобрать близкое русское соответствие, либо калькирует, либо, реже, использует заимствование. «**Авторские**» **номинации**, созданные самим переводчиком, в катало-

¹ Здесь наблюдается неиспользование имеющегося в языке метрополии номенклатурного выражения *в нарезке / (нарезка): многозерновой хлеб в нарезке; хлеб пряный подовый (нарезка)*, см., например, www.goodsmatrix.ru, www.hlebozavod28.ru и т. п.

гах товаров достаточно редки, и их появление связано с необходимостью перевести (идиоматичное) составное наименование с внутренней формой, не имеющее русского эквивалента. Например, название широко известного блюда эстонской кухни — *Mulgi kapsad* ‘капуста (приготовленная так, как принято в) Мульгимаа’, которое местные русские так и называют (*мульги-капсад*), переводчик не рискнул передать при помощи заимствования и использовал приблизительное описание (30):

(30) *Mulgi kapsad* Salvest, 900 g — **Квашеная капуста со свиной** [*Mxm*]

На этом примере мы видим, что переводчик отказывается от заимствования имени собственного (а наименование блюда в данном случае не только включает в себя имя собственное, но и само приближается к этому разряду лексики), отдавая предпочтение описательному наименованию. Описательная номинация обладает тем преимуществом, что, с одной стороны, не требует учета фоновых знаний читателя, с другой стороны, выполняет функцию классифицирующей номинации (в отличие от имени собственного, при помощи которого производится идентифицирующая номинация¹). Однако в данном случае страдает точность передаваемой информации: *мульги-капсад* — это не ‘квашеная капуста со свиной’, а ‘квашеная капуста, тушенная со свиной и перловой крупой’. При этом отказ от использования имени собственного приводит к «обезличиванию» рекламируемого товара: вместо блюда национальной кухни покупателю предлагается некий продукт без культурного фона.

Пример (31) включает номинативное словосочетание *tudengi eine* (‘завтрак студента’): так называется пакетик со смесью сухофруктов и орехов. Это название, хотя и состоит из нарицательных слов, в силу своей метафоричности приближается к имени собственному. В переводе использовано словосочетание *набор студента*, которое является неудачной попыткой воспроизвести содержательный компонент номина-

¹ Об этом см. [Ермолович 2001: 9].

ции. В языке метрополии этот вид товара (опять-таки) имеет идиоматичное название (32), ср.:

(31) Tudengi **eine** Alice, 400 g — **Набор** студента [*Mxt*]

(32) **Коктейль** «Джаз» Студенческий, смесь орехов и сухофруктов, 50 г (*Московская ореховая компания*); **Коктейль** (смесь орехов и сухофруктов) (*Перекресток*) и т. п.

В следующем примере представлен случай, когда заимствование невозможно: эстонское наименование *saiakate* (буквально: ‘покрытие для булки’) является словом нарицательным и требует смыслового перевода. Вряд ли возможен здесь и буквальный перевод: ³покрытие для булки, ²намазка для хлеба. Лексема *saiakate* не зафиксирована ни одним доступным нам словарем эстонского языка; данные Корпуса эстонского языка свидетельствуют о том, что слово *saiakate* является новым словом — первая обнаруженная нами в корпусе фиксация относится к 1997 г.¹ Возникновение такого неологизма в эстонском языке связано с появлением новой разновидности пищевых продуктов и стремлением производителя скрыть от покупателя некоторые характеристики, невыгодно отличающие *saiakate* от аналогичных изделий. Так, на веб-сайте Ракверского мясокомбината *saiakate* приводится в разделе *pasteedid* (‘паштеты’), от которых отличается по составу: около 50–60 % мяса и мясных продуктов в паштетах, 36 % — в *saiakate*. Таким образом, новая номинация создается в целях некоторой эвфемизации: для характеристики такого продукта, который по своему составу не соответствуют нормам «классических» продуктов (об этом см., например, [Иссерс 2006]). Перевод, предложенный в каталоге товаров, представляет собой попытку повторить данный прием: сочетание слов *мясной* ‘такой, который из мяса’ и *крем* ‘1. (сладкое) блюдо из взбитых сливок...; 2. (сладкая) масса ... для прослойки (тортов)...’ формирует у потребителя положительный образ продукта:

(33) Rakvere **saiakate** 200 g — **Мясной крем** [*SM*]

¹ «<...> poes müüdi müügiaja ületanud <...> toidukaupu (<...> pasteet, **saiakate**, kestad keedusink jne)» [Postimees 1997] (см. корпус „Postimees“ на сайте www.keelev.ee).

В целом, однако, этот перевод неудачен, так как нарушение сочетаемости в нем (*мясной + крем*, который обычно *сладкий*) не поддерживается узусом. Наиболее уместно, на наш взгляд, было бы в данном случае использовать первую из перечисленных стратегий перевода — подобрать имеющийся русский эквивалент, например, *паста для бутербродов*.

Обобщая сказанное, можно заметить, что переводчик каталогов на русский язык в диаспоре «сомневается», в первую очередь, когда сталкивается а) с названиями новых предметов или б) с новыми названиями имеющихся предметов. На примере слов типа *пресс-кофейник* и *френч-пресс*, *руло* и *рулонные шторы* мы видели, что русский язык метрополии находит свои пути, которые чаще всего отличаются от того, что предлагает язык диаспоры.

При этом в русском языке каталогов, выпускаемых в условиях диаспоры, не проявляется прагматическая составляющая: калькированные и описательные, часто стилистически неуместные, как правило, неноменклатурные номинации¹ — все это создает ощущение стихийности в использовании языковых средств, достоверность издания в восприятии читателя снижается, воздействующая функция практически не реализуется. Для примера сравним еще несколько «подписей к картинкам» из эстонского (34) и российского (35) каталогов товаров, позволив читателю статьи самому решать, насколько в них реализован воздействующий потенциал:

- (34) Мясной продукт с сыром; Нарезанная вареная салями; Креветки в соленой воде; Корм для кошек с рыбой [SM]
 (35) Сервелат «Коньячный» в/к <варено-копченый>; Буженина «Праздничная»; Креветки королевские «НОРТОН» в панцире; «Фрискис» консервы для кошек «курица / почки / овощи» [АБК]

¹ При этом наблюдаются и другие нарушения номенклатурного языка, например не используется инверсированный порядок слов, ср.: (в России) *шоколад молочный «Кэдбери»*, *колбаса «Докторская» по-Микояновски* [АБК] и (в Эстонии) *газированный прохладительный напиток* [SM], *подкопченая <sic!> вареная колбаса с сыром* [Mxt] и т. п.

В примере (34) первое из приведенных наименований (*мясной продукт с сыром*) представляет собой перевод эстонской номинации *Nõo Lihavürsti Aadliku eine juustuga*, что буквально может быть переведено как *аристократический завтрак с сыром (от) «Нью Лихавюрст»*. Предложенный в каталоге перевод на русский язык в значительной мере уступает оригиналу, в котором наблюдается нанизывание слов с позитивными коннотациями, формирующими у потребителя положительный образ товара. Во-первых, в русском переводе употреблена лексема *продукт*, которая в составных номинациях используется для характеристики продуктов, по своему составу не соответствующих нормам «классических» продуктов (*сметанный продукт, йогуртный продукт*) [Иссерс 2006]. Во-вторых, исчезло из перевода и слово *aadlik* ‘дворянин’. В-третьих, из номинации было исключено имя собственное — торговая марка производителя *Nõo Lihavürst* (состоит из топонима *Nõo* и торговой марки *Lihavürst* ‘мясной князь’), которая не должна переводиться, но может быть транслитерирована. Неиспользование имени собственного в наименовании продукта снижает воздействующий потенциал номинации (это относится и к примерам 30, 31) — она обезличивается, лишается конкретики, не вызывает желания приобрести именно этот продукт.

3. ПЕРЕДАЧА ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО

Вопросы передачи имен собственных при переводе подписей к изображениям товаров в рекламных каталогах в целом решаются упрощенно и однообразно — они сохраняются в исходном виде, то есть не транслитерируются (в русском тексте передаются латиницей) и приводятся без кавычек. В ряде изданий этот подход используется в еще более упрощенном виде — переводятся только нарицательные слова, называющие собственно разновидность товара, все имена собственные в русском подстрочнике опускаются, то есть идентифицирующая информация должна вычитываться из эстонского текста:

- (36) **Eesti Pagari** kohupiimasaiake, 3 x 65 g — Творожная булочка [Rm]
 Joogivesi **Bonaqua**, 1,5 l — Питьевая вода [Mxm]

Схема «без транслитерации и без кавычек» используется при передаче названий и торговых марок, и разновидностей товаров:

- (37) Puding Tere — Пудинг **Tere** <tere ‘здравствуйте’, здесь — торговая марка> [SM]

Kommid Kalev Kaevur — Конфеты **Kalev Kaevur** <Kalev ‘Калев’ мужское имя собственное, здесь — торговая марка и название кондитерской фабрики; *kaevur* ‘шахтер’, здесь — разновидность товара> [SM]

Наричательные слова в составе имен собственных не переводятся, если входят в название торговой марки или производителя (37), что соответствует правилам передачи иностранных названий компаний и организаций [Ермолович 2001: 123]. Однако в каталогах остаются без перевода и нарицательные слова, входящие в состав названий разновидностей товаров, — даже в тех случаях, когда имеются условия, позволяющие сделать этот перевод: а) в русском языке имеется традиционное соответствие (38) и б) в названии содержится характеризующая информация о товаре и перевода требует собственно прагматическая задача текста (39)¹. См.:

- (38) Juustuviilud **Vene** või **Hollandi** — Нарезанный сыр **Vene** или **Hollandi** <‘русский или голландский’ — разновидность товара> [SM]

- (39) **Oskar Doktori** keeduvorst — Вареная колбаса **Doktori Oskar** <*doktori* ‘докторская’; *Oskar* мужское имя собственное, здесь — торговая марка> [SM]

Отклонения от этой схемы встречаются редко и также свидетельствуют о «стихийности» в выборе переводческой стратегии. Так, в (40) решение в пользу того, чтобы перевести слово *kuldne* ‘золотой’, не поддерживается ни наличием в русском языке традиционного соответствия, ни конкретной прагматиче-

¹ Рекомендации по выработке стратегии при передаче имен собственных на другом языке см. в [Ермолович 2001: 32–35].

ской задачей (покупатель не получает дополнительной классифицирующей и / или характеризующей информации о товаре):

(40) Baltix **Kuldne riis**, 1 kg — Золотой рис [*Rm*]

В целом, в переводах рекламных каталогов на русский язык наблюдаются отклонения от правил передачи иностранных имен собственных в русском тексте, согласно которым названия компаний подлежат практической транскрипции и должны заключаться в кавычки [Ермолович 2001: 123], то есть по правилам: *пудинг «Тере», конфеты «Калев», колбаса «Оскар»* и т. п. Кроме того, отсутствует необходимый перевод нарицательных слов в названиях разновидностей товаров.

Рассмотрим стратегии, используемые при передаче иностранных имен собственных в аналогичных российских изданиях. По нашим наблюдениям (которые не являются системными), безадресно распространяемые по почте рекламные материалы определенных торговых сетей в России появились позже, чем в Эстонии. В нашем распоряжении имеется один выпуск соответствующего издания 2007 г. [*АБК*], кроме того, в качестве дополнительного источника материала использовался Интернет.

Наиболее заметное отличие от рассмотренных выше способов передачи иноязычных имен собственных (названий торговых марок и разновидностей товаров) в Эстонии заключается в том, что в российских аналогах последовательно используется основное средство маркированности заимствованного имени собственного — кавычки. Так, в рекламном каталоге товаров сети универсамов АБК в кавычки заключаются все имена собственные, что позволяет маркировать их условность (идентифицирующая, но не характеризующая функция). При этом в кавычки заключаются как иноязычные (41), так и собственно русские (42) названия:

(41) приправа «Вегета»; «Фрискис» консервы для кошек; зубная паста «Колгейт Тотал» [*АБК*]

(42) колбаски «Пивчики Пражские»; сосиски «Сливочные»; нарезка «Дон-Кихот»; вафли «Яшкинские» [*АБК*]

При этом в российских подписях к изображениям товаров наблюдается тенденция к практической транскрипции иноязыч-

ного имени собственного¹ — так, в [АБК] из 47 иноязычных номинаций 31 передается кириллицей, 16 — латиницей. Нередки случаи совмещения кириллицы и латиницы, например:

- (43) водка «Парламент» Интернешнл в подар. упак.; чай «Милфорд» 12 трав; подарочный набор для девочек «Rexona Teens»; макароны «Grad Di Pasta»; подарочный набор «Жиллет FUSION»; кофе «Чибо» «Mild» [АБК]

4. В Ы В О Д Ы

Языковой материал, поставляемый рекламными каталогами товаров, на наш взгляд, является отражением процессов, происходящих в русском языке в Эстонии. За прошедшие с момента объявления независимости Эстонии почти двадцать лет произошла некоторая адаптация носителей русского языка к ситуации «русский язык — маргинальный язык».

Складываются если не новые нормы, то новое отношение к некоторым аспектам нормативности в языке, причем в числе первых становятся факультативными формальные языковые средства: исчезают кавычки, перестают транслитерироваться иноязычные наименования, утрачиваются приметы номенклатурного языка. Особенно это заметно в более свободных от профессионального редактирования жанрах, таких как подписи к изображениям товаров в рекламных каталогах. Интересно, что относительно недавно (в 2001–2002 гг.) в тех же изданиях иноязычное имя собственное передавалось то без кавычек (44), то с их использованием (45), тогда как в настоящее время кавычки исчезли из всех каталогов. Ср.:

- (44) Серия «Божья коровка»; Выбор баскетбольных мячей фирмы «Wilson»; Вентилятор-обогреватель «Tefal» [Малинкович 2003]
- (45) Специальная грелка Tefal для быстрого и равномерного обогрева [Малинкович 2003]

¹ К иноязычным названиям мы относим те имена торговых марок и разновидностей товаров, которые на упаковках товаров передаются с использованием латиницы, к русским — те, которые передаются кириллицей.

Утрата таких формальных языковых средств, как кавычки, номенклатурный порядок слов, номенклатурная лексика, приемы практической транскрипции и т. д., — явление в целом негативное, так как не столько утрачивается внешняя, условная сторона, сколько **сокращаются средства прагматической (функциональной) маркированности текста.**

На лексическом уровне основные проблемы вызывает перевод наименований бытовых предметов: имеется целый ряд слов, перевод которых остается неизменно неудачным. Например, переводчики старательно переводят слово *lapp* ‘тряпка’ на русский язык буквальным соответствием, что недопустимо в большинстве случаев (уместнее слово *салфетка*, а в некоторых случаях речь идет и вовсе о *швабре*). Примеры такого перевода были в каталогах 2001–2002 гг. (46), есть они и в каталогах 2009–2010 гг. (47):

(46) **Тряпочки** для очистки <sic!> очков; Ведро с тряпкой [Малинкович 2003]

(47) **Тряпка** из микроволокна [*Mxm*]; **Хозяйственные тряпочки** [*NvIx*]; **Тряпка** для мытья пола с ручкой [*NvIx*]

Положительная тенденция заключается в том, что качество русского языка в этих изданиях в целом улучшилось: не только исчезли практически все орфографические ошибки и опечатки, заметен прогресс и на лексическом уровне. Сейчас в каталогах товаров уже не встречаются переводческие окказионализмы типа *трёхчастный набор для обрезания ногтей, фильтрующий графин* (вместо *фильтр-кувшин*), *лампа с мини-куполom* (вместо *лампа с абажуром*) [Малинкович 2003] и т. п. Меньше стало и бросающихся в глаза стилистических несуразностей типа *миска для десерта, коробка с 75 чайными свечками, тряпочки для очистки очков* и т. п. [там же].

Таким образом, проверка временем показала, что не стоит строить совсем уж пессимистических прогнозов относительно судьбы русского языка в диаспоре. Небезынтересно будет в дальнейшем проследить за судьбой наименований новых предметов, чтобы узнать, пойдет ли язык диаспоры здесь своим путем и появятся ли в нем общеупотребительные наименования там, где сейчас имеются конкурирующие варианты, или будет

усвоена наиболее распространенная номинация из языка метрополии (которая все же не столь далека и недостижима, как в случае с первыми волнами российской эмиграции). Возможно, на каком-то этапе русский язык диаспоры вернется и к использованию формальных средств функциональной маркированности текста. Что же касается тенденции к сужению лексического запаса у носителей русского языка в Эстонии, то она может проявиться как тенденция к распространению и адаптации эстонизмов, с одной стороны, или замедлить свое развитие под влиянием языка метрополии, доступного из СМИ и, что действительно, из Интернета.

ИСТОЧНИКИ

(По названиям торговых сетей, выпускающих каталоги товаров)

АБК — «АБК. Сеть универсамов» (Москва, декабрь 2007)

Сmrkt — «Comarket» (Эстония, 2009–2010)

EhtsABC — «Ehituse ABC» (Эстония, 2009–2010)

ЕТК — «ЕТК Kliendileht» (Эстония, 2009–2010)

Hndmnn — «Handyman» (Эстония, 2009–2010)

Mxm — «Maxima» (Эстония, 2009–2010)

Nvlx — «Novalux» (Эстония, 2009–2010)

ONOFF — «ONOFF» (Эстония, 2009–2010)

Rm — «Rimi» (Эстония, 2009–2010)

Slvr — «Selver» (Эстония, 2009–2010)

SM — «Säästumarket» (Эстония, 2009–2010)

TkkFshn — «Takko Fashion» (Эстония, 2009–2010)

СЛОВАРИ

БТС — Большой толковый словарь русского языка. Под ред. С. А. Кузнецова. Санкт-Петербург, 2001.

ÕS 1980 — Õigekeelsussõnaraamat. 3. trükk. Tallinn.

ÕS 1999 — Eesti keele sõnaraamat. Tallinn.

ЛИТЕРАТУРА

Ермолович Д. И. 2001 — *Имена собственные на стыке языков и культур. Заимствование и передача имён собственных с точки зрения лингвистики и теории перевода.* Москва.

- Иссерс О. С. 2006 — Не все тайное становится явным, или Манипулятивный потенциал текстов на упаковке продуктов. *Антропo-текст-1: Сб. статей*. Томск. С. 52–59.
- Костанди Е. И. 2006-а — Прагматический аспект межкультурной коммуникации (на материале эстонско-русских переводов рекламных текстов). *Международная научно-практическая конференция по проблемам преподавания русского языка и литературы в странах Балтии*. Санкт-Петербург. С. 6–13.
- Костанди Е. И. 2006-б — Русская разговорная речь диаспоры. *Микроязыки. Языки. Интеръязыки*. Тарту. С. 332–336.
- Kostandi, J. 2007 — Tõlke pragmaatikast reklaamtekstis. *Emakeel ja teised keeled V. Tartu Ülikooli eesti keele (võõrkeelena) õppetooli toimetised*. Тарту. С. 56–63.
- Костанди Е. И. 2008 — Местоимение *такой* в русской разговорной речи. *Cuadernos de Rusística Española*. 4. P. 59–68.
- Лебедева Н. Б. 2001 — Естественная письменная русская речь: проблемы изучения. *I Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность»*. Сборник тезисов. Москва. С. 260–261.
Веб-ресурс: <http://www.russian.slavica.org/article5837.html>
- Малинкович Л. 2003 — *Ошибки, встречающиеся в рекламных изданиях на русском языке*. Бакалаврская работа. Тарту, 2003.
- Плунгян В. А. 2005 — Зачем нужен Национальный корпус русского языка? Неформальное введение. *Национальный корпус русского языка: 2003–2005. Результаты и перспективы*. Москва. С. 6–20.
- Рудяков А. Н. 2010 — Георусистика и лингвистические механизмы формирования национальных вариантов языка. *Язык и общество в современной России и других странах. Международная конференция*. Москва, 21–24 июня 2010 г. Доклады и сообщения. С. 64–67.
Веб-ресурс: http://www.iling-ran.ru/conferences/2010_yazyk_i_obschestvo/PartI.pdf
- Труды 2000 — *Язык диаспоры: проблемы и перспективы. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. III*. Отв. ред. И. П. Кюльмоя. Тарту.
- Труды 2002 — *Проблемы языка диаспоры. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. VI*. Отв. ред. И. П. Кюльмоя. Тарту.
- Щерба Л. В. 1974 — *Языковая система и речевая деятельность*. Ленинград.

EESTI KAUBAKATALOOGIDE VENE KEELEST

Oksana Palikova

Artiklis analüüsitakse Eestis eksisteerivat vene keelt kaubakataloogide tõlgete baasil. Keele seisukohalt on need tõlked väga huvitavad, kuna sisaldavad selliseid sõnartühmi, mida kasutatakse uusimate esemete nimetamiseks. Detailselt vaadeldakse kataloogides rakendatud tõlkestrateegiaid:

1. Olemasoleva vene ekvivalendi valimine. Sageli valib tõlkija ebatäpse vaste: kas vähekasutatud ja kõnekeelse (*klaasist presskann — пресс-кофейник*), või — harvemini — Venemaal levinud neologismi (*kohvi presskann — френч-пресс*). Eraldi analüüsitakse ühte eesti neologismi ja selle sünonüümi (*pusa — dressipluus*) ning nende vene vasteid Venemaa ja Eesti vene keeles (*толстовка, олимпийка, кенгуру, байка*).

2. Toorlaene kasutatakse tavaliselt siis, kui vene vasteks on vähelevinud sõna (*kuivatatud aprikoosid — сушёные абрикосы — курага* asemel) või eesti nimetus on läbipaistva sisevormiga (*kanapallid — куриные шарики — тефтели* asemel). Need näited kinnitavad tähelepanekuid sõnavara arvulisest vähenemisest diasporaa keeles.

3. Kaubakataloogide vene tõlgetes peaaegu ei esine eesti laensõnu. Reeglina kasutatakse selliseid laensõnu, mis juba funktsioneerivad diasporaa keeles (*kõik rulood ja bambusrulood — все руло и руло из бамбука*).

4. Mõnikord loob tõlkija oma nimetuse, nt eesti neologismi vene keelde tõlkimiseks: *saiakate — мясной крем* ('lihakreem'). Selle okasionaalse ühendi tähendus on eksitav, samuti on rikutud leksikaalne seostumus. Õigem oleks öelda nt *паста для бутербродов* ('võileiva pasta').

Võõrkeelne pärisnimi edastatakse kõikide kataloogide vene tõlgetes ilma jutumärkideta ning ladina kirjas, mis ei vasta vene keele reeglitele (*puding Tere — пудинг Tere — пудинг «Tere»* asemel).

Artiklis võrreldakse ka tänapäeva (2009–2010) ja varasemate aastate (2001–2002) kaubakataloogide vene tõlkeid ning Eestis ja Venemaal eksisteerivate kaubakataloogide vene keelt.

Üldjoontes võib öelda, et vene diasporaa keelt iseloomustab pragmaatiliste keelevahendite ning sõnavara vähenemine. Samas on märgata ka positiivseid tendentse: vene keele kvaliteet kaubakataloogides on paranenud — kadunud on ortograafia- ja trükivead, mõningat edasiminekut on toimunud sõnakasutuses.

ИЗМЕНЕНИЯ В СФЕРЕ ЭТИКЕТНО-ФАТИЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ДИАСПОРЫ ФИНЛЯНДИИ

О. В. ПУССИНЕН

Языки различных русскоговорящих диаспор (в Америке, Германии, Израиле, Финляндии, Австралии, Канаде), длительное время компактно проживающих вне зоны действия речевых процессов, происходящих в метрополии, сейчас обоснованно называются самоценными составляющими частями (субкодами) национального русского языка [Крысин 2000: 61]. В связи с развитием коммуникационных технологий и их активным использованием в повседневной человеческой жизни может показаться, что изменения в русской речи представителей диаспоры не являются столь кардинальными. Тем не менее, считается, что языковая среда диаспоры вторична по отношению к языку метрополии [Орехова 2003]. На наш взгляд, такая вторичность выражается в том, что речевое поведение любого человека, в течение длительного периода времени постоянно проживающего вне своей родной языковой среды, постепенно начинается осуществляться по иным схемам, нехарактерным для речевых стратегий жителей метрополии. Языковые изменения такого рода подчас кажутся незаметными даже самим представителям диаспоры, которым в целом присуща повышенная речевая рефлексия. Тем не менее, эти изменения реальны и заслуживают отдельного лингвокультурологического анализа.

Одним из наиболее ярких примером подобных изменений можно считать сферу этикета и фатического общения. Русский

этикет представляет собой сложный комплекс социально-коммуникативных правил и установок, обслуживающий развернутую систему речевых жанров во всех случаях социально-ситуативного общения: от политических приемов на высшем уровне до армейских уставных взаимоотношений, от деловых корпоративных вечеринок до неформальных молодежных «тусовок». Покидая Россию, индивид увозит с собой богатую русскоязычную этикетную практику и наработанные годами штампы и стереотипы фатического общения. Каким же образом реформируется весь этот комплекс и как он функционирует в новых условиях? Настоящая статья является одной из попыток прояснить те изменения, которые происходят в этикетно-фатической коммуникации эмигрантов на примере русскоязычной диаспоры Финляндии. Материалом для анализа этой проблемы стали записи устной русской речи представителей диаспоры, собранные как с помощью свободных интервью, так и в результате метода «включенного наблюдения», когда исследователь встраивается в предмет своего изучения, являясь участником исследуемого сегмента общения.

В нашей статье мы остановимся на так называемой «четвертой волне» эмиграции, так как именно она включает в себя самых активных носителей русского языка. Можно сказать, что современная русскоязычная диаспора Финляндии начала формироваться чуть более двадцати лет назад и к настоящему времени объединила в себе весьма пестрое сообщество людей с различными поведенческими стратификациями и установками, различным уровнем образования и культуры, различным «набором» духовных и материальных ценностей. Это этнические репатрианты (ингерманландские финны, их потомки и члены их семей), фиктивные и настоящие жены финнов, студенческо-профессиональная эмиграция, а также беженцы из республик бывшего СССР.

Е. А. Земская в своих характеристиках эмиграционных потоков достаточно осознанно противопоставляет первую и четвертую волны, которые, по ее мнению, обладают наиболее существенными и типическими различиями. Четвертую волну, согласно Е. А. Земской, в подавляющем большинстве состав-

ляют люди, «уехавшие из России навсегда, не имеющие желания возвращаться. Их цель — как можно скорее добиться в стране-приюте успеха, иметь работу, дом, семью. Они не хотят быть чужаками, хотят стать своими... Многие из них стремятся всеми силами говорить на новом языке и перестают говорить по-русски. Такие люди составляют значительную часть эмигрантов четвертой волны» [Язык русского зарубежья 2001: 44].

На наш взгляд, обобщения Е. А. Земской слишком кардинальны. Безусловно, исход четвертой волны из России был спровоцирован, в основном, экономическими причинами, однако стремление к материальному благополучию все-таки не является прямой причиной отказа от родного языка. На сегодня культурная деятельность русскоязычной диаспоры Финляндии довольно активна (издание русскоязычных газет и журналов, многочисленные русскоязычные кружки для детей и клубы для взрослых, трансляция русскоязычного радио). Конечно, ее можно оценивать по-разному. С одной стороны, она не имеет грандиозных масштабов, оставаясь в целом на уровне самодеятельности. Однако, с другой стороны, совершенно очевидно, что для самих эмигрантов эта сторона жизни становится значимым фактором, позволяющим им не только общаться друг с другом, но и развивать русскоязычную компетенцию у «детей эмиграции», второго поколения четвертой волны¹. Языковые и культурные изменения в группах «родителей» и «детей» протекают по-разному и не связаны друг с другом. Рассмотрим сначала процессы, характерные для старшего поколения четвертой волны.

¹ Наше обозначение «дети» достаточно условно, поскольку возрастные рамки этой социальной группы весьма широки. Так, те из них, кто приехал в Финляндию вместе с родителями в возрасте 7–10 лет в конце 1980-х годов, сейчас уже вполне взрослые молодые люди 25–30 лет. Однако путь их языкового развития и этнокультурной идентификации можно назвать типическим, поскольку в общих чертах его повторяют и те настоящие дети, которые сейчас еще учатся в школах.

Как уже было сказано, особенность четвертой волны эмиграции заключается в ее социально-культурной неоднородности. В силу этого представителям русскоязычной диаспоры Финляндии приходится обучаться качественно иному общению, преодолевая социальные барьеры и различия в языковой компетенции и ориентируясь на общность культуры и единство русского языка как определенной национально-культурной идеи. Такое положение дел приводит к постепенному отказу от ряда функциональных субкодов языка и переходу на усредненный социально-коммуникативный уровень общения. Нельзя сказать, что жизнь в диаспоре полностью нивелирует все разнообразие языковых вариантов, что вкрапления территориальных диалектов и городского просторечия, социальные и профессиональные жаргоны полностью исчезают из речи эмигрантов. Однако можно предположить, что при установке на понимание и контакт, специфические особенности языковых субкодов уступают место среднелитературному уровню речи. Такие же изменения, связанные с речевым этикетом и фатическими речевыми жанрами, происходят и в культуре общения эмигрантов. Специфическая разветвленность русского этикета в целом заменяется на усредненные и стилистически нейтральные речевые модели общения.

Так, в речи эмигрантов практически отсутствуют обращения к незнакомому человеку с помощью терминов родства, приятельства или землячества, допустимые в русской просторечной культуре. Обращения *дяденька/дядя, тетенька/тетя, отец, сынок, мать, дочка, бабушка, дедушка, внучок, внучка, брат, друг, подруга, земляк/земляки* являются нормальными и распространенными по всей территории метрополии, вне зависимости от масштабов населенного пункта. Однако они совершенно не употребляются в речи эмигрантов. Возможно, обращения такого рода воспринимаются как речевые характеристики, выдающие провинциальность или (как в случае со словоформой *братан*) принадлежность к непопулярной социальной страте. Возможно, некоторые из них придают речи слишком экспрессивный характер, не согласующийся с образом жизни вне российских просторов. Возможно, в европей-

ские декорации «не вписывается» и коннотация интимной фамильярности, заложенная в обращениях такого рода, употребляемых обычно при просьбах или вопросах, обладающих для говорящего повышенно важным значением. Возможно также, что заложенная в подобных обращениях историческая модель семейности, общинности и соборности теряет свой смысл на чужой территории, а потому и воспринимается представителями диаспоры как абсурдная. В любом случае, те немногие примеры использования слов-обращений из данного концепта были услышаны автором этой статьи в Хельсинки из уст российских туристов или рабочих-строителей из Эстонии, составляющих отдельную социально-языковую группу, мало включенную в жизнь диаспоры.

Еще одно заметное изменение этикета связано с использованием обращений по имени-отчеству. Под влиянием финской модели отчества в диаспоре вышли из активного употребления. Те институциональные ситуации, которые в России предполагают использование обращения по имени-отчеству, вне метрополии обслуживаются в основном на финском языке и регулируются другими социально-поведенческими механизмами. В сфере русскоязычного общения остались преимущественно дружественные или приятельские неофициальные контакты, которые подразумевают более свободное отношение к отчеству. Постепенно функция отчества перешла на полный вариант имени, который сейчас используется при знакомстве как публичный вне зависимости от возраста: *Александр, Николай, Юрий, Наталья, Маргарита, Анастасия*. Даже при более официальном контакте эмигрантов друг с другом, при общении посетителя и служащего в разных сферах обслуживания (в парикмахерских, частных медицинских клиниках, салонах красоты или в службах социальной помощи) отчество уже не употребляется ни той, ни другой стороной. Бесспорно, здесь также очевидно влияние европейского стиля общения, который воспринимается русскоязычным населением как установление более близких и доверительных отношений, не нарушающих все же границ дружественной сферы общения, поскольку за ней закрепляются уменьшительные

формы имен: *Саша, Коля, Юра, Наташа, Рита, Настя*. Следует отметить, что разрушение традиции и старых норм этикета в данном случае прошло на удивление «мягко» и безболезненно. Можно предположить, что обращение без отчества позволяет русскому человеку ощутить себя моложе и сильнее, откинув опыт прожитых лет. Хотя порой подобный отказ от отчества порождает у некоторых пожилых эмигрантов, проживших большую часть жизни в России, странное чувство душевной раздвоенности. Как призналась в личной беседе одна пожилая информантка:

- (1) *Там-то (в России. — О. П.) всю жизнь Галина Петровна была. А тут раз — и просто Галина стала. Как будто и не я, как будто девчонка какая...*

Впрочем, в дружеском мужском общении людей старшего возраста (старше пятидесяти лет) довольно распространено использование отчества без имени, так же, как это происходит и в метрополии: *Сергеич, Тимофеич, Степаньч*. Подобное обращение в целом отражает сложный комплекс чувств по отношению к собеседнику, который включает в себя уважение, основанное на признании жизненного опыта, дружескую симпатию, акцент на гендерной идентификации (обращение по отчеству среди женщин отсутствует), а за пределами России в какой-то степени становится признаком землячества. Такое обращение высоко оценивается всеми участниками коммуникации:

- (2) *Когда тебя называют не «Юрой», а «Валерьич», это, поверьте, много значит.*

Вероятно, столь легкий отказ от использования отчеств усилен также и сходными процессами в метрополии. Анализируя современную ситуацию, М. А. Кронгауз отмечает, что «за последние десять лет заметно сузилась сфера использования отчеств. Отчество практически исчезло из тех сфер общения, которые наиболее подвержены иностранному влиянию, то есть из бизнеса... Новый этикет во многих деловых коллективах подразумевает обращение только по имени, в том числе и к начальнику, и к деловому партнеру, то есть в тех ситуациях,

где ранее нейтральным было обращение по имени-отчеству» [Кронгауз 2007: 112]. В тех же случаях, когда изменения в этикете диаспоры не поддержаны подобными тенденциями в метрополии, они протекают более медленно. Это касается, например, противоречий в использовании личных местоимений: дружеского *ты* и вежливого *Вы*. Устранение отчества из обращения в России тем не менее не означает более активного использования местоимения *ты*. Современный российский этикет совмещает использование полного имени с обращением на *Вы* (*Вы, Алексей... Вы, Татьяна...*): подобное обращение становится образцом нормативного поведения, активно внедряемого в разные социальные слои стилистикой различных телешоу и интервью¹.

Таким образом, противопоставление *Ты* и *Вы* в жизни метрополии по-прежнему остается важной этикетно-языковой стратегией и маркером принадлежности к привилегированной общественной группе и престижной социальной страте. Использование же личных местоимений *Ты* и *Вы* в жизни русскоязычной диаспоры Финляндии, по нашим наблюдениям, находится в сложном и не слишком определенном состоянии. С одной стороны, прочные позиции вежливого *Вы* в метрополии стимулируют употребление *Вы* в этикете диаспоры, в целом придерживающейся общих правил традиционного русского этикета. С другой стороны, модель русского этикета находится в постоянном взаимодействии с финской моделью поведения, которая, естественно, постепенно проникает в сферу общения русскоязычных жителей диаспоры. Подобная ситуация приводит к возникновению у индивида некоторой внутренней неловкости в силу того, что четкие правила речевого поведения еще не выработались. В результате, в русскоязыч-

¹ Любопытно, что общая тональность таких телевизионных бесед и дебатов может быть сколь угодно развязна, однако, даже не уважая своих участников (как это происходило, например, в скандально известной программе «Окна»), ведущий все равно обращается к ним на *Вы*, подчеркивая незыблемость этикетного кодекса.

ном общении начинают использоваться обе модели, русская и финская, причем в зависимости от ситуации собеседники прибегают то к вежливому русскому *Вы*, то к дружескому финскому *ты*. Часто происходит так, что при общении коммуниканты несколько минут инстинктивно избегают употребления высказываний, содержащих то или иное личное местоимение, и лишь спустя какое-то время, ориентируясь на речевое поведение друг друга, выбирают подходящее местоимение.

Можно выделить определенные сферы общения, в которых дружеское *ты* вытесняет вежливое *Вы* активнее, чем в прочих ситуациях. Более быстрый и легкий отказ от вежливого *Вы* происходит при мужском общении: женщинам более свойственно соблюдение принципов этикетной вежливости и, как правило, они реже переходят на *ты* в общении с другой женщиной при первом знакомстве.

Активный переход на *ты* заметен также в сфере спортивного общения: обращаясь на *ты* к детям, посещающим спортивные секции, многие русскоязычные тренеры начинают использовать местоимение *ты* и в разговорах с родителями, как бы подключая их к спортивной деятельности детей. Столь же естественный переход на *ты* со спортивным инструктором или тренером наблюдается и на тренировках у взрослых эмигрантов. Напротив, руководители детских кружков, связанных с просвещением и искусством (уроки русского языка, театр, живопись, лепка, танцы и т. п.), в беседах с родителями активно используют вежливое *Вы*. Эти наблюдения позволяют предположить, что местоимение *ты* в русском менталитете органично связано с телесным началом, тогда как вежливое *Вы* отвечает за духовную и интеллектуальную сферу человеческих интересов.

Наконец, активный переход на *ты* наблюдается в различных видах русскоязычного институционального общения, связанного с социальной или психологической помощью эмигрантам. Русские работники таких служб, как биржа труда (*Työvoimatoimisto*), государственная служба труда и занятости (*Työlinja*), служба информационной помощи информационной помощи в трудоустройстве и обучении (*Työlinjan*

venäjänkielinen neuvontapalvelu), консультационный центр для иммигрантов (*Maahanmuuttajien neuvontapiste*), отделения социального ведомства (*Sosiaalivirasto*), центр оказания помощи женщинам (*Naisten turvakoti*), как правило, общаются с русскоязычными клиентами на *ты*, перенимая финскую модель служебного поведения. Следует отметить, что обычно они считают себя обязанными предупредить об этом посетителя какой-либо заготовленной фразой, не предусматривающей возражений с его стороны:

(3) Ну, здесь же все на *ты*, так что давай и *мы* тоже.

Напротив, говорящие по-русски финские работники подобных служб в таких ситуациях чаще всего спрашивают у клиента, какое обращение он предпочитает — на *ты* или на *Вы*, — предоставляя собеседнику право самому выбрать вариант этикета. Интересно, однако, что попавший в такую ситуацию русскоязычный человек зачастую не может четко выбрать местоимение и старается уклониться от прямого выражения своей позиции.

(4) — Какой статус у тебя или у Вас?.. Как можно на *ты* или *Вы*?.. Как лучше?.. — Да можно... не знаю... У меня «А1», если я правильно помню [Sammalkorpi 2006: 54].

Согласие перейти на *ты* для русского человека означает переход на дружеский уровень общения, чего, по принципам русского этикета, не может и не должно происходить в институциональном общении. В результате, как правило, в подобных случаях русский собеседник, преодолев себя, соглашается выслушивать обращение на *ты*, однако сам обращается к финскому работнику все-таки на *Вы* (см. [Sammalkorpi 2006]).

Кроме того, обращение на *ты* бессознательно воспринимается человеком с русской ментальностью как проявление сочувствия, участия и особой неофициальной заинтересованности, поэтому отказ финского чиновника в той или иной просьбе часто воспринимается русским просителем с особой обидой и повышенной эмоциональностью, иногда переходящей в возмущение и гнев.

В силу этого нельзя утверждать, что путаница и неуверенность в правилах этикета совершенно безобидна и не влечет за собой никаких последствий. Несоблюдение этикетных установок человеческого общения приводит порой не только к нелепым казусам, но и к драматическим конфликтам, которые в эмиграции воспринимаются, возможно, еще болезненнее и острее. Если в бытовой речи представителей метрополии устойчивые речевые и речеповеденческие образцы для повторяющихся ситуаций были уже сформированы, а культурные стереотипы усвоены, то в общении вне метрополии их приходится изменять или даже создавать в практическом речевом взаимодействии заново. Безусловно, общение представителей диаспоры основывается на общем дружеском расположении: в целом эмигранты общаются вне рамок социальной иерархии и общественных условностей, так сказать, «без чинов».

Однако при такой установке становится проблематичным вербальное выражение более тонких оттенков степени близости между людьми, что ведет к размыванию границ между такими речевыми жанрами как дружеская беседа и *small talk*, разговор по душам и частный разговор. Стирание определенных речевых условностей, привитых в российской языковой культуре, часто принимается за откровенность и даже интимность общения, подразумевающую дружеское поведение и духовную близость, которые в большинстве случаев отсутствуют. Так разница в восприятии этикетно-фатических установок оборачивается коммуникационными неудачами ментального уровня, обусловленными, с одной стороны, формированием у эмигранта излишне вольного отношения к действительности и, с другой стороны, неуверенностью в статусе своих отношений с другими эмигрантами, непониманием того, какой мерой и какими словами измеряются эти новые отношения. Возможно, в этом противоречии кроется один из источников так называемой русской разобщенности за границей, о которой с горечью говорят сами представители русскоязычных диаспор как об отличительной черте русского характера.

Второе поколение четвертой волны (так называемые «дети эмиграции») составляет значительную часть (вероятно, более

половины) русскоязычной диаспоры Финляндии. Языковая и культурная компетенция «детей» качественно отличается от уровня языковой и культурной компетенции «родителей», поскольку последние выехали из метрополии, будучи уже взрослыми личностями с объемным багажом социально-культурных и лингвистических знаний и умений, сформированных на базе русского языка. Первым существенным фактором, разделяющим языковую компетенцию двух этих поколений, является русско-финская *билингвальность* младшего поколения, которое в своем большинстве уже с малых лет говорит по-фински вне зависимости от того, в каких семьях растут такие дети, смешанных или русскоязычных. Двужычие этой генерации отличается тем, что для него характерно единство речемыслительной деятельности, выражающееся в способности порождать и продуцировать мысль на каждом из двух языков, не прибегая к процессу кодирования и декодирования с одного языка на другой. Первое поколение эмигрантов также использует в своем практическом повседневном общении русский и финский языки, однако в процессе производства речи на финском языке они с большей или меньшей интенсивностью прибегают к кодированию и декодированию мыслей с русского языка на финский.

В. В. Жданова, анализируя языковое поведение детей эмиграции на примере русскоязычной диаспоры Германии, вслед за другими учеными определяет билингвизм этой группы как вынужденный [Skitnebb-Kangas 1981; Алпатов 2000; Жданова 2007], однако, по нашему мнению, вынужденным с большим правом можно назвать двужычие группы родителей, поскольку именно это поколение было поставлено перед осознанной («взрослой») необходимостью овладения языком чужой страны как средством достижения и реализации определенных социальных задач. На наш взгляд, терминологически более грамотно было бы определить двужычие первого поколения как осознанное искусственное, а двужычие второго поколения как неосознанное естественное.

В ходе языковой социализации русский язык у детей эмигрантов начинает терять свои позиции, уступая доминирующее

место языку страны-субстрата. За русским языком закрепляется область семейного и частично разговорно-дружеского общения. Финский же язык становится у билингвов языком логического рассуждения, им обслуживается познавательная деятельность (от детского сада до университета), на нем происходит практически все институциональное общение и приобретает опыт социализации. Таким образом, у детей эмиграции наблюдается резкий разрыв между функциональной нагрузкой двух языков, которые они при этом используют активно и ежедневно. Языки используются в совершенно разных регистрах общения, не дополняя друг друга. Исключение, вероятно, составляют лишь дети, воспитывающиеся в смешанных семьях и постигающие такие особенности разговорного бытового языка, как языковая игра или ласкательная речь, от обоих родителей.

Еще одним существенным фактором, разделяющим два поколения в их культурной и языковой компетенции, можно считать отсутствие в жизни второго поколения той естественной русскоязычной среды, которая оказывает активное воздействие на более быстрое усвоение языковых норм и овладение различными речевыми жанрами. И. А. Орехова, понимая под языковой средой «естественный исторически конкретный лингвокультурный социум», в котором реализуется «экстраординарный симбиоз духовных и утилитарных потребностей» индивида [Орехова 2007: 35–36], выдвинула перечень объективных факторов языковой среды, воздействующих на личность в плане формирования ее языковой и культурологической компетенции. Опираясь на данную классификацию, попробуем установить те элементы, недостаток которых обуславливает общие черты коммуникативного поведения младшего поколения эмиграции в целом, а затем находит опосредованное выражение в сфере речевого этикета.

Во-первых, русский язык младшего поколения формируется без поддержки того естественного достоверного видеоряда, который включает в себя статичную и мобильную наглядную действительность и невербальные проявления социокультуры в языковой среде. Точнее сказать, видеоряд, совпадающий

с русским языком, ограничен для ребенка конкретным местом его проживания (квартирой или домом) и связанными с ним людьми (родителями, братьями или сестрами) предметами домашнего обихода, действиями, связывающими людей с предметным миром, а также оценкой этих предметов и действий. Все остальное пространство, лежащее за порогом дома, организовано по устоявшимся законам страны проживания.

Во-вторых, на русский язык второго поколения эмиграции влияет отсутствие естественного достоверного аудиоряда, включающего в себя всю воспринимаемую на слух информацию окружающей языковой среды. Сопровождающая ребенка-билингва звуковая действительность с детства разделяется на русскую речь родственников и финскую речь всего остального окружения, роль которого увеличивается по мере взросления.

В-третьих, это недостаточно насыщенный ряд российских национальных фоновых знаний. В процессе аккультурации в русской речи представителя диаспоры легко приживаются финские названия множества повседневных реалий, вытесняющих русский вариант и становящихся безэквивалентным лексическим маркером. Становятся привычными финские названия продуктов или блюд, не имеющие прямого русского соответствия или в той или иной степени рецептурно отличающиеся от российских аналогов: *lenkki, kinkku, mämmi, sima, rosolli, donitsi, korvapuusti, nuudeli, makaronilaatikko, perunalaa-tikko, rieska* и т. д. Принцип языковой экономии приводит к тому, что в русскую речь также активно вводятся с трудом переводимые на русский язык финские слова, касающиеся разных сфер жизни в обществе (проживания, образования, отдыха и развлечения: *rivitalo, nuorisotalo, kumppanustalo, kerho-huone, turvakoti, kiinteistö, talomies, kylpylä, jäähalli, ala-aste, ylä-aste, lukio, pomppulinna, ongintaa, noutokisa, lennokki, mөлkky* и т. д.)

Таким образом, достаточно обширный пласт наименований, а также связанная с ним фоновно-ситуативная информация в речевом сознании выросшего в Финляндии билингва закреплены преимущественно в финском лексическом варианте. Даже при учете того, что диаспора достаточно активно связана

с метрополией с помощью легкого доступа к каналам телевидения и радиовещания, а также информационным порталам Интернета, фоновые знания массовой культуры метрополии не обладают для младшей генерации прагматической актуальностью, а потому запоминаются хуже.

В-четвертых, это дефицит обучающей стихии русского языка. Знания, полученные на разных ступенях образования (средней, профессиональной и высшей), в своей основной массе усваиваются билингвами на финском языке. Дети, посещающие русско-финскую школу, или студенты, изучающие русистику в финских университетах, не составляют большинства по отношению к остальным ровесникам и не являются типичным примером. Чаще всего в русской языковой компетенции билингвов образуются объемные научно-познавательные лакуны, которые или остаются незаполненными, или заполняются самостоятельно, чаще всего бессистемно и нерегулярно.

В-пятых, это дефицит естественных повторяющихся ситуаций, в которых используются разные функциональные возможности русского языка. У русско-финских билингвов нет возможности получить тот коммуникативный опыт, который жители метрополии приобретают в школьном или университетском общении. Институциональное общение также оказывается в целом выключено из повседневной жизни диаспоры.

Все вышеперечисленное приводит к тому, что, обладая более сформированной, систематизированной и устойчивой базой общения на финском языке, билингвы, соответственно, переносят финскую модель поведения в свою речь, что, естественно, приводит к изменениям и в сфере этикета, куда активно вводятся кальки с финских фатических формулировок. Безусловно, в пассивном знании младшей генерации заложено понимание многочисленных разновидностей прощаний и приветствий (*День добрый! Вечер добрый! Здорово! Здоров! Всего хорошего! Всего доброго! Счастливо! Удачи! Счастья вам! Счастливого пути! Скатертью дорожка! Хлеб да соль!* и т. п.), используемых в метрополии в зависимости от коммуникативной ситуации, а также языковой компетентности и воображения говорящего. Однако в практическом использова-

нии в русской речи людей, выросших в Финляндии, применяются, как правило, стандартные разговорные формулы *Привет! Пока! Здравствуй! (Здравствуйте!) До свиданья! Добрый день! Доброе утро! Добрый вечер!* Более того, ориентируясь на финские этикетные формулы, для которых характерна прагматическая универсальность и социальная немаркированность, русскоязычные билингвы зачастую не чувствуют стилистической разницы между приветствиями, используя *Привет!* и *Пока!* с собеседником любого уровня. Тонкое психологическое различие между формулами прощения *Прости!* (*Простите!*) и *Извини!* (*Извините!*) в речи билингвов также стирается и нивелируется. Настолько же узким оказывается используемый в речи билингвов этикетный регистр, сопровождающий просьбы и выражение благодарности: активно употребляются лишь расхожие *Пожалуйста* и *Спасибо!* (*Большое спасибо!*). Поскольку привычка к употреблению более литературных, «повышенно вежливых» вариантов: *Будьте (так) добры!* *Будьте (так) любезны!* *Разрешите... Не позволите ли... Благодарю Вас!* и т. п. — отсутствует, они являются для билингвов чужеродными, как в социо-, так и в психолингвистическом отношении.

Напротив, финская система этикетно-фатических формулировок является хорошо изученной и стереотипно закрепленной, поэтому в речи билингвов активно используются кальки с финских этикетных клише: *Хороших выходных!* (*Huvää viikonloppua!*), *Хорошего Рождества!* (*Huvää Joulua!*), *Хорошей Пасхи!* (*Huvää Pääsiäistä!*). Иногда прямой перевод с финского на русский совершенно не соответствует русскому этикету, однако для языкового сознания билингвов он вполне уместен и логически обусловлен. Так, например, не имеющие аналогов в русском этикете финские фатические клише *Huvää päiväjatkoa!* и *Huvää jatkoa!* преобразуются в прямые грамматические кальки *Хорошего дня!* и даже *Хорошего продолжения!* Данные конструкции, как и финские оригиналы, используются преимущественно в рабоче-деловом контексте.

Особенно сильные сбои в сфере речевого этикета наблюдаются у детей-билингвов старшего дошкольного и младшего

школьного возраста (5–9 лет). Этикетные формулировки на ранних этапах усвоения имеют расширенное, диффузное значение и достаточно легко теряют ситуативную соотнесенность и связь с практическим действием. В силу этого дети-билингвы достаточно долго не могут уяснить разницу между ситуативным применением фатических высказываний *Пожалуйста!* и *На здоровье!* Вербально-логические иерархические связи у билингвов формируются под влиянием действия двух языковых систем, поэтому в детской речи этого периода часто встречается калькирование финских этикетных формулировок: *Хорошей ночи!* (*Huvää yötä!*), *С днем Друга!* (*Huvää Ystävänpäivä!*). В детских открытках активно применяется комбинирование двух языков для создания одного этикетного клише: *Поздравляю маму с днем Äitienpäivä!* *Поздравляю папу с днем Isänpäivä!*

Достаточную сложность для детей-билингвов представляет разграничение дружественного *ты* и вежливого *Вы*, а также приветственных форм единственного и множественного числа *Здравствуй!* и *Здравствуйте!* Поскольку употребление вежливого *Вы* не подкреплено наглядно-действенными примерами и ситуационным контекстом, дети-билингвы, как правило, обращаются ко взрослым на *ты* и могут использовать форму единственного числа *Здравствуй!* при приветствии нескольких лиц. Привычное *ты* легко совмещается с употреблением имени отчества, если на нем настаивает взрослый. Однако поскольку большинство взрослых не стремится привить ребенку привычку обращения по имени отчеству, значение отчества часто остается для ребенка билингва неясным. Достаточно распространенной в диаспоре является ситуация, когда ребенок с самого раннего детства привыкает к использованию двух параллельных вариантов личного имени: «домашнего» русского (*Антон, Яночка, Илья, Арсений, Шурик, Мама, Леша*) и «публичного» финского (*Antti, Jaana, Elias, Arsi, Aleksander, Maria, Aleks*). Скорее всего, в силу этого обстоятельства отчество представляется русско-финскому ребенку-билингву одним из вариантов имени или составляющей частью фамилии. Во всяком случае, автору довелось случайно услышать ка-

сающуюся данной проблемы весьма интересную беседу трех детей (семи-девяти лет), еще раз наглядно демонстрирующую сложность процесса понимания и усвоения русскоязычных этикетных реалий и элементов фатического общения вне российской метрополии:

(5) — Ты знаешь, какая у Тамары фамилия?

— Овчинникова.

— Не-ет.

— Как нет? Овчинникова же!

— Не-ет. Ираклиевна.

Таким образом, сфера этикетно-фатического общения русскоязычной диаспоры Финляндии не отличается устойчивостью. На нее оказывают сильное влияние модели речевого поведения страны-субстрата. Поддаваясь стремлению интегрироваться в финское общество, старшее поколение четвертой волны эмиграции переносит финские речеповеденческие образцы в русскоязычное общение, где они не всегда приживаются, а порой приводят к коммуникативным неудачам. Неосознанная языковая рефлексия, проявляющаяся у представителей этой генерации, свидетельствует о том, что правила и установки этикетно-фатического общения являются для индивида весьма важным фактором, в немалой степени определяющим отношение человека к своему месту в обществе.

Для младшего поколения система традиционного русского речевого этикета прагматически не актуальна. Отсутствие институционального общения на русском языке и бессистемное и отрывочное знакомство с этикетными нормами письменных речевых жанров приводит к тому, что разветвленная система русского речевого этикета вытесняется единичными фатическими клише, что воспринимается младшим поколением русскоязычной диаспоры как норма.

ЛИТЕРАТУРА

- Алпатов В. М. 2000 — Зарубежная социолингвистика о проблемах двуязычия и языков национальных меньшинств. *Речевое общение в условиях языковой неоднородности*. Москва. С. 192–209.

- Жданова В. В. 2007 — Стилистические процессы в языке русской диаспоры. *Internationale Tagung der Europäischen Slavistischen Linguistik: POLYSLAV XI Humboldt-Universität zu Berlin 27-29.09.2007*. Веб-ресурс: www.fask.uni-mainz.de/inst/is/.../Aufsatz_2008_Wien.pdf
- Земская Е. А. 2001 — *Язык русского зарубежья. Общие процессы и речевые портреты*. Москва–Вена.
- Кронгауз М. А. 2007 — *Русский язык на грани нервного срыва*. Москва.
- Крысин Л. П. 2000 — Кодовые переключения как компонент речевого поведения человека. *Речевое общение (Теоретические и прикладные аспекты речевого общения)*. Специализированный вестник КрасГУ. Выпуск 3 (11). С. 61–64.
- Орехова И. А. 2003 — *Языковая среда. Попытка типологии*. Москва.
- Орехова И. А. 2007 — Языковая среда есть. Языковой среды нет. *Русский язык за рубежом*. № 3. С. 35–38.
- Sammalkorpi I. 2006 — *Анализ институционального общения в случае коммуникативной неудачи*. Рукопись. Helsingin yliopisto.
- Skutnabb-Kangas T. 1981 — *Bilingualism or Not. The Education of Minorities*. Clevedon.

MUUTUSED ETIKETIKOHASE JA SELTSKONDLIKU
SUHTLEMISE VALDKONNAS SOOME VENEKEELSES
DIASPORAAS

Olga Pussinen

Artikkel on osa dissertatsiooniuurimusest „Suuline kommunikatsioon funktsionaalselt mitte-esimeses keeles“, mis viiakse läbi Helsingi Ülikoolis projekti „Non-native Russian and non-native Finnish as lingua franca“ raames. Kasutades materjali, mis on kogutud vabas vormis intervjuude käigus ja rakendades „osavaatluse“ meetodit, üritab autor välja selgitada, millised muutused toimuvad neljanda laine emigrantide etiketikohases ja seltskondlikus suhtlemises.

Tänapäeval kujutab Soome venekeelne diaspora endast keerulist, mitmetasandilist moodustist, mis hõlmab mitut emigrantide põlvkonda. Autor keskendub neljanda laine kõige vanemale ja kõige nooremale põlvkonnale, analüüsides nende kultuurilis-keelelise identiteedi erinevust, mis

ilmneb eriti seltskondlikus suhtlemises ja etiketi pragmaatikas. Muutused vanema põlvkonna etiketistrateegiates (kõnekäitumise mudelid on omandatud metropoli lingvokultuurilises keskkonnas) on tingitud akkulturatsiooni protsessist ning soovist integreeruda soome ühiskonda, kopeerides soome etiketimudeleid ja seltskondliku suhtlemise elemente. Kõige selgemalt ilmnevad sellised muutused tendentsis loobuda kasutamast asesõna viisakusvormi *Teie* ja üritades pöörduda vestluskaaslase poole ainult eesnimega, isanime lisamata. Spetsiifiline rahvuslik pöördumine vestluskaaslase poole kasutades sugulustermit, mis on iseloomulik metropoli etiketile, on neljanda laine vanima põlvkonna jaoks samuti kaotanud oma aktuaalsuse.

Noorem põlvkond, kes kasvas üles väljaspool loomulikku venekeelset keskkonda ja kelle institutsionaalne suhtlemine toimub soome keeles, on vene rahvusliku etiketiga tuttav osaliselt ja süsteemilt ning peab normiks stilistiliselt neutraalsete standardiseeritud seltskondlike klišeede kasutamist. Selle põlvkonna esindajad lisavad venekeelsesesse kõnesse aktiivselt soome laensõnu ja tõlkelaenu, mis on seotud soovide ja õnnitlustega, hüvastijätmise ja tervitamisega. Kahtlemata on nende passiivsed teadmised etiketikohasest ja seltskondlikust stilistilise registri valdkonnast tunduvalt suuremad, kuid peamiseks pragmaatiliseks strateegiaks jääb siiski vaid viimase piirini kahandatud „surrogaatse“ vene etiketi kasutamine.

ВЛИЯНИЕ ЛАТЫШСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ ЯЗЫК ЛАТВИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ 1918–1940 ГГ.: ПРОЦЕССЫ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ

Т. А. СТОЙКОВА

Русский язык независимой Латвийской республики (1918–1940 гг.) — язык меньшинства, отличающийся от языка метрополии. Отличия сформировались под воздействием социолингвистических факторов, среди которых выделяются два наиболее значительных комплекса: 1) территориальная, культурная обособленность от языка метрополии (как следствие распада Российской империи), утрата статуса официального языка и вместе с тем включенность в коммуникативное пространство Европы; 2) контакты с местными языками — государственным латышским, а также с языками других меньшинств (в первую очередь, немецким — языком второго по численности меньшинства). Данные факторы во многом определили общие тенденции автономного развития русского языка в Латвии и конкретные проявления этих тенденций в языке.

Исторически обусловленная обособленность, по-видимому, предопределила несколько архаичный характер русского языка Латвии относительно языка метрополии. Российская государственная реформа в области языка, проведенная в 1917–1918 гг., законодательно упростила графику и упорядочила орфографию, однако письменный язык русскоязычного меньшинства Латвии до 1940 г. сохранил элементы старой графической системы: букву *ѣ* в конце слов после согласных, букву *і*

наряду с *и*, графему *ѣ* «ять». Кроме того, для латвийского варианта русского письменного языка было характерно использование устаревших в языке метрополии и упраздненных реформой морфологических форм: личного местоимения женского рода в родительном падеже *ея*; прилагательных, причастий и местоимений женского и среднего рода в именительном и винительном падежах с флексиями *-ыя* / *-ія*; прилагательных, причастий, местоимений в родительном падеже единственного числа с флексиями *-аго* / *-яго*. На фоне языка метрополии русский язык Латвии воспринимается как архаичный не только с точки зрения графики и орфографии, но и лексики. Государственное переустройство России, смена социально-общественной парадигмы вызвали изменения в общественном и, следовательно, языковом сознании, которые, в свою очередь, катализировали динамичные процессы в области лексики и семантики. Эти процессы были связаны с устареванием целых лексико-тематических пластов, отражающих прежний общественно-политический уклад и старую социальную структуру. Однако слова, которые устарели, стали историзмами в языке метрополии (по данным «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова), сохранялись как активные лексемы в латвийском варианте русского языка, так как в Латвии были актуальны отраженные в их значении реалии¹. Четырехтомный «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова издавался с 1935 г. по 1940 г. (в дальнейшем — словарь рассматриваемой эпохи). Это самый авторитетный лексикографический источник данного исторического периода, отражающий как процессы переработки лексического материала в интересующую нас эпоху, так и установившиеся нормы употребления слов.

Сохранение старых норм в русском языке Латвии указывает на преемственность по отношению к языку дореволюционной российской интеллигенции как образцовому и, следова-

¹ Влиянию первого комплекса социолингвистических факторов на русский язык Латвии 1918–1940 гг. посвящена другая статья автора [Стойкова 2007].

тельно, к традициям и ценностям русской культуры. Действительно, русский язык в Латвии поддерживался и сохранялся представителями эмигрантской интеллигенции.

Однако автономное развитие и специфика латвийского варианта русского языка существенно обусловлены непосредственным взаимодействием с латышским языком. Результаты контактирования, проявляясь в процессах двусторонних заимствований и интерференции, формируют отличия от языка метрополии.

В исследованиях латвийских лингвистов анализировались явления интерференции в латышском языке под влиянием русского в XIX в., в советское время, во второй половине XX в. [Вейдемане 1977: 239–251; Blinkena 1978: 27–39], то есть в те периоды, когда русский язык был официальным, а Латвия входила в состав Российской империи (конец XVIII в. – начало XX в.) и в состав СССР (1940–1991 гг.). Так как русский язык Латвии периода 1918–1940 гг., особенности его функционирования как языка меньшинства в условиях национального государства до недавнего времени практически не изучались, не исследовалась и частная проблема интерференции в русском языке под влиянием латышского. А возросшие во второй половине 30-х годов внутренний престиж и влияние латышского в связи с укреплением национального государства (после так называемого государственного переворота 15 мая 1934 г.) лишь активизировали процессы интерференции, что прослеживается по материалам русской газеты «Сегодня». «Сегодня» — самая авторитетная латвийская русская газета этого исторического периода, фактическая «ровесница» независимой Латвийской республики, выходила с 1919 г. по 1940 г. и была молниеносно ликвидирована после установления советской власти [Абызов 1997: 4–5]. Популярность, авторитетность и, главное, непрерывность существования газеты обеспечивает исследователю возможность последовательно проследить те языковые процессы, которые характеризуют латвийский вариант русского языка и отличают его от языка метрополии.

В настоящей статье рассматривается вариативность русско-го языка Латвии (1918–1940 гг.), обусловленная контактами с латышским языком; предлагается анализ и обобщение фактов грамматической и лексико-семантической интерференции в русском языке под влиянием латышского. Понятие интерференции — одно из центральных в теории языковых контактов. Лингвистическое понимание интерференции как «наложения двух языковых систем» [Хауген 1972: 70], вызывающего отклонения от нормы одного языка под влиянием другого, на первый взгляд, устоявшееся и вполне «прозрачное» тем не менее имеет дискутируемые зоны. Однако разбор теоретических проблем интерференции не входит в задачи данной статьи.

Влияние латышского языка очевидно в функционировании микропонимов. В названиях улиц, площадей, бульваров, станций и т. д. при использовании падежных форм систематически отмечаются факты грамматической интерференции на фоне возрастающего количества латышских имен собственных в составе урбонимов, постепенно осваиваемых русским языком. По-видимому, активность процессов интерференции в области микропонимов обусловлена и спецификой функционирования имен собственных — их особой формой бытования в составе микропонимов: наглядностью (это, как правило, зрительно воспринимаемые надписи на фасадах домов) и высокой частотностью употребления носителями разных языков (в первую очередь латышского и русского). С данной спецификой соотносятся и способы передачи латышских имен собственных в русских текстах — посредством кириллической транслитерации или, реже, транскрипции.

Вариативность морфологических форм имен собственных отражает процессы их освоения, которые напрямую связаны с явлениями грамматической интерференции, напр.:

*Треб. помъщеніе подь магазинъ /.../ не далье ул. Лачплесиса;
Треб. дешевья, мебл. комнаты недалеко от ул. Лачплеша Nr 108
(«Сегодня», 7 октября 1928 г.).*

Вариант формы Род. падежа *Лачплеша*² не соответствует норме русского языка (Им. *Лачплесис* — Род. *Лачплесиса*) и является транслитерированной формой латышского генитива: Им. *Lāčplēšis* — Род. *Lāčplēša*; в основе — чередование фонем <s> // <š>.

Ср. также в одном небольшом тексте заметки — две аналогичные вариативные формы генитива:

Вчера 30 счастливых получили квартиры в гор. домъ на улицъ Аусеклиса /.../. Пока на ул. Аусекля выстроен дом /.../ («Сегодня», 6 октября 1928 г.).

Форма *Аусеклиса*³ образована по правилам русского языка (Им. *Аусеклис* — Род. *Аусеклиса*), тогда как *Аусекля* — транслитерированная форма генитива в латышском, где в основе наблюдается чередование фонем <l> // <l'>: Им. *Auseklis* — Род. *Ausekļa*.

Итак, наложение морфологических систем двух языков провоцирует нарушения нормы одного или обоих языков, вызывая неизбежные ошибки, связанные с интерференцией:

Треб. прислуга, ум. готовить /.../ ул. Блаумана 12, кв. 19 («Сегодня», 5 октября 1928 г.); Дерзкий грабежъ въ булочной на ул. Блаумана («Сегодня», 1 марта 1936 г.); Въ квартирѣ Софьи Калининъ, прож. на ул. Блауманя 8, побывали воры («Сегодня», 8 января 1936 г.).

Ошибочная форма родительного падежа единственного числа *Блаумана*⁴ не соответствует ни норме русского языка (Им. *Блауманис* — Род. *Блауманиса*), ни норме латышского языка, где в основе происходит чередование <n> // <n'> (Им. *Vlaumanis* — Род. *Vlaumaņa*). В последнем контексте транслитерируется нормативная форма латышского генитива.

Другой распространенный вид грамматической интерференции связан с употреблением микропонимов в предложном падеже множественного числа. Здесь также наблюдаем чередование нормативных форм с ошибочными:

² Лачплесис — герой национального латышского эпоса.

³ М. Аусеклис — известный латышский поэт и переводчик.

⁴ Р. Блауманис — драматург, видный деятель латышской литературы и культуры.

Въ Булдури одинокий господинъ ищетъ хорош. комнату («Сегодня», 15 мая 1934 г.); *Синодь прав. Церкви* сдаетъ въ аренду архіерейскую дачу *въ Булдурахъ* («Сегодня», 14 мая 1934 г.).

В первом контексте значение предложного падежа иноязычной, неизменяемой в русском языке лексемы выражается аналитическим способом — с помощью предлога *в* — в соответствии с нормой русского языка. Во втором контексте слово ошибочно изменяется в соответствии с падежной парадигмой мн. ч. — вполне возможно, под влиянием латышского, где имя действительно изменяется: Им. *Bulduri* — Пред. *Bulduros*. Ср. также: *Пъвческий праздникъ въ Лимбажахъ* («Сегодня», 9 июля 1939 г.); но: *Сегодня* — полуфиналы международного теннисного турнира *въ Булдури* (там же).

При употреблении микропонимов наблюдается и синтаксическая интерференция, обусловленная нарушением порядка слов под влиянием латышского языка, в котором имя собственное в форме генитива предшествует родовому понятию *улица, бульвар, площадь, проспект*, тогда как в русском языке управляемое имя собственное в Род. падеже находится в постпозиции к управляющему — родовому понятию:

Клубный диванъ и два кресла /.../ продаетъ дешево «Диана». Аспазій бульв. 7 («Сегодня», 2 октября 1923 г.); *Соболь продается /.../. Бульв. Аспазіи 1, кв. 15* («Сегодня», 29 октября 1928 г.). Ср. также: *Юноша съ образованіемъ основной школы желаетъ получить мѣсто въ Ригѣ. Обр.: Попова ул. 3-а, кв. 116* («Сегодня», 14 мая 1934 г.); *На создание Узварасъ площади поступаютъ пожертвованія* («Сегодня», 23 марта 1937 г.); *Новые пожертвованія на застройку Узварасъ площади* («Сегодня», 14 апреля 1937 г.).

Отметим, в частности, что латышские имена нарицательные в составе микропонимов до 1934 г. (до государственного переворота) в газетных текстах разных жанров нередко переводятся на русский язык (*площадь Победы*), однако после 1934 г., как правило, транслитерируются (в препозиции): *Узварасъ площадь* (*площадь Победы*), *Сколасъ іела* (*Школьная улица*), *Шкюню іела* (*Сарайная улица*).

Рассмотрим регулярные факты грамматической интерференции, «спровоцированные» препозицией латышского генитива, но не связанные с функционированием топонимов. Дело в том, что латышское существительное в родительном падеже в препозиции к другому существительному выступает в функции относительного прилагательного. Таким образом, интерференционное влияние латышского проявилось в активном и частотном употреблении в русском языке Латвии относительных прилагательных, которые либо не употреблялись (и не употребляются) в языке метрополии (напр., *меньшинственный*, *Татьянинский*), либо являлись (и являются) малоупотребительными (*фильмовый*); следует отметить, что прилагательные *меньшинственный*, *фильмовый* даже не зафиксированы в толковом словаре эпохи:

Меньшинственные избиратели — за *меньшинственные списки* («Сегодня», 6 октября 1928 г.);

Празднование юбилея меньшинственных школ не встречает препятствий («Сегодня», 5 ноября 1929 г.);

Какъ основу для агитаціи можно использовать наши отношенія с меньшинственными народностями («Сегодня», 1 октября 1939 г.);

Татьянинскій балъ русских академических организацій («Сегодня», 1 января 1936 г.);

Молоденькія дѣвуики очень часто /.../ мечтають о сценическихъ и фильмовыхъ лаврахъ, /.../ носятся съ желаниемъ сделать сценическую или фильмовую карьеру («Сегодня», 16 января 1936 г.)

Ср. с латышскими номинациями: *меньшинственные избиратели* — *minoritāšū vēlētāji*, *меньшинственные списки* — *minoritāšū saraksti*, *меньшинственные школы* — *minoritāšū skolas*, где *minoritāšū* — форма родительного падежа множественного числа; *Татьянинский бал* — *Tatjanas balle*, где *Tatjanas* — форма родительного падежа единственного числа от имени собственного; *фильмовые лавры* — *filmas lauri*; где *filmas* — форма родительного падежа единственного числа; ср. также *фильмовая карьера* — *karjera filmā, kinokarjera*.

Нередко наблюдается грамматическая интерференция в выражении синтаксической связи управления, как в случаях гла-

гольного управления, так и в конструкциях с главным словом существительным:

Объщаемъ Вамъ, высокоуважаемый г. Президентъ, всѣми своими силами добиваться того, чтобы все, что дѣлается у нас и нами, было бы направлено на благоденствіе нашему народу («Сегодня», 11 января 1938 г.).

Нарушение нормы здесь связано с употреблением формы дательного падежа вместо родительного *благоденствие (кого?) нашего народа* — очевидно, под влиянием латышского — *labklājība (kam?) mūsu tautai*.

Интерференция в выражении глагольного управления проявляется в неправильном выборе падежа и/или соответствующего ему предлога, если он необходим для выражения управления. Дело в том, что эквивалентные глаголы в латышском и русском языках нередко управляют различными падежами, и валентность глагола в русском контексте заполняется падежной формой, соответствующей латышской норме, как в следующем контексте:

Онъ [призыв президента] превратился въ широкій необъятный потокъ духовнаго свѣта, который достигаетъ всѣхъ уголки отечества («Сегодня», 2 марта 1937 г.).

Употребление при глаголе *достигать* формы винительного падежа, вместо родительного, очевидно, вызвано влиянием латышского языка, где действительно требуется акузатив *sasniet (ko) visas tēvzemes malas* (достичь всех уголков отечества).

Если же в русском языке существуют параллельные конструкции одного глагола с вариантными падежными формами, предпочтение отдается той конструкции, которая коррелирует с латышской нормой, поэтому в подобных случаях можем говорить о поддерживающем влиянии латышского языка на фоне процессов интерференции, например:

Слушатели /.../ слѣдили по печатному руководству трогательную исторію страданій и смерти Іисуса Христа («Сегодня», 1 апреля 1939 г.).

В толковом словаре эпохи глагол *следить* в значении ‘внимательно вслушиваться, всматриваться во что-то, чтобы правильно воспринять, понять что-либо’ требует творительного падежа с предлогом: *следить за кем-чем* [ТСУ 4: 257–258]. Однако

в «Словаре современного русского литературного языка» в 17-ти томах отмечается употребление глагола *следить* в указанном значении с винительным падежом без предлога [БАС 13: 1169], как и в латышском языке (*vērot (ko?) aizkustinošo stāstu*), поэтому в данном случае можем говорить о поддерживающем влиянии латышского языка на фоне процессов интерференции.

Многообразны проявления и лексико-семантической интерференции. В общем виде источником лексико-семантической интерференции, как показывает анализ материала, становятся различия в лексической семантике (особенно коннотативной) эквивалентных лексем двух взаимодействующих языков, а также различия в их лексической сочетаемости, контекстных условиях употребления.

Так, лексико-семантическая интерференция отражается в функционировании продуктивного словообразовательного типа названий лиц женского пола по профессии (и другим социальным функциям) с суффиксом *-ш-*, образованных от основ имен мужского рода. Известно, что, в отличие от стилистически, как правило, нейтральных имен мужского рода *секретарь*, *доктор*, *юбиляр* и т. д., соответствующие им лексемы женского рода *секретарша*, *докторша*, *юбилярша*, *бухгалтерша* и др. являются в языке метрополии стилистически сниженными и в словарях имеют помету *разг.* или *простор.*, за исключением лексемы *кассириша* [ТСУ I: 1330]. Напр., слово *юбилярша* сопровождается пометами *разг.* и *фам.* [ТСУ IV: 1443]). Указанные особенности, естественно, ограничивают или даже исключают возможность их использования в текстах с информативной функцией, то есть содержащих официальную информацию. Однако в русском языке Латвии именно в таких текстах встречаются и лексема *юбилярша*, и другие слова этого ряда:

Затѣмъ зам. дир. культурнаго д-та Я. Лабсвиртъ обратился къ юбиляршѣ (актрисе Эмилии Виестуре), сообщивъ ей, что Президентъ государства, чтобы отмѣтить ея заслуги передъ латышскимъ искусствомъ, наградилъ ее Крестомъ Заслуги /.../. Зам. отдѣломъ культуры и искусства м-ва обществ. дѣлъ Я. Алкснисъ передалъ юбиляршѣ подарокъ отъ имени министра обществ. дѣлъ А. Берзиня, зам. административнымъ отдѣломъ гор. управы

поздравить ее от имени рижск. гор. головы и управы /.../ («Сегодня», 1 апреля 1939 г.).

Ср. также:

Уволена бухгалтерша Банка Латвию — помощница П. Лерхе («Сегодня», 16 января 1936 г.); Участие секретарши парижского торгпредства Грошовской въ политическомъ убійствѣ («Сегодня», 18 января 1938 г.).

С одной стороны, очевидно нарушение стилистической нормы употребления данной лексики, характерной для русского языка метрополии, с другой — нейтрализация коннотативных стилистических сем в лексическом значении слов *бухгалтерша*, *секретарша*, *юбилярша* (в системе латвийского варианта русского языка). Свобода от стилистических коннотаций, по-видимому, мотивирована влиянием на русскую модель с суффиксом *-ш-* (изначально порождающую сниженную лексику женского рода) латышского языка, где в соотносимых парах имен на категорию рода указывает флексия: *jubilārs* — *jubilāre* ('юбиляр'); *grāmatvedis* — *grāmatvede* ('бухгалтер'); *sekretārs* — *sekretāre* ('секретарь'); *doktors* — *doktore* ('доктор') и т. д. Оба слова в таких парах стилистически нейтральны, различия только грамматические.

Ниже приводится отрывок официально-торжественной речи (в коррелятивных контекстах из русской и латышской газет), произнесенной председателем Трудовой камеры К. Эгле на годовом собрании представителей камеры:

Разрѣшите, — сказал К. Эгле, — мне подтвердить на этомъ торжественномъ собраніи, что всѣ трудящіеся нашей страны слышали эти слова, глубоко запечатали ихъ въ своихъ сердцахъ и никогда ихъ не забудутъ («Сегодня», 3 апреля 1939 г.) — Priekšsēdētājs (K. Egle) aicināja atcerēties vārdus, ko Prezidents teica, atklājot izstādi „Darbs un atpūta”: No zemes šīs mēs izrauguši esam, par zemi šo mums galvas jānoliek un apliecināja, kā visu mūsu zemes darba ļaudis Prezidenta vārdus dzirdējuši, dziļi ieslēguši savās sirdīs un vienmēr tos atminēsies («Jaunākas ziņas», 3 апреля 1939 г.).

Русский глагол *слышать* в 30-е годы уже осознавался как разговорный: в толковом словаре эпохи сопровождается соответствующей пометой — *разг.* [ТСУ IV: 286–287]. Он является сти-

дистическим синонимом к нейтральному глаголу *слышать*. В латышском языке обоим глаголам соответствует стилистически нейтральная лексема *dzirdēt*. В подобной речи неуместно использовать разговорные лексемы. Интерференция в данном случае связана с нейтрализацией в глагольной лексеме *слыхать* стилистической (прагматической) коннотации под влиянием латышского языка, так как латышский эквивалент — стилистически нейтральное слово. Заметим, что в некоторых, в том числе современных, изданиях двухязычных русско-латышских словарей, фиксирующих важные стилистические пометы *разг.*, *прост.*, *высок.*, *поэт.* и др., глагол *слыхать* (в значении 'слышать') по-прежнему ошибочно не сопровождается пометой *разг.* [KLV 1959 II: 665; KLV 1997: 486].

Отражающее интерференцию неразличение синонимов наблюдаем и в следующем контексте:

Разрѣшенія выдаются въ соответствии съ числомъ освѣщаемыхъ единицъ. Подъ такой единицей подразумѣвается каждое обитаемое помѣщеніе. /.../ Число разрѣшеній для квартиры будетъ опредѣлено исходя изъ числа обитаемыхъ помѣщеній, причисляя къ этому числу и кухню («Сегодня», 1 октября 1939 г.).

По данным словаря эпохи, синонимические лексемы *обитаемый* и *жилой* различаются коннотативно-денотативным содержанием: *обитаемый* — «жилой, имеющий жильцов» сопровождается пометой *книжн.* [ТСУ II: 641], *жилой* — «обитаемый, такой, в котором живут...; приспособленный для жилья» [ТСУ I: 872]. По-видимому, развитие зафиксированного словарем компонента денотативного значения 'приспособленный для жилья' в семантике лексемы *жилой* (то есть «социализация» значения) способствовало закреплению именно данной лексемы (из синонимической пары *обитаемый* — *жилой*) в терминологических сочетаниях *жилой дом*, *жилая площадь*, *жилое помещение* и, соответственно, благоприятствовало ее использованию в официально-деловых текстах, регламентирующих, в частности, социальные отношения. Неразличение синонимов в контексте обусловлено, вероятно, тем, что в латышском языке словам *обитаемый* и *жилой* соответствует одна лексема *apdzīvot*, точнее, ее причастные формы — *apdzī-*

vota и *apdzīvojamā*; ср.: *apdzīvojamā (dzīvojamā) māja, apdzīvojamā platība* — жилой дом, жилая площадь [KLV 1959 I: 412]; *apdzīvota māja* — обитаемый дом [KLV 1959 I: 952-953].

Итак, соответствие синонимичных в русском языке лексем одной латышской лексеме и неразличение контекстных условий употребления данных синонимов, формирует предпосылки лексико-семантической интерференции. Данное наблюдение касается и понятийных, отличающихся денотативными семами, и, в большей степени, стилистических синонимов, которые при совпадении денотативного значения, различаются лишь стилистическими коннотациями, указывающими в языке метрополии на сферу употребления каждого синонима. В латвийском варианте русского языка стилистические различия между синонимами, как правило, нейтрализуются.

Обобщая представленный в статье анализ, констатируем, что повторяющиеся факты грамматической и лексико-семантической интерференции носят регулярный, системный характер. Процессы интерференции, бесспорно влияя на узус русского языка Латвии, который отличается от узуса языка метрополии, способствуют формированию автономного варианта языка диаспоры. Воздействие же процессов интерференции на языковую норму подлежит дальнейшему изучению.

ИСТОЧНИКИ

Сегодня — Рига. 1919–1940.

Jaunākās Ziņas — Rīga. 1911–1940.

Rīts — Rīga. 1934–1940.

СЛОВАРИ

БАС — Словарь современного русского литературного языка. В 17-ти томах. Москва-Ленинград. 1950–1965.

ТСУ — *Толковый словарь русского языка*. В 4-х томах. Под ред. Д. Н. Ушакова. Москва. 1935–1940.

KLV 1959 — *Krievu-latviešu vārdnīca*. 2 sējums. Rīga.

KLV 1997 — *Krievu-latviešu vārdnīca*. Rīga.

ЛИТЕРАТУРА

- Абызов Ю. И. 1997 — 20 лет русской печати в независимой Латвии. *Русские в Латвии: История и современность*. Вып.2. Рига. С. 3–33.
- Вейдемане Р. Э. 1977 — Некоторые факты влияния русского языка на латышский письменный язык во второй половине XIX. *Контакты латышского языка*. Рига. С. 239–251.
- Стойкова Т. А. 2007 — Формирование языка русскоязычного меньшинства: русский язык Латвийской Республики 1918–1940 гг. и язык метрополии. *Мир русского слова и русское слово в мире*. XI конгресс МАПРЯЛ. Т. 3. София. С. 211–218.
- Хауген Э. 1972 — Языковой контакт. *Новое в лингвистике*. Вып. VI. Москва. С. 61–80.
- Blinkena A. 1978 — Interference un norma. *Latviešu valodas kultūras jautājumi*. Rīga. Lpp. 27–39.

LÄTI KEELE MÕJU VENE KEELELE
LÄTI VABARIIGIS AASTATEL 1918–1940:
INTERFERENTSI PROTSESSID

Tatjana Stoikova

Iseseisva Läti Vabariigi (1918–1940) vene keele erinevused võrreldes metropoli keelega kujunesid välja sotsiolingvistiliste faktorite mõjulusel, eelkõige territoriaalse ja kultuurilise isoleerituse tõttu metropoli keelest, samuti riigikeele staatuse kaotamise (Vene impeeriumi lagunemise tulemusel) ja vahetute kontaktide tõttu kohalike keeltega — esmajärjekorras läti keelega.

Vene ja läti keele kontaktide tulemused ilmnevad interferentsi protsessides. Käesolevas artiklis analüüsitakse ja üldistatakse grammatilise ja leksikaal-semantilise interferentsi fakte Läti vene keeles, mida mõjutab läti keel.

Kõige sagedamini võib grammatilist interferentsi täheldada tegusõnade reksiooni väljendamisel, nn. vene- ja lätikeelsed ekvivalentsete tegusõnade reksioon on sageli seotud erinevate käänetega. Antud juhul ilmneb normi rikkumine vale käände ja/või eessõna valikus. Vene keele kontekstis täiendatakse tegusõna valentsust käändevormiga, mis vastab läti keele normile.

Leksikaal-semantilise interferentsi põhjustavad erinevused sõnavastete semantikas, aga ka erinevused nende leksikaalses seostatavuses ja kontekstist tulenevates kasutustingimustes. Sageli ei eristata venekeelseid sünonüüme (üks on neutraalne sõna, teine sõna on stilistilise konnotatsiooniga), mis vastavad ühele stilistiliselt neutraalsele lätikeelsele sõnale. Ekslikult valitakse ekvivalendiks stilistiliselt markeeritud sünonüüm. Interferents ilmneb stilistilise konnotatsiooni neutraliseerimisel läti keele mõjul, kuna lätikeelne ekvivalent on stilistiliselt neutraalne.

Korduvad grammatilise ja leksikaal-semantilise interferentsi faktid on regulaarsed ja süsteemsed. Interferentsi protsessid mõjutavad vene keele uusust Lätis, mis erineb metropoli uususest, ning soodustavad autonoomse diasporaa keelevariandi tekkimist.

ЯВЛЕНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ИЛИ СОЦИАЛЬНОГО ДИАЛЕКТА? К ПРОБЛЕМЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СЛОВ *ХЕВРА*, *ХЕВРЯ*, *ХАВЕРА*

А. В. ШТЕЙНГОЛЬД

Лексические факты, находящиеся на грани территориальных и социальных диалектов, то есть одновременно входящие в состав как диалектных, так и условно-профессиональных (арготических) словарей, в языкознании изучены явно недостаточно. Степень их лингвистической «освоенности» даже ниже, чем у собственно регионализмов и арготизмов, всесторонний интерес к которым за последние несколько десятилетий сильно возрос. Как кажется, причина осторожного отношения языковедов к таким явлениям кроется в их объективно двойственном статусе, что, в частности, сказывается на проблеме их грамотного представления в лексикографических изданиях. Н. В. Бондалетов в своей замечательной монографии «В. И. Даль и тайные языки в России» справедливо отмечает, что между территориальными и социальными разновидностями языка всегда осуществлялось и происходит в наши дни активное взаимодействие. В результате колебательных процессов, связанных с двусторонней миграцией территориальной и арготической лексики, иногда может происходить размывание границ между диалектами и арго, «что затрудняет разграничение диалектизмов и арготизмов» [Бондалетов 2005: 227]. По мнению ученого, «определить, когда слово функционирует как диалектизм и ко-

гда (где) как арготизм, можно лишь через ознакомление с его изоглоссами. В зонах распространения арго, как правило, данное слово входит в систему местного арго и не встречается в составе лексики местного территориального диалекта. Арготирующие включают в “условную” речь чаще всего слова “чужих” диалектов: местные слова знакомы неарготирующим и для выполнения эзотерической функции не годятся» [там же: 228].

В настоящей работе будет сделана попытка отделить прибалтийские диалектизмы от арготизмов при учете практических рекомендаций В. Д. Бондалетова и с использованием методики этимологического анализа. Мы планируем уделить особое внимание генетическим связям внутри одной группы близкософормленных слов (*хевра, хевря, хавера* и под.) и, по возможности, произвести их этимологизацию.

Для этимолога исследование указанной совокупности фонетически близких лексем привлекательно по следующим причинам: в силу их недостаточной этимологической «обработанности», что проявляется в отсутствии соответствующей статьи (статей) в этимологических словарях русского языка, а также по причине одновременной отнесенности этих лексем (с незначительными семантическими вариациями) к диалектному, жаргонному и просторечному дискурсам. Особое внимание автора настоящей статьи эти лексические образования привлекли в процессе работы над историческими истоками диалектной лексики староверов Эстонии¹. Не последнюю роль при выборе объекта исследования сыграли детские лингвистические впечатления автора.

Дальнейшее изложение будет представлено в трех частях: демонстрационной, аналитической и обобщающей. В первой части освещается актуальный для исследования лексический ма-

¹ Настоящее исследование осуществлено в рамках российско-эстонского научного проекта «Диалекты Западного Причудья в лингвистическом, лингвогеографическом и культурологическом аспектах» («Peipsi lääneranniku vene murded lingvistilisest, keelegeograafilisest ja kultuuriloolisest aspektist») [SFLGR09049E].

териал. Во второй — предлагается этимологический анализ отдельных слов и совокупностей лексики. В третьей — делаются выводы относительно путей и условий распространения обнаруженных этимонов в разных диалектных и социальных средах.

* * *

Из всех указанных в заглавии слов с их фонетическими и словообразовательными вариантами наибольшая распространенность в Прибалтике присуща лексеме *хевра* (вар. *хевря*). У русских, проживающих на территории Эстонии, Латвии и Литвы, лексикологами отмечаются следующие значения интересующего нас слова с фонетически твердой основой:

1. группа людей, компания:

Сабр'альс' фс'а'й'ихн'яа х'эвра (Лит.). *Во сабр'альс'а х'эвра друшк'оф* (Лат.). *Фс'ой х'эвр'ый так и пайд'ом к начал'н'ику, пус' нам памогн'ят* (Эст.) [Материалы: 335];

2. хорошие взаимоотношения, дружба:

Така'я х'эвра н'ь надолга (Лит.). *Ван'ка з Гр'ишк'ый дружат и п'ют, така'я х'эвра, фс'и в анну лунку с'с'ат* (Эст.) [там же].

В эколете (диалектном варианте языка одной семьи) автора настоящей публикации (г. Даугавпилс, Латвия) исторически закрепились слова *хэвря* [х'эвр'а] — экспр., шутол. 'прихода, жулик' и *хавэра* [хавэра] 'компания; группа людей, толпа'. Насколько мы можем судить, до сих пор эти языковые факты не нашли отражения в лексикографических изданиях Прибалтики, хотя их реальность в языке местных русских бесспорна. Так, напр., А. С. Портнова — хранитель «Музея старообрядчества» в дер. Большие Кольки (Западное Причудье) и постоянный консультант кафедры русского языка по вопросам языка и быта староверов Эстонии — признала существование в западнопричудском говоре лексемы *хавера* (также в твердой огласовке) 'компания; группа людей, толпа', но отметила его редкий и устаревший характер.

В ходе проводимого исследования для прояснения странственной и социальной локализации указанных прибал-

тийских лексем, а также с целью проведения внутренней реконструкции было решено привлечь все возможные печатные и непечатные лексикографические источники по русскому языку. Часть информации поступила от коллег-филологов — В. П. Щадневой, И. Ю. Трушковой, С. Н. Заикиной, Т. Стойковой, которым, пользуясь случаем, приносим глубокую благодарность. Еще одним нелексикографическим источником, содержащим свидетельства живого разговорного употребления, для нас послужил Интернет. Семантизация отдельных выражений, встречающихся на веб-сайтах, производилась с учетом лингвистического контекста. Разумеется, восстанавливаемая таким образом семантика указанных словоупотреблений не бесспорна и может допускать коррекцию. Также добавим, что нами принимались в расчет только случаи массового дискурсивного проявления тех или иных номинаций, и в целях экономии места здесь мы ограничимся только наиболее показательными цитатами. При обобщении словарных данных производилась неизбежная унификация значений.

Ниже в виде перечней I и II приводится вся собранная и обобщенная лексическая информация. В первый список помещены данные диалектологических словарей, во второй — арготических. Особую группу жаргонной лексики составляют офензивы, отраженные в списке II.1. В круглых скобках в сокращенном виде указывается место фиксации и имя информанта.

I. ДИАЛЕКТНЫЕ ДАННЫЕ

Хавёра

компания; группа людей, толпа (Дауг., Штейнгольд; Зап.-Причуд., Портнова) [ЗА].

Хавира

1. *пренебр.* халупа, лачуга (Новосиб.);
2. комната (там же) [СРГНО: 566].

Хавро́ня

1. искажен. имя, Февронья, свинья: *Отдали Хавронью за Ховрина сына* (без ареальн. пометы) [Даль IV: 540];

2. *бран.*, преимущественно о женщине (Краснодар., Стойкова) [там же].

Хэвра

1. группа людей, компания (Лит., Лат., Эст);
2. хорошие взаимоотношения, дружба (там же) [Материалы: 335].

Хэвря

1. *экспр.*, *шутл.* пройдоха, жулик (Дауг., Штейнгольд) [ЗА];
2. *бран.*, преимущественно о женщине (Краснодар., Стойкова) [там же].

Хивря

1. *экспр.*, с диффузной семантикой: *Говорилось, если мы [дети] что-то делали не так, как хотела бабушка, если что-то в одежде было не в порядке...* (Моск., Щаднева) [ЗА];
2. *бран.*, преимущественно о женщине (Краснодар., Стойкова) [там же];
3. *негрубое руг.*, *шутл.* в отношении девочки, женщины (Полт., Заикина) [там же].

Ховря

1. *бран.* неповоротливая, непонятливая женщина (Псков.) [ООВС: 249];
2. *бран.* неопрятная женщина (Пийр.) [ЗКРЯТУ];
3. ротозей, неопрятный человек [?] (Псков., Твер.) [Фасмер IV: 252]¹.

Ховриться

становиться ховрею, неряшливым (Псков.) [Даль IV: 555].

Ховря

1. *бран.* хавронья, свинья (обл.) [Даль IV: 555];

¹ Данное толкование следует признать сомнительным. В своем «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмер ссылается на В. И. Даля (видимо, имея в виду «Толковый словарь живого великорусского языка»), но у последнего такая лексема отсутствует. Не числится она и в КПОС.

2. *бран.* медлительная, толстая женщина (Вятск., Трушкова) [ЗА].

II. АРГОТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ¹

Хавер

1. *угол.* мужчина [БСЖ: 637; ББИ: 265; Балдаев II: 118; Мильяненок: 264];
2. *угол., мол., шутил.* любовник [БСЖ: 637; ББИ: 265; Балдаев II: 118].

Хавір (и *Хавірь*)

- угол.* лицо, к которому в случае опасности опускают в карман украденную вещь, деньги [БСЖ: 237; Балдаев II: 118; ТСУЖ: 188].

Хавёра

1. *угол.* воровская группа, компания блатных [Балдаев: 313; ББИ: 265];
2. *угол.* воровской притон [БСЖ: 637; ТСУЖ: 188; ББИ: 265; Балдаев II: 118; Мильяненок: 264];
3. *угол.* тайник [БСЖ: 637; ББИ: 265; Балдаев II: 118; Мильяненок: 264];
4. *угол., мол.* квартира, жилище [БСЖ: 637; ТСУЖ: 188; Югановы: 236; ББИ: 265 и др.];
5. *арг., мол.* компания, коллектив, постоянный контингент людей [БСЖ: 637; Елистратов: 516; ББИ: 265; Балдаев II: 118; Мильяненок: 264].

Хавіра (и *Ховіра*)

1. *арг.* дом, жилище, квартира [Елистратов: 516; Югановы: 256];

¹ Термин *арго* (ср. помета *арг.*) мы употребляем синонимично слову *жаргон* и под обоими подразумеваем язык «относительно открытых социальных и профессиональных групп людей, объединенных общностью привычек, занятий, социального положения...» [Скворцов 1997: 129]. В том случае, когда речь идет о специфическом языке молодежи, мы употребляем слово *сленг* и используем помету *мол.* (молодежное). Языковые факты «блатного» употребления помечаются как *угол.* (уголовное).

2. *арг.* компания, толпа, коллектив, к.-л. постоянный контингент людей [Елистратов: 516];
3. *угол.* подруга [Балдаев: 307];
4. *угол.* женщина, у которой хранится краденое [БСЖ: 651; ББИ: 270; Балдаев II: 125; Мильяненков: 267].

Хавирка

угол., мол. помещение, комната, квартира [БСЖ: 637; Быков: 197].

Хавырка

угол. женские гениталии [БСЖ: 638; ТСУЖ: 188; ББИ: 265; Балдаев II: 118 и др.]

Хёвря

1. *угол.* то же, что и *кодло*, *кодляк* и др., то есть группа заключенных, состоящая, как правило, из воров-отрицал. В нее могут входить блатные, бетушные, бойцы, впрделах, козырные, крутые, хавальщики, центровики и т. д. [ББИ: 108; БСЖ: 645; ТСУЖ: 190; Быков: 198; Балдаев I: 121; Мильяненков: 266; Росси II: 436];
2. *угол.* сплоченная воровская группа, семья [ББИ: 108];
3. *мол.* компания [Югановы 1992: 237];
4. *арг., шутил., руг.* (обычно в адрес женщины): *Ну и хевря!* [Елистратов: 521];
5. *арг.* дом, жилище, квартира [там же].

Хеврак

угол. член преступной группировки [БСЖ: 645].

Хёвря

1. *мол., прост.* сообщество, компания: *В СПС кроме Чубайса и Коха из лидеров нет ни одного здравомыслящего человека. Полупридурковатая Хакамада, полный идиот Немцов и прочая хевря* [Общение]¹. *Вся хевря подхватила песню эту «Дерется и тоскует детвора...»* [Дидуров];

¹ Здесь и далее примеры живого словоупотребления, взятые из Интернета, помешаются без орфографических и пунктуационных изменений.

2. *угол.* воровская компания: *И пусть бесится одичавшая буйная хевря...* (З. Румер, *Большая фамилия*);
3. *прост., мол., шутил.* подруга: *Моя персицкая хевря меня или не замечает (такая самоуверенная, наглая рожка) или реагирует нервно: «Вяя!»* [Находка]; *Похоже подруге вообще плевать на общественное мнение, даже морду лица не накрасила хевря, мол и так сожрете... да-с, нагла же...* [Экспресс газета];
4. *прост., мол., экспр.* типа *черт!*, а также как эвфемизм обценного выражения: *Что за хевря? Сундук кусается и денег не даёт* [Lineage]; *Вся эта хевря оплачена в евро...* (А. Вознесенский, *Русские европейцы*).

Хиврич

угол., неодобр. неуживчивый, скандальный человек [БСЖ: 646; ББИ: 268; Балдаев II: 122; Мильяненокв: 266].

Хивро

угол. тайник, место, где спрятаны краденые вещи [БСЖ: 646; ТСУЖ: 190; ББИ: 268; Балдаев II: 122; Мильяненокв: 266].

Ховыра

1. *угол.* тайник [БСЖ: 651; ББИ: 270; Балдаев II: 125; Мильяненокв: 267];
2. *угол.* женщина, у которой хранится краденое [БСЖ: 651; ББИ: 270; Балдаев II: 125; Мильяненокв: 268].

Хавырить

угол. прятать что-л. [БСЖ: 651; ТСУЖ: 190].

Ховырник

угол. вор, утаивший часть краденого от сообщников [БСЖ: 651; ББИ: 270; Балдаев II: 125].

Внутри кластера арготической лексики в качестве особого компактного образования стоит выделить офенизмы. На протяжении всей отечественной лексикографической традиции они испытывают двойственное к себе отношение: то включаются в диалектологические словари, то исключаются из них и причисляются к арготизмам. Идя вслед за В. Д. Бондалетовым и принимая его систему аргументации [Бондалетов 2005: 186–233], мы также рассматриваем приводимые ниже лекси-

ческие единицы как примеры арготического употребления, но при этом сохраняем сопутствующие им ареальные пометы для демонстрации конкретной пространственной локализации. Большая часть офенской лексики стала доступна лингвистам благодаря недавно опубликованным В. Д. Бондалетовым материалам В. И. Даля («Словарь офенского языка» 1854 г., «Русско-офенский словарь» 1855 г.) [там же: 240–439].

II.1. ОФЕНСКИЕ ДАННЫЕ

Хаврей

барин, дворянин (Тороп.) [Добровольский: 952].

Ховре́йство

барство (Влад.) [Бондалетов 2005: 352].

Ховре́йшня (и *Ховря́шня*)

барышня (Влад.) [там же: 352, 337].

Ховре́йщина

барщина (Влад.) [там же].

*Хо́врик*¹ (и *Ховре́л*, *Ховре́л*, *Ховря́к*)

барин (Галич.) [Бондалетов 2005: 14, 352, 337; Бондалетов 1980: 63].

Ховри́лка (и *Ховре́лка*)

барыня (Влад.) [Бондалетов 2005: 352].

Ховрючо́к (и *Ховрячо́нок*, *Ховрячо́к*)

барчонок, боярский сын (Влад.) [Бондалетов 2005: 352, 338].

Ховря́к

1. господин, барин² (Влад., Сузд., Нижегород., Ряз., Твер., Галич., Бежецк., Кашин.) [ООВС: 249; Даль II: 282 — см. *любе́йщина*; Бондалетов 2005: 15, 337];

¹ Это первый случай фиксации арготизма с корнем *ховр-* (Ф. Глинка «Письма к другу, содержащие в себе замечания, мысли и рассуждения о разных предметах», Санкт-Петербург, 1916 г.) [Бондалетов 2005: 14].

² Данная лексема ярко проявляет себя в одном из старейших и пространнейших офенских текстов: *Масу зетил ёный ховряк — в хлябом костре Ботусе мастырится клевая оклюга, на мастырку эбетой биряют скень юс — поёрчим на масовском остряке и*

2. друг, собеседник (Нижегор.) [там же];
3. барское дитя (Влад.) [Бондалетов 2005: 352].

Ховрячка

1. *шутл.* еврейка [цит по БСЖ: 651]¹;
2. барыня [Бондалетов 2005: 352, 337].

Ховрёйка

барыня, госпожа (Твер., Галич., Бежецк., Кашин., Влад. и др.) [Бондалетов 2005: 14, 352].

Ховрячиха

барыня (Ряз.) [ООВС: 249].

Ховрячонок

1. барчонок (Ряз.) [там же; Бондалетов 2005: 337].

Ховрёй

шутл. еврей [цит. по БСЖ: 651].

* * *

ХОВРЕЙ, ХОВРЯК, ХОВРИН и под.

Начнем рассмотрение всего массива предположительно родственных слов на *ховр-* с последней (офенской) группы. Она достаточно компактна, не содержит фонетического разнообразия (тороп. *хаврей*, записанное через *а*, указывает на акающее произношение). Семантически она также достаточно однородна. Корень *ховр-* определенно соотносится с семантикой 'ба-

повершаем, да нулим шивару {Мне сказывал один господин, что в столичном городе Москве строится вновь чудесная церковь, на устройство которой делаются чрезвычайные пожертвования: так поедем и мы туда на моей лошади и посмотрим, а после там купим товару} (опубликовано в 1820 г.); цит. по [Бондалетов 2005: 16].

¹ В связи с труднодоступностью первоисточника (Бондалетов В. Д. Условные языки русских ремесленников и торговцев. Вып. 1. Условные языки как особый тип социальных диалектов. Рязань, 1974) мы вынуждены ограничиться сведениями, отраженными в БСЖ. Отсутствие лексем *ховрей* 'еврей' и *ховрейка* 'еврейка' в офенских словарях В. И. Даля и в других авторитетных словарных собраниях ставит под сомнение информацию В. Д. Бондалетова.

рин, барский, барину принадлежащий, господский'. Аффиксальный инструментарий данного словообразовательного гнезда во многом воспроизводит набор словообразующих элементов в гнезде *бар-* (ср. *бар-ич*, *бар-ыня*, *бар-ство*, *барщина*, *барч-онок*, *барч-ук* — *ховр-ич*, *ховр-ей-ство*, *ховр-ейщина*, *ховр-яч-онок*, *ховр-ей-шня*¹).

Сразу отметим, что рассматриваемый здесь корень *ховр-* остается этимологически «закрытым», и его производные допускают ряд равновероятных толкований. Однако уже на данной стадии освоения материала следует отклонить попытки его генетического сближения с *ховра* 'неопрятная женщина', *ховыра* / *ховира* 'квартира, тайник', *ховать* 'прятать, скрывать' (Юж., Зап., Пск. и др.) [Даль IV: 555]. Если наши сомнения, изложенные в прим. б, не получают дальнейшей поддержки, можно надеяться, что *ховрей* — это искаженное *еврей* с добавлением протетического согласного *х-* и более открытым произношением первого гласного (возможно, под влиянием блр. *габрэй*). В. Д. Бондалетов, серьезно изучивший словообразовательные механизмы, участвующие в порождении арготизмов, указывает на наличие системных фонетических искажений (в частности, с прибавлением одного или нескольких согласных к началу корня), кардинально меняющих исходный облик слова. Ср. *хребота* (*работа*), *хриз* (*раз*), *тиблоки* (*яблоки*), *шизеро* (*озеро*), *склёшево* (*дешево*), *скрапоги* (*сапоги*), *сможа* (*рожа*), *скурebro* (*серебро*) и др. [Бондалетов 1980: 44–45]. Даже если формальная сторона подобного объяснения может считаться удовлетворительной, семантический переход 'еврей' > 'барин, господин' не кажется безупречным.

С другой стороны, принимая во внимание масштабность фонетического способа получения арготизмов (термин В. Д. Бондалетова), *ховрин* можно также понимать как деформированное *барин* (с заменой *ба-* на *хов-*). Искажение корня могло сопровождаться его «обрастанием» общерусскими суффиксами.

¹ Псевдосуффиксу *-шин'* в литературном русском языке соответствует *-ышин'* (*барышня*).

К сожалению, формы *ховрей*, *ховрин*, в отличие от *ховрик*, *ховряк*, не демонстрируют ранней фиксации, а следовательно, не могут рассматриваться в качестве отправных для остальных производных.

ХЕВРА, ХЕВРЯ, ХАВЕРА, ХАВИРА, ХАВЕР и под.

Названная в подзаголовке группа лексики демонстрирует крайнюю неустойчивость и двойственность. Это проявляется в нечеткости границ употребления, в принципиальной многозначности, в размытости экспрессивно-оценочных характеристик (ср. пометы *экспр.*, *неодобр.*, *руг.*, *бран.*, *шутл.*), в контаминации форм и значений. В частности, парадигма значений арготического *хавера* ('компания блатных, притон, тайник, комната'), за исключением значений 'женщина, укрывающая краденое' и 'подруга', повторяет семантический набор слова *ха(о)вира*. Близким образом пересекаются области значения жаргонизмов *ха(о)вира*, *хевра*, *ховыра*, а также *хевря* и *ховырка*. При этом во всех перечисленных случаях отмечается присутствие сем 'компания' и 'квартира', а уже далее к ним примыкают 'женщина, укрывающая краденое', 'тайник', 'подруга'. Эти же содержательные доминанты обнаруживаются и у диалектизмов *хавера*, *хевра*, *хавира*. Таким образом, имеются серьезные основания для выделения значений 'компания' и 'квартира' в качестве исторически первичных, как для арготизмов, так и для диалектизмов.

Хочется также обратить внимание на социальную закрепленность (в более широком, чем до сих пор рассматривалось, смысле) и эмоционально-экспрессивную нагруженность слов *хевра* и *хевря*. Напомним, что в жаргоне *хевра* употребляется как шутивное ругательство, причем, преимущественно в адрес женщины. Это же слово в даугавпилсском говоре означает 'пройдоха, жулик'. Эквивалент с мягкой основой (*хевря*) тоже бытует в русских диалектах как экспрессивная формула, шутивное бранное выражение, характеризующее женщину (см. данные из Краснодарского края), а в просторечии конкурирует с ругательствами типа *черт!* *дрянь!* *сволочь!* и обще-

низмами (см. иллюстративный материал в списке II). Есть и еще одна важная сторона употребления слова *хевра*, на которую до сих пор не обращалось внимание. На сайтах Интернета оно нередко фигурирует в контексте «еврейского вопроса» (то есть тематически связано с проблемами израильской жизни, адаптации русских эмигрантов в Израиле, жизни евреев в России и других странах и т. д.). В этом случае исключительно актуальным становится значение ‘компания, коллектив’, и даже появляется новое — ‘фирма, товарищество’. Возникает четкое ощущение, что для русскоязычной еврейской общности это слово уже является «родным» или, поменьшей мере, варваризмом, сознательно вставляемым текст для передачи специфики израильского быта и демонстрации авторского к нему отношения. Совсем неизвестно русскому просторечию, хотя и отмечено в молодежном сленговом употреблении, слово *хавера* ‘компания, коллектив, постоянный коллектив людей’, а *ха(о)вира*, *ховыра*, *хавирка* ‘квартира’ целиком перемещается в область «блатного» употребления (искл. — новорсиб. *хавира* ‘халупа, лачуга’, ‘комната’). Слово *хавер* ‘мужчина’, ‘любовник’, не слишком популярное в жаргоне и совершенно неизвестное в русских диалектах, с успехом используется на сайтах русскоговорящих израильтян в значении ‘друг, бой-френд’ (ср. *Она в полном порядке, здорова, живет у своего хавера...*) [Городецкий].

Если обратить внимание на ближайшее лингвистическое окружение, то знакомые нам формы обнаруживаются на Украине и в Литве (ср. *хэвря* ‘компания’ (Никол.), *хэвре* ‘компания приятелей’ (Одес.), лит. *hevra* ‘компания’) [Лингвофорум].

В конце XIX—начале XX вв. русским жителям Белоруссии и Литвы (особенно Могилева, Витебска, Вильны) было известно слово *хэвря* ‘союз хозяев и/или ремесленников’, позаимствованное у евреев-портных, маляров, щетинников и представителей иных специальностей, возглавивших профсоюзное движение этих стран в 60–80 гг. XIX вв. Цель создания *хевр* была не только экономической, но и гуманистической, религиозно-просветительской: «Каждая *хевра* имела свою Тору, иногда и синагогу» [Плоткин; Карпенко]. Лучше всего этот

еврейский термин мог бы переводиться на рус. язык как *братство, община*.

Этимология почти всех обозначенных в подзаголовке слов достаточно прозрачна. Они восходят в конечном счете к др.-евр. חֶבֶר [chever] и חֻבֵּר [chover] ‘общество, содружество, товарищ, друг’, проникшим впоследствии в идиш [Фридман 1931: 137]. Однако возможности для знакомства русских с этими образцами иноязычной речи в разных социальных средах были различными. Насколько можно судить, И. А. Бодуэн де Куртенэ в своем предисловии к словарю В. Ф. Трахтенберга «Блатная музыка («Жаргон» тюрьмы)» (1908 г.) впервые отметил, что язык преступного мира «является продуктом международного общения... Благодаря этой международной русская «блатная музыка» всосала в себя не только заимствованные слова, вынесенные с разных стран света, сколько своеобразные ассоциации значений, возникшие в чужой племенной среде, но вместе с тем... и иноязычное построение слов и выражений, и даже иноязычные особенности произношения...» [Бодуэн де Куртенэ 1908: 13]. В частности, он указал на обилие гебраизмов, полонизмов, цыганизмов в русском воровском аргю. Вслед за ним к проблеме истоков арготических выражений обращались Б. А. Ларин, М. М. Фридман, М. А. Грачев, Е. Отин, Т. М. Николаева и др. [Ларин 1931, Фридман 1931, Грачев 1997, Николаева 2004, Отин 2006]. Благодаря проделанной предшественниками работе, мы теперь смело можем утверждать, что как прибалтийское *хевра* ‘группа людей, компания’, ‘хорошие взаимоотношения, дружба’, так и угол. *хевра* ‘группа заключенных, компания’ фонетически и семантически однозначно соотносятся с соврем. иврит. חֶבְרָה [chevra] ‘компания, фирма’. Вариант типа дауг., зап.-причуд., мол., арг., угол. *хавера* ‘компания; группа людей, толпа’ может иметь в качестве базового уже предьявленный этимон, но может являться и результатом его контаминации с **хавера* ‘подруга’ (ср. иврит. חֲבֵרָה [chavera] ‘подруга’), откуда появление у уголовного термина значений ‘подруга’ и ‘женщина, укрывающая краденое’ (ср. также прост., мол. *хевря* ‘подруга’ и арг., шутол.-руг. *хевра*, адресованное женщине).

Поскольку, как утверждает Т. В. Николаева, уже в польск. воровском аргю употреблялось слово *chawira* ‘скрытое убежище’ [Николаева 2004: 177] (ср. также нем. угол. *Kawire* ‘тайник, убежище’¹), трудно согласиться с Е. Отиным в оценке рус. *хавира* как результата формального скрещения диал. *ховать* ‘прятать, скрывать’ и *квартира*. На польской почве такой процесс также не мог осуществиться (ср. польск. *chować* ‘прятать, класть, убирать, хранить’, в отличие от *chawira*, содержит в первом слоге *o*; значение ‘квартира’ передается словом *mieszkanie*, ст.-польск. *kwatery* — то есть не имеет «псевдосuffixa» *-up-*, предполагаемого Е. Отиным [Отин 2006: 283]). Зато, безусловно, вариативность вокализма *хавира* / *ховыра* на русской почве мотивирована внешним влиянием со стороны *ховать* [там же]. *Хавер* ‘мужчина, любовник; друг’, несомненно, корреспондирует с иврит. חָבֵר [chavér] ‘друг’. Относительно угол. *хавир*, *хавирь* ‘лицо, к которому... опускают в карман украденную вещь’ допустимо двойное толкование: оно объяснимо либо как искажение предшествующей формы, либо как цыганизм (ср. цыган. *havir* ‘другой, второй’) [Елистратов: 516, Отин 2006: 283].

ХЕВРЯ, ХОВРА, ХИВРЯ и под.

Кроме близкого фонетического облика (различаются преимущественно корневым вокализмом), почти все эти случаи могут быть объединены на основе очевидной экспрессивности и преимущественной отнесенности к женщине (дауг. *хевря* ‘пройдоха, жулик’ не в счет). *Хавронья*, *хевря*, *хивря*, *ховра*, *ховря* либо называют неповоротливую, неопрятную, непонятливую, толстую женщину, либо адресуются ей в бранном смысле. Помимо этого, они, как правило, являются фактами диалектного словоупотребления (арготизмы *хевра* / *хевря*, семантически и функционально им тождественные, составляют исключение). Вопрос об их генезисе еще до конца не прояс-

¹ Идея сближения рус. *хавира* с нем. *Kawire* принадлежал О. Горбачу [Отин 2006: 282].

нен, но основная этимологическая версия уже сформировалась. Вслед за М. Фасмером, рассмотревшим *ховра*, можно предположить происхождение основной массы наших фонетических вариантов от женского имени собственного *Феврония* (гр. *Φεβρωνία*), которое на русской получило отражение в виде *Февроня*, *Хавронья*, а также *Фева*, *Феша*, *Хавроха*, *Хавроша*, *Хевря*, *Ховря*, *Ховра*, *Хоря* (последние являются гипокоризмами). В укр. языке рус. форме *Хевря* соответствует *Хивря* [Желеховский, Недільский 1886 II: 1037]. Этот украинизм закрепился в экспрессивном лексиконе русских жителей Полтавы и Кубани (см. свидетельства Т. Стойковой, С. Н. Заикиной). Значительно сложнее ответить на вопрос, почему христианское имя *Феврония* (*Хавронья*) стало употребляться в качестве шуточного (особенно в сказках) прозвища свиньи — *хавронья*, *ховря*. Мы допускаем здесь присутствие элемента звукоизобразительности, поскольку фонетический комплекс *ховр-* в *Хавронья* ассоциировался со звуками, издаваемыми свиньей (чавканье, хрюканье). Стоит также указать на особую ономатопоэтическую нагруженность начального *х-*. Он является важным конституирующим элементом ономаатопов, передающих процесс поглощения пищи и другие жизненно важные проявления человека и животного (ср. *хавать*, *хакать*, *халкать*, *хамать*, *хлебать*, *хлюпать*, *хоркать*, *хрпать*, *хрипеть*, *хрумать*, *хрюкать*, *хрякать*, *хряпать* и др.) [Даль IV 540–569]. Дальнейший перенос наименования со свиньи на неопрятного, неповоротливого, непонятливого человека (женщину) выглядит вполне логично. Аналогичный деривационный механизм отражен в цепочке *хрюшка* ‘свинья’ > *хрюнька*, *хрюня* ‘неопрятный, замарашка; нюня, разиня, растрепан’ (Нижегор., Тамб.) [там же: 567]. Интересно, что только *ховря* отмечается словарями как относящееся и к свинье, и к женщине. Остальные из рассмотренных в этой категории форм имени (*Хивря*, *Хевря*) не прошли зоонимическую стадию и стали экспрессивами «за компанию». Вместе с тем нельзя полностью отрицать возможность семантической контаминации разбираемого выражения с арготическим *хевря* ‘подруга’ (из еврейского) и *хевря*, подменяющего в просторечии нецензурное ру-

гательство. Последняя в этом ряду словоформа возникла на пересечении разных языковых и культурных ассоциаций.

* * *

Итак, вернемся к исходным целям статьи и попытаемся ответить на вопрос, к какому страту диалектного членения — вертикальному или горизонтальному — принадлежат прибалтийские слова *хевра*, *хевря*, *хавера* и как они проникли в местную речь. Как можно заключить из наших данных, на описываемой территории они являются чисто диалектными проявлениями, поскольку не входят в систему местного арго. Они непонятны многим жителям прибалтийских республик, и в первую очередь той части русскоговорящей молодежи, которая слабо приобщена к российским СМИ, редко пользуется услугами русского Интернета, в особенности чатами и форумами, где именно и происходит обмен «свежими» сленгово-жаргонными выражениями. Учитывая знакомство жителей Литвы, Белоруссии со словом *хевра* уже в XIX в., причем в статусе официального термина, предполагаем, что в Литву, Латвию и Эстонию эти лексемы проникли непосредственно от носителей еврейского языка и культуры. Хотим обратить внимание на тот факт, что при всех многочисленных переселениях евреи сохраняли верность своим древнейшим традициям, что не могло остаться незамеченным их соседями. В частности, считалось обязательным существование в относительно крупных городах, но иногда и в небольших населенных пунктах особого братства «Хевра Кадиша» («священное общество»), осуществлявшего ритуальные услуги.

Можно думать, что какое-то влияние на распространение указанных гебраизмов в западнорусских диалектах сыграла и уголовная среда. В русской «блатной фене» получили «права гражданства» элементы еврейского воровского арго (кокумлошен, хохумлойшен) — языка нищих, воров, авантюристов, известного в Германии, Польше и др. европейских странах еще с XVI в. М. Дорфман не как языковед, а, скорее, как историк и публицист так описывает процесс «колонизации» еврея-

ми Центральной и Восточной Европы, сопровождавшийся инфильтрацией еврейских деклассированных элементов в национальные уголовные сообщества: «Еврейская колонизация происходила вовсе не под руководством раввинов и книжников. Вслед за воинами, авантюристами и монахами, а часто вместе с ними шли еврейские купцы, финансисты и арендаторы, преступники, скупщики трофеев и краденого, торговцы живым товаром. В отличие от христианских цеховых структур Западной Европы, отвергавших евреев, уголовный мир подчинялся только своему воровскому закону. У воров и грабителей не было и не могло быть жестких ограничений для евреев, цыган и других религиозных и национальных меньшинств» [Дорфман]. Так «поселились» на русской почве лексемы из старого и нового еврейских языков — напр., *фраер*, *ксива*, *малина*, *хипеш*, *мусор* и мн. др., ранее разобранные этимологами [там же; Фридман]. Нет ничего удивительного в том, что понятия, имевшие первостепенную значимость для герметичной уголовной среды (напр., «человек», «подруга», «компания [своих]», «жилище», «тайник»), передавались средствами чужого, непонятного для «непосвященных» языка. Отсюда «живучесть» в общерусском арго базовых слов *хавер*, *хавера*, *хевря*, в дальнейшем породивших новые формы и значения, теперь уже дистанцированные от исходных (ср. *хеврак* ‘член преступной группировки’, *ховырка* ‘женские гениталии’, *хивро* ‘тайник, место, где хранятся краденые вещи’, *хиврич* ‘неуживчивый, скандальный человек’).

ИСТОЧНИКИ

- Балдаев — Балдаев Д. С. *Словарь блатного воровского жаргона*. Москва, 1997.
- ББИ — *Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы)*. Авт.-сост. Д. С. Балдаев, В. К. Белко, И. М. Исупов. Москва, 1992.
- БСЖ — Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. *Большой словарь русского жаргона*. Санкт-Петербург, 2000.
- Быков — Быков В. *Русская феня*. Смоленск, 1994.

- Даль — Даль В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка*. Москва, 1981–1982.
- Добровольский — Добровольский В. Н. *Смоленский областной словарь*. Смоленск, 1914.
- Елистратов — Елистратов В. С. *Словарь московского арга*. Москва, 1994.
- ЗА — *Записи автора*.
- ЗКРЯТУ — *Диктофонные записи кафедры русского языка Тартуского университета*.
- КПОС — *Картотека Псковского областного словаря с историческими данными*. Словарный кабинет кафедры русского языка. Псковский государственный педагогический университет.
- Материалы — Немченко В. М., Сеница А. И., Мурникова Т. Ф. *Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики*. Рига, 1963.
- Миляненков — Миляненков Л. *По ту сторону закона: Энциклопедия преступного мира*. Санкт-Петербург, 1992.
- ООВС — *Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Императорской Академии наук*. Санкт-Петербург, 1852.
- Росси — Росси Ж. *Справочник по ГУЛАГу*. Москва, 1991.
- СРГНО — *Словарь русских говоров Новосибирской области*. Под ред. А. И. Федорова. Новосибирск, 1979.
- ТСУЖ — *Толковый словарь уголовных жаргонов*. Под общей ред. Ю. П. Дубягина, А. Г. Бронникова. Москва, 1991.
- Фасмер — Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. Москва, 1986–1987.
- Югановы — Юганов И., Юганов Ф. *Словарь русского сленга: Сленговые слова и выражения 60–90 х. гг.* Под ред. А. Н. Баранова. Москва, 1997.

ИНТЕРНЕТ-ИСТОЧНИКИ

- Городецкий — Городецкий И. Суд. *Русский автобан. Международный литературный проект*. <http://www.rus-autobahn.net/text/562> (28.07.10).
- Дидуров — Дидуров А. *Рассветный город. Куча книг. ru*. http://kuchaknig.ru/show_book.php?book=164485&page=1 (28.07.10).
- Дорфман — Дорфман М. *Язык раввинов и воров хохумлойшен. Jewniverse — Yiddish Shtetl*.

<http://www.jewniverse.ru/modules.php?name=News&file=print&sid=465> (28.07.10).

Карпенко — Карпенко И. Могилев губернский. *Лехаим. Ежемесячный литературно-публицистический журнал и издательство*. Январь, 2007, № 1 (177)

<http://www.lechaim.ru/ARHIV/177/mogilev.htm> (28.07.10).

Лингвофорум — Практический раздел для изучающих языки: помощь студентам... *Лингвофорум*.

<http://lingvoforum.net/index.php?topic=1092.150> (28.07.10).

Находка — Братья и сестры наши меньшии. *Форум. Находка. info*.

<http://forum.nakhodka.info/viewtopic.php> (28.07.10).

Общение — Народ или население. Страна абсурда. *Общение. Форум. Знакомства*. <http://forum.flirty.ru/showthread.php> (28.07.10).

Плоткин — Плоткин Л. Могилевские евреи. *Могилев: история города на Днепре*.

<http://mogilevhistory.narod.ru/articles/mogjews.htm> (28.07.10).

Экспресс газета — Дон Джонсон попал в гольф-клуб (обсуждение статьи). *Экспресс газета online*. <http://eg.ru/daily/sports/9357/forum> (28.07.10).

Lineage — Проблеммы с ла2. *Lineage. Summon Empty. Форум*.

<http://semply.ucoz.ru/forum/4-141-1> (28.07.10).

ЛИТЕРАТУРА

Бодуэн де Куртенэ И. 1908 — Предисловие. В. Ф. Трахтенберг. *Блатная музыка («Жаргон» тюрьмы)*. Санкт-Петербург. 1–18.

Бондалетов В. Д. 1980 — *Условные языки русских ремесленников и торговцев. Словопроизводство. Учебное пособие к спецкурсу*. Рязань.

Бондалетов В. Д. 2005 — В. И. Даль и тайные языки в России. Москва.

Грачев М. А. 1997 — *Русское арго*. Нижний Новгород.

Желеховский Е., Недільский С. 1886 — *Малоруско-німецький словарь*. Львів.

Ларин Б. А. 1931 — Западноевропейские элементы русского воровского арго. *Язык и литература*. Т. VII. Ленинград. С. 113–130.

Николаева Т. М. 2004 — Бодуэн де Куртенэ — редактор словаря В. Ф. Трахтенберга «Блатная музыка («Жаргон» тюрьмы)». *Русская и сопоставительная филология: Лингвокультурологический аспект*. Казань. С. 176–181.

Скворцов Л. И. 1997 — Жаргон. *Русский язык. Энциклопедия*. Гл. ред. Ю. Н. Караулов. Москва. С. 129–130.

- Отин Е. С. 2006 — «Все менты — мои кенты...» (Как образуются жаргонные слова и выражения). Москва.
 Фридман М. М. 1931 — Еврейские элементы «блатной музыки». Язык и литература. Т. VII. Ленинград. С. 131–138.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ АРЕАЛЬНЫХ ПОМЕТ

Бежецк. — Бежецкое	Никол. — николаевское
Влад. — владимирское	Новосиб. — новосибирское
Вятск. — вятское	Одес. — одесское
Галич. — галичское	Пийр. — пийриссаарское
Дауг. — даугавпилское	Полт. — полтавское
Зап. — западное	Псков. — псковское
Зап.-Причуд. — западнопричудское	Ряз. — рязанское
Кашин. — кашинское	Сузд. — суздальское
Краснодар. — краснодарское	Тамб. — тамбовское
Лат. — латышское	Твер. — тверское
Лит. — литовское	Тороп. — торопецкое
Моск. — московское	Эст. — эстонское
Нижегор. — нижегородское	Юж. — южное

KAS TEGU ON TERRITORIAALSE
 VÕI SOTSIAALSE DIALEKTI NÄHTUSEGA?
 SÕNADE *ХЕВРА*, *ХЕВРЯ*, *ХАВЕРА* TEKKIMISEST
 JA FUNKTSIONEERIMISEST

Anželika Šteingold

Käesolev töö on katse etümologiseerida Läänemere-äärsel territooriumil täheldatud venekeelset sõnade gruppi (*хевра* 'inimgrupp, seltskond', 'sõprus', *хевря* 'suli, kelm', *хавера* 'seltskond, inimgrupp, rahvahulk'). Samuti püütakse vastata küsimusele, kas need sõnad kuuluvad murde- või žargoonisõnade hulka ning vähemalt ligikaudselt määrata kindlaks teed, mil viisil need sõnad antud territooriumile jõudsid. Püstitatud ülesande täitmisel võeti arvesse V. Bondaletovi järeldust selle kohta, et kohalikud žargooni- ja murdesõnad ei saa eksisteerida ühel ja samal territooriumil.

Eesmärgiga seletada viidatud sõnade geneetilisi seoseid ja teostada nende sisemist rekonstrueerimist, kaasati paljude murde- ja žargoonialaste allikate fakte, muuhulgas ka neid, mis puudutasid rändkaupmeeste oma-

vahelist keelt. Artikli autor oletab, et rändkaupmeeste keele sõnad *ховрей* 'härra, isand', *ховрин* 'sama' tekkisid ebaregulaarse foneetilise protsessi tulemusena, täpsemalt venekeelsete sõnade *еврей* (juut), *барин* (härra) (võimalik, et viimane läbis x- näol proteesimise) moonandumise tõttu. Seejuures jõutakse järeldusele, et rändkaupmeeste keele andmed on geneetiliselt sõltumatud vastavatest žargooni- ja murdesõnavormidest, mis sisaldavad tüve *ховр-*.

Edasise uurimise käigus õnnestus tuvastada ühiseid algeid terve rea žargooni- ja murdesõnadevormide puhul. Nt murd. *хевра* 'inimgrupp, seltskond', 'head vastastikused suhted, sõprus', ja ka krim. *хевра* 'grupp kinnipeetuid, seltskond' on foneetiliselt ja semantiliselt üheselt vastavuses tänapäeva heebreakeelse sõnaga *חֵבְרָה* [chevra] 'seltskond, firma'. Daugavpils, Peipsi lääne-kalda, slängi, žargooni, krim. variandile *хавера* 'seltskond, inimgrupp, rahvahulk' võib olla aluseks juba nimetatud algsõna, kuid see võib olla ka kontaminatsiooni tulemuseks heebreakeelse sõnaga *חֵבְרָה* [chavera] 'sõbranna', kust tulenebki krim. sõna tähendus 'sõbranna' ja 'naine, kes varjab varastatut' (vrd. ka madalkeelset, slängi sõna *хевря* 'sõbranna' ja žargooni, naljatlevat sõimusõna *хевра*, adresseeritud naisele). Lähedane krim. *хавира* 'korter, koht varastatud asjade hoidmiseks' võib tuleneda saks. k. krim. *Kawure* 'peidukoht, varjupaik'. *Хавер* 'mees, armuke, sõber' vastab kahtlemata heebreakeelsele sõnale *חֵבֵר* [chaver] 'sõber'.

Väljendid nagu *хевря*, *ховра*, *хивря*, mis tähistavad lohakat, kohmakat jne naist, on kreeka isikunime *Φεβρωνία* jätk vene keeles. Kristliku nime ülekandmisel sea nimetamiseks (vrd. naljatlev *хавронья*, *ховря* 'siga') on loomulikke häáli jäljendav iseloom.

Tehtud uurimisest on võimalik järeldada, et Läänemere-äärsel territooriumil on *хевра*, *хевря*, *хавера* puhtalt murdesõnalised moodustised, kuna need ei kuulu kohaliku žargoonisüsteemi. Need sõnad tungisid kohalikesse murrakutesse otse heebre keele kõnelejate ja kultuuriesindajate kaudu läbi Poola, Valgevene ja Leedu.

О МЕСТЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ РУССКИХ ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВЫХ ТЕКСТОВ В ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ ЭСТОНИИ

В. П. ЩАДНЕВА

1. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В данной статье затрагиваются некоторые особенности коммуникативного поведения носителей русского языка в условиях диаспоры. Объектом исследования является неотраженная в научных публикациях сфера официально-деловых отношений. В статье обсуждается соотношение двух форм реализации деловой коммуникации — бумажной и электронной, а также основные языковые особенности русской деловой речи. Представленные нами результаты наблюдений над официально-деловым общением следует считать предварительными, поскольку процесс разработки названной темы осложняет ряд проблем объективного характера:

- во-первых, сбору материала и его систематизации препятствует конфиденциальность или ограниченная техническими причинами доступность многих источников для анализа;
- во-вторых, работа по поиску и обработке материала разных частных сфер, разных подстилей и жанров оказалась более объемной, чем предполагалось, и считать ее законченной нельзя;
- в-третьих, опора на обобщающие работы предшественников была исключена, поскольку в статьях, посвященных языку русской диаспоры в Эстонии, вопрос о деловой коммуникации

специально не ставился, правда, в некоторых публикациях имеются эпизодические примеры из деловой русской речи; студенческие же работы, выполненные под руководством преподавателей нашей кафедры, отражают лишь отдельные аспекты общей темы и не охватывают языковой ситуации в целом.

2. СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Прежде всего, остановимся на социолингвистической характеристике языковой ситуации, значимой для формирования как экстралингвистических, так и лингвистических особенностей официально-делового общения на русском языке в диаспоре.

Еще в 1989 году в Эстонии был принят Закон о языке, закреплявший статус эстонского языка как государственного. Закон вводил профессиональные языковые требования для государственных служащих и предусматривал перевод официального делопроизводства на эстонский язык. Однако в действительности и в советское время в Эстонии на большинстве промышленных предприятий делопроизводство велось или на эстонском (например, на швейной фабрике «Вирулане», в производственном объединении «Норма» и т. п.), или на эстонском и русском параллельно (например, на предприятиях всесоюзного значения типа машиностроительных заводов «Двигатель», «Балтиец» и ряда других).

В 1995 году парламент Эстонии принял новый закон о языке, который не только фиксировал государственный статус эстонского языка, но и определил сферы применения языков национальных меньшинств, а также иных иностранных языков. При этом закон уточняет профессиональные языковые требования к государственным и муниципальным служащим, к сотрудникам учреждений, связанным с общественным сектором, и устанавливает порядок применения государственного языка в сугубо официальных ситуациях. На государственном языке в юридически обязательном порядке предписывается проводить работу в законодательном органе Эстонии и во всех государственных учреждениях. На эстонском языке осуществ-

ляется судопроизводство, публикуются нормативно-правовые акты и выходят официальные издания, межгосударственные дипломатические документы.

Сейчас эстонский язык утвердился в дипломатии, судопроизводстве, в военном деле, авиации, мореходстве, на железнодорожном транспорте — во всех тех областях, где в прежние годы он использовался ограниченно. Естественно, что повышение статуса эстонского языка, значительно расширив сферу его применения, привело к сужению сферы употребления русского языка, вследствие чего ряд функций русский язык в Эстонии утратил.

Но изменению языковой ситуации способствует и ориентация современного эстонского государства на ЕС, поскольку глобализация социальной жизни затрагивает и жизненное пространство эстонского этноса, в результате чего наблюдается массивная англо-американская языковая экспансия¹, осуществляемая как через разговорную речь, так и через переводные газетные, деловые и научные тексты. На русском языке диаспоры англо-американское влияние отражается и прямо [Щаднева 2000], и через посредство переводов с эстонского языка. Важно подчеркнуть, что в первую очередь глобализация затрагивает именно сферу официально-деловых отношений. Английский язык стал по сути дела чуть ли не обязательным в разных областях жизни.

Разумеется, юридически обязательное использование государственного языка не означает лишение права на сохранение и развитие своего родного языка представителей диаспоры, права на свободный выбор языка общения, обучения, воспитания и творчества. Русский язык остается средством не только межнационального общения незстонского населения, но и межгосударственной коммуникации деловых людей Эстонии и России. При этом деловая речь в сегодняшней Эстонии фиксируется в документах и звучит в устном деловом общении прежде всего на эстонском как государственном и английском как

¹ Сейчас влияние английского языка беспокоит многих эстонских лингвистов, см., например: [Hint 2009].

основном языке ЕС. В то же время русский язык стал неофициальным и узко региональным (на северо-востоке Эстонии).

Следует уточнить, что, как правило, мы имеем дело с переводными текстами с эстонского языка на русский и наоборот. А это означает, что анализ официально-делового общения невозможен без обращения к проблемам эстонско-русского перевода.

Как экстралингвистические, так и лингвистические особенности официально-делового общения на русском языке в диаспоре находятся в прямой зависимости от изложенных выше социолингвистических основ. Материал русского языка диаспоры целесообразно рассматривать с учетом положений, уже разработанных таким направлением лингвистики, как функциональная стилистика. Это касается и жанровых параметров, и языковых особенностей.

3. ЛИНГВОТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Теоретические основы современного русского официально-делового стиля в функциональной стилистике разработаны достаточно основательно, поэтому данное исследование опирается на уже существующие описания выявленных закономерностей данного стиля.

Специалисты единодушно считают официально-деловую речь одним из важнейших книжных стилей любого литературного языка. Играя большую роль в жизни общества и внося особый вклад в лексикон литературного языка, этот стиль функционирует и в **устной**, и в **письменной** форме — основной для официального общения. Для современной коммуникативной ситуации особо значимо то, что современная письменная деловая речь осуществляется не только посредством традиционного бумажного, но и электронного канала общения. В сегодняшней Эстонии последний активно развивается. При этом потребности деловой коммуникации порождают новые формы подачи официальной информации, новые жанры, которые в существующих классификациях пока что не учитываются.

Функция официально-делового стиля заключается в том, что изложению того или иного содержания он обязательно придает характер документа и тем самым неизбежно переводит отраженные в тексте документа различные стороны человеческих отношений в разряд сугубо официальных [Культура русской речи 2001: 216]. Основная предназначенность данного стиля — обслуживание таких чрезвычайно важных для человека и общества сфер жизни, которые связаны с взаимоотношениями: а) между государствами, б) между государственной властью и населением, в) между предприятиями, организациями, учреждениями, г) между личностью и обществом; личностью и предприятиями, учреждениями [Кожина 1983: 175]. Поэтому официально-деловой стиль характеризуется достаточно определенным кругом тем. Учет содержания деловых текстов позволяет лингвистам, несмотря на частные разногласия, выделять два подстиля со своими частными разновидностями и разнообразными жанрами [Стилистика 1989: 169]. Основные подстили и жанры можно представить в таблице:

ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОЙ СТИЛЬ

1. ОФИЦИАЛЬНО-ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ПОДСТИЛЬ

Жанры дипломатического подстиля	Жанры законодательного подстиля
международный договор, конвенция, соглашение, меморандум,	коммюнике, официальное сообщение, нога, доклад, выступление на приемах
	закон, указ, кодекс, устав, нормативно-правовой акт

2. ОБИХОДНО-ДЕЛОВОЙ ПОДСТИЛЬ

Жанры служебных документов и деловой переписки	Жанры личных деловых бумаг
<i>Организационные:</i> устав, положение, инструкция, штатное расписание <i>Распорядительные:</i> приказ, выписка из приказа, распоряжение, постановление, резолюция <i>Информационно-справочные:</i> акт; протокол; записка (докладная, объяснительная, служебная); письмо (сопроводительное, информационное, гарантийное, рекламное), письмо-извещение, письмо-подтверждение, письмо-напоминание; справка, счет; официальная реклама	автобиография, резюме, анкета, характеристика, заявление, ходатайство, расписка, доверенность, объяснительная записка, письменный отчет, завешание, отказ от наследства

Приведенный в таблице список жанров официально-делового стиля не является исчерпывающим, но значительное количество перечисленных здесь «классических» жанров в языке диаспоры не представлено (см. далее). В то же время введение в таблицу такого спорного жанра, как официальная реклама, объясняется тем, что для современного делового общения она весьма актуальна, а по языку официальная реклама не отличается от собственно официально-деловых текстов. Таковую рекламу сейчас можно рассматривать как своеобразный переходный (промежуточный) жанр, отличающийся неоднородностью оформления и объемом текстовой части. Рекламные издания банков Эстонии, например, очень разнообразны. С одной стороны, потенциальных клиентов банк привлекает посредством как ярких и необычных, так и скромных по форме, но содержательно более насыщенных бумажных проспектов или брошюр, подробно информирующих о разных банковских услугах. С другой стороны, своих постоянных клиентов банк информирует посредством бумажных или электронных сообщений как сугубо официального, так и рекламного-официального характера. Такие сообщения могут быть и на эстонском, и на русском языке. Если яркие, внешне привлекательные рекламные проспекты с минимальным количеством текста ориентированы прежде всего на чувственное восприятие (например, рекламное издание SEB-банка в форме большого желудка), на появление у потенциального клиента интереса к банку, то многостраничные брошюры, содержащие официальную, логически организованную информацию и подробно объясняющие суть услуг банка, воздействуют на сознание, мышление адресата. Последнее относится и к таким изданиям некоторых департаментов, в которых в доступной форме излагаются основные положения государственных законов социального характера. В то же время финансовые бумаги (например, договоры) оформляются исключительно на эстонском языке.

4. ЧАСТНЫЕ СФЕРЫ ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ В ЭСТОНИИ

Как уже упоминалось, перечисленные в классификации подстили и жанры представлены в нашем материале неравномерно. Если **дипломатический подстиль** на русском языке сейчас в Эстонии официально не используется (сведения о языке ведения дел с Россией нам недоступны, информация же об использовании русского языка в политических кулуарах носит неофициальный характер), то **законодательный подстиль** частично реализуется в виде бумажных и электронных переводов некоторых законов (например, *Väärteomenetluse seadustik* — *Деликтно-процессуальный кодекс*, *Keeleseadus* — *Закон о языке* и др.). Хотя на русский язык официально переводятся далеко не все законодательные тексты¹, основные положения отдельных социально наиболее значимых законов излагаются нейтральным стилем и на родном языке русского населения — в официальных бумажных буклетах ряда департаментов. Такая печатная продукция, как и банковские буклеты, с точки зрения перевода является самой качественной.

Стилистически нейтральная разновидность данного подстиля широко представлена и в электронном виде на официальных сайтах разных учреждений. Хотя материал эстонских веб-страниц более полон, большая часть министерств и отдельные их департаменты, которым подчиняются такие государственные институты, как полиция, таможня, пограничная служба, имеют в Интернете сокращенные варианты веб-страниц как на английском (представлены все министерства и департаменты), так и русском языках (представлена часть министерств и департаментов).

Следует отметить, что постоянно развивающийся эстонский сегмент Интернета, кроме отдельных сайтов президента, правительства, сайтов министерств, департаментов, государ-

¹ Переводческие фирмы предлагают желающим готовые платные переводы.

ственного суда, содержит и специальный *Riigiportaal eesti.ee* – Государственный портал *eesti.ee*, который является интернет-средой, помогающей частным лицам, предпринимателям, чиновникам общаться с государством. Тематическое меню на русском языке содержит перечень всех услуг. Среда услуг и основные документы представлены здесь на эстонском языке, однако на русской веб-странице имеется русскоязычное тематическое меню, и необходимые разъяснения, облегчающие пользование услугами портала, сопровождаются русским переводом. Приведем два примера с сайта *Государственный портал eesti.ee*¹:

(1)

Вход с помощью ID-карты

Для входа с помощью *ID-карты* у Вас должны быть *ID-карта*, подключенное к компьютеру считывающее устройство *ID-карты* и установлено необходимое программное обеспечение, которое соединяет между собой вышеназванные средства и обеспечивает использование *ID-карты* в различных Интернет-средах, где требуется персональная идентификация. Информацию о настройке компьютера Вы найдете на странице «Помощь при входе». Нужно также знать код *PIN1* своей *ID-карты*.

(2)

Вход с помощью мобильной ID-карты

SIM-карта мобильной *ID* содержит кроме обычных функций *SIM-карты* дополнительно Ваш *мобильный идентитет* — с его помощью услугодатели, предлагающие Интернет-услуги, могут Вас идентифицировать. С помощью *мобильной ID* Вы можете совершать те же *э-операции*, что и с *ID-картой*.

Переводятся и реквизиты ряда выпускаемых в бумажном виде и вывешиваемых на государственном портале бланков наиболее важных для человека документов: ходатайство о гражданстве, ходатайство о виде на жительство, декларация о доходах и др.

Отдельную нишу в деловом общении со своими клиентами занимает **сфера услуг населению**: банки, энергопредприятия,

¹ В приведенных текстовых иллюстрациях курсивом отмечены языковые единицы, о которых пойдет речь далее. В текстах сохранен язык перевода. Веб-ресурс: <http://www.eesti.ee/est/>; <http://www.eesti.ee/rus/>.

строительные и ремонтные организации, транспортные фирмы, телекоммуникационные предприятия, фирмы по установке окон / дверей и т. п., заинтересованные в продвижении своих финансовых продуктов и реальных услуг. Более мелкие предприятия обычно предпочитают контактировать (и устно, и письменно) на государственном языке. В то же время крупные предприятия, например, *АО Eesti Energia*, *АО СТВ*, *АО Элион*, солидные банки предлагают разнообразные услуги и на русском языке, активно издавая буклеты с актуальной официальной информацией. При этом буклеты, различаясь по степени официальности, нередко выполняют сразу ряд функций: информирующую, разъясняющую и отчасти рекламирующую. Кроме буклетов и брошюр (основная их часть находится в самих конторах в открытом доступе), клиентам рассылаются бумажные или электронные сообщения (в зависимости от условий договора). По всей видимости, экстралингвистическая и лингвистическая специфика общения в этой сфере, связанной с предоставлением и оплатой услуг, позволяет выделить ее в особый промежуточный подстиль, поскольку некоторые жанры данной сферы (не считая договоров и счетов, обычно оформляемых на эстонском языке) в приведенную выше классификацию вписываются с трудом, то есть можно говорить об условности последней.

Что касается **обиходно-делового подстиля**, включающего служебную документацию и переписку, а также личные деловые бумаги, то этот подстиль также представлен на русском языке, однако с точки зрения жанров — выборочно и непропорционально. При этом существование отдельных жанров этого подстиля зависит и от региона Эстонии. Организационная, распорядительная, информационно-справочная **служебная документация** и **переписка** составляются в соответствии с законом о государственном языке. Но в ряде случаев отдельные документы могут оформляться в виде оригинала и его перевода. **Личные деловые бумаги** также должны составляться на эстонском языке, если они используются на территории Эстонии (в отдельных случаях представлен и русский язык), а нотариаль-

но заверяемые жанры текстов, предназначенных для метрополии, имеют обязательные параллельные варианты на двух языках.

Итак, официально-деловое общение на русском языке в Эстонии находит свою бумажную и электронную реализацию в целом ряде сфер общения и с государством, и с такими государственными и частными инстанциями, как банки, фирмы, предприятия. Следует особо подчеркнуть, что тексты официально-делового стиля нередко существуют в двух вариантах: в виде эстонского оригинала и русского перевода. Согласно закону о языке, официальным считается эстонский вариант текста. Из всего сказанного ранее очевидно, что в условиях современной Эстонии русское деловое общение в основном переводное. Тем самым возникает вопрос о качестве переводов на русский язык.

5. ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКОЙ ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОЙ РЕЧИ

Языковые особенности официально-делового стиля зависят от каналов передачи информации и от значимости частной сферы общения. В условиях Эстонии особая роль принадлежит электронному каналу официального общения, который влияет и на иные сферы функционирования языка, порождая ряд лексических отличий языка диаспоры от языка метрополии. Попадая затем в газету, языковые единицы получают свое распространение и в устной речи. Остановимся на основных отличиях от языка метрополии.

5.1. Прежде всего следует сказать о терминах административно-территориального деления Эстонии и административного управления. С возвратом Эстонии к административно-территориальной и управленческой терминологии, бытовавшей в начале XX века, в эстонском языке были узаконены прежние названия территориальных единиц и административных должностей, что автоматически повлекло за собой оживление в русском языке диаспоры лексем, которые с точки зрения языка метрополии являются **историзмами**. При этом параллельно с ними русские часто используют и эстонские **вар-**

варизмы. В то же время ряд названий представлен заимствованиями из европейских языков. Все эти лексемы называют жизненно важные, необходимые для общения понятия.

Современная Эстония разделена на 15 уездов¹ или *маакондов* (*maakond* — уезд, мааконд), которые возглавляют назначаемые правительством *старейшины* (*maavanem* — старейшина). Для названий конкретных уездов также используются параллельные формы: *Ида-Вирумааский уезд* — *Ida-Viru maakond* или просто *Ида-Вирумаа* — *Ida-Virumaa*; *Тартумский уезд* — *Tartu maakond* и *Тартумаа* — *Tartumaa* и т. п. В свою очередь, уезды подразделяются на *муниципалитеты* двух типов: городские муниципалитеты (города) и сельские муниципалитеты, то есть *волости*² (*vald* — волость), имеющие свое *волостное правление*. Муниципалитеты сегодняшней Эстонии возглавляют *мэры городов* (*linnapea* — мэр, *городской голова*) и *волостные старейшины* (*vallavanem* — волостной старейшина). Все городские районы столицы Эстонии имеют *управы*³ (*linnaosavalitsus*, *linnaosa valitsus* — букв. *правительство части города*), также возглавляемые старейшинами частей города (*linnaosavanem* — старейшина части города; ср. старейшина *Мустамяэ*, старейшина *Пирита* и т. п.).

5.2. Названия единиц государственного управления в русской речи также представлены и варваризмами, и заимствованиями, и оживленными историзмами языка метрополии. Так, согласно Закону о внешних сношениях, международные отношения осуществляются эстонским парламентом, который официально называется *Рийгикогу* (*Riigikogu* — *Рийгикогу*, *Государственное собрание*), а также *президентом* (*president*),

¹ Уезд — административно-территориальная единица, входившая в состав губернии в российском государстве до введения районирования, то есть до 1929 г.

² Волость — низшая административно-территориальная единица в российском государстве до 1917 г. и в СССР до введения в 1929–1930 годах системы районирования.

³ Управа — название некоторых учреждений, ведавших общественными, сословными или административными делами в российском государстве до 1917 г.

правительством и Министерством иностранных дел. *Министерствам* (*ministeerium*) же подчиняются *департаменты* (*amet* — *департамент*), например, *Kodakondsus- ja Migratsiooniamet* — *Департамент гражданства и миграции*, *Maksu- ja Tolliamet* — *Налоговый и таможенный департамент* и др. Следует отметить, что лексема *департамент* сейчас используется и в официальном языке метрополии, но шире, поскольку называет не только отделы федеральных министерств, но и отделы региональных органов исполнительной власти, в частности, в Москве и ряде других крупных городов кроме *служб, управлений, отделов* есть свои *департаменты*: *Департамент образования*, *Департамент здравоохранения* и т. д. В то же время многозначная лексема *канцлер*¹ (*kantsler*) в современной России используется только в контекстах типа *канцлер Германии*, а в Эстонии она означает государственного чиновника высшего ранга (после министра), который возглавляет корпус чиновников того или иного министерства: *Канцлер Министерства культуры* — *Kultuuriministeeriumi kantsler* и т. п. Тем самым русский язык метрополии и диаспоры может отличаться не только набором языковых единиц, но и значением одинаковых единиц, вследствие чего возможно взаимное непонимание коммуникантов.

5.3. Сказанное относится и к другим семантическим группам лексем, например, к названиям разного рода служб и их служащих. И сами службы, и их структура в Эстонии и России разные: в Эстонии — *полиция*, в России — *милиция* (однако есть *Федеральная служба налоговой полиции РФ*). Естественно, что отличаются и названия профессий, должностей, например, слово (*полицейский*) *констебль* — (*politsei*)*konstaabel* (звание в полиции, по обязанностям приблизительно соответствует российскому *участковому инспектору милиции*; от англ. *constable*) в российской практике не употребляется, хотя и отмечено в словарях как означающее низший полицейский

¹ *Канцлер* — высший гражданский чин, обычно дававшийся руководителям внешней политики в российском государстве до 1917 г., и лицо, имевшее такой чин.

чин в Англии и США. Сами названия должностей и семантический объем даже внешне похожих названий могут не совпадать. Русским Эстонии знакомы лексемы *полицейский инспектор* — *politseiinspektor*, *полицейский комиссар* — *politseiko-missar*, *префект* — *prefekt* (одна из руководящих должностей в эстонской полиции), а вот для русских метрополии эти названия должностей чужды, особенно последнее, поскольку в России оно используется в ином значении (ср.: *префект Юго-Восточного административного округа Москвы*).

Если понятие *perearst* — *семейный врач* в России только появилось, то для живущих в диаспоре оно является обычным. Здесь проблем с переводом не возникает, однако так бывает далеко не всегда. Например, *vangla valvur* — *тюремный надзиратель* (одна из должностей в исправительных учреждениях) — устаревшее для языка метрополии понятие, которое, как правило, используют, когда речь идет о царском времени. Поскольку подобрать точный эквивалент эстонскому слову *haldur* (лицо, которое предоставляет надзорные услуги и помогает оформлять финансовые документы; буквально — *администратор, управляющий*) удастся не для всех контекстов, то в устной деловой речи русские используют варваризм *халдур*: *Халдур отправил нас для подписания договора к нотариусу*. Ср.: *bankrotihaldur* — *банкротный управляющий*; в России это обычно *конкурсный управляющий* предприятия-банкрота или *арбитражный управляющий*.

Следует отметить, что в устной и официальной, и неофициальной речи русские нередко используют эстонские заимствования, называющие людей по профессии или званию: *аметник* — *чиновник*, *полицейник* — *полицейский*, *литник* — *прапорщик*, *рентник* — *съемщик*, а также названия служб: *максуамет* — *налоговый департамент*, *сихтасутус* (и даже *сихт*) — *целевой фонд*, *хайгекасса* — *больничная касса*, *медицинский фонд* и многие другие.

5.4. Через многочисленные новые законы, нормативные акты и т. п., приводимые в соответствие с законами ЕС, в деловой обиход попутно вводится и новая терминология. Активное терминотворчество, свойственное современному состоянию

эстонского языка, как правило, означает перевод англоязычных терминов на эстонский. Затем к готовой эстонской единице автоматически подбирается русское кириллическое соответствие. В результате на русском языке появляются лексемы типа *идентитет*, *идентификационная карточка / ID-карта / ИД-карта* (удостоверение личности, заменяющее паспорт; см. текстовые иллюстрации (1–2) выше). Эстонское слово *identiteet* (от англ. *identity*) можно было бы перевести как *самоидентификация*, *идентичность*, *самоосознание*, но эти эквиваленты обычно не подходят к таким конкретным контекстам, как в текстовом примере (2): *Ваш мобильный идентитет...* Лексема *идентитет* изредка встречается и в метрополии, однако в ином значении и только в научной литературе, ориентированной на американскую науку. При этом в употреблении типа *идентитет личности*, *национальный идентитет* слово *идентитет* можно легко заменить другими устоявшимися в русском языке лексемами. Следует упомянуть и уже давно замеченную лингвистами лексему *интресс* — *intress* (банковский процент), которая чаще используется во множественном числе: *интрессы (проценты)*. Но сложное слово *intressimäär* все-таки переводится как *процентная ставка*.

5.5. Обычно изменения в лексиконе охватывают номинативные лексемы. Гораздо реже представлены глагольные формы, отсутствующие в языке метрополии. Влиянием эстонского языка объясняется использование лексемы *кандидировать* — *kandideerima* (вместо *баллотироваться*, *стать кандидатом*) в официальных и газетных сообщениях, в политической рекламе: *Кандидировать на практику к канцлеру юстиции могут студенты III курса, магистранты и докторанты...* Такие глаголы порождают и отглагольные существительные: *Для кандидирования на место практики просим предоставить...* (в обоих приведенных примерах, взятых с сайта канцлера юстиции¹, сохранен язык перевода).

5.6. Лексика официальных сайтов учреждений, банков, предприятий вводит в деловой обиход многочисленные аббре-

¹ См.: www.oiguskantsler.ee/?menuID=89...1

виатуры, порой также заимствованные из английского: *PIN-код* (англ. *Personal Identification Number*) — личный опознавательный номер, аналог пароля. *SIM-карта* — (англ. *Subscriber Identification Module*) — модуль идентификации абонента мобильной связи. При этом новая терминология затрагивает и графику, поскольку в письменной русской деловой речи аббревиатуры передаются и латиницей, и кириллицей, но чаще — их сочетанием в разных графических комбинациях и с использованием целых слов: *ID-карта*, *PIN-код*, *PIN-калькулятор*, *SIM-карта*; *э-операции*, *э-услуги* (осуществляются через электронный носитель); *м-парковка*, *м-платежи* (платежи через мобильный телефон) и др.

5.7. В графике названий финансовых учреждений, предприятий и т. п. наблюдается явное предпочтение латиницы [об использовании латиницы в русских газетах см. Кюльмоя 2000: 90–91], что, по-видимому, объясняется стремлением обеспечить быстрое и однозначное понимание в стране языка с латинской графикой. Кириллические вкрапления, как правило, незначительны (кстати, в эстонских написаниях также могут содержаться и буквы, отсутствующие в эстонской графике): *АО Swedbank* — *AS Swedbank* (эстонский филиал шведского банка Swedbank; до 16.03.2009 *АО Хансабанк* — *AS Hansa-rank*). Любопытно, что на Украине графика названия этого банка полностью кириллическая: *АО Сведбанк*.

Сохранение латиницы преобладает в названиях крупных фирм (часто фирм с иностранным капиталом): *АО SEB Bank* — *SEB Pank AS* (эстонский филиал международной финансовой группы Skandinaviska Enskilda Banken); *АО Tallink Grupp* — *AS Tallink Grupp* (фирма-оператор пассажирских и грузовых судов). Однако в целом бытуют разные написания: заимствованные, транслитерированные, с частичным переводом на русский: *АО Таллинский Порт* и *АО Таллинна Садам* — *AS Tallinna Sadam*; *АО Нарвские электростанции* — *AS Narva Elektriijaamad*; *АО Ээсти Пылевкиви* — *AS Eesti Põlevkivi* (предприятие по добыче горючего сланца на северо-востоке Эстонии) и многие другие.

5.8. Инновации в деловой коммуникации в условиях диаспоры порождают прежде всего переводчики, которые в разной

степени владеют и теоретическими знаниями о закономерностях переводческого процесса, и нормами русского языка. А ведь именно переводчики первыми подбирают тот или иной языковой эквивалент.

Законодательные и банковские тексты обычно переводят квалифицированные специалисты. Однако далеко не все переводные тексты отличаются высоким качеством, поскольку порой за перевод берутся люди, не осознающие в достаточной степени, что в переводческой деятельности необходимо учитывать возможное несовпадение «картин мира», системно-структурные различия языков, грамматические и стилистические нормы, прагматику употребления, семантический объем языковых единиц и, наконец, предвидеть возможную интерференцию при переводе¹. Сказанное относится не только к переводчикам-эстонцам, но и к тем русским, которые берутся переводить с эстонского содержание сайтов городов Эстонии, туристических фирм, гостиниц, больниц, санаториев и т. п., но не владеют родным языком в достаточной мере.

О слабом уровне грамотности некоторых переводчиков наглядно свидетельствует пример, взятый с сайта одной из переводческих фирм (грамматика, орфография и пунктуация сохранены):

**Tööprotsess —
kuidas me tegutseme**

Oleme täielikult pühendunud sellele, et osutada Teile parimat tõlketeenust ja teha seda nii efektiivselt, et saaksite pakkuda ka parimaid hindu. Allpool joonisel kirjeldame täpselt seda, mis juhtub Teile tõlketööga alates tellimuse vormistamisest kuni selle eduka kättesaamiseni.

**Процесс работы —
как мы действуем**

Мы совершенно посвящены тому, чтобы указать Вам лучшую услугу и в то же время предложить и лучшие цены. Ниже мы более точно опишем процесс работы начиная с оформлений заказа заканчивая с его успешным выполнением.

¹ Перечисленные аспекты перевода были отражены в докладе автора «Перевод как средство межязыковой коммуникации (на материале перевода с эстонского языка на русский)» (Международный научный семинар «Актуальные проблемы контактной лингвистики и языки меньшинств», Рига, 11–13 декабря 2008 г.).

7. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Официально-деловое общение охватывает большое количество разнообразных частных сфер общения, которые осветить в рамках одной статьи невозможно. Поэтому здесь обобщена лишь часть собранного материала. Однако и эта часть свидетельствует о том, что современное коммуникативное пространство в условиях диаспоры представляет собой сложную систему [Авина 2007: 719], обусловленную комплексом экстралингвистических факторов и этнолингвокультурным взаимодействием. Осуществляясь через бумажный и электронный каналы, деловое общение в значительной степени реализуется в переводах.

Особенности коммуникативного поведения русских в ситуации диаспоры обусловлены, с одной стороны, опорой на стереотипы коммуникативного поведения, свойственные метрополии, а с другой стороны — ориентацией на социокультурные стереотипы конкретного в котором русские живут. Иными словами, в русском языке представителей диаспоры особенности этнокультурного сознания корректируются поликультурной средой обитания. В то же время выработка новых языковых привычек обусловлено и прагматическими причинами: использование заимствований провоцируется как влиянием государственного и английского языков, так и стремлением к экономии языковых усилий, к обеспечению однозначности понимания.

В языке диаспоры заимствования соседствуют с активизированными историзмами русского языка метрополии, но для живущих в диаспоре они, по сути дела, перестают быть историзмами в полном смысле слова. В целом особенности делового языка диаспоры охватывают прежде всего тематически разнообразную лексику, но почти не затрагивают грамматику. Однако мы пока не можем сказать, отразится ли в дальнейшем на деловой речи массовость лексически и грамматически неправильных переводов на русский язык.

ЛИТЕРАТУРА

- Авина Н. Ю. 2007 — Родной язык в ситуации языкового контактирования (на материале русского языка в Литве). *Русский язык: исторические судьбы и современность. III Международный конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы*. Москва. С. 719.
- Кожина М. Н. 1983 — *Стилистика русского языка*. 2-е изд. Москва.
- Культура русской речи 2001 — *Культура русской речи*. ИРЯ РАН. Москва.
- Кюльмоя И. П. 2000 — Специфические черты языка русской диаспоры Эстонии. *Язык диаспоры: проблемы и перспективы. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. III*. Тарту. С. 84–93.
- Стилистика 1989 — *Стилистика русского языка*. Под ред. Н. М. Шанского, 2-е изд. Ленинград.
- Щаднева В. П. 2000 — Функции англицизмов в русской речи. *Язык диаспоры: проблемы и перспективы. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. III*. Тарту. С. 148–156.
- Hint M. 2009 — Keel vajab lugupidamist: Kõne Eesti Rahvusraamatukogu VII emakeelepäeval „Kas keelt saab taltsutada?“ 12/III 2009. *Sirp*. № 16 (3249), 24.04.2009.

ВЕНЕКЕЕЛСЕТЕ АМЕТЛИКЕ ТЕКСТИДЕ КОХАСТ JA
ЛИНГВИСТИЛИСТЕСТ ИСЕÄРАСУСТЕСТ ТÄНАПÄЕВА ЕЕСТИС

Valentina Štšadneva

Käesolev artikkel keskendub vene keelele diasporaas ja annab ülevaate tänapäeva Eesti sotsiolingvistilisest olukorrast. Uurimuse objektiks on vene keelt kõnelevate inimeste kommunikatiiv-keelelise käitumise iseärasused ametliku suhtlemise valdkonnas. Teaduslikes väljaannetes nimetatud sfääri praktiliselt ei käsitleta. Uurimuse tulemused hõlmavad ametlike tekste, mis pole konfidentsiaalsed.

Tänapäeva suuline ja kirjalik kommunikatsioon diasporaas tingimustes on keeruline süsteem, mis on tingitud keelevälistest teguritest ning rahvuse, keele ja kultuuri koostoimest. Viimane toimub ametlikus suhtluses paberkanalil ja elektrooniliselt. Ametlik keeleline suhtlemine diasporaas realiseeritakse olulisel määral tõlgetes vene keelde.

Artiklis vaadeldud sotsiolingvüstilised arengud ja keeleilmingud võimaldavad iseloomustada vene diasporaa esindajate kommunikatiivse käitumise mõningaid iseärasusi. Ühelt poolt toetuvad ametlikus suhtlemises vene keelt kõnelevad inimesed metropolile omastele kommunikatiivse käitumise stereotüüptidele. Teiselt poolt rahvuse, keele ja kultuuri vastastikuse koostoime tingimustes lähtuvad nad vastava ühiskonna sotsiaalkultuurilistest stereotüüpidest.

Uute keeleliste harjumuste tekkimine diasporaa on tingitud ka kommunikatiiv-pragmatilistest põhjustest. Muuhulgas on laenkeelendite kasutamine asjaajamiskeeles, olles nii riigikeele kui ka inglise keele mõju all, tingitud soovist säästa keelelisi jõupingutusi ja tagada ühetähenduslik arusaamine. Sealjuures uued laenud diasporaa keeles eksisteerivad kõrvuti koos metropoli vene keele aktiveeritud historismidega, kuid need minevikunähtust tähistavad keelendid on diasporaa sisuliselt kaotanud historismi staatuse sõna otseses mõttes.

Diasporaa asjaajamiskeele omadused olulisel määral hõlmavad erisuguste ametlike tegevusvaldkondade temaatiliselt mitmekülgset sõnavara, kuid praktiliselt ei puuduta grammatikat. Sellele vaatamata me ei saa veel öelda, kas praegused arvukad leksikaalselt ja grammatiliselt valed tõlked vene keelde mõjuvad tulevikus vene asjaajamiskeelt või mitte.

Часть II

АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ МЕТРОПОЛИИ

К ВОПРОСУ ОБ ОЦЕНКЕ ПРОДУКТИВНОСТИ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ КЛАССОВ ГЛАГОЛОВ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Н. Н. БОГДАНОВА, О. Н. БУРДАКОВА

В современной русистике представлено несколько авторитетных классификаций словоизменительных классов глаголов русского языка, основанных на единых принципах соотношения конечных элементов двух глагольных основ: основы инфинитива (иначе — прош. вр.) и основы презенса (наст. вр.)¹. В большинстве из них классы делятся по признаку продуктивности. При этом если в отношении непродуктивных классов (групп) классификации существенно различаются по количеству членов, их последовательности (и соответственно нумерации), то в отношении продуктивных классов — в общем, едины. Традиционно выделяют пять продуктивных глагольных классов, обычно в следующей последовательности (см. таб. 1), иногда, впрочем, четвертый и пятый классы меняют местами.

¹ В хронологической последовательности: классификации С. И. Карцевского, В. В. Виноградова, А. В. Исаченко, А. А. Зализняка и РГ–80 [см. Виноградов 1986; Зализняк 1977; Исаченко 1960; Карцевский 2000, 2004; РГ–80]; соотношение классов глаголов в перечисленных грамматических описаниях XX века можно найти в [Бурдакова 2008: 178–179].

Таблица 1. Продуктивные словоизменительные классы глаголов русского языка

Класс	Соотношение конечных элементов основ		Окончание 3 л. мн. ч. наст. вр.	Примеры
	инф. / прош. вр.	наст. вр.		
I	-а-	-ај-	-ут	<i>играть, игра-л-а — играј-ут</i>
II	-е-	-еј-	-ут	<i>синеть, сине-л-а — синеј-ут</i>
III	-ова-	-уј-	-ут	<i>рисовать, рисова-л-а — рисуј-ут</i>
IV	-ну-	-н-	-ут	<i>прыгнуть, прыгну-л-а — прыгн-ут</i>
V	-и-	-ю-	-ат	<i>любить, люби-л-а — люб'-ат</i>

Идея противопоставить в системе русского глагольного словоизменения классы глаголов по продуктивности, или, по образному выражению С. П. Обнорского, «классифицировать глаголы с точки зрения их животворной для современной стадии языка морфологической структуры» [Обнорский 2009: 5], принадлежит С. И. Карцевскому. Известный представитель женеvской лингвистической школы впервые в истории изучения морфологических классов глаголов русского языка «выходит за границы статического описания фактов и выдвигает вопрос о продуктивности грамматических категорий, динамике их внутреннего развития» [Поспелов 2010: 38].

Идеи С. И. Карцевского поддержали и развили в собственных классификациях ведущие языковеды середины XX века. Деление классов на продуктивные и непродуктивные прочно вошло в грамматику и сегодня известно любому выпускнику филологического факультета.

В 50-е–60-е гг. велось планомерное научное изучение продуктивных глагольных классов: исследователей интересовали вопросы суффиксального глаголообразования. В это время были выявлены и описаны словообразовательные типы и модели глаголов отдельных продуктивных классов [см.: Авилова 1953, 1955а, 1955б; Костомаров 1955; Морозова 1958; Самуйлова 1954; Улуханов 1966; Шершнева 1961]. Вопрос о продук-

тивности словообразовательных моделей решался по наличию / отсутствию новообразований. Продуктивность моделей образования глаголов одного класса свидетельствовала, надо полагать, о продуктивности самого класса. Однако глаголы разных классов изучались изолированно друг от друга, на разном фактическом материале. Как следствие, целостной сопоставительной картины продуктивности пяти основных глагольных классов представлено не было.

Исследования проводились около полувека назад на материале языка первой половины (а в некоторых случаях — первой трети) XX века. Если допустить, что продуктивность не является постоянной величиной (в чем мы не сомневаемся, другой вопрос — от чего она зависит и как быстро меняется), то **настало время** вернуться к проблеме продуктивности морфологических классов глаголов, привлечь к анализу глаголы традиционно непродуктивных групп, **перейти от качественной оценки продуктивности** (продуктивный / непродуктивный) **к объективно-количественной оценке** (насколько продуктивный).

Позволим себе привести одну иллюстрацию несовершенности сложившихся на сегодня представлений о продуктивности морфологических классов глаголов. Нам известно, что в новейший период развития языка в классе с соотношением основ *-a-/-Ø-* (тип *писа́ть*), традиционно считающемся непродуктивным, появился по крайней мере один новый глагол — *взаимоува́зывать*, впервые зарегистрированный в словаре-справочнике новых слов и значений, составленном по материалам прессы и литературы 80-х гг. (НС 80-х гг.), и последовательно фиксируемый современными толковыми словарями, см. [БТС 1998, БАС 2004—]. Конечно, он образован на базе давно существующего в языке глагола *ува́зывать*, который, кстати, по свидетельству Ф. Поликарпова [Поликарпов 1704], принадлежал ранее иному морфологическому классу (*-a-/-yʲ-*, тип *живописа́ть*), но сути дела это не меняет. Факт остается фактом: класс пополнился новообразованием. Однако стал ли класс от этого продуктивным? Следуя принятому сегодня формальному определению продуктивности — да. Достаточно ли одного

случая словопроизводства для «оживления» класса? Сколько новых глаголов должно войти в класс, для того чтобы класс можно было признать продуктивным? Сколько новых единиц, подобно описанной, влилось в «непродуктивные» классы? **Как измерить и сравнить продуктивность классов?**

МЕТОДИКА ОЦЕНКИ ПРОДУКТИВНОСТИ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ КЛАССОВ ГЛАГОЛОВ

В свете сказанного выше весьма актуальной представляется задача **выработать методику оценки продуктивности морфологических классов глаголов**, применимую для оценки продуктивности других грамматических классов: частей речи, лексико-грамматических разрядов, а также словообразовательных типов, моделей, аффиксов и т. п.

На наш взгляд, говоря о продуктивности морфологических классов, необходимо учитывать два существенных момента:

- а) период, за который пришло в язык N количество новых глагольных лексем;
- б) распределение этих новых единиц по различным морфологическим классам.

Трудно поверить, что в языке появлялись классы изначально непродуктивные. Очевидно, что продуктивность — величина переменная: в разные периоды развития языка она может расти / падать, «вспыхивать» / «затухать» и даже сходить на нет или на протяжении достаточно длительного времени быть стабильной, устойчивой, постоянной. Таким образом, можно и нужно говорить о текущей продуктивности класса (момента или периоде продуктивности).

Вне всяких сомнений, классы могут различаться по степени продуктивности. Допустим, что в класс А за определенный исторический период пришло в два раза больше новых единиц, чем в класс В, а в класс С в пять раз меньше, чем в класс В. Иными словами, класс А более продуктивен, чем классы В и С; класс В менее продуктивен, чем класс А, но продуктивнее класса С. Таким образом, можно говорить об относительной продуктивности класса и по этому объектив-

ному количественному показателю сравнивать классы, строить их иерархию, определять роль отдельных классов в системе глаголов русского языка.

Исходя из сказанного выше, предлагаем следующее «рабочее» определение продуктивности.

Относительная текущая продуктивность класса — это отношение количества единиц, пришедших в данный класс за определенный исторический период, к общему количеству единиц классификации, пришедших в язык за этот же период времени.

Для того чтобы определить продуктивность того или иного конкретного морфологического класса глаголов, необходимо провести серию простых расчетов.

Во-первых, установить количество глаголов, вошедших в язык в определенный исторический период ($\Delta t = t_2 - t_1$):

$$\Delta V = V_{t_2} - V_{t_1}$$

t_1, t_2 — момент времени;

V — количество глаголов.

Во-вторых, определить количество глаголов, пришедших в данный морфологический класс (i) в определенный исторический период ($\Delta t = t_2 - t_1$):

$$\Delta V^i = V_{t_2}^i - V_{t_1}^i$$

i — номер морфологического класса.

При этом должно выполняться условие полноты классификации:

$$\sum \Delta V^i = \Delta V,$$

иными словами, количество глаголов, появившихся в языке за период Δt , должно быть равно сумме глаголов, пополнивших в этот период все классы.

Наконец, рассчитать продуктивность i -го класса (P^i):

$$P^i = \frac{\Delta V^i}{\Delta V}$$

P — продуктивность.

С точки зрения прогнозирования, продуктивность — это вероятность того, что новый глагол будет принадлежать тому или иному классу.

От относительной продуктивности следует отличать **интенсивность**, или **скорость роста класса**. Под интенсивностью (I) мы понимаем отношение количества единиц, пришедших в данный класс за определенный исторический период, к начальному на момент измерения количеству единиц данного класса:

$$I^i = \frac{\Delta V^i}{V_{t_1}^i}$$

I — интенсивность.

Иными словами, интенсивность — это объем класса в динамике.

Конкретизируем предыдущий гипотетический пример. В класс А вошло 50 новых единиц при объеме на начальный период измерения в 800 единиц, в класс В — 25, а в класс С — 5 (при начальном объеме в 200 и 20 единиц соответственно). В рассмотренном примере наибольшей интенсивностью характеризуется наименее продуктивный класс — С. Именно в этом классе произошли наиболее заметные изменения, объем этого класса за анализируемый период вырос на четверть.

Интенсивность класса — важный количественный показатель, который позволяет на фоне равномерно пополняющихся, развивающихся по инерции классов выделить классы, в которых происходят резкие скачкообразные сдвиги в сторону увеличения объема — факты, требующие самого пристального внимания и научного объяснения.

Технология подготовки исходных данных для оценки продуктивности морфологических классов глаголов.

Возникает вопрос, как применить предложенную методику оценки продуктивности морфологических классов глаголов на практике? Каким образом выделить в системе глагольной лексики русского языка того или иного периода новый, недавно появившийся слой?

Наиболее простой, лежащий на поверхности ответ — воспользоваться материалами регулярно издаваемых с 70-х гг. XX вв. словарей новых слов и значений [НС 60-х гг., НС 70-х гг., НС-77, НС-78, НС-79, НС 80-х гг., НС-80, НС-81, НС-82, НС-85, НС-86, НС-87, НС-88, НС сер. 50-х – сер. 80-х гг., НС-91, НС-93]. Этот путь избирают многие современные дериватологи для выделения наиболее активных в современном языке способов и средств словообразования [см., напр., Земская 2009]. При всей заманчивости такого подхода, обусловленной чрезвычайно высокой дискретностью датировок новых единиц, мы вынуждены признать, что отдельные выпуски словарей лексических неологизмов трудно безоговорочно использовать в качестве единственного достоверного источника оценки продуктивности морфологических классов глаголов в системе языка, поскольку они абсолютно сознательно¹:

а) включают единицы, строго говоря, не являющиеся словами и остроумно названные Е. А. Земской «недословами» типа *подрасти-подняться, загудеть-затрубить, побывать-погостить, поглядеть-посмотреть* (примеры Е.А. Земской из НС-81 [Земская 2009: 44]), *мечтать-планировать* [НС-93];

б) наряду с узуальными содержат «мертворожденные» слова, не получившие «права гражданства» в языке: окказиона-

¹ Перечисляемые ниже факты (включение в выпуски «Словарных материалов» слов «однократного употребления» или слов, новизна которых вызывает сомнения) — не недостаток этих изданий, а результат последовательного соблюдения принципов отбора лексики. Окказиональные слова включаются в словник, поскольку авторами «Словарных материалов» «ставится задача охвата разнообразных процессов образования слов» и «выпуски отражают подвижный, текучий материал, не позволяющий строго разграничивать слова “речевые”, разового употребления, и слова “языковые”, воспроизводимые, общеупотребительные» [НС-77 — цит. по НС-93: 7]. «Неновые слова» попадают в словник материалов исходя из т.н. «презумпции новизны»: «если нельзя было доказать, что отсутствующее в словарях и картотеках слово — старое, оно считалось новым» [НС-77 — цит. по НС-93: 8].

лизмы, созданные по личному желанию автора или требованию контекста, не прошедшие этап социологизации, напр.:

встоптать 'топча, нарушить покров чего-л. (разг.)', *выкарабкать* 'взять, забрать откуда-л.; выволить (в просторечии)', *декабриствовать*, *дизайнировать* 'конструировать (сконструировать), проектировать (спроектировать) что-л. в отношении внешнего вида', *додепартизироваться* 'дойти до отрицательного результата в результате департизации — запрета на партийную деятельность', *долларизировать* 'переводить (перевести) в доллары (о денежных вкладах)', *евангелизировать* 'усиливать, усилить где-л. влияние протестантизма', *загайдарить*, *обурачить*, *огаистучить* 'вынудить, заставить надеть гастук (в разг. речи)', *омордотворять*, *опрохвоститься* 'скомпрометировать себя неподобающим поведением (в разг. речи)', *осиянить*, *осоветить* 'сделать советским (в разг. речи)', *осуетиться* 'погрязнуть в суете в ущерб духовности, нравственности (неодобр.)', *охохлачить* 'сделать украинцами по языку, обычаям (в разг. речи)', *правдануть*, *протэтэкать*, *прошокировать*, *расчубайсить*, *рейтинговать* 'составлять рейтинг, рейтинги', *спиратировать* 'незаконно, с нарушением авторских прав и выгодой для себя издать что-л. (в разг. речи)', *среферендить*, *стриптизировать* 'обнаруживать свою неприглядную сущность (перен.)', *хаотизировать* 'приводить (привести) что-л. в состояние хаоса', *эстрадизировать* 'привлекать кого-л. к работе на эстраде, эстраднему искусству' (НС-93) и др.

Перечисленные глаголы так и не вошли в обиход и как следствие не попали не только в толковые словари современного русского языка (включая новый БАС [БАС 2004-]), но и в более восприимчивые ко всему новому орфографические академические словари;

в) наряду с действительно новыми лексемами приводят слова, новизна которых вызывает сомнение;

г) самое главное — опираясь, как правило, на незначительный круг однотипных в стилистическом отношении источников, неспособны дать целостной, сколько-нибудь полной картины изменений (пополнения) в системе глагольной лексики русского языка.

Наш вердикт: словари этого типа идеально подходят для выборочной иллюстрации продуктивности морфологических

классов глаголов. Без привлечения дополнительных источников непригодны для оценки интенсивности (скорости роста) класса в нашем понимании. Могут быть использованы для весьма приблизительной оценки продуктивности морфологических классов глаголов в речи, а при критическом отношении к составу словников — с известными оговорками, для очень грубой оценки продуктивности морфологических классов глаголов в языке.

Можно предложить принципиально иную технологию подготовки исходных для оценки продуктивности морфологических классов данных: сделать синхронный срез глагольного лексикона, а затем на этом срезе, как на поперечном срезе дерева, рассмотреть «годовые кольца» — **выделить отдельные слои нарастания, пополнения словаря**. Для этого необходимо очертить круг глагольной лексики русского языка на современном этапе его развития. За пределами этого круга должны остаться созданные по случаю авторские неологизмы, слова-«однодневки» и т. п. А затем для каждого глагола выборки надо установить время и место первой лексикографической фиксации. Считаем возможным из всех этапов истории слова в целях оценки продуктивности классов в системе языка новейшего времени (второй половины XX века) при достигнутом к этому времени достаточно высоком уровне развития лексикографии использовать дату первой фиксации слова в словарях как дату «прописки» слова в языке.

Выбор источника исходных данных для оценки продуктивности морфологических классов глаголов.

В соответствии с предложенной технологией подготовки исходных данных необходимо определить источник сбора материала. Выбор источника сбора материала продиктован поставленной первостепенной задачей выявить по возможности наиболее полный корпус глаголов современного русского языка. Соответственно основными требованиями, предъявляемыми к источнику исходных данных, будут:

- а) полнота (объем) словника;
- б) отражение современного состояния русского языка.

Оба требования значительно сужают круг возможных источников сбора материала. Стремление подвергнуть анализу наиболее полный корпус глаголов современного русского языка заставляет отказаться от сбора исходных данных по изданным в последнее время грамматическим словарям русского глагола (напр., Окунева 2000; Сазонова 1989; Сазонова 2002; Толмачёва, Кокорина 1989, включающим всего от 2500 до 5000 глагольных лексем) и для получения представительной выборки обратиться к толковым словарям современного русского языка. Поскольку работа над новым БАС-ом [БАС 2004–] далека от завершения, предпочтение отдаем новому академическому «Большому толковому словарю русского языка» (СПб., 1998), подготовленному сотрудниками словарного отдела Института лингвистических исследований РАН под руководством С. А. Кузнецова. Этот словарь достаточно полно отражает лексический состав русского языка конца XX в. В БТС включены «слова и значения, которые по разным причинам не были представлены в толковых словарях ранее. К словам такого рода относятся: слова, вошедшие в русский литературный язык в течение последнего десятилетия; слова, означающие термины и реалии понятийных сфер, связанных с астрологией, парапсихологией, народной медициной, религией и др.; слова, остававшиеся до недавнего времени на границе отдаленной периферии литературного языка (сниженная, жаргонная и бранная лексика)» [БТС 1998: 3]. По величине словника БТС, будучи компактным однотомным словарем, не уступает многотомным изданиям (см. таб. 2) и, таким образом, позволит очертить систему глагольной лексики русского языка по состоянию на конец XX века.

На следующем этапе работы согласно описанной выше технологии подготовки исходных данных для оценки продуктивности морфологических классов глаголов необходимо будет установить время и место первой лексикографической фиксации отобранных единиц. На этом этапе считаем возможным использовать результаты большой и кропотливой работы, проделанной составителями БАС-ов [БАС 1948–1965, БАС 2004–], и лишь в отдельных случаях для слов, не попавших в

эти издания, провести самостоятельные поиски даты первой фиксации в словарях.

Таблица 2. Объем словарей толковых словарей современного русского языка

	Толковые словари ¹				
	СУ	МАС	БАС	БТС	новый БАС
1-е издание	свыше 85 тыс. слов	более 80 тыс. слов	около 120 тыс. слов	около 130 тыс. слов	более 150 тыс. слов
последнее из дополненных изданий	110 тыс. словарных статей	более 80 тыс. слов	—	—	—

Подведем итог. Объективная количественная оценка продуктивности морфологических классов глаголов имеет важное теоретическое и практическое значение. Она позволяет наблюдать систему русского глагольного словоизменения в динамике; подмечать изменения в составе отдельных классов, выделять активно растущие и практически не изменяющиеся, стабильные классы, видеть направление развития системы и прогнозировать ее будущее.

В целях адекватного представления современного состояния системы русского глагольного словоизменения необходи-

¹ СУ — Толковый словарь русского языка. Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. I–IV. М. (1-е изд. 1935–1940 гг.; последнее перераб. и доп. изд. — 2005 г.); МАС — Словарь русского языка. Под ред. А. П. Евгеньевой. Т. I–IV. М. (1-е изд. 1957–1961 гг., последнее испр. и доп. изд. — 1981–1984 гг.); БАС — Словарь современного русского языка. Т. I–XVII. М.-Л. (1-е изд. 1948–1965 гг.; 2-е изд. в 20-ти тт. — не закончено: с 1991 по 1994 г. вышли т. I–VI); БТС — Большой толковый словарь русского языка. Под ред. С. А. Кузнецова. СПб. (1-е изд. 1998 г., последующие издания — стереотип.); новый БАС — Большой академический словарь русского языка. Т. I–. М.-СПб., 2004–.

мо провести оценку отдельных звеньев этой системы — морфологических классов — по меньшей мере по трем количественным показателям: объем, продуктивность и интенсивность. К сожалению, приходится признать, что представленная в данной статье методика оценки продуктивности и интенсивности морфологических классов глаголов на настоящем этапе развития лексикографии не может быть применена в полном объеме, поскольку невозможно однозначно определить состояние глагольной системы русского языка на два момента времени (в силу отсутствия в настоящее время сопоставимых по принципам отбора лексики и построения двух словарей различных временных срезов). Однако считаем, что предложенный в рамках технологии подготовки исходных данных для анализа продуктивности морфологических классов глаголов выход из сложившейся ситуации вполне допустим и в целом не должен сильно исказить реальную картину изменения состава и развития морфологических классов.

ЛИТЕРАТУРА

- Авилова Н. С. 1953 — *Вопросы глагольного суффиксального словообразования в современном русском литературном языке. Глаголы с суффиксом -ова-*. КД. Машинопись. Москва.
- Авилова Н. С. 1955 а — Глаголы с суффиксом **-ова-** и его вариантами **-ирова-**, **-изирова-**, **-изова-** в русском языке. *Исследования по грамматике русского литературного языка*. Москва.
- Авилова Н. С. 1955 б — К вопросу о словообразовательных типах русского глагола. *Русский язык в школе*. № 2.
- Бурдакова О. 2008 — *Имперфективизация глаголов V продуктивного класса в современном русском языке*. Тарту.
- Виноградов В. В. 1986 — *Русский язык (Грамматическое учение о слове)*. Изд. 3-е, испр. Москва.
- Земская Е. А. 2009 — *Словообразование как деятельность*. Отв. ред. Д. Н. Шмелев. Изд. 4-е. Москва.
- Исаченко А. В. 1960 — *Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология*. Ч. 2. Братислава.

- Карцевский С. И. 2000 — Повторительный курс русского языка. *Карцевский С. И. Из лингвистического наследия*. Москва. С. 97–204.
- Карцевский С. И. 2004 — Система русского глагола: Опыт синхронического лингвистического описания. *Карцевский С. И. Из лингвистического наследия*. Т. II. Москва. С. 70–106.
- Костомаров В. Г. 1955 — *Словообразовательная структура глаголов класса -ить/-ят в современном русском языке*. АКД. Москва.
- Морозова М. И. 1958 — Словообразовательные модели глаголов V продуктивного класса в современном русском языке. *Уч. зап. Вологодского педагогического института*. Вып. 28. Ярославль.
- Обнорский С. П. 2009 — *Очерки по морфологии русского глагола*. Изд. 2-е. Москва.
- Поспелов Н. С. 2010 — О лингвистическом наследстве С. О. Карцевского. *Поспелов Н. С. Мысли о русской грамматике: Избранные труды*. Отв. ред. Н. И. Толстой. Изд. 2-е. Москва. С. 37–49.
- РГ-80 — *Русская грамматика*. Москва.
- Самуйлова К. С. 1954 — *Вопросы суффиксального образования глаголов I продуктивного класса в современном русском языке*. КД. Машинопись. Москва.
- Улуханов И. С. 1966 — Глаголы на *-еть* в современном русском языке (О продуктивности и регулярности словообразовательного типа). *Развитие словообразования современного русского языка*. Москва.
- Шершнева М. С. 1961 — Словообразование глаголов II продуктивного класса в современном русском языке. *Известия АН СССР*. Отд. литературы и языка. Т. 20. Вып. 4.

СЛОВАРИ

- БАС 2004–. — Большой академический словарь русского языка. Т. I–. Москва-Санкт-Петербург.
- БАС 1948–1965 — Словарь современного русского языка. Т. I–XVII. Москва-Ленинград.
- Зализняк А. А. 1977 — Грамматический словарь русского языка. Москва.
- НС 60-х гг. — Новые слова и значения: Словарь-справочник (по материалам прессы и литературы 60-х годов). Под ред. Н. З. Котеловой, Ю. С. Сорокина. Москва, 1971.

- НС 70-х гг. — Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов. Под ред. Н. З. Котеловой. Москва, 1984.
- НС-77 — Новое в русской лексике: Словарные материалы-77. Москва, 1980.
- НС-78 — Новое в русской лексике: Словарные материалы-78.
- НС-79 — Новое в русской лексике: Словарные материалы-79. Под ред. Н. З. Котеловой. Москва, 1982.
- НС 80-х гг. — Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-х годов. Под ред. Е. А. Левашова. Санкт-Петербург, 1997.
- НС-80 — Новое в русской лексике: Словарные материалы-80. Под ред. Н. З. Котеловой. Москва, 1984.
- НС-81 — Новое в русской лексике: Словарные материалы-81. Москва, 1986.
- НС-82 — Новое в русской лексике: Словарные материалы-82. Москва, 1986.
- НС-85 — Новое в русской лексике: Словарные материалы-85. Под ред. Н. З. Котеловой и Ю. Ф. Денисенко. Санкт-Петербург, 1996.
- НС-86 — Новое в русской лексике: Словарные материалы-86. Под ред. Н. З. Котеловой, С. И. Алаторцевой и Т. Н. Буцевой. Санкт-Петербург, 1996.
- НС-87 — Новое в русской лексике: Словарные материалы-87. Под ред. Н. З. Котеловой и Ю. Ф. Денисенко. Санкт-Петербург, 1996.
- НС-88 — Новое в русской лексике: Словарные материалы-88. Под ред. Е. А. Левашова. Санкт-Петербург, 1996.
- НС сер. 50-х – сер. 80-х гг. — Словарь новых слов русского языка (середина 50-х – середина 80-х годов). Санкт-Петербург, 1995.
- НС-91 — Dola Haudressy. Les mutation de la langue russe. Ces mots qui disent l'actualité. Paris, 1992.
- НС-93 — Новое в русской лексике: Словарные материалы-93. Под ред. Т. Н. Буцевой. Санкт-Петербург, 2008.
- Окунева А. П. 2000 — Русский глагол. Словарь-справочник. Москва.
- Сазонова И. К. 1989 — Русский глагол и его причастные формы. Толково-грамматический справочник. Москва.
- Сазонова И. К. 2002 — Толково-грамматический словарь русского языка. Глагол и его причастные формы: 2500 глаголов, 7500 причастий. Москва.
- Поликарпов Ф. 1704 — Лексикон трехязычный, сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище. Москва.

Голмачёва В. Д., Кокорина С.И. 1988 — Учебный словарь глагольных форм русского языка. Москва.

VERBI MORFOLOOGILISTE MUUTTÜÜPIDE
PRODUKTIIVSUSE HINDAMISEST
TÄNAPÄEVA VENE KEELES

Natalja Bogdanova, Olga Burdakova

Artiklis nenditakse vajadust tagasi pöörduda vene tegusõna produktiivsete ja ebaproductiivsete muuttüüpide probleemi juurde, mis on teenimatult unustatud tänapäeva keeleteaduses. Autorite arvates on vaja tuvastada muuttüüpidesse kuuluvate verbide arvu ja kvalitatiivset koosseisu tänapäeva keeles, välja selgitada iga muuttüübi kasvamise intensiivsust ja produktiivsust uusimal ajal, selleks et saada ettekujutust vene verbide muutumise reaalsest olukorrast tänapäeval. Verbide morfoloogiliste muuttüüpide objektiivsel kvantitatiivsel ja kvalitatiivsel hindamisel on suur teoreetiline ja praktiline tähtsus. See annab võimaluse jälgida verbide muutumissüsteemi dünaamikas: märgata muudatusi erimuuttüüpide koosseisus, eristada aktiivselt kasvavaid ja stabiilseid muuttüüpe, prognoosida süsteemi arengu suundi. Autorid esitavad vene verbi morfoloogiliste muuttüüpide produktiivsuse ja intensiivsuse (kasvamise kiiruse) hindamise meetodika. Seda võib kasutada ka teiste sõnaliikide grammatiliste muuttüüpide, sõnamoodustustüüpide, sõnamoodustusmudelite ja tuletusliidete produktiivsuse ja intensiivsuse hindamisel. Artiklis esitatakse teaduslikult põhjendatud lähteandmete ettevalmistamise meetodika verbi muuttüüpide produktiivsuse ja intensiivsuse hindamiseks.

НОВЫЕ ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

О. С. ИССЕРС

Дискурс как форма социальной практики представляет собой актуальный объект междисциплинарных исследований. Это связано с тем, что влияние дискурсов на жизнь общества имеет такие последствия, которые захватывают не только отдельные социальные группы, но и страны. Различные типы дискурсов определяют изменения в политике, экономике и культуре, формируют имиджи и миссии, оценки, установки и ценности. Дискурс не только сам конституирует социальный мир («как говорим, так и живем»), но и конституируется в других социальных практиках («как живем, так и говорим»). Как отмечал Н. Фэркло, «дискурсивное формирование общества вызвано не свободной игрой идей в головах людей. Это следствие их социальной практики, которая глубоко укоренена и сориентирована на материальные, социальные структуры» [Fairclough, 1992: 66]. Данный подход к анализу дискурса отражен во многих отечественных и зарубежных работах (А. Н. Баранов, М. Н. Володина, В. И. Карасик, В. А. Маслова, Т. ван Дейк, Р. Водак, Н. Фэркло и др.). Содержание и структура дискурсов создают символическую реальность со своими социальными законами и правилами поведения. В связи с этим возникает необходимость отслеживать и прогнозировать развитие дискурсивных практик и создаваемые в них новые социальные импульсы.

Ни один тип дискурса не является замкнутым и завершенным, он постоянно изменяется, контактируя с другими дискурсами. Ученые отмечают **интердискурсивность** как характерную черту современной коммуникации. Взаимодействие элементов различных дискурсов, которые использует конкретный язык, меняет определенный дискурс и — как следствие — социальный и культурный мир. Следовательно, «борьба дискурсов» вносит вклад в изменение социальной реальности. С помощью анализа специфических контекстов, в которых действует язык, необходимо исследовать то, как поддерживаются и изменяются дискурсивные практики.

Под дискурсивной практикой понимаются не только «тенденции в использовании близких по функции альтернативных языковых средств разных уровней для выражения определенного смысла» [Баранов 2001: 246], но и когнитивно-прагматические характеристики, отражающие типичные для данного типа дискурса коммуникативные ситуации.

Этим обусловлена **актуальность исследования**.

Наблюдения за современными дискурсивными практиками в России позволяют обозначить некоторые тенденции социально-экономической жизни общества, которые нашли непосредственное отражение в развитии новых дискурсивных практик и модификации уже сложившихся. К числу релевантных для дискурс-анализа социально-экономических стимулов можно отнести активное формирование в России общества потребления и свойственной ему «шоппинг-культуры»; повышение качества жизни со свойственными этому процессу символами престижа, статуса, моды; приобщение к электронной коммуникации значительного числа россиян и т. д. Все эти явления находят отражение в меняющихся дискурсивных практиках.

Цель исследования заключается в том, чтобы продемонстрировать тенденции к применению игровых стратегий в тех социальных сферах, где креативный потенциал языка до последнего времени использовался очень незначительно или вообще не использовался. Для этого необходимо определить по-

нятие игровой стратегии и выявить типичные тактики ее реализации в конкретных коммуникативных сферах.

Понятие игровой стратегии трудно определить без исходного для него понятия языковой игры.

Феномен языковой игры попал в поле исследовательского интереса более двадцати лет назад и на протяжении последующих лет языковая игра была изучена в разнообразных ракурсах и на разных языковых уровнях (см, например, обзор подходов к пониманию данного феномена в [Сковородников 2007]). Отмечено также, что некоторые разновидности языковой игры создаются на основе отстройки от ролевых и стилистических стереотипов — ожидаемых сценариев ролевого и речевого поведения. В частности, для подобных целей нередко используются «речевые маски», имитирующие особенности речи определенных социальных групп — сельских жителей, представителей определенных профессий и т. д. [Горелов, Седов 2001: 186–187]. Другое средство языковой игры — прием стиливого контраста, который заключается в том, что какой-либо объект обозначается словом, имеющим иной денотативный смысл, причем резко сниженный или резко возвышенный:

(профессор — студенту, принесшему курсовую работу)
— Ну, давайте ваш манускрипт [Иссерс 2009: 113].

Широкое понимание языковой игры связано с ее рассмотрением в пространстве целого текста [Береговская 1999, Гридина 2008].

Логика анализа языковой игры подсказывает, что данный феномен может быть рассмотрен и на уровне дискурса, где обнаруживается общность игровых приемов более высокого порядка. Использование аппарата коммуникативной лингвистики (понятий коммуникативной стратегии и тактики) позволяет увидеть игровую интенцию, объединяющую большое количество текстов, порожденных в условиях общей дискурсивной практики.

Мы считаем возможным ввести **понятие игровой стратегии**, подразумевая под этим общую установку адресанта на разрушение стереотипов «серьезного общения» и возможность

реализации коммуникативного намерения посредством комплекса прагматических приемов (тактик).¹ Игровой характер указанных приемов далеко не всегда связан с креативным потенциалом лингвистических единиц разных уровней — его предпосылки находятся в сфере когнитивных, психологических, ситуационно-ролевых механизмов речевой деятельности.

Как показали многочисленные исследования, в разных сферах речевой деятельности языковая игра имеет свою функциональную специфику (см, например, [Современная языковая ситуация 2008] и др.). В частности, в рекламе прагматическая направленность языковой игры связана с потребностями позиционирования и продвижения товара (услуги), в публицистике — с персуазивным воздействием, созданием оценочной модальности, в разговорной речи — с потребностями непринужденного неофициального общения, в сфере научной деятельности — с тенденцией к «визуализации» и компрессии мысли [Гридина 2008: 5]. Как показывает анализ, **в современной коммуникации стремительно расширяется не только пространство игрового общения, но и спектр приемов, актуализирующих игровые функции языка.** В рамках данной работы предполагается рассмотреть реализацию игровой стратегии в двух сферах речевой коммуникации:

- 1) в сфере дорожного движения (т. н. «автомобильная коммуникация»);
- 2) в сфере общественного питания (меню как тип дискурса).

Общение «на дорогах» представлено текстами некоммерческого характера, размещенными на автомобилях и баннерах. В качестве материала для анализа в сфере общественного питания использовались тексты меню кафе и ресторанов. Обе указанные сферы, далеко не близкие по своим функциям и дискурсивным характеристикам, объединены тем, что ранее

¹ Ср. с определением языковой игры как «актуализации и ломки ассоциативных стереотипов» в [Гридина 2008: 8].

в них преобладала установка на «серьезное» общение, близкое по своим основным параметрам к институциональному. Рассмотрим, какие изменения отмечаются в этих областях речевой деятельности сегодня.

1. ИГРОВЫЕ СТРАТЕГИИ В «ОБЩЕНИИ НА ДОРОГАХ»

С конца 90-х гг. в России резко увеличился парк личных автомобилей, что вовлекло в число автомобилистов почти четверть взрослого населения страны. Это не могло не отразиться на формировании новых речевых ситуаций и — шире — дискурсивных практик.

Вербальное общение на дороге может осуществляться как в письменной, так и в устной форме. В силу специфики коммуникативной сферы устное общение водителей, как правило, не носит характера игры, поскольку ограничивается двумя типичными «неюмористическими» ситуациями: разговором с инспектором ГИБДД и запросом информации у водителей (*Как проехать? Где находится?*). Поэтому внимание будет сосредоточено на письменной форме речи в пространстве дороги.

В письменной автомобильной коммуникации участвуют водители и организаторы дорожного движения (ГИБДД), а также производители товаров и услуг для автомобилистов (владельцы автозаправок, предприятий автосервиса, общественного питания, мотелей и т. п.). Оставляя за рамками нашего анализа образцы коммерческой рекламы, где использование креативного потенциала языковых единиц стало традицией, определим типичные жанры «автомобильной коммуникации» и характерные для них носители сообщений:

1) указатели, вывески и объявления от имени официальных структур и частных лиц:

Все на желтый! Нам нужна работа (на станции техобслуживания);

- 2) социальная реклама на придорожных баннерах:
Ты обязательно доедешь. Спокойствие важнее глупых секунд.
ГИБДД;
- 3) надписи разной коммуникативной направленности на автомашинах:
От меня хотят избавиться (на старых «Жигулях»);
Тел.<ефон> ... Каков мэр — такие и дороги!
- 4) размещенные на автомобиле знаки, в которых используется вербальный код:
«*Ша!*» (на «Запорожце» в предупреждающем красном треугольнике);
- 5) трансформации логотипов — «шильдиков»:
LAND NIVER (на капоте «Нивы»).

Как показал анализ материала, перечисленные малые жанры отличаются одним общим свойством — а именно **тенденцией к «игровизации»** (по Б. Ю. Норману), независимо от того, является жанр институциональным или обслуживает неинституциональную сферу общения.

Примером нарушения норм институционального общения может быть замена обычного предупреждения на ж/д переезде *Берегись поезда!* следующим текстом:

Водители, остановитесь у сигнала красного светофора. Проявите выдержку. Уступите дорогу поезду.

Между официальными и неофициальными знаками, устанавливаемыми на автомобиле, наблюдается «**игровая диффузия**». Так, в предупреждающий знак *красный треугольник с буквой У* (знак учебного автомобиля) помещается «несанкционированный» текст или знак («*Для старых русских*» — на ЗАЗ); шуточная надпись может представлять собой комбинацию стандартного знака и текста («*У Спокойно!* «*У*») либо сочетание трех предупреждающих знаков вместо одного «*У*»: «*Учебный*», «*Слепой*» и «*Глухой*».

Проявлением игровой стратегии является переделка логотипов на корпусе автомобиля — так называемых шильдиков. Здесь можно наблюдать как игру на повышение, так и игру на понижение, в обоих случаях обусловленную самоиронией:

- 1) на «Святогоре» сзади: СВЯТОВРАБУС (Vrabus — самая дорогая комплектация «мерседеса»);
- 2) на тюнингованной «Оке»: СЕРОка;
- 3) на тюнингованном УАЗе — «козлике»: Гранд-Козел;
- 4) на BMW номер 77 — московский регион. Сзади надпись от М2141: МОСКВИЧ;
- 5) на М2141 добавлено 2 буквы: МОСКВИЧок.

Разнообразие манипуляций такого рода позволяет говорить о том, что это одна из популярных тактик языковой игры автомобилистов. Можно обозначить данный прием как своеобразный «игровой ребрендинг». Если в маркетинге смена бренда представляет собой целенаправленную стратегию, обусловленную задачами бизнеса, то в данном случае она носит явно игровой характер. мотивированный намеренным нарушением институциональных норм, связанных с регистрацией новой торговой марки и прочими официальными процедурами.

Большинство надписей на автомобилях репрезентирует особые статусно-ролевые отношения участников дорожного движения, которые формируют следующие оппозиции.

1. Опытный vs. неопытный водитель:

Газ не девушка — не жми!

Что вылутился — вперед смотри!

Внимание! Стаж водителя — одна неделя! (на стекле иномарки)

Спешишь? Перепрыгни!

Страшно? Сам боюсь! (на автомобиле со знаком «У»- учебный).

2. Лихой vs. дисциплинированный водитель:

Не едь за мной, я бешеный! Моя фамилия Шумахер!

СТОПов нет, ПОВОРОТов нет — просто беда!

Шоссе не космос, а ты не космонавт!

Быстро поедешь, тихо понесут.

Зря читаешь — следи за дорогой.

3. Водитель престижного vs. водитель непрестижного автомобиля:

Размер имеет значение! (на «Lincoln Navigator»)

Обгоняй, все равно догоню! (на BMW)

Вы обгоняете автомобиль ЗАЗ 968М.

Проверено временем! (на ГАЗ-21 надпись в форме круглой печати)

Тоже ДЖИП (на «Ниве»)

Все уже украдено! (на стареньком «каблучке»)

4. Водитель нового vs. водитель «битого» автомобиля:

Ударь меня, мне нужны деньги! (на старом М-412)

Жизнь дорога как память! (на битом ЗАЗ)

Не кантовать! (на старой «Волге-21»)

Въехал — купи! (на ржавой «копейке»)

5. Водитель vs. пешеход:

Пешеходы бывают двух видов: шустрые и мертвые.

Осторожно! Машина не моя, но жизнь твоя!

6. Водитель vs. сотрудник ГИБДД:

Извини, браток. Работа такая! (на машине ГИБДД сзади на стекле)

ГАИ — друг человека! (на милицейской машине)

I don't love ГАИ, I love ГИБДД (на «Жигулях»)

Таким образом, стратегия, формирующая «коммуникацию на дороге», строится на основе **тактики ролевых игр** в рамках установки на неформальное общение. Здесь находят отражение те же лингвокреативные тенденции, которые отмечаются и в других сферах современной речевой коммуникации.

Приметой сегодняшнего дня является усиление личностного начала в коммуникации «за рулем». Если раньше на дороге присутствовали безымянные участники дорожного движения, отношения между которыми регулировались ПДД, то в настоящее время все чаще **получают вербализацию неформальные отношения между водителями**, обусловленные как социальными, так и психологическими факторами.

Наблюдается диффузия между жанрами «неинституционального» и институционального общения, которая развивается в двух направлениях: в использовании частными лицами ресурсов официальной сферы (знаков ГИБДД, например) и в появлении нестандартных текстов от лица официальных структур (ср. вывод об интимизации общения в [Норман

2007: 434]). В этих приемах, основанных на **интердискурсивности**, также обнаруживается игровая стратегия.

Ярким ее проявлением является диалогичность надписей на автомашинах, создающая иллюзию непосредственного контакта коммуникантов. Во многих из них есть либо прямое обращение к адресату, либо имплицитные показатели иллюкативного вынуждения и ответных реплик:

Гагарин долетался, а ты?

Что, сигнал новый купил?

Не езжайте за мной, я заблудился!

Щас все брошу и перестроюсь в правый ряд

Ваша машина мне тоже не нравится! (на «Таврии»)

А зовут меня Жека... (на «Опеле»)

Поскольку отношения между водителями, а также другими участниками дорожного движения осуществляются в шутильной тональности, в текстах отсутствует явная грубость и ненормативная лексика — они нередко заменяются эвфемистическими высказываниями:

Не говорите, что мне нужно делать, и я не буду говорить, куда вам нужно идти.

А дороги здесь 3,14 здец!

Все это позволяет сделать вывод, что «общение на дорогах», вопреки сложившемуся мнению об институциональном регулировании этой сферы, нередко осуществляется в рамках игровой стратегии. Она реализуется посредством тактик ролевых игр, игрового ребрендинга и игровой диффузии, основанной на интердискурсивности.

2. МЕНЮ КАК ИГРОВОЙ ТЕКСТ

Изменение ряда жанрообразующих признаков с сохранением некоторых формальных примет жанра-источника было описано в литературе как прием «переодевания жанров», «масок речевых жанров», способы непрямо́й коммуникации (диады жанров), внутрижанровое и межжанровое пародирование [Шмелева 1990, Гридина 1996, Санников 1999, Дементьев 2000 и др.]. Однако в фокусе внимания подобных исследо-

ваний, как правило, оказывались жанровые перевоплощения, обусловленные задачами не прямой коммуникации (манипуляции), соображениями такта или иными социальными конвенциями, а не игровой стратегией в целях позиционирования.

«Игры с жанрами» являются одним из излюбленных инструментов отстройки от конкурентов в рекламном дискурсе. Так, в последние 10 лет активно продуцируются рекламные сообщения, маскирующиеся под жанр объявления, предложения знакомства, SMS и т. п.:

- 1) реклама ипотеки:
Срочно требуется кошка!
- 2) обувь бренда «Терволина»:
Две пары хищных туфель ищут симпатичную хозяйку для долгосрочных отношений;
- 3) реклама туров:
Жду, волнуюсь. Море. Мечтаю быть у ваших ног. Песок;
- 4) объявление о знакомстве:
Блондин с чистой душой и прозрачными намерениями желает познакомиться;
- 5) реклама пластиковых окон компании БФК:
Место для встреч — на Вашей территории. Б.Ф.К.

На материале меню кафе и ресторанов также можно проследить жанровые метаморфозы, вызванные изменением его функции от информативной к воздействующей. В соответствии с задачами позиционирования меню оказалось в сфере подчинения законам рекламного дискурса, зафиксированным в известной формуле AIDA: attention, interest, desire, action (внимание, интерес, желание, действие). Это нашло отражение и в структуре меню, и в появлении несвойственных ему фрагментов текста (нарративов, аллюзий), и в изменении образов адресанта и адресата, и в языковых средствах.

Привлечение посетителя ресторана обеспечивается «отстройкой от стереотипа», что наиболее заметно проявляется, в частности, в текстах, продуцированных под контролем игровой стратегии.

1. Во многих случаях это достигается за счет создания специфической **концепции ресторана**, объединяющей выбор типа заведения, его кухни, интерьера, «культурного» наполнения и всех текстов, адресованных посетителю. В зависимости от концепции заведения они могут быть объединены единой темой и далеко не всегда мотивируются составляющими блюдо ингредиентами. Как, например, в меню пивной «01» (г. Москва):

«Пожарный баркас» (мясное ассорти), *«Первичное средство пожаротушения»* (маринованные овощи и соленья), *«Неисправная электропроводка»* (язык с хреном), *«Закуска диспетчера №2»*, салат *«Цезарь в гостях у пожарных»*, салат *«С дачи пожарного»*, *«Боевой расчет ДПД»* (раки), *«Власть огня»* (чесночные гренки), *«Ожог третьей степени»* (острый сыр), *«Москва 1812»* (свинные ребрышки гриль в остром соусе).

Средством стилизации под концепцию национальной кухни являются игровые номинации типа *«закусито “Зуральское” с груздями»* (в итальянском ресторане).

Типичным средством контраста с традиционным «номенклатурным» обозначением блюд является использование в номинациях стилистически модифицированных синонимов (чаще диминутивов), характерных для разговорной речи: *грибочки, перчик, маринованная селедочка с картошечкой и лучком, картоха с икрой, пельмени из семги и щучки*. Можно заметить, что наименования блюд обладают разным потенциалом в плане стилистической игровой модификации: не зафиксированы производные от наименований блюд «не нашей» национальной кухни: *суши, сациви, пицца* и т. п., в том числе наименований морской пищи: *кальмары, мидии*.

Трансформация жанра меню в сторону «игрового» текста хорошо заметна на примерах **иронического осмысления** процесса приготовления:

Коллективно обжаренные во фритюре тигровые креветки; филе лосося, обжаренное в первозданном виде («П Патио»).

2. Значительные изменения произошли в **структуре текста меню**. Если раньше меню представляло собой перечень наименований блюд, совпадающих с их номенклатурными на-

званиями в рецептуре, то в современных ресторанах название блюда часто сопровождается развернутым описанием способа приготовления, сервировки основного блюда и гарнира.

Куриный салат Цезарь. Кусочки маринованной, жаренной на гриле куриной грудки выложены поверх нашего салата Цезарь. Блюдо украшено свежими помидорами и крупными маслинами.

В противовес традиционной таксономии (холодные закуски, салаты, горячие закуски, супы, горячие блюда и т. п.) в современных меню появляются **новые родовые и видовые обозначения**: так, овощной гарнир может быть представлен как *оригинальное сочетание овощей, коктейль из свежих овощей, нежное филе с гаммой овощей, томаты черри на ложке из перца*, а ассорти сыров — как *палитра сыров*. Тенденция к метафоризации привычных номенклатурных названий блюд обусловлена, на наш взгляд, наметившейся в сфере рекламы пищевых продуктов тенденцией к актуализации потребностей более высокого порядка, чем физиологическая потребность в пище, — например, эстетических и игровых.

3. Приметой игровой установки является явное или имплицитное присутствие в описании блюд образа их изготовителя, то есть **шеф-повара**, который метафорически осмысливается как **автор** кулинарных произведений.

Наша импровизация на тему лазаньи («Патио»).

Авторские нигири суши, быстро опаленные открытым огнем («Планета суши»).

Лосось Джек Дэниэлз. Подается с овощами шефа и картофельным пюре.

Шеф-повар как главный исполнитель кулинарного произведения имплицитно присутствует в атрибутивных сочетаниях, не просто называющих, но и оценивающих блюда в рамках антропоморфной метафорической модели:

пепперони — жизнерадостная пицца с сыром Моцарелла...; мужественная пицца со свиной и курицей барбекью; стильная пицца с артишоками...; зажигательная пицца с перчиками халапеньо и т. п.

В данном случае можно говорить не только об образе «автора» меню, но об образе адресата-клиента, качества которого проецируются в названиях блюд. Данный прием можно отнести к **атрибутивной стратегии**, которая находит отражение и в номинациях блюд, построенных по модели «для N», где N обозначает целевую группу:

салаты «Для моряка», «Для холостяка», закуски «Для тех, кто спешит», коктейль «Когда горят трубы» (пивная «01»).

В большинстве случаев такие номинации носят игровой характер.

Функцию стимуляции аппетита выполняют **«вкусовые апеллятивы»**, которые эксплуатируют национальные стереотипы питания:

селедочка с теплым картофелем; груздочки под водочку; домашние соленья из погреба; семга со слезой, приготовленная на пару; настойка клюквенная под хорошее настроение и т. п.

Особенностью подобного рода презентаций блюд является атрибутивное расширение номинации, эксплицирующее важные для клиента смыслы: кто и как приготовил; с чем употреблять; какое состояние продуцирует данное блюдо. Эти состояния также нередко осмысляются шуточно: например, *куриные крылышки «Искры из глаз»*.

4. Жанровая мистификация затрагивает не только текстовые, но и метатекстовые признаки. Примером подобных метаморфоз может быть меню ресторана «Театральная трапеза» (г. Москва), стилизованное под театральную программку:

Театральная трапеза. Вкусное действие в трех частях. Роль исполняют: Баранина, Говядина, Свинина, Огурцы, Томаты... и другие действующие лица.

Таким образом, **игровая стратегия в сфере общественного питания (в жанре меню)** реализуется через тактики концептуализации, стилистически маркированных номинаций, ролевого моделирования образов участников коммуникации (шеф-повар и клиент заведения), межжанрового пародирования (стилизации).

Трансформация жанра меню подтверждает мнение о том, что социальные сдвиги, которые происходят в обществе

в «эпоху излишка», меняют функцию уже существующих каналов коммуникации, привнося в них новые задачи воздействия на потребителя. Изменение регистра коммуникации, которое наблюдается в сфере «ресторанного общения», позволяет прогнозировать дальнейшее сближение текстов меню с жанрами рекламного дискурса и усиление свойственного им креативного потенциала. Это может служить еще одним доказательством интердискурсивности современной коммуникации и усиления в ней игрового начала — тенденций, которые отмечаются на материале других социальных сфер и текстов иных жанров [Современный русский язык 2003].

ВЫВОДЫ

В русле дискуссии о широком и узком понимании языковой игры неоднократно ставился вопрос, входит ли в ее сферу отклонение не только от языковой, но и от других типов норм (см., например, [Санников 1999, Сковородников 2007, Гридина 2008] и др.). «Если понимать речевую норму широко — не только как соответствие речи (текста) определенным вероятностно-статистическим параметрам, но и как ее соответствие ролевым (речеповеденческим) стереотипам и законам формальной логики, то намеренное отклонение от речевой нормы <...> следует признать языковой игрой» [Сковородников 2007: 801]. Наши наблюдения показывают, что установка на игровое осмысление ситуации и жанра со всеми их коммуникативными параметрами и жанрообразующими признаками может служить основанием для рассмотрения соответствующих стратегий и тактик в рамках феномена языковой игры. Игровые стратегии являются конституирующим признаком определенных типов дискурса и яркой приметой новаций в области современных дискурсивных практик. При этом реализация игровой интенции в различных коммуникативных сферах может осуществляться посредством как общих, так и специфических тактик. Их дальнейшее описание поможет увидеть актуальные направления трансформации языкового сознания современного россиянина.

ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ

www.idea.ru
www.anekdot.ru

ЛИТЕРАТУРА

- Береговская Э. М. 1999 — Принцип организации текста как игровой момент. *Русская филология. Уч. зап. Смоленского гос. пед. ун-та.* Смоленск. С. 39–51.
- Борисова И. Н. 1996 — Дискурсивные стратегии в разговорном диалоге. *Русская разговорная речь как явление городской культуры.* Екатеринбург. С. 21–48.
- Горелов И. Н., Седов К. Ф. 2001 — *Основы психолингвистики: Учеб. пособие.* Москва.
- Гридина Т. А. 2008 — *Языковая игра в художественном тексте.* Екатеринбург.
- Гридина Т. А. 1996 — *Языковая игра: стереотипы и творчество.* Екатеринбург.
- Дейк ван, Т. А. 1989 — *Язык, познание, коммуникация.* Москва.
- Дементьев В. В. 2000 — *Непрямая коммуникация и ее жанры.* Саратов.
- Иссерс О. С. 1999 — *Коммуникативные стратегии и тактики русской речи.* Эдиториал УРСС. Москва.
- Иссерс О. С. 2009 — *Речевое воздействие: учебное пособие для студентов.* Москва.
- Йоргенсен М. В., Филипс Л. Дж. 2008 — *Дискурс-анализ. Теория и метод.* Харьков.
- Норман Б. Ю. 2007 — Жанр шутивных объявлений в маршрутных такси. *Жанры речи. Вып. 5. Жанр и культура.* Саратов. С. 429–438.
- Земская Е. А., Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. 1983 — Языковая игра. *Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест.* Москва. С. 172–213
- Санников В. З. 1999 — *Русский язык в зеркале языковой игры.* Москва.
- Седов К. Ф. 1997 — Внутрижанровые стратегии речевого поведения: «ссора», «комплимент», «колкость». *Жанры речи.* Саратов. С. 188–194.
- Сковородников А. П. 2007 — Языковая игра. *Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник.* Под ред. Л. Ю. Иванова,

- А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. Изд. 2-е, испр. Москва. С. 797–803.
- Смит П., Бэрри К., Пулфорд А. 2001 — *Коммуникации стратегического маркетинга*. Москва.
- Современная языковая ситуация 2008 — *Современная языковая ситуация в свете лингвокреативной деятельности: Материалы межд. научн. конф. «Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива»*. Екатеринбург.
- Современный русский язык 2003 — *Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация*. Под ред. Л. П. Крысина. Москва.
- Ульяновский А. В. 2008 — *Технологии формирования корпоративного имиджа для максимального роста бизнеса*. Москва.
- Шмелева Т. В. 1990 — Речевой жанр: возможности описания и использования в преподавании языка. *Русистика*. № 2. Берлин. С. 20–32.
- Ыйм Х. Я. 1985 — Прагматика речевого общения. *Теория и модели знаний: Труды по искусственному интеллекту*. Тарту. С. 196–207.
- Янко Т. Е. 2001 — *Коммуникативные стратегии русской речи*. Москва.
- Fairclough N. 1992 — *Discourse and Social Change*. Cambridge.

UUED DISKURSIIVSED PRAKTIKAD
TÄNAPÄEVA VENEMAAL

Oksana Issers

Diskursus kui sotsiaalse praktika vorm kujutab endast aktiivset interdistsiplinaarset uurimisobjekti. Diskursus ise mõjutab sotsiaalset maailma ning diskursust ennast konstitueeritakse teistes sotsiaalsetes praktikates. Seda kinnitavad tänapäeva Venemaa diskursiivsete praktikate vaatlused.

Uurimuse eesmärk on näidata mängustrateegiate kasutamise tendentse nendes sotsiaalsfäärides, kus keele loomingulist potentsiaali on kuni viimase ajani kasutatud väga vähesel määral. Eesmärgi saavutamiseks määratletakse *mängustrateegia* mõiste ja selgitatakse välja selle realiseerimise tüüpilised taktikad konkreetsetes kommunikatiivsetes valdkondades.

Analüüs näitab, et kaasaegses suhtluses laieneb pidevalt nii mängulise kommunikatsiooni ala, kui ka keelemängu võtete spekter. Käesoleva

uuringu raames on kirjeldatud mängustrateegia teostumist kahes kõne-kommunikatsiooni sfääris: 1) liicluse valdkonnas (nn. „autokommunikatsioon“); 2) toitlustamise valdkonnas (menüü kui diskursuse tüüp).

Autojuhtide suhtlus kuulub institutsionaalsesse sfääri ning seda reguleerivad liicluseeskirjad. Vaatlused on näidanud, et see suhtlustüüp leiab sageli aset mängustrateegia raames. Selline suhtlemine realiseerub rollimängude taktikate, rebrändingu ja interdiskursusel põhineva „mängudifusiooni“ abil.

Menüü žanris teostub mängustrateegia kontseptualisatsiooni taktika, stilistiliselt markeeritud nimetuste, kommunikatsioonis osalejate rollide modelleerimise, žanritevahelise parodeerimise (stiliseerimise) kaudu.

Uurimine näitas, et erinevat tüüpi diskursuste vastastikune mõju on tänapäevase kommunikatsiooni iseloomulik joon. Suhtlusele on omane ka mängulisuse alge tugevnemine. Need tendentsid on märgatavad ka teiste sotsiaalsete valdkondade uurimismaterjalis ja muude žanrite tekstides.

Seejuures võib mänguline kavatsus erinevates kommunikatiivsetes sfäärides toimuda nii üldiste, kui ka spetsiifiliste taktikate abil. Nende edaspidine analüüs aitab näha vene keele kõneleja keeleteadvuse transformatsiooni aktuaalseid suundi.

ГРАФИКСАЦИЯ: ОККАЗИОНАЛЬНОСТЬ ИЛИ ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ НОРМ

О. А. ЛАЗАРЕВА

В последнее время многие лингвисты обращают внимание на то, что благодаря тесному взаимодействию разных языков и культур, в русскую кириллицу происходит массовое, и часто бессистемное, вторжение латиницы, что приводит к совмещению и соперничеству разных графических систем [Вакулова 2007: 34, Кронгауз 2008: 133–136].

Это отмечают не только лингвисты, но и журналисты. В статье «Порча языка, или полный *абзац*» С. Казначеева за 2005 год читаем: «Идёшь по улице, и вдруг в глаза бросается яркая афиша: “Концерт *Земфиры*”. Рядом кинотеатр приглашает тебя на просмотр новой ленты под названием “*Шуза*”. Захочется перекусить, а на дверях ресторана красуется “*Библиотека*”. Придёшь домой, откроешь книгу, а там уже к тебе обращается новомодный писатель Илья *Стогофф*. Откладываешь в сторону его чтиво, берёшь газету, глядь — на первой странице сообщение “*Кур\$* валют”. Включаешь телевизор, чтобы отвлечься, но и тут назойливо рекламируются охранные системы “*Alligator*”. В смятении подходишь к окну и видишь на стене соседнего дома приглашение на “*Ве4ер* отдыха” и теперь только понимаешь, что тебя обложили со всех сторон» [Казначеев 2005].

Реклама, вывески — большая «своего рода игровая площадка, и было бы странно ожидать здесь соблюдения орфо-

графических норм», пишет М. А. Кронгауз в своей книге «Русский язык на грани нервного срыва» в главе «Сбрендрили» (обыгрывая названия-бренды) [Кронгауз 2008: 135]. Но попыта- ясь разобраться, что же все-таки происходит в языке — кон- таминация, языковая словообразовательная игра, окказио- нальное словопроизводство, индивидуально-авторское творче- ство — многие исследователи обращаются к работам В. П. Изотова — автора нового термина — **графиксация** [Изотов 1998]. В. П. Изотов определяет его следующим обра- зом: «это такой способ образования слов, при котором в каче- стве словообразовательного оператора выступают графиче- ские и орфографические средства (графические выделения, знаки препинания и т. п.)» [там же: 7].

Некоторые примеры графиксации приводит А. Н. Сокаль- ская, исследуя словотворчество Г. Д. Гачева [Сокальская 2007]:

де ф и с а ц и я — членение слова дефисами, которое с точки зрения членения структуры слова можно разделить на мор- фемное членение (1) и неморфемное псевдочленение дефи- сами (2):

(1) *за-кусить, от-ношение, воз-ношение, про-резь, со-родич, со- трудник, про-мышл-енность, до-каз-ательство, по-стан- овление, о-предел-ять;*

(2) *Робин-зон, Лень-ин, Не-ва, Моск-ва, Зап-ад;*

п а р а н т е з и с — выделение части слова скобками:

п(р)очитать, (ф)актом, (у)строение, существо(вание);

к у р с и в и з а ц и я — выделение курсивом одной из частей слова, которая совпадает с реально существующим словом:

монолит, стояние;

к а п и т а л и з а ц и я — использование прописных букв (на- чальной буквы или всего слова):

ВСЁбытие, ИНТЕРнационал, Мучёный, мУчёный, уСЛОВие.

Последователи В. П. Изотова предлагают термин **графодери- вация**, под которым понимают явление создания слов- гибридов, производных «кентавров», совмещающих в своей

структуре элементы графических систем разных языков (латиницы и кириллицы), разных кодовых систем, графемные и паграфемные элементы [Попова 2009].

Такой подход позволил Т. В. Поповой выделить и дать терминологическое описание нескольких основных разновидностей графодеривации (примеры из [Попова 2009]):

монографияксация — создание неолексем (иначе: визуальных неологизмов, неологизмов-написаний) графически средствами одного языка, напр.:

БУШечное мясо, (бес)порядок;

полиграфияксация (графогибридизация) — создание новообразований с помощью графических средств разных языков, сложение русского и латинского элементов, напр.:

Web-издания, PR-компания, PR-технология, PR-ход, DVD-плеер, flash-баннеры, CD-проигрыватель, IBM-подобный;

кодографияксация — создание неолексем с помощью сегментных средств разных кодовых систем, напр.:

На100ящие сейфы, Спеццены, «Дебют перв☺курсник@: Ч@Тное мнение»;

типографияксация — создание неолексем с помощью суперсегментных средств (выделение курсивом, подчеркиванием, полужирным написанием / дакографияксацией или другим способом), напр.:

КАННай отсюда, УРАЛЬСКИЙ БЕСПЁРЕДЕЛ;

комбинированная графодеривация — создание неолексем с помощью вышеперечисленных разновидностей графодеривации, напр.:

Ре:акция (монографияксация /бипунктуализация/ + полиграфияксация + дакографияксация).

Дискуссионным до сих пор остается вопрос, является ли такого рода написание уникальным, индивидуальным словотворчеством, то есть это просто языковая игра, или данный процесс приобретает черты нестабильности языковой нормы, отражающей ментальность современного человека. Исследова-

тели пишут о неслучайности появления графодериватов на рубеже XX и XXI веков, рассматривают данный тип написания как отражение ментальности современного человека, как проявление и показатель некой «гламурности», изменение линейности текста на многомерность и подключение дополнительной символики [Кронгауз 2008, Попова 2009].

С этой позиции когнитивное восприятие обширного материала исследования позволяет говорить о тематической отнесенности большого числа графодериватов. Выделяются определенные тематические группы внутри общей группы названий: имена / псевдонимы / ники в Интернете; названия книг, коллекций одежды, песен; названия фирм, магазинов, ресторанов, баров, кафе; названия лекарственных препаратов и медицинских приборов; слоганы в рекламе.

Рассмотрим наполнение перечисленных групп. Примерами могут служить следующие графодериваты:

1. Имена, псевдонимы:

ГлюкоЗа (певица), *МакСим* (певица), *Маша ЦарёВа* (автор книги «Небо, парашют, юноша»), *Оксана Робски*.

2. Названия книг, коллекций одежды, спектаклей, групп, газет:

«Duxless» (книга С. Минаева); *«Про любовь/lon»* (книга Оксаны Робски); *«Ампиr ,B' / Empire ,V'»* (книга В. Пелевина); *Svistoniacka* (коллекция одежды творческого объединения «Четырeдз»); *кук-art* (кукольный спектакль); *Гогольfest* (спектакль-перформанс); *NEWсамоцветы* (музыкальная группа); *ЛНЦЕДЕЛ* (театр); *Коммерсантъ* (газета); *Яндекс* (поисковая система); *('идирский (:)едеральный)^ниверситет* (Сибирский федеральный университет).

3. Названия фирм, банков, магазинов, ресторанов, баров, кафе:

cityбанк; *jazz&френия* (паб); *БАНК Российский капитал*; *Айсберг* (магазин); *7Я* (универсам «Семья»); *МебельWOOD* (мебельный центр); *NVAODA* (центр развлечений); *ПитерBeer* (пивной бар); *Питерф ънъ* (киоск по продаже телефонов); *П@лигон* (магазин «Военторг»); *час ъFF* (магазин часов); *дубль Д2 два* (музы-

кальный магазин); *ВТБ 24* (банк); *Авто100лица* (радио); *Z•store* (ресторан); *Напёрст* (магазин «Товары для шитья»); *Слнышко* (детский сад); *Рззовый крлик* (магазин «Товары для взрослых»); *ДоСтоевский* (казино); *Зонны* (магазин); *оптика* (оптика); *отдыхаю.ги* (туристическая фирма); *орячие туры* (туристическая фирма); *парикмахерская*; *Мир сумк* (галантерея); *Зжигалка* (бар);

4. Названия лекарств:

L-тироксин; *L-карнитин*; *L-глутамин*; *Фитогра-F*;
маММОлептин.

5. Слоганы в рекламе:

«*Lada Priora — PRIми решение*»; *цен%пад* (объявление о скидках в магазине обуви); *VIP-отдых* (реклама в туристическом бюро).

Список примеров можно продолжать бесконечно. Именно тематическая классификация графодериватов дает понятийное, идеографическое описание визуальных неологизмов. По сравнению с предыдущим периодом, когда в номинациях активно использовались кириллица и латиница с пунктуационными знаками, совершенно очевидно, что сейчас в рекламе и названиях фирм появляются дополнительные знаки, символизирующие и дублирующие само название или то, что производится, продается непосредственно под вывеской. Таким образом, можно говорить о появлении особого элемента, рисунка, знака, символа, который заменяет собой букву и выражает частично или полностью семантику лексической единицы, в состав которой он графически включается.

Данный элемент лексической единицы мы предлагаем называть **идеџфикс** (от греч. *idea* 'понятие, идея, образ' и лат. *fixus* 'прикрепленный'), а лексическую единицу, имеющую в своем графическом оформлении идеџфикс — **идеолексемой**. При этом **идеџфикс** остается **формантом на словообразовательном уровне, а термин идеолексема может использоваться при описании семантики**.

Раскрывая суть непосредственно самого названия / номинации, человеку часто приходится вербализовать то, что трудно передать словами: ассоциации, представления, ощущения.

Именно рисунок, включенный в вербальный ряд, помогает быстро определить семантику лексемы, тогда как при использовании инородных графических средств скорость восприятия информации снижается. Подобным образом построены некоторые картинные словари для детей.

Материал исследования позволяет говорить об определенных буквах, чаще всего обыгрываемых в наименованиях — это гласные О и Е. Здесь, вероятно, можно говорить также об особом случае проявления русской ментальности. Показательно совпадение написания буквы «О» с формой называемого словом предмета, что подчеркивает его первичную семантику: *кольцо, колесо, огород, хоровод, обходить, около, вообще* и т. д. Буква обладает уникальностью, так как ее визуальный образ может соотноситься с семантикой — передавать некий объем, окружность, целостность, что и применяется активно при использовании нетрадиционных графических средств.

Трудно однозначно ответить на поставленный в названии вопрос о том, что ярче проявляется в рассмотренных примерах: окказиональность или демократизация коммуникативных норм. Мы можем говорить и о языковой игре, и о проявлении в этом ментальности современного человека, но данное явление уже вошло в нашу жизнь, поэтому необходимы лингвистические изыскания, которые помогут лучше понять изменения коммуникативных норм, проявляющихся и активно встречающихся в данный момент в рекламе, афишах, газетах, вывесках буквально на каждом шагу.

ЛИТЕРАТУРА

- Вакулова Е. Н. 2007 — Использование элементов латиницы в современной русской графике. *Мир русского слова и русское слово в мире: XI Конгресс МАПРЯЛ*. Т. 5. София. С. 34–38.
- Изотов В. П. 1998 — *Параметры описания системы способов русского словообразования*. Орел.
- Казначеев С. 2005 — Порча языка, или полный абзац. *Литературная газета*. № 7–8.

- Кронгауз М. А. 2008 — *Русский язык на грани нервного срыва*. Москва.
- Попова Т. В. 2009 — Новые словообразовательные форманты современного русского языка (на материале графодериватов). *Славянские языки и культуры в современном мире*. Секция: Новые явления в славянском словообразовании: система и функционирование. Москва. МГУ, 24–26 марта 2009. С. 124–125.
- Сокальская А. Н. 2007 — *Словотворчество как компонент научного идиостилия Г. Д. Гачева*. Автореф. ... канд. филол. наук. Майкоп.

GRAFIKSATSIOON: OKASIONALISMID VÕI SUHTLUSNORMIDE DEMOKRATISEERIMINE

Olga Lazareva

Artiklis analüüsitakse viimasel ajal aktiivselt kasutusel olevaid vene sõnu, mille struktuuris on eri keelte, koodide ja graafika (ladina ja kirillitsa) elemente. Need on tekkinud erinevate keelte ja kultuuride vastastiku mõju tulemusena. Eri graafika süsteemide ühtesobitamine ja konkureerimine on põhjustanud uue sõnamoodustusviisi — *grafiksatsiooni*, mida defineeritakse kui sellist, mille puhul uus lekseem moodustatakse ortograafia- ja graafikavahendite (kirjavahemärgid, graafika esiletõstmine jms) abil. Ulatusliku uurimismaterjali alusel saab väita, et enamjaolt kuuluvad *grafotuletised* teatud temaatilistesse rühmadesse.

Näiteks rühmitatakse grafotuletused järgmistesse gruppidesse: nimed / pseudonüümid / kasutajanimed internetis; raamatute, rõivakollektsioonide, laulude nimetused / pealkirjad; kaupluste, firmade, restoranide, kohvikute nimed; rohtude ja meditsiiniaparaatide nimetused; reklaamlused. Siiani on neid analüüsitud vaid sõnamoodustuse aspektist. Grafotuletiste temaatiline klassifikatsioon annab ülevaate neologismide mõistelisest, ideograafilisest kirjeldusest. Tähte asendava ning osaliselt või täielikult lekseemi tähendust väljendava elemendi, joonise, märgi (mis ühtlasi dubleerib noomenit) nimetuseks pakub autor terminit *ideofiks* (kreeka *idea* — mõiste, idee, ettekujutus ja ladina *fixus* — kinnitatud, fikseeritud). Autori põhiseisukohti on illustreeritud rohkete näidetega.

КРЕАТИВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ЯЗЫКЕ: РУССКИЕ СЛЕНГОВЫЕ НОМИНАЦИИ РЕЧЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

А. Б. ЛИХАЧЕВА

- Помчал. Меня всего колбасит.
— Что за слова ты говоришь? Колбасит!
— Мам, это по-русски. Здесь так говорят.
— Папа, ну что ты меня все время лечишь! Я сама доктор!
Из к/ф «Васильевский остров» (2009 г.)

Лексико-семантический класс глаголов речи описывается во многих работах по русистике, а также в исследованиях сопоставительного характера, в них же выделяются и разнообразные типы этих глаголов [Васильев 1981; Храмова 1999; Баженова 2003; Кириллова 2006; Воронина 2007 и др.]. В 1999 году вышел «Толковый словарь русских глаголов: идеографическое описание» (далее [ТСРГ]), включающий специальный раздел «Глаголы речевой деятельности». В нашей работе используется более широкое понятие *номинации речевых действий*, или *номинаций говорения*, поскольку в круг рассматриваемых явлений включаются и неоднословные обозначения актов речи. Под *номинацией речевого действия* понимается *языковая единица* (отдельный глагол или фразеологизированное сочетание), *называющая звукопроизносительное действие, совершаемое субъектом речи, имеющее коммуникативную направленность и адресованное другому субъекту коммуникации*. В русском языке насчитывается не менее полутора тысяч собственно глаголов речи [Храмова 1999], но номинации говоре-

ния так же, как и названия других действий и реалий, существенных для социального бытия человека, являются постоянным объектом народного творчества и пополняются сленговыми глаголами и идиоматическими выражениями. Однако до сих пор исследователи не уделяли специального внимания подобному материалу. В то же время образные, оригинальные, остроумные сленговые названия говорения являются иллюстрацией живых креативных тенденций в современном русском языке. Подобная лексика, безусловно, является национально специфичной, в принципе безэквивалентной и отражает своеобразие русского «речевого быта» (термин Б. И. Осипова [ССРГ: 3]).

Для анализа использовались материалы следующих словарей: Юганов И., Юганова Ф. «Словарь русского сленга (сленговые слова и выражения 60–90 годов)», 1997 г. (далее [СРС]); Ермакова О. П., Земская Е. А., Розина Р. И. «Слова, с которыми мы все встречались. Толковый словарь русского общего жаргона», 1999 г. (далее [ТСРОЖ]); Рожанский Ф. И. «Сленг хиппи», 1992 г. (далее [СХ]); Никитина Т. Г. «Толковый словарь молодежного сленга: Слова, непонятные взрослым», 2003 г. (далее [ТСМС]). Использовались также лексические единицы, зафиксированные в «Словаре современного русского города», 2003 г. [ССРГ]. Как отмечает ответственный редактор этого словаря Б. И. Осипов, «в лексикографической практике стилистическая характеристика слова и характеристика его в плане сферы употребления нередко смешиваются» [ССРГ: 6]. В данном словаре эти пометы четко разграничены, напр. *мести* — неодобр. — общеупотр. — ‘Болтать вздор, много говорить’, ‘Врать’ (*мести по бездорожью*) [там же: 283]. Соответственно, глагольные единицы из данного словаря отбирались нами в тех случаях, когда в словарной статье имелись традиционные для сленговых единиц функциональные (относящиеся к определенному социолекту) и/или стилистические пометы: «молод.», «фам.», «ирон.», «студ.» и т. п., либо глагольная единица не сопровождалась отсылкой ни к каким другим словарям. Не использовалась диалектная лексика, глагольные единицы, зафиксированные толковыми словарями

русского литературного языка, единицы тюремно-лагерного жаргона, а также «классическая» обценная и грубая просторечная лексика, которая, по нашему мнению, не отражает креативности сознания носителей современного русского языка. По словам Р. И. Розиной, обценная лексика не имеет образного характера, в то время как сленг в высокой степени метафоричен, «обценная лексика служит, главным образом, для выражения резко отрицательных эмоций; сленг часто передает иронию, в нем силен игровой компонент» [Розина 2004].

Вслед за составителями словарей, сленг понимается нами как «нестандартная подсистема лексики современного русского языка, которую городское население России, независимо от возраста, образования и профессии, использует в непринужденном личном общении (а в современной социолингвистической ситуации — и в публичной речи). Существенно, что в числе прочих сленгом владеют (по крайней мере, пассивно) образованные носители русского литературного языка, и что он с достаточно высокой частотностью встречается в языке средств массовой информации, через которые и распространяется» [Розина 2004].

В соответствии с различиями в выражаемых значениях сленговые номинации говорения (хотя и с достаточной степенью условности¹) могут быть разбиты на 9 неравных в количественном отношении лексико-семантических групп. По анало-

¹ Следует подчеркнуть, что некоторые из приведенных сленговых единиц имеют разные толкования в разных словарях и потому в данной работе представлены в нескольких лексико-семантических группах (таковы, например, *знать*, *грузить*). Некоторые единицы в силу семантической пересекаемости выделенных групп в принципе могли бы быть отнесены не к одной группе. Однако мотивацией для определения конкретной номинации говорения в ту или иную лексико-семантическую группу служили приоритеты в словарных семантизациях. Например, толкование выражения *кидать понты* — ‘Дурачиться. Обманывать, хитрить’ позволяет отнести его к номинациям с общим значением «Рассказывать что-либо неправдоподобное / шутить», а не к номинациям, передающим «чистую» идею обмана — «Обманывать».

гии с принципами организации [ТСРГ], каждая из выделенных нами групп названа именем глагола-идентификатора, или базового глагола, в толковании которого выражена типовая семантика входящих в данную группу номинаций говорения.

I. ОБМАНЫВАТЬ

вешать лапшу (на уши) — ‘Рассказывать небылицы, небескорыстно врать, формировать неадекватное восприятие действительности’ [СРС: 43];

вкручивать (мозги, шарики) — фам., молод. ‘Врать’ [ССРГ: 60];

втулять — ‘Рассказывать небылицы, давать ложную информацию’ [ТСМС: 86];

гнать — ‘Лгать, обманывать кого-л.; Рассказывать небылицы, длинные вымышленные истории’ [ТСМС: 108].

Так же:

гнать картину (гусей, пластинку) — ирон., молод. ‘Врать, притворяться’ [ССРГ: 83];

загонять — ирон., молод. ‘Врать’ [ССРГ: 133];

нагнать — фам., молод. ‘Солгать, придумать’ [ССРГ: 307];

грузить — ‘Лгать, обманывать кого-л.’ [ТСМС: 121].

Так же:

загружать — ирон., молод. ‘Говорить неправду’ [ССРГ: 134];

ездить по ушам — ‘Обманывать’ [ССРГ: 115];

запудрить — неодобр., молод. ‘Наврать’ [ССРГ: 153].

Так же: *пудрить мозги* — ‘Лгать, вводить в заблуждение’ [ССРГ: 442];

звездеть — неодобр., молод. ‘Врать’ [ССРГ: 163];

звонить — неодобр., молод. ‘Врать’ [ССРГ: 163];

канифолить — неодобр., молод. ‘Лгать, запутывать’ [ССРГ: 183];

кидать — фам., молод. ‘Обманывать’ [ССРГ: 195];

лажать — фам., молод. ‘Врать. / Ругать’ [ССРГ: 245];

лепить — негат. ‘Врать, говорить глупости’ [СРС: 55].

Так же:

лепить горбатого — ‘Врать’ [ССРГ: 252];

лечить — неодобр. ‘Обманывать’ [ТСМС: 310];

месты по бездорожью — ‘Врать’ [ССРГ: 283];

накалывать — фам., молод. ‘Обманывать’ [ССРГ: 311];

напарить — фам., прост. 'Обмануть' [ССРГ: 318];
натянуть — фам., молод. 'Обмануть' [ССРГ: 324];
обламывать — неодобр., молод. 'Обманывать' [ССРГ: 341];
петь — ирон., прост. 'Обманывать' [ССРГ: 390];
толкнуть телегу (натолкать телег) — неодобр. 'Обмануть, ввести в заблуждение кого-л.' [ТСМС: 574].

II. РАССКАЗЫВАТЬ ЧТО-ЛИБО НЕПРАВДОПОДОБНОЕ / ШУТИТЬ

знать телегу — 'Рассказывать что-л. интересное, забавное. Врать' [СРС: 58].

Так же:

знать тюльку — 'Рассказывать забавные, но не слишком содержательные истории, болтать попусту. Врать' [СХ];
знать тужту — 'Рассказать историю, сообщить что-либо (как правило, сомнительной достоверности или ценности)' [СХ];
завинчивать — фам., молод. 'Рассказывать' [ССРГ: 130];
кидать понты — 'Дурачиться. Обманывать, хитрить' [ССРГ: 195];
лепить / мочить / замачивать горбухи — 'Шутить, рассказывать интересные и смешные или неправдоподобные, нелепые истории; врать' [СРС: 61];
налечить — шутил.-ирон. или неодобр. 'Рассказать много вымышленного кому-л., дезинформировать кого-л.' [ТСМС: 369];
плести телеги — 'Рассказывать какие-л. длинные, часто вымышленные истории' [ТСМС: 573];
подкалывать — фам., молод. 'Иронизировать, подшучивать' [ССРГ: 404];
свистеть — неодобр. 'Болтать. Рассказывать небылицы, врать' [СРС: 199];
текстовать — шутил. 'Рассказывать что-л. необычное или несуразное' [ТСМС: 573];
травануть — фам., молод. 'Рассказать что-либо интересное' [ССРГ: 495].

III. ГОВОРИТЬ НЕ К МЕСТУ

возникать — шутил. грубовато, чаще в речи молодежи. 'Давать знать о своем мнении репликами в чужом разговоре', ср. «Не возникай!» — 'Молчи' [ТСРОЖ: 26–27];

- давить умняком* — неодобр. 'Вести слишком интеллектуальные разговоры, заставляющие окружающих чувствовать собственную ущербность' [СРС: 64];
- залудить* — 'Высказаться резко, неожиданно. Сказать глупость, неоправданную грубость' [СРС: 86];
- лакировать базар* — 'Говорить излишне красиво' [ССРГ: 246];
- каликанить* — неодобр. 'Говорить что-л. невпопад, не по теме' [ТСМС: 232];
- крякать* — неодобр., прост. 'Говорить необдуманно, невпопад; говорить (обычно глупости)' [ССРГ: 233];
- спестрить* — ирон., молод. 'Сказать что-либо невпопад, не к месту' [ССРГ: 478].

IV. ВЫРАЖАТЬ НЕДОВОЛЬСТВО

- буксовать* — фам., молод. 'Ворчать, брюзжать' [ССРГ: 43];
- булькать* — неодобр., молод. 'Ворчать, брюзжать' [ССРГ: 44];
- бухтеть* — неодобр., прост. 'Ворчать, бормотать что-либо невнятное' [ССРГ: 47];
- вздрючить* — 'Отругать' [ССРГ: 57];
- возбухать* — неодобр. 'Выступать против кого-л., чего-л., упрекать кого-л. в чем-л.' [ТСМС: 79];
- врезать* — 'Отругать' с коннотацией 'сильно, резко' [ТСРОЖ: 29];
- вставить* — 'Выругать, наказать кого-л.' [ТСМС: 85];
- гавкать, гавкаться* — неодобр., прост. 'Кричать, ругаться, ссориться' [ССРГ: 78];
- гнать* (на кого) — 'Упрекать кого-л. в чем-л.' [ТСМС: 108];
- греметь* — неодобр. 'Ругать, отчитывать кого-л.' [ТСМС: 119];
- гундеть* — неодобр. 'Ворчать; высказывать скептические или негативные оценки по какому-л. поводу' [СРС: 63];
- звякать* — неодобр., прост. 'Огрызаться, грубить' [ССРГ: 170];
- кидать фишки* — 'Говорить резко, недовольно' [ССРГ: 195];
- лажать* — 'Неодобрительно высказываться о ком-л., ругать кого-л., обвинять кого-л. в чем-л. (часто — незаслуженно)' [ТСМС: 301];
- ломить* — неодобр., прост. 'Говорить грубо, бестактно' [ССРГ: 257];
- наехать, наезжать* — 'Придраться к кому-л.; выругать, упрекнуть кого-л. в чем-л.' [ТСМС: 366];

- нажучить* — фам., прост. 'Наругать' [ССРГ: 310];
накосячить — фам., прост. 'Нагрубить, нахамить' [ССРГ: 314];
обложить — 'Грубо обругать' [ТСРОЖ: 126];
отчесать — фам., прост. 'Отругать' [ССРГ: 168];
поработать — фам., молод. 'Отругать за что-либо' [ССРГ: 421];
порычаться — фам., молод. 'Поругаться' [ССРГ: 423];
послать — шутол.-ирон. 'Обругать, грубо выругать (часто матом)' [ТСРОЖ: 160];
прочихвостить — фам., прост. 'Отругать' [ССРГ: 441];
пылить — фам., молод. 'Ругаться' [ССРГ: 444];
разводить — 'Клеветать на кого-л., ругать кого-л.' [ТСМС: 491];
растаряхтеться — шутол., прост. 'Разворчатся' [ССРГ: 453];
скрипеть — неодобр., прост. 'Ворчать' [ССРГ: 473];
спускать (спустить) полкана — 'Ругаться (поругать)' [ССРГ: 479];
стебать, стебаться — 'Высмеивать кого-л., что-л., иронизировать над кем-л., чем-л.' [ТСМС: 550–551];
уесть — фам., прост. 'Уязвить' [ССРГ: 506];
щучиться — фам., прост. 'Ругаться' [ССРГ: 561].

У. ГОВОРИТЬ / ГОВОРИТЬ ОПРЕДЕЛЕННЫМ ОБРАЗОМ

- базарить* — 'Говорить что-л.' [ТСМС: 27];
базланить, базлать — 'Говорить, разговаривать о чем-л.' [ТСМС: 27];
втирать — 'Объяснять, доказывать кому-л. что-л.' [ТСМС: 85];
гонять свои базары — 'Говорить о чем-л. своим, непонятном, неинтересном для окружающих' [ТСМС: 26];
лабать — фам., молод. 'Говорить' [ССРГ: 244];
метелить — шутол., прост. 'Говорить' [ССРГ: 284];
молотить языком — 'Быстро говорить' [ССРГ: 289];
покашлять — шутол.-ирон. 'Сказать что-л. (как правило — по телефону)' [ТСМС: 450];
сопеть — пренебр. 'Говорить что-л. неуверенно, тихо' [СРС: 149];
чавкать — груб. 'Говорить. Произносить что-л.' [ТСМС: 668];
чесать — фам., прост. 'Быстро говорить' [ССРГ: 537];

язык жевать — шутил.-ирон. 'Говорить, выступать с докладом' [ТСМС: 720].

VI. ГОВОРИТЬ ВПУСТУЮ / БОЛТАТЬ

балаболить — неодобр. 'Болтать (обычно попусту)' [ССРГ: 23];

болтологию разводить — негат. 'Болтать попусту' [СРС: 36];

буровать — неодобр., молод. 'Говорить, болтать (обычно чепуху)' [ССРГ: 45];

грузить — неодобр. 'Вести пустые, бессмысленные разговоры' [ТСМС: 121];

квакать — неодобр., прост. 'Говорить, болтать' [ССРГ: 191];

колбасить — неодобр., прост. 'Делать или говорить ерунду' [ССРГ: 208];

малякать — фам., прост. 'Болтать, разговаривать о пустяках' [ССРГ: 270];

мыть зубы — 'Говорить зря, впустую' [ССРГ: 300];

начирикаться — шутил., прост. 'Наговориться, наболтаться' [ССРГ: 326];

пестрить — фам., школьное. 'Болтать вздор, чепуху' [ССРГ: 388];

подстёгивать — фам., молод. 'Говорить чепуху, глупости' [ССРГ: 408];

разводить ля-ля — пренебр. 'Болтать попусту' [СРС: 126].

Ср. также:

лялякать — шутил., прост. 'Болтать, пустословить' [ССРГ: 264];

пролялякать — шутил., прост. 'Проговорить, проболтать попусту' [ССРГ: 438];

рамсить — 'Болтать, пустословить' [ТСМС: 493];

трындить, трундеть, потрындить — 'Твердить, говорить одно и то же; разговаривать, болтать; поговорить, поболтать'.

Ср. производное:

трындёж — 'Разговор, болтовня' [СХ];

фармазонить — фам., молод. 'Болтать, пустословить' [ССРГ: 515];

физдипить — неодобр., молод. 'Болтать ерунду' [ССРГ: 517];

флеймить — комп. 'Отклоняться от темы, вести пустые разговоры' [ТСМС: 635];

шуршать — неодобр. 'Говорить, болтать' [ТСМС: 714].

VII. РАССКАЗЫВАТЬ / УГОВАРИВАТЬ

втирать — ирон., молод. 'Втолковывать, внушать, объяснять' [ССРГ: 68];

втулять — неодобр., молод. 'Объяснять, втолковывать' [ССРГ: 68];

гнать — 'С увлечением излагать что-л., рассказывать о чем-л.' [СРС: 126].

Так же:

гнать пургу — молод. 'Навязчиво передавать, сообщать информацию' [СРС: 58];

грузить — 'Навязчиво передавать, сообщать информацию' [СРС: 62].

Так же:

загрузить — 'Утомить разговорами' [ССРГ: 134];

нагружать — 'Настойчиво убеждать кого-л. в чем-л., настоятельно внушать кому-л. что-л.' [ТСМС: 364];

забазарить — фам., молод. 'Заговорить кого-либо, сбить с толку разговорами' [ССРГ: 125].

Ср. также:

забазариться — фам., молод. 'Заговориться, увлечься разговорами' [ССРГ: 125];

забомбить — 'Рассказать о чем-л.' [ТСМС: 173];

запутать — фам., молод. 'Уговорить, склонить к чему-либо' [ССРГ: 154];

лечить — ирон., молод. 'Успокаивать, обманывая / Поучать, воспитывать' [ССРГ: 253].

Ср. также:

лечить — неодобр. 'Давать непрошенные советы, навязывать свой образ мыслей; убеждать, уговаривать кого-л.' [ТСМС: 310];

залечить — фам., молод. 'Уговорить, склонить к чему-либо' [ССРГ: 145];

одолеть — шутол. 'Уговорить' [ССРГ: 351];

парить — неодобр., молод. 'Уговаривать, убеждать в чем-либо, воздействовать каким-либо образом, вводить в заблуждение' [ССРГ: 377].

Так же:

мозги парить — ‘Заговаривать, запутывать’ [ССРГ: 377];

запарить — неодобр., молод. ‘Заговорить, запутать’ [ССРГ: 151];

поддёрнуть — неодобр., прост. ‘Подстрекнуть, подговорить на что-то’ [ССРГ: 404];

попутать — фам., молод. ‘Уговорить кого-либо на что-либо’ [ССРГ: 420];

приколоть — ‘Уговорить кого-л. сделать что-л.; Рассказать кому-л. что-л.’ [ТСМС: 469];

разменять — фам., молод. ‘Объяснять. Растолковать что-либо’ [ССРГ: 450];

раскрутить — фам., молод. ‘Заставить, уговорить потратиться на что-нибудь. Вызвать на откровенность, расспросить’ [ССРГ: 452];

ублатовать — фам., прост. ‘Уговорить’ [ССРГ: 504];

укатать — фам., молод. ‘Уговорить’ [ССРГ: 507].

VIII. ОБСУЖДАТЬ / ДОГОВАРИВАТЬСЯ

добазариться — фам., мол. ‘Договориться’ [ССРГ: 102];

забить — ‘Договориться о чем-л.’ [ТСМС: 171];

Ср. также:

забиться (с кем) — ‘Договориться (обычно о встрече) с кем-л.’ [ТСМС: 171].

забить, забивать стрелку — ‘Договориться о встрече’ [СХ];

стреляться — шутол. ‘Договариваться о встрече’ [ТСМС: 557];

кашлять — неодобр., молод. ‘Надоедать разговорами, неприятными для окружающих’ [ССРГ: 191].

Так же:

обкашлять — ‘Подробно обсудить’ [СРС 149];

прокашлять — ‘Обсудить какой-л. вопрос, тему’ [ТСМС: 479];

колбаситься — ‘Шутить, весело обсуждать что-л.’ [ТСМС: 266];

перетрещать — фам., молод. ‘Обсудить что-либо, договориться о чем-либо’ [ССРГ 387];

тереть — ‘Обсуждать что-л.; разговаривать с кем-л.’ [ТСМС: 576].

Так же:

обтереть — фам., молод. 'Обговорить что-либо' [ССРГ: 346];

перетереть — фам., молод. 'Обсудить что-либо, договориться о чем-либо' [ССРГ 387];

перетирать — 'Разговаривать, вести дружескую беседу' [СРС: 165].

IX. ГОВОРИТЬ ПРАВДУ

отвечать — фам., молод. 'Брать ответственность за свои слова; говорить правду' [ССРГ: 358];

колоться — шутол., молод. 'Признаваться, рассказывать о чем-либо' [ССРГ: 211].

Как показывает анализ лексикографических данных, наиболее актуальными для носителей сленга является выражение идеи обмана, недовольства чем-либо и пустых разговоров, болтовни. В основном в номинациях говорения в сленге отражается эгоцентризм его носителей, и лишь небольшое количество глагольных единиц указывает на коммуникативную кооперацию (группа VIII).

Сохраняя яркую экспрессию, сленговая лексика становится частью повседневного языкового общения, пополняя ресурсы не только современной разговорной речи, но и языка литературы, кино, средств массовой информации. В отличие от профессиональных жаргонов, «новый массовый сленг все смелее размывает границы нелитературной лексики, делая речь более краткой, но эмоционально выразительной» [Емельяненко 2008: 16]. Интересно проследить, какие лексико-семантические группы русской глагольной лексики, выделенные в разделе «Глаголы речевой деятельности» [ТСРГ: 349–379], особенно активно могут быть пополнены сленговой лексикой.

В [ТСРГ] выделяются следующие лексико-семантические группы глаголов:

а) глаголы характеризованной речевой деятельности. Базовые глаголы: *говорить* (*сказать*), *произносить* (*произнести*) в значении «произносить (произнести) что-л. как-л., каким-л.

образом, обнаруживая характерные артикуляционные особенности говорения или выражая при этом какие-л. внутренние эмоциональные состояния», напр. *бормотать* («говорить тихо, невнятно...») [ТСРГ: 349–355];

б) глаголы речевого сообщения. Базовые глаголы: *говорить* (*сказать*), *сообщать* (*сообщить*) в значении «сообщать (сообщить) адресату что-л. (какие-л. сведения, известия и т. п.) о ком-, чем-л.», напр. *шептать* («сообщать что-л. кому-л. тихим голосом») [там же: 356–366];

в) глаголы речевого общения. Базовые глаголы: *высказывать* (*высказать*), *обращаться* (*обратиться*), *разговаривать* со значением «разговаривать друг с другом о чем-л., обмениваясь своими мнениями, суждениями, обсуждая общие проблемы или осуждая кого-л., что-л.», напр. *шептаться* («разговаривать между собой тихо, шепотом») [там же: 367–371];

г) глаголы обращения. Базовые глаголы: *обращаться* (*обратиться*), *называть* (*назвать*) со значением «обращаться (обратиться) со словами, устной речью к кому-л., называть (назвать) кого-л., что-л. какими-л. именами», напр. *окликать* («называть громко кого-л. по имени...») [там же: 372–373];

д) глаголы речевого воздействия. Базовые глаголы: *говорить* (*сказать*), *произносить* (*произнести*), *сообщать* (*сообщить*) в значении «произносить (произнести) что-л. каким-л. образом, выражая различные эмоции и тем самым воздействуя на собеседника, приводя его в определенное эмоциональное состояние, а также побуждая его к чему-л., к совершению какого-л. действия», напр. *льстить* («произносить неискренне, лицемерно слова одобрения...») [там же: 374–379].

При сопоставлении разрядов сленговых названий речевых действий, выделенных нами, и групп, представленных в [ТСРГ], обнаруживается, что сленговые номинации не пополняют словарную группу глаголов обращения (г), остальные словарные группы расширяются за счет сленгового материала в разной степени: особенно активно — разделы (б) и (д), менее активно — раздел (в). В раздел (б), объединяющий глаголы со значением речевого сообщения, можно включить сленговые номинации со значением ‘обманывать’ (группа I), ‘рассказы-

вать что-либо неправдоподобное' (группа II), 'говорить не к месту' (группа III), 'говорить впустую / болтать' (группа VI), 'говорить / говорить определенным образом' (группа V), 'говорить правду' (группа IX). В раздел (д), объединяющий глаголы со значением речевого воздействия, могли бы войти сленговые номинации со значением 'шутить' (группа II), 'выражать недовольство' (группа IV), 'уговаривать' (большинство единиц группы VII). К разделу (в), объединяющему глаголы со значением речевого общения, можно отнести сленговые номинации со значением 'обсуждать / договариваться' (группа VIII).

Однако, при всем различии семантических параметров сленговых номинаций говорения, практически все они могут быть отнесены также к разделу глаголов характеризованной речевой деятельности (а). Это связано с тем, что сленговые названия говорения обладают особой фоносемантической природой. Дело в том, что в сленге при означивании актов говорения реализуется предложенная С. В. Ворониным схема возникновения синестемии (буквально — со-эмоции), в соответствии с которой в феноменах языка проявляется «ассоциативный перенос, <...> медиированный <...> общим эмоциональным элементом» [Воронин 1982: 85]. По Воронину, эмоциональный элемент может участвовать в синестемии двумя путями: «как некий вспомогательный элемент при переносе “ощущение₁—эмоция—ощущение₂”, либо как самостоятельный конечный элемент в цепи переноса “ощущение→эмоция”. Эмоции <...> придают ощущениям специфический “эмоциональный тон”» [там же]. Характеристика синестемии может быть распространена на все сленговые номинации речевых действий, поскольку они непременно коннотируют эмоции, вызываемые у реципиента теми или иными актами говорения, и, являясь стилистически нейтральными единицами, обладают собственным эмоциональным тоном.

В сленге метафоризация в первую очередь строится на аналогии с действиями физического характера, акустическая же сторона речи оказывается менее важной, о чем свидетельствует относительно небольшое количество звукоизобразительных

номинаций. Незвукоизобразительные сленговые номинации говорения могут возникать на основе сходства как с акустическими, так и с неакустическими феноменами.

Если актуализируется сходство с неким акустическим феноменом, метафорически передается не само исходное звучание, а то впечатление, которое оно традиционно вызывает у носителей языка. Ср.: *свистеть* в сленге — ‘Болтать. Рассказывать небылицы, врать’ [СРС: 199]. Этот глагол, согласно нормативным словарям, не имеет значения речепроизводства [СРЯ IV: 510], однако разговорное слово «свистун» во втором значении содержит указание на говорение — «болтовню»: ‘Пустой хвастун, болтун и бездельник’ [там же]. В ТСРГ *свистеть* относится к глаголам звучания и к глаголам социальной деятельности, однако его речевое значение «обмана» коррелирует с одним из значений глагола звучания, ср.: ‘Издавать резкие, высокие звуки, подражая характерному пению различных птиц, обычно приманивая их (например, манком) во время ловли, охоты’ [ТСРГ: 451].

Во-вторых, в означивании речевого действия может быть переосмыслена номинация какого-либо физического незвукового действия. В таких случаях актуализируется эмоция, вызываемая действием неакустической природы. Ср.: *лепить* в сленге — ‘Врать, говорить глупости’ [СРС: 55]; возможно, речевое значение глагола обусловлено семантикой первичного глагола *лепить* — ‘Создавать какое-л. изображение из пластического материала’; ‘Помещать одно сразу же за другим (буквы, слова, строчки), не оставляя промежутков’ [СРЯ II: 175].

Без наличия некоторого устойчивого эмоционального переноса у таких глаголов не могла бы сформироваться способность означивать процессы говорения, а сама эта способность не отражалась бы в семантической структуре глагола.

На основании формального критерия все сленговые номинации говорения могут быть разделены на сложные, то есть неоднословные, фразеологизированные сочетания и однословные. Сленговые фразеологизированные сочетания интересны тем, что, с одной стороны, в качестве ядерного компонента включают исходно неречевой глагол, а с другой —

в рамках своей подсистемы используются исключительно как сложные номинации говорения, напр.: *вкручивать* (мозги, шарики); *гнать телегу, картину*; *давить умяком*; *месты по бездорожью* и т. п.

В другую группу входят однословные номинации говорения, которые, в свою очередь, могут быть разделены по фоносемантическому критерию на звукоизобразительные — *балаболить, гундеть, крякать* и др. и незвукоизобразительные — *буксовать, возникать, одолеть, разводиться* и др. Промежуточное в фоносемантическом отношении положение занимают сленгизмы-заимствования, которые, с одной стороны, воспроизводят звучание иностранного слова, а с другой — апеллируют к его буквальному переводу. Ср.:

аск, аскать (от англ. to ask 'просить, спрашивать') — 'Спрашивать' (напр.: *Аскни его, куда нам идти*) [СХ]; 'Просить у кого-л. что-л. (обычно — деньги у своих друзей, знакомых, прохожих); Спрашивать у кого-л. о чем-л.' [ТСМС: 22];

проаскать, сов. проаскнуть — 'Спросить' (*Пойди проаскни, где весь пилл*) [СХ];

спичить, спичать (от англ. to speak 'говорить') — 'Говорить, разговаривать' [СХ; ТСМС: 544, 545];

шпрехать — шутол. 'Говорить по-немецки' [ССРГ: 556].

Следует отметить, что этот тип сленговых номинаций говорения немногочислен.

Очевидно, что так же, как и общелитературные русские номинации говорения (кроме собственно речевых глаголов *сказать, сообщить, разговаривать* и под.), сленговые номинации имеют преимущественно метафорический характер. Как отмечают исследователи общелитературных глаголов речи, наиболее разнообразно метафорически моделируется внешняя сторона речи (интенсивность звучания, темп, степень отчетливости, тембр голоса, интонационные особенности), коммуникативные характеристики (способ сообщения и содержание информации) и особенности речевого взаимодействия и речевого контакта. «Метафорические контексты выявляют многочисленные аспекты общего понятия "говорить", которые реа-

лизуют глаголы речи, отражающие все аспекты речевого события, характеристика которого когнитивно значима для языкового сознания» [Кириллова 2006]. Значение речепроизводства во всех таких лексических единицах сопровождается дополнительными оттенками, снимающими необходимость в распространения имени действия обстоятельственными словами. Все сленговые номинации говорения непременно обладают значительным метакоммуникативным потенциалом (см. [Храмова 1999]), поскольку без дополнительных распространителей означивают не только коммуникативную, но и оценочную, эмотивную и др. функции говорения. Сленгизмы способны компактно характеризовать какую-либо сторону говорения: акустическую (*сопеть, лялкать, гавкаться*), содержательную (*грузить, замачивать горбухи*), уместность речи (*спестрить, лакировать базар*), ее прагматическую направленность (*укатать, раскрутить, забить*) и т. п.

Сленговый материал подтверждает мнение специалистов в области системных метафорических преобразований о том, что «метафорическая система оценок в языке крайне неравномерна и ассиметрична: мелиоративные оценки представлены скупо и фрагментарно, в то время как пейоративные чрезвычайно многообразны» [Скляревская 2004: 120]. В то же время, на наш взгляд, в сленговых номинациях речевых действий отражается особая склонность говорящих к остроумной эвфемизации: *вешать лапшу (на уши)* добродушнее, чем *врать*; *порычаться* или *пылить* мягче и смешнее, чем *поругаться, ругаться* и т. п. «Использование эвфемизмов приводит к пополнению уже существующего в языке синонимического ряда. <...> Эвфемистическая замена представляет собой стилистический прием, поэтому эвфемизация является источником стилистической синонимии» [Москвин 2001: 68]. Не случайно среди словарных помет, сопровождающих сленговое слово, крайне редки пометы «груб.» и «негат.».

Вообще сленг, по словам И. Юганова и Ф. Югановой, «выполняет функцию вечно подвижных щупальцев языка. Он, не переставая, пытается найти новые метафоры, которые впо-

следствии либо закрепляются в речи, либо будут ею отвергнуты» [СРС: 10].

Думается, что перечисленные свойства русского сленга в какой-то степени объясняют его широкую популярность в российском социуме. И действительно, как отмечают авторы словаря «Слова, с которыми мы все встречались», «как бы ни относиться к этим фактам, очевидно, что, не зная этих слов, невозможно полностью понимать все то, что сейчас пишется и говорится по-русски» [ТСРОЖ: IV].

ИСТОЧНИКИ

СРС — Юганов И., Юганова Ф. *Словарь русского сленга (сленговые слова и выражения 60–90-х годов)*. Под ред. А. Н. Баранова. Москва, 1997.

СРЯ — *Словарь русского языка: В 4-х т.* АН СССР. Под ред. А. П. Евгеньевой. Москва, 1981–1984.

ССРГ — *Словарь современного русского города*. Под ред. Б. И. Осипова. Москва, 2003.

СХ — Рожанский Ф. И. *Сленг хиппи*. Санкт-Петербург–Париж, 1992.
Веб-ресурс: <http://www.philology.ru/linguistics2/rozhansky-92.htm> (31.10.2009).

ТСМС — Никитина Т. Г. *Толковый словарь молодежного сленга: Слова, непонятные взрослым*. Москва, 2001.

ТСРГ — *Толковый словарь русских глаголов: идеографическое описание. Английские эквиваленты, синонимы, антонимы*. Под ред. Л. Г. Бабенко. Москва, 1999.

ТСРОЖ — Ермакова О. П., Земская Е. А., Розина Р. И. *Слова, с которыми мы все встречались. Толковый словарь русского общего жаргона*. Москва, 1999.

ЛИТЕРАТУРА

Баженова И. С. 2003 — Гендерные аспекты невербальной коммуникации. Веб-ресурс: <http://www.gender-cent.ryazan.ru/school/bazhenova.htm> (09.2008).

Васильев Л. М. 1981 — *Семантика русского глагола*. Уфа.

Воронин С. В. 1982 — *Основы фоносемантики*. Ленинград.

- Воронина Т. М. 2007 — Прагматические характеристики глаголов в метафорических значениях. *Русский язык: исторические судьбы и современность: Труды и материалы*. Москва. С. 111.
- Емельяненко В. 2008 — На своем, на тарабарском... *Русский-Мир.RU*. № 10. С. 16–20.
- Кириллова Н. О. 2006 — Метафорические номинации в семантическом поле глаголов речи. *Вестник Самарского Гос. Ун-та*. № 10/2 (50). С. 140–147; Веб-ресурс: http://vestnik.ssu.samara.ru/gum/2006web10-2/yaz/11_Kirillova_mk.pdf (31.10.2009).
- Москвин В. П. 2001 — Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования. *Вопросы языкознания*. № 3. С. 58–70.
- Розина Р. И. 2004 — Введение к работе. *Семантическое развитие слова в русском литературном языке и современном сленге: глагол*. Дис. ... д-ра филол. наук. Москва; Веб-ресурс: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/94086.html> (31.10.2009).
- Храмова Г. А. 1999 — Глаголы речи в метакоммуникативных высказываниях. *Аспекты лингвистических и методических исследований*. Архангельск; Веб-ресурс: <http://www.pomorsu.ru/ScientificLife/Library/Sbornic2/article2.htm> (09.2008).

LOOMINGULISED TENDENTSID KEELES:
KÕNETEDEVUSTE NIMETUSED VENE SLÄNGIS

Alla Lihatsjova

Artiklis vaadeldakse erinevaid kõnetegevuste nimetuste tüüpe vene keele slängis. Analüüsitavaks materjaliks olid vene slängi sõnaraamatutes esindatud eraldiseisvad tegusõnad ja fraseologiseerunud väljendid. Sõnaraamatute definitsioonide põhjal selgitati välja üheksa slängis kasutatavat kõnetegevuse nimetuse semantilist alagruppi, mis väljendavad järgmisi mõisteid: 'petma', 'jutustama midagi ebatõenäolist / nalja tegema', 'mitte asjakohaselt rääkima', 'rahulolematust väljendama', '(kindlal viisil) rääkima', 'tühja juttu rääkima, lobisema', 'jutustama / veenma', 'arutama / kokku leppima', 'tõtt rääkima'. Kõnetegevuste nimetustel slängis on kohustuslik metakommunikatiivne potentsiaal, kuna ilma täiendavate laienditeta tähistavad need nii kommunikatiivset, kui ka hinnangut andvat, emotiivset, sisutihedat, pragmaatilist ja teisi kõnelemise külgi.

Kirjeldatakse slängis väljendatud kõnetegevuste nimetuste metafoorilist vastavust mittekõnetegevustega, aga ka vaadeldavate leksikaalsete

üksuste fonosemantilisi omadusi. Muuhulgas on ära märgitud nende sünesteemiline olemus. Vene keele slängi kõneleja jaoks on kõige aktuaalsem petmise, millegagi rahulolematuse ja tühjade juttude, lobisemise mõtte väljendamine, s. t. nende nähtuste väljendamine, mida ühiskond omalpoolt ei erguta. Kuid slängis väljendatud kõnetegevuste nimetuste puhul on märgatav tendents negatiivseid tegevusi mitte otse ära märkida, vaid asendada neid eufemistlike vastetega.

ЛИНГВОКРЕАТИВНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ СОВРЕМЕННЫХ СМИ НА ФОНЕ АКТИВНЫХ ЯЗЫКОВЫХ ПРОЦЕССОВ

Е. Н. РЕМЧУКОВА

Для современной русистики характерен интерес к *речетворчеству*, которое реализуется в широкой зоне творчески ориентированной речи, объединяющей разговорные, поэтические, публицистические, художественно-публицистические, эпистолярные и рекламные тексты с их жанровыми разновидностями (интервью, заголовки, слоганы и др.). В этой зоне обнаруживается общий набор неузуальных языковых средств, анализ которых позволяет увидеть не только потенциальные возможности системы языка, обусловленные потребностями живой речи, но и потенциал языковой личности, раскрепощенной в современной ситуации «вербальной свободы».

Феномен речетворчества в его разнообразных проявлениях сегодня активно обсуждается в лингвистике креатива. Термины «креативная лингвистика» и «лингвистика креатива» являются в русистике не вполне устоявшимися, но, тем не менее, широко употребительными: круг явлений, которые рассматриваются в рамках этого актуального направления, уже очерчен, а интерес к ним современных русистов является неизменным.¹

¹ См., например: монографии «**Креативный** потенциал русской грамматики» [Ремчукова 2005]; «Прецедентные тексты как инструмент **креативности** в современной публицистике» [Наумова

Разные формы речетворчества (или лингвокреативности) в полной мере присущи современным СМИ. Определяя языковые приоритеты современности, В. Г. Костомаров замечает, что наиболее рельефно новый языковой вкус иллюстрируется стилистическими явлениями [Костомаров 2005]. Однако речетворчество, процветающее на страницах СМИ (разного рода инновации, метафоризация, языковая рефлексия, языковая игра, прецедентные феномены), не исчерпывается стилистическими «эффектами» (они, безусловно, более заметны, так как современный медиатекст отличается принципиальной стилистической гетерогенностью) и затрагивает более глубокие, лексические и грамматические (как словообразовательные, так и морфолого-синтаксические), механизмы.

Язык СМИ традиционно является объектом строгой общественной критики: его упрекают, с одной стороны, в стандартизации — «в ослаблении индивидуального начала в человеческом сознании и поведении» [Русский язык и культура речи 2001: 28], с другой, в «порче» языка — неоправданном и грубом нарушении нормы, в небрежности. В то же время его современная специфика, обусловленная антиномией информативной и экспрессивной функций языка, требует признания права пишущего и говорящего на словотворчество, которое может быть оценено достаточно высоко. Ю. Н. Караулов еще в 1991 году (в разгар кампании по спасению русского языка, в «порче» которого обвинялись, прежде всего, СМИ) отмечал: «Наряду с чрезвычайно недоброкачественными текстами во всех функциональных разновидностях, и в письменной, и в устной реализации, существуют и множатся, *особенно в публицистике* (выделено нами. — Е. Р.), образцовые тексты. Именно в наше время много ярче и оригинальней проявляет себя индивидуальность языковой личности, что для языка — первостепенно» [Караулов 1991].

2007]; материалы Международной научной конференции «Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива» (Екатеринбург, 24-26 апреля 2008 года), посвященной изучению лингвокреативной деятельности в современной научной парадигме.

Со времени написания этих строк прошло уже почти двадцать лет, и позитивная динамика в развитии СМИ очевидна. Для русистики последнего десятилетия язык СМИ является едва ли не главным объектом изучения, что вряд ли нуждается в оправдании, так как в нем «наиболее отчетливо и быстро отражаются изменения, происходящие в наше время во всех сферах языка» [Русский язык конца XX столетия 2000: 10].¹ Тексты таких российских изданий, как журналы «Огонек», «Итоги», «Власть», «Профиль», газеты «Коммерсантъ», «Новая газета», «Независимая газета», «Литературная газета» и некоторые другие, отвечают требованиям образованной читательской аудитории и характеризуются высоким профессионализмом в использовании и литературного языка, и языковых единиц, находящихся за его пределами.

Эти тексты изобилуют тропами, окказиональными и потенциальными образованиями; отклонение от нормы в них, как правило, является осознанным, обусловленным каким-то намерением: создание «маски автора», формирование креативного имиджа издания, выражение авторской иронии, демонстрация «лингвистического остроумия», лингвистическое экспериментирование со словом или его формой и т. п.

Например, «вкрапление» в текст грамматической неправомерности должно быть семантически и стилистически мотивировано. Употребление в статье об актере Марлоне Брандо некодифицированного компаратива «*страннее*» вполне оправданно не только стилистически, но и семантически и грамматически: нестандартная синтетическая форма более экспрессивна, чем стандартная аналитическая (*более странно*) и, кроме того, в рамках лексического повтора усиливает качест-

¹ Ощутимым результатом этого исследовательского интереса стало понимание необходимости изучения языка в СМИ в широкой студенческой аудитории (не только студентами-журналистами, но и филологами, переводчиками и др.): см., например, одно из учебных пособий — «Язык средств массовой информации» [2008].

венное значение однокоренного предикативного наречия в положительной степени:

Да и его самого, заплутавшего в лабиринтах времени и попавшего совсем в другую эпоху — размеренную и суетную, меццански благополучную и сытую... Странно, что эта эпоха его не заметила, еще страннее, что ему удалось сыграть эту эпоху как бы от противного, сражаясь с ней по большим и мелким поводам (Итоги, 7, 2004).

В то же время подобная форма в разговорной речи однозначно воспринимается как «простенькая» языковая шутка:

*— Я считаю, что вам нужно как можно **срочнее** жениться, шеф! — (все смеются) Срочнее? (Телесериал «Закон и порядок»).*

Эстетическая функция языкового знака выделяется, прежде всего, по отношению к поэтическому языку. «Поэтическая, или эстетическая, функция характеризуется направленностью на само сообщение... Эстетическая функция языка, его поэтичность, характеризующиеся развитой системой метафоричности, семантической многоплановости, исторически восходят к мифологии» [Новиков 2001: 494]. Поэтический язык как эстетический феномен характеризуется сложной звуковой организацией (ритм, рифма), образностью (тропы, семантическая многоплановость), композиционной конструктивностью.

Но эстетическая функция языка реализуется в любом тексте, в котором есть речетворчество, — в медиа-тексте, в разговорном, в научно-популярном. Очевидно, что существенное различие между поэтическим и не поэтическим текстом состоит в том, что в поэзии тропеизация и неузуальность имеют выраженный, системный и концентрированный, характер как в идиостиле в целом, так и в конкретном произведении, а в текстах других стилей и жанров они далеко не всегда являются доминирующими и текстообразующими — и часто имеют «штучный» характер. Ср., например, употребление форм множественного числа абстрактных существительных в поэзии Серебряного века (*ревности, верности, мраки, женственности* и т. п.), и возможность употребления такой потенциаль-

ной формы в заголовке (*Шармы нового политического курса*) на фоне высокой продуктивности процесса лексикализации формы множественного числа в современном языке (*разборки, риски* и т. п.).

С этой точки зрения, язык современных СМИ занимает промежуточное положение между языком художественной литературы и разговорной речью, оказываясь, тем не менее, гораздо ближе к первому: не случайно исследователи отмечают, что сегодня именно СМИ «дают поистине впечатляющую картину пользования языком» [Валгина 2001: 3].

В связи с этим новым качеством отмечается и возросшее влияние СМИ на речевую компетенцию современника, на становление новой литературной нормы. «Несмотря на то, что язык средств массовой информации оставляет часто негативное впечатление, надо признать, что современный русский язык в силу сложившихся исторических обстоятельств сегодня черпает ресурсы для обновления литературной нормы именно здесь — в газетах, журналах, на телевидении и, конечно, в устной разговорной речи. Хотя долгое время в истории литературного языка таким источником была художественная литература, недаром нормированный язык называется литературным» [Валгина 2007: 15].

В условиях конкурентной борьбы между изданиями лингвистическую политику «не желтых» СМИ отличает поиск не просто экспрессивных средств, а средств новых, нестандартных, поэтому на их страницах царит языковая игра в ее самых разнообразных формах. Отличительной чертой «лингвистического остроумия», которое условно можно определить как *качественную* языковую игру, является ориентация на лингвистически чуткого читателя, а ее целью — получение им не только информации, но и определенного эстетического удовольствия от текста.

На компетентного виртуального читателя, способного расшифровать культурно и лингвистически значимый текст, рассчитаны, прежде всего, прецедентные феномены. Существуют разные способы функционирования прецедентных текстов, в частности, «натуральный», при котором текст доходит до

читателя в первоначальном виде, и «вторичный» — с различными изменениями исходного текста (см. об этом подробнее в [Караулов 1987]). Усиление информативного и экспрессивного воздействия прецедентного текста связано с трансформированием его структуры, но, изменяя, например, цитату из художественного произведения, автор должен быть уверен, что она осталась узнаваемой и «восстанавливаемой» (*Прощай, «отмытая» Россия; А у нас в России — газ* и т. п.).

Кроме того, существуют позиции, которые особенно важны для акцентирования внимания на важных смысловых моментах прецедентного текста: известно, что одной из них является заголовок. Простой эксперимент, связанный с анализом заголовков только одного номера той или иной газеты, показывает, что многие из них представляют собой прецедентные тексты, как правило, трансформированные: *Утомлённые долларом* («Огонёк», 05, 2004). В статье говорится о растущем негодовании со стороны граждан в связи с падением курса доллара: происходит замена лексической единицы в названии кинофильма *«Утомлённые солнцем»*, которое, в свою очередь, также является прецедентным текстом (грамматически трансформированным) — первой строчкой известного танго *«Утомленное солнце»*.

Заголовок — сильная (и самая выигрышная) позиция газетного текста, поэтому его креативность часто представляет собой комбинацию нескольких игровых приемов. Так, заголовок *Недаром помнит вся Россия про день Бородина* (материал о задержании Бородина и обвинении его в нечестном использовании денег) представляет собой известную цитату из стихотворения М. Ю. Лермонтова¹. Ее компоненты актуализируются в тексте самой статьи: слово *недаром* повторяется, но в другом написании (*не даром*, то есть не бесплатно) — орфография выполняет смысловозначительную функцию, дифференцируя омонимы. Кроме того, актуализация омонимии грамматических форм родительного падежа имени собственного (*Бородин — Бородина*) и топонима (*Бородино — Бородина*), выполняя экс-

¹ Пример С. И. Сметаниной [Сметанина 2002].

прессивную функцию, одновременно помогает выявить важное содержание. Авторская ирония формируется и столкновением высокого (патетической окрашенностью стихотворения «Бородино» в русском языковом сознании) и низкого (ситуацией неприглядного скандала, в центре которого оказался Бородин).

Аналогичную комбинацию представляет собой заголовок статьи о квартирных кражах *Вынесут все (общество расплачивается за кризис квартирными кражами)* (Огонек, 40, 2008). «Высокий» прецедентный текст (хрестоматийные строки Н. А. Некрасов о русском народе: «*Вынесет все...*») и омонимия глаголов *вынести* 1 (вытерпеть) и *вынести* 2 (украсть) создают эффект «семантической двуплановости», которая разрешается тут же — в подзаголовке.

Приведем еще один из удачных, на наш взгляд, примеров лингвокреативности заголовка. Статья в журнале «Саквояж» (5, 2008) об итальянском модельере Ферагамо, придумавшем босоножки, называется *Открытие ног*: заголовок прочитывается двояко, что позволяет в выразительной форме дать представление о содержании статьи. Ферагамо позволил женщинам показать (*открыть*) ту часть ног, которую не принято было показывать, и благодаря этому совершил одно из революционных *открытий* в области моды.¹ Экспрессия заголовка создается комбинацией «полисемантики» (В. Строчков)², в результате которой высказывание приобретает семантическую двуплановость, и окказионализма (слово *открытие* в значении 'показывать, обнажать').

С. И. Сметанина отмечает, что в случаях сочетания в тексте нескольких приемов языковой игры акцент часто смещается

¹ Журнал «Саквояж» — журнал для путешествующих по железной дороге, не претендующий на элитарность, но отличающийся высоким уровнем материалов и кругом известных авторов.

² В современной поэзии есть направление, названное его создателем, известным поэтом В. Строчковым, *полисемантикой*, которую он определяет как одно из направлений постмодерна, «отличающееся интенсивным и целенаправленным использованием свойства многозначности знаковых систем» [Строчков 1994: 377].

«с собственно информации на ее комментарий, оценку, эмоционально-изобразительное воспроизведение» [Сметанина 2002: 249]. Игровая стратегия «полисемантики» обусловлена актуализацией ассоциативного потенциала лексемы — смыслового объединения в одном контексте или разных значений одного слова (полисемия), или разных слов (омонимия), что создает возможность неоднозначного восприятия слова в высказывании. «Полисемантика» является одним из наиболее востребованных в современных СМИ способов выразить нужное содержание в компактной и привлекающей внимание форме. Тяга современных СМИ к «полисемантике», которая проявляется в высокой концентрации подобных заголовков даже «на просторах» одного номера (см., например, журнал «Огонек», 40, 2008), обусловлена необходимостью речевого воздействия на аудиторию. «Полисемантика» является одним из его ресурсов: ее эффективность определяется не только усилиями адресанта, но и способностью адресата извлечь заложенные в высказывании смыслы и оценить его с точки зрения креативности. «Прием семантической двуплановости в контексте, как правило, небольшого по объему высказывания, позволяет емко и экспрессивно выразить смысл всей статьи, то есть успешно совместить информативную и экспрессивную функции языка, антиномия которых характерна для медиатекстов» [Михеева, Ремчукова 2009: 345]: *Влетели в копеечку* — статья о конфликте в аэропорте Домодедове, где за долги поставщикам топлива задержали более 20 рейсов (Огонек, 35, 2008).

Особый интерес представляют случаи актуализации смыслов, потенциально заложенных в заголовке, в подзаголовке, который сегодня становится неотъемлемой частью большинства статей:

Поворотный момент (покрутить экран ноутбука, развернуть клавиатуру мобильного телефона — раньше об этом можно было только мечтать. Сегодня в борьбе за потребителя производители делают из различных устройств настоящие трансформеры: ими можно вертеть как душе угодно).

Своеобразная игровая «переключка» двух текстов (заголовка и подзаголовка) создается несколькими средствами: актуализацией полисемии (лексико-семантических вариантов глаголов *повернуть* и *вертеть*), синонимией (*вертеть*, *покрутить*), дефразеологизаций (фразеологизм *вертеть как душе угодно* прочитывается в буквальном смысле), расширением семантики прилагательного *поворотный*.

Конечно, даже в таких изданиях с устойчиво хорошей репутацией, как перечисленные выше, встречаются лингвокреативные неудачи. Так, 6 декабря 2008 года (на следующий день после смерти главы Русской православной церкви) газета «Ъ» («Коммерсант») вышла с заголовком *Патриарх отдал Богу душу* и подзаголовком (*скончался Алексей II*). Креативный замысел автора заголовка понятен, однако признать его удачным трудно: этические последствия такой креативности сомнительны для всех, а профессионального лингвиста она просто оставит в недоумении.

Подобные неудачи встречаются и в рекламных слоганах, которые также тяготеют к «полисемантике», осваивая ее вполне корректно:

Вид на будущее (реклама жилья); ср.: *вид на Воробьевы горы*;

Мужское внимание в полном объеме (реклама шампуня «Шампу»);

Школьная форма: Всегда в отличной форме! (реклама детской одежды фирмы «Mirabell»);

Гибкость во всех отношениях (реклама Мегафона) и т. п.

Однако с этической точки зрения некоторые слоганы с эффектом полисемантики или вызывают неприятие (*Я так низко пала. Пользуйся! Твоя цена.* — реклама магазина Эльдорадо), или их нельзя считать успешными с точки зрения поддержания на определенном уровне имиджа рекламодателя: *Лето... Хочется скинуть с себя все. Мы скинули цены* (реклама «Шевроле»).

С нашей точки зрения, современная реклама в целом вполне успешна в своей лингвокреативной деятельности¹. Языковым средствам рекламного текста присущи выразительность, экспрессивность, эмоциональная окрашенность, оценочность.² В слоганах активно осваивается и системный потенциал грамматических форм: так, в них востребованы в качестве средства речевого воздействия потенциальные формы сравнительной и превосходной степени прилагательного. Они являются важным средством выражения оценки, поэтому коррекция грамматических свойств относительных прилагательных в связи с развитием у них качественных и, как следствие этого, оценочных значений находит отражение в языке рекламы:

Ягоднее ягод (реклама морса); *Куда они спешат?* — *На новый аромат «Fairy»*; *Яблочнее яблок!* *Лимоннее лимонов!*; *Самый игрушечный магазин Катюша!* (реклама детского магазина); *Самый провансальный* «*Провансаль*» (реклама майонеза); *Самый сумчатый магазин* (реклама магазина сумок).

Рекламные слоганы демонстрируют и продуктивность в современном языке переходных явлений в области частей речи: в них активно реализуется игровой потенциал и субстантивации, и адъективации, и адвербиализации. Остановимся на последней:

Окна и двери: без шума и пыли (обратим внимание на то, что адвербиализация проникает в прецедентный текст — цитату из фильма «Бриллиантовая рука»);

Решай задачу кардинально — квартира без денег — это реально;
Catsan запирает запах на замок;

Живи с огоньком (реклама каминов) и т. п.

¹ В данном случае мы имеем в виду только лингвокреативную составляющую таких рекламных текстов, как слоганы, и оставляем за рамками статьи обсуждение вопроса о содержании рекламы, возможности использования в рекламных текстах просторечий, жаргонизмов, междометий и многие другие вопросы.

² Этому вопросу посвящен ряд современных исследований, например [Зирка 2009].

Как видно из приведенных примеров, выбирая между общеупотребительными наречиями и адвербиализованными формами существительных (ср.: *без денег / бесплатно; на замок / крепко*), авторы современных рекламных лозунгов часто отдают предпочтение последним. Лингвокреативна реклама новостного Интернет-сервера — *Вся информация без пробелов*. Графическое оформление данного слогана актуализирует главное значение слова *пробел* — «пропуск между словами», однако в общем контексте высказывания оно неприемлемо: вряд ли кто-то захочет читать новости, изложенные без пропусков между словами. Очевидно, что в данном случае *без пробелов* — окказиональное адвербиализованное сочетание, характеризующее то, каким образом сервер обязуется доносить информацию до пользователя, а именно: постоянно, достоверно, исчерпывающе [Калякина, Ремчукова 2007: 68].

Таким образом, анализ лингвокреативной составляющей современных медиа-текстов показывает пересечение и развитие трех игровых тенденций — к интертекстуальности, к полисемантической и к потенциальному слово- и формообразованию. Для современного читателя (и особенно для читателя-лингвиста) характерно полемическое восприятие не только содержания медиа-текста, но и его креативной составляющей. И это — право читателя, однако за создателем медиа-текста остается право вовлекать читателя в процесс интерпретации своего творения, увы, не всегда в полной мере отвечающего требованиям создания информативно значимого, в меру экспрессивного и эстетически выдержанного текста. Высокая концентрация языковой игры на страницах СМИ способна создавать ощущение навязывания читателю игрового начала, заставляющего его совершать определенные усилия по разгадыванию «текста-шарады», далеко не всегда оправданные. Однако все лингвистические минусы «вербальной свободы» несопоставимы с минусами новояза — антикреативного в своей сути официального языка советской эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

- Валгина Н. С. 2001 — *Активные процессы в современном русском языке*. Учебное пособие для студентов вузов. Москва.
- Валгина Н. С. 2007 — Основные проблемы изучения языка современных СМИ. *Язык и стиль современных средств массовой информации*. Межвуз. сб. научных трудов Всероссийской конференции, посвященной 80-летию профессора Н. С. Валгиной. Москва. С. 7–18.
- Зирка В. В. 2009 — *Манипулятивные игры в рекламе. Лингвистический аспект*. Москва.
- Калякина О. А., Ремчукова Е. Н. 2007 — Живи с огоньком (игровой потенциал наречий в рекламных текстах). *Русская речь*. № 5. С. 64–70.
- Караулов Ю. Н. 1987 — *Русский язык и языковая личность*. Москва.
- Караулов Ю. Н. 1991 — О состоянии русского языка современности. Доклад на конференции «Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики» и материалы почтовой дискуссии. ИРЯ РАН. Москва.
- Костомаров В. Г. 2005 — *Наш язык в действии. Очерки современной русской стилистики*. Москва.
- Михеева Е. С., Ремчукова Е. Н. 2009 — Феномен смысловой двуплановости слова как креативная составляющая заголовков в современных СМИ. *Функциональная семантика языка, семиотика знаковых систем и методика их изучения*. II Новиковские чтения. Материалы международной конференции. Москва. С. 344–346.
- Наумова Е. О. 2007 — *Прецедентные тексты как инструмент креативности в современной публицистике*. Москва.
- Новиков Л. А. 2001 — *Избранные труды*. Эстетические аспекты языка. *Miscellanea*. Т. II. Москва.
- Ремчукова Е. Н. 2005 — *Креативный потенциал русской грамматики*. Москва.
- Русский язык и культура речи 2001 — Учебник для студентов-нефилологов. Саратов.
- Русский язык конца XX столетия (1985–1995) 2000 — 2-е изд. Москва.
- Сметанина С. И. 2002 — *Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века)*. Санкт-Петербург.
- Строчков В. 1994 — *По ту сторону речи*. Послесловие автора. Глаголы несовершенного времени. Избранные стихотворения 1981–1992 г. Москва.

Язык средств массовой информации 2008 — Учебное пособие для вузов. Москва.

KAASAEGSE MASSIMEEDIA KEELE KREATIIVSUSEST AKTIIVSETE KEELEPROTSESSIDE TAUSTAL

Jelena Remtšukova

Artiklis märgitakse ära massimeedia keele positiivne dünaamika, mis on teatud määral tingitud selle kreatiivsest koostisosast. Analüüsitakse selle järgmiseid avaldumisvorme, mis on iseloomulikud kaasaegsetele meediatekstidele, nagu näiteks mitmetähenduslikkus (semantiline kaheplaanilisus, mis tekib ütluses homonüümia või polüseemia aktualiseerimisel), tüvitekstide ja okasionalismide kasutus.

Keeleloovuse poolest edukate väljaannetena vaadeldakse kaasaegset, „mitte kollast“ ajakirjandust: ajakirju „Ogonjok“, „Itogi“, „Vlast“, „Profil“; ajalehti: „Kommersant“, „Novaja gazeta“, „Nezavisimaja“. Need väljaanded on keskendunud sellele, et lugeja saaks tekstist nii kvaliteetset informatsiooni, kui ka esteetilist naudingut, seetõttu iseloomustab nende keelekasutust ekspressiivsete ja ebastandardsete väljendusvahendite otsimine. Keele esteetiline funktsioon realiseerub meediatekstides erinevates keelemängude vormides. Nii on pealkirjadel ja sloganitel tänu struktuursemantilisele sarnasusele ühised mängulised jooned. Pealkirjade ja sloganite loovus kujutab endast sageli mitmete mänguliste võtete kombinatsiooni, mis on tingitud kõne mõju vajalikkusest auditooriumile. „Mitmetähenduslikkust“, tüvitekstide ja okasionalismide kasutust käsitletakse kõne mõju ressursidena. Nende võtete tulemuslikkus oleneb mitte ainult saatja, ajakirjaniku või reklaamikirjaniku pingutustest, vaid ka lugeja võimest eristada neid tekstis ja hinnata loovuse seisukohalt.

Artiklis käsitletakse ka keeleloovuslikke ebaõnnestumisi, mida kohtab püsivalt hea keelelise reputatsiooniga väljaannetes. Nii mõnedki pealkirjad ja sloganid (näiteks „kaheplaanilisuse“ efektiga) põhjustavad mitteomaksvõtmist esteetilisest seisukohast või neid ei saa pidada õnnestunuteks reklaamija imidži teatud tasemel hoidmise vaatevinklist. Sellest hoolimata jääb meediateksti loojale õigus haarata lugejat kaasa oma loomingu interpreteerimise protsessi, isegi sel juhul, kui see ei vasta täielikult informatiivselt tähendusliku, piisavalt ekspressiivse ja esteetiliselt väljapeetud teksti loomise nõuetele.

АКТИВНЫЕ ВИДЫ
ДИАЛЕКТНОГО СЛОВОПРОИЗВОДСТВА
В ЛЕКСИЧЕСКОЙ ГРУППЕ
«КУЛИНАРНЫЕ ТЕРМИНЫ»

А. А. ЧУДАЕВА

Статья представляет собой рассмотрение активных видов отглагольного словопроизводства в современных диалектах (на материале кулинарных терминов). Для этой темы исключительно ценный характер имеют данные С. М. Данильченко-вой, автора статьи «Мотивировочные признаки в диалектных названиях одежды, посуды, кушаний», опубликованной в Воронеже в 1980 г. [Данильченко-ва 1980: 111].

Сначала обратимся к общим положениям данной работы, характеризующим подход к изучению диалектного словообразования в интересующем нас аспекте. Автор подробно рассматривает разновидности мотивировки в процессе номинации внутри некоторых тематических групп лексики, выявляет специфику таких групп при выборе мотивировочных признаков. Такой подход очень важен для нашего анализа, поскольку знания о проходившем когда-то и ныне затемненном словообразовательном процессе лингвист получает, обращаясь к его следам — мотивированным словам, существующим в языке и сохранившим ясную мотивировку. В. А. Звегинцев отмечает, что конкретный акт номинации за редким исключением содержит установление отношения между новым, называемым явлением, и явлением уже известным. Производящее слово узнается по мотивационным отношениям между словами.

В статье подробно описывается мотивировка посредством признака. Существует мнение, что данная мотивировка основана на характере восприятия предмета человеком, познающим этот предмет. Напр.: «Имена вещей “нацелены” на какой-нибудь один аспект именуемого предмета. В акте наименования человек из множества данных, которые поставляются нашими чувствами, устанавливает определенные фиксированные центры восприятия» [Звегинцев 1973: 140]. Но автор реферируемой статьи считает, что в мотивировочном признаке данные восприятия предмета человеком закреплены в опосредованном виде, в форме понятия. Иными словами, акт наименования опирается на логические категории.

Для нашей работы важно следующее положение С. М. Данильченко. При обнаружении системности в выборе мотивировочных признаков внутри тематической группы лексики уже есть основания полагать, что эта системность сохранится и в течение последующих этапов словообразовательного процесса. Еще более ценно для нашей работы то, что автор статьи рассматривает конкретные тематические группы существительных, а именно: названия кушаний, названия одежды и обуви, названия посуды. В этой связи обратимся к таблице С. М. Данильченко.

Признак	Посуда	Кушанья	Одежда и обувь
Вкус	-	1	-
Цвет	1	1	-
Форма	2	-	1
Размер	-	-	3
Деталь внешнего вида	5	-	1
Температура	-	1	-
Порядок по счету	-	1	-
Способ изготовления	1	13	6
Функция	7	4	8
Пространство	-	-	5
Материал	-	8	3

Цифры означают количество лексем, относящихся к данной лексической группе и имеющих мотивацию по данному признаку.

Поясним содержание таблицы примерами автора.

Собственные признаки предметов (ниже приводятся жирным шрифтом) отражаются в следующих названиях:

- а) **вкус**: *сладу́ха* 'сладкий квас';
- б) **цвет**: *беля́нка* 'белая чашка, белая водка';
- в) **форма**: *косы́нка, двои́шки* 'двойной горшок';
- г) **размер**: *коротчи́к* 'короткое женское пальто';
- д) **деталь внешнего вида**: *горла́ч* 'посуда с большим горлом', *отбитух* 'посуда с отбитым горлышком';
- е) **температура**: *холоде́ц* 'холодное кушанье';
- ж) **порядок по счету**: *перма́к* 'первое блюдо'.

Относительные признаки предметов отражаются в названиях типа:

- а) **способ изготовления**: *плету́ха* 'плетеная корзина', *толче́нка* 'толченая картошка', *проплетки́* 'лапти';
- б) **функция**: *запа́рник* 'котел, в котором варят картошку для животных', *поддойник* 'ведро, в которое доят корову', *обма́чка* 'кушанье из муки, воды и сала, которое едят, обмакивая в него хлеб';
- в) **пространственный признак**: *верху́шка* 'верхняя портянка', *подша́льник* 'платок, который одевается под шаль';
- г) **материал**: *муко́вня* 'кушанье из муки, воды и сала', *льняни́нка* 'одежда из льняного полотна'.

Как видим, при диалектном словопроизводстве артефактонимов чаще всего применяется мотивация по **способу изготовления** (13 названий, ср.: 8 по материалу и 4 по функции). В названиях посуды преобладает мотивация по функции (7), тогда как по способу изготовления — 1 название. В названиях одежды и обуви также чаще встречается мотивация по функции (8), способ изготовления в этой группе на втором месте (6).

Эти цифры позволяют сделать вывод о том, что в интересующей нас лексической группе кулинарной лексики наиболее

активно представлено отглагольное словопроизводство. Собственно-признаковая мотивация, обычно связанная с производящей основой — именем существительным или прилагательным, гораздо менее употребительна.

Это подтверждают и многочисленные работы по диалектному словообразованию Е. Е. Королевой. Приведем некоторые характерные примеры:

драть → *драники, деруны, драница, драные блины* ‘блины из тертого картофеля’;

клепать → *клепаники* ‘картофельные котлеты, начиненные мясом’;

крошить → *крошёнка* ‘порезанный на мелкие кусочки картофель, который варится с салом, луком, молоком’;

толкать, толочь → *толчанка, толчёнка, толкучка* ‘картофельное пюре’ и многие другие [Королева 1999].

С. М. Данильченкова и Е. Е. Королева приводят богатый материал по словообразованию кулинарной лексики. Они отмечают определенную регулярную цепочку словопроизводства: *глагол физического действия* → *отглагольное существительное*. Эти данные можно использовать в ходе этимологического анализа.

Примеры отглагольного словообразования, рассматриваемые указанными авторами, прозрачны и поэтому доказательны без специальной аргументации, ср. *толчёнка, толченики* — *толкать*; *сбитень, биток, битень, сбой, сбиток, сбоина* — *сбивать*; *болтушка, болтокиша* — *болтать*; *растегай* — *растегать* и др. Видно, что при номинации учитывалось действие, оказываемое на пищевой продукт в процессе приготовления кулинарного блюда. По этому принципу можно выделить достаточно много блюд, названных по именованию действия. В этом заключается методологическая ценность реферируемых работ.

Обобщая ряд современных языковых фактов, свидетельствующих в пользу того, что кулинарные термины чаще всего производны от глагола, обозначающего определенный вид физической обработки кулинарного сырья, мы можем ориенти-

роваться на вскрытие того же принципа номинации при анализе историческом и этимологическом. Проводя этимологическое исследование кулинарных терминов с затемненной внутренней формой, мы использовали гипотезу об активности отглагольного словообразования в данной лексической группе и получили следующие результаты. Ниже приведены диалектные кулинарные термины, находящиеся на такой методологической основе этимологическое объяснение.

ШАНЬГА

Шаньга ‘род ватрушки, сочня, простая лепешка, опресночек, пресные оладьи, хлебец’ — установлено производство от диалектного *ша́нуть*, ‘сильно толкнуть, бросить’, связанного с литературным *шатнуть*, *шатать* (рассматривались акцентологические различия предполагаемых производящего и производного слов, определялись факторы словообразовательного характера). При этимологическом анализе были учтены два компонента значения глагола: а) горизонтальное перемещение, раскачивание и б) удар(ы). В данном конкретном случае предполагаемый производящий глагол может обозначать способ предварительной обработки круто замешенного, тяжелого теста. В самой лексеме *шаньга* наблюдаем перерасположение морфем (звук *-н-* оторван от суффикса и присоединен к корню слова). В случае с суффиксом *-ну-* (*ша(т)-ну-ть*) перерасположение облегчается следующим обстоятельством: в основе презенса представлено только *-н-*, ср. *толк-ну-ть* – *толк-н-ет*. Таким образом, в слове *шаньга* была выведена опрощенная производящая основа *шан-* и суффиксе *-ьг-*, редко встречающийся, но реальный в словах *пустельга* и *синьга* [Косорова 2005: 224–231].

БОРЩ

Борщ ‘суп из свеклы; растение *Heracleum borealis*; особенная огородная зелень, употребляемая в похлебку’. С наибольшей степенью вероятности можно говорить о производстве от диалектного глагола *боркать* ‘толкать, бить’ (реконструирована

суффиксальная структура, проанализированы возможные фонетические процессы; установлен диалектный источник словопроизводства). Были собраны аргументы сначала в пользу родства сущ. *борщ* и глагола *переборщить*, затем в основе *борщ-* был выделен суффикс *-щ-* с предполагаемым происхождением из **sk*. Данный вывод инициировал поиски возможной производящей основы, осложненной в дальнейшем развитии слова этим суффиксом. Отношения *боркать* → *борщ* семантически схожи с отношениями *шануть* → *шаньга* [Косоротова 2007б].

КУЛЕБЯКА

Кулебяка, вариант *колюбака* ‘продолговатый пирог с мясом, рыбой или кашей, капустой, неудачный пирог; ржаная из пресного теста ватрушка с творогом’ — ряд языковых фактов помог установить производство от вариативного глагола *колебать*, *кулебать*, **колыбать* (ср. *колыбель*) ‘раскачивать, трясти, качать, шатать, колыхать, клонить туда-сюда’ (при анализе учитывались фонетическое своеобразие лексем, их семантический и морфологический аспекты, средства, с помощью которых обозначается внутренняя форма анализируемых слов). Как и в случае с *колюбакой* – *кулебякой*, корневой вокализм не является устойчивым и восходит к двум основным вариантам: 1) **-leub-* > *-люб-*; **-līb-* > *-лыб-*; **-lub-* > *-лѣб-*; **-loub-* > *-луб-*, откуда появляются *колюбака*, *колыбель*, *колубѣнь* и т.д.; 2) **-lěb-* > *-леб-*, откуда *кулебяка*, *колебать* [Косоротова 2006: 113–117].

ЖБЕНЬ

Жбень ‘толстая ржаная лепешка’. Сопоставление с глаголом *шибать*, *шибить* очевидно; если говорить о фонетической стороне, то вокализм *и* < *ī* — продление редуцированной ступени, *ш* после падения редуцированных озвончается. Данная версия происхождения безупречна с фонетической и словообразовательной точки зрения, она дает лексеме *жбень* явственную индоевропейскую перспективу:

*cheib → *cheib-a-ti → *шибать* (ср. др.-инд. *kṣēras* ‘бросок’);
(полная ступень)

*chib → *chib-en-ь → *шьбень* → *жбень* (ср. др.-инд. *kṣipāti* ‘бросает’)
(нулевая ступень)

С фонетической точки зрения анализируемая лексема сопоставлялась с существительными *щебень* ‘мелкий камень’ и *скобель* ‘плотницкий инструмент; скребок, щетка с жестким ворсом; человек, который *постоянно* чешется’ и с глаголом *шибать*. В индоевропейском аспекте *жбень* содержит редуцированную ступень абляута. Возможно родство со *щэбень* (если существовала праформа **щэбень*, то она могла развиваться следующим образом: **щэбень* > *щбень* > *жбень*), в котором, в отличие от *жбень*, проявляется нормальная ступень абляута. Мелкий, битый камень по форме сходен с толстой лепешкой. Вариация *щэбель*, *щэбер* (н/л/р) может объясняться меной сонорных в условиях конца слова (результат нечеткого произношения), но может представлять собой отражение исконной вариативности суффиксов *-ень/-ель/-ер*. Обычно *щебень* сближают со *скоблить* ‘снимать с помощью отвесно поставленного лезвия тонкий слой (коры, грязи, краски и т.д.) с поверхности какого-либо предмета; с силой тереть, чистить; очищая, скреести что-либо’, в таком случае, в глаголе имеет место качественная ступень абляута. Большинство слов с корнем *ska(o)b-* несут в себе скорее негативные ассоциации, связанные с грязью, грубостью, нежели положительные. Отметим, что лепешка имеет более грубый вид, чем блин. Не случайно лепешку едят отламывая, т.е. применяя при этом заметные физические усилия. Если говорить о сопоставлении с глаголом *шибать*, то оно тоже не случайно. В глаголе наблюдается монофтонгизация дифтонга: рус. *и* < **ei*. В результате глагол со значением физического действия может быть производящим для сущ. *жбень*. Существование в русском языке суффикса *-ень* доказывается большим количеством примеров, в том числе: *ливень*, *плетень*, *дурень*, *баловень*, *оборотень* и мн. др. [Чудаева 2010: 240–246].

КУЛИГА, КУЛИЦА, КУЛИШ

Кулига, кулица, кулиш — разные виды кулинарных блюд: 'сладкий суп, кисель из муки, кулич, круглый пшеничный хлеб, мучная каша, ватрушка и др.'. Представленные лексемы были произведены от глагола *кулить* 'катить, катать' (проводился подробный этимологический анализ слов, изучались этнолингвистический, морфологический, семантический и словообразовательный аспекты, использовались данные диалектологии как основы истории языка; многосторонний анализ позволил доказать родство между перечисленными лексемами и глаголом). «Словарь русских народных говоров» содержит достаточно много названий кулинарных блюд, имеющих в своей основе корневой отрезок *кул-*: *кулéш (кулйш)*, *кулй́*, *кулига (кулáга)*, *кулй́жка*, *кулй́к (кулй́ч)*, *кулй́ка*, *кулй́ца*, *кулй́чка*, *кулй́чки*, *кулй́чók* [СРНГ 60–69]. Несколько слов о морфологической структуре анализируемых лексем в отдельности.

А) *Кулиг/а* — *кул/иг/а* 'саламата; гуща; заваря; сырое сложеное тесто, иногда с калиною; пареное сложеное тесто' [там же]. В «Обратном словаре русского языка» А. А. Зализняка были обнаружены слова со схожей структурой, а именно: *виз/иг/а*, *ковр/иг/а*, *вер/иг/а*. В перечисленных примерах фиксируется исторический суффикс *-иг-*. Пример *верига* 'цепь' (к *верети*, *вьру*) показывает, что данный суффикс может присоединяться к глагольной основе.

Б) *Кулиц/а* — *кул/иц/а* 'пасхальный кулич, ватрушка'. Суффикс *-иц-* является достаточно регулярной словообразовательной единицей, образующей имена существительные женского рода с уменьшительно-ласкательным значением, напр., *вещь* — *вещ/иц/а*. Пример *варить* → *вар/иц/а* 'каша' [Потебня 1989: 413, 421, 608] имеет схожую структуру с *кулить* → *кул/иц/а* [Косоротова 2008: 155–161].

В) *Кулеш (кулиш)* 'рождественское кушанье — свиные ребра, тушеные с мукой; сладкий суп; кисель из муки, иногда с брусникой; гороховый кисель; кулич; толстый сдобный пирог; толченая картошка'; выделяются суффиксы *-еш*, *-иш* [Косоротова 2007а: 236–242].

ЗАТУРАН

Затуран ‘мука, поджаренная на масле или сале; сибирский кирпичный чай в похлебке с молоком, маслом, солью и с поджаренной на масле мукой’ [Даль 1981: 653] — установлено производство от глагола *турить* ‘толкать, бросать, дергать туда-сюда, нагрузить, завалить’ и связь с существительным *тюря* ‘похlebка на воде с крошеным черным хлебом и солью; каша’. Можно было бы предположить, что лексема *затуран* представляет собой отглагольное существительное, которое образовано от глагола *затирать* или *затереть*. Отсюда образование таких кулинарных терминов, как *зати́рка* ‘каша из муки; суп, похлебка из муки; кушанье из кусочков теста, сваренных в кипятке’ и *затиру́(ю)ха* ‘каша из муки, заваренная кипятком’ и многие другие. Однако невозможно вывести гласный у из е, эти гласные не чередуются в русском языке, следовательно, по фонетическим причинам родство данных слов маловероятно. Фонетическое тождество можно отметить в следующих словах: *затуран*, *тюря* и *турить*. В лексеме *затуран* гипотетически можно выделить приставку *за-*, корень *-тур-* и суффикс *-ан*. Суффикс *-ан* достаточно регулярный, образует деноминативы (denominative) и девербативы (deverbative): *ро-та́н*, *уха́н*, *молча́н*, *торговáн*. Основное значение суффикса — формировать названия лиц, но этот суффикс имел и предметное значение, ср. *жбан* и *кукан* [Чудаева 2008: 127–128].

САЛОМАТА, СОЛОМАТА, САЛАМАТА

Саломата, *соломата*, *саламата* ‘завариха, калужка, пресная, вскипяченная болтушка; жидкий киселек; мучная кашаца, пожиже размазни’ — установлено как наиболее вероятное производство от диалектного глагола *мотать*. *Саломата* — сложное слово, состоящее из первого корня: *сол-* > *соль/сал-* > *сало* и второго — *-мот-* (*-мат-*) > *мотать* ‘колебать, качать, шевелить’). Можно предположить, что первая часть *сал-* (*сол-*) восходит к *сало*, и в этом случае справедливо отметить, что сало (или масло) входит как необходимая часть в приготовление этого кушанья; если же она восходит к *соль*, то заметим,

что нельзя представить себе приготовление этого блюда без использования соли. Однако применение соли не специфично для саламаты. Обе версии происхождения этого корня правдоподобны, но вторая (от *сало-*) более убедительна. Вторая часть лексем с ударным гласным вызывает затруднения при анализе фонетики. Однако можно предположить, что вторым корнем является либо *-мат-* < *мот-ать*, либо *-мах-* < *мах-ать* (лексема *саламаха* является синонимом к лексеме *саламата*). Обе глагольные лексемы среди прочих имеют одно общее значение — ‘махать чем-либо, колебать’. Для доказательства чередования *a/o* важна форма *ма́тывать*, также приставочные производные *выматывать*, *изматывать*, *проматывать*, *перематывать*, *сматывать* и др. Поскольку лексема *саламаха* является синонимом к лексеме *саламата*, то второй корень *-мах-* < *махать* ‘сбивать масло домашним способом; резать; бить, колотить; бросать, кидать что-либо; мерно колебаться, качаться; делать взмахи; сбиваться (о масле)’ также важен для анализа [Чудаева 2009: 210–221].

Таким образом, выделение ведущего, наиболее активного типа мотивации при образовании диалектных кулинарных терминов, проведенное на основе наблюдений диалектологов, позволило решить ряд этимологических проблем, связанных с такими терминами. В результате проделанной работы удалось подтвердить, что модель образования отглагольных существительных со значением кулинарных терминов (названий кушаний) от глаголов со значением физического воздействия является постоянно активной в русских народных говорах и должна в первую очередь учитываться при анализе спорных лексем. В основе каждой кулинарной традиции лежат два главных фактора, тесно связанных между собой: набор исходных продуктов и способ их обработки. Все представленные выше примеры соответствуют одному принципу мотивации, одной словообразовательной модели: глагол физического действия → отглагольное существительное.

ЛИТЕРАТУРА

- Даль В. И. 1981 — *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т. I. Москва.
- Данильченко С. М. 1980 — Мотивировочные признаки в диалектных названиях одежды, посуды, кушаний. *Сравнительно-исторические исследования русского языка*. Воронеж.
- Звегинцев В. А. 1973 — *Язык и лингвистическая теория*. Москва.
- Королева Е. Е. 1999 — Названия блюд в старообрядческих говорах Латгалии. *Valoda—1999. Humanitārās fakultātes IX zinātniskie lasījumi. Leksikoloģija, fonētika, gramatika*. Daugavpils. С. 161–164.
- Косоротова А. А. 2005 — Происхождение существительного *шаньга*. *Русская филология*. 16. Сборник научных работ молодых филологов. Тарту. С. 224–231.
- Косоротова А. А. 2006 — Происхождение существительного *кулебяка*. *Acta et commentationes collegii Narovensis*. Нарва. С. 113–117.
- Косоротова А. А. 2007а — Происхождение ряда существительных с кулинарным значением *кулеши* (*кулиши*) и под. *Русская филология*. 18. Сборник научных работ молодых филологов. Тарту. С. 236–242.
- Косоротова А. А. 2007б — Гл. 2. Этимологическая гипотеза о родстве *боркан*, *борка*, *борканина* и др. с *борщ*. *К происхождению русских кулинарных терминов*. [Магистерская диссертация.] Тарту. С. 22–39.
- Косоротова А. А. 2008 — Происхождение лексем *кулига* (*кулага*, *куляга*, *кулога*) и *кулица*. *Acta et commentationes collegii Narovensis VIII*. Нарва. С. 155–161.
- Потебня А. А. 1989 — *О мифическом значении некоторых обрядов и поверий*. Москва.
- СРНГ — *Словарь русских народных говоров*. Вып. 16. Москва, Ленинград. 1980.
- Чудаева А. А. 2008 — Язык и мир человека: старинное кушанье *затуран* и происхождение его названия. *Программа и резюме докладов V международной конференции «Языковая картина мира»*. Шяуляй. С. 127–128.
- Чудаева А. А. 2009 — Исследование старинного русского кулинарного термина *саламата*. *Русская филология*. 20. Сборник научных работ молодых филологов. Тарту. С. 210–221.
- Чудаева А. А. 2010 — Об одном забытом русском кушанье *жбень*. *Русская филология*. 21. Сборник научных работ молодых филологов. Тарту. С. 241–246.

AKTIIVSED DERIVATSIOONITÜÜBID TÄNAPÄEVA MURRETES
(KOKANDUSSÕNAVARA PÕHJAL)

Anna Tšudajeva

Artiklis vaadeldakse kulinaarse terminoloogia põhjal aktiivseid sõnamoodustusviise tänapäeva murretes. Uurimistöö lubab järeldada, et deverbaatiivseid kokandustermineid (erinevate söökide nimetused) moodustatakse aktiivselt füüsilise mõjutamise tähendust omavatest verbidest.

Uurimistöö jaoks oli väga oluline M. Daniltšenkova artikkel „Мотивовочные признаки в диалектных названиях одежды, посуды, кушаний“, mis käsitleb põhjalikult motiveeringu erikujusid mõningate sõnavaragruppide nomineerimise protsessis ning selgitab taoliste gruppide spetsiifikat motiveerimistunnuste valikul. M. Daniltšenkova esitatud andmete põhjal võib järeldada, et uuritud sõnavaragruppides on aktiivsem deverbaalne sõnamoodustusmudel.

Deverbaalse sõnamoodustusmudeli erilist aktiivsust kulinaarsete terminite valdkonnas kinnitavad ka J. Koroljova arvukad uurimistööd murdesõnamoodustusest. Kuid nii S. Daniltšenkova, kui ka J. Koroljova esitatud deverbaalse sõnamoodustuse näited on läbipaistvad ning tõestatud erilise argumentatsioonita. Analüüsidest varjatud sisemise vormiga kulinaarsete terminite etümoloogiat, lähtus käesoleva artikli autor deverbaalse sõnamoodustuse aktiivsuse hüpoteesist, mis leidis kinnitust.

Läbi viidud uurimistöö põhjal järeldati:

Шаньга 'korbi sort' — tõestatakse sõna päritolu dialektismist *шануть* 'tugevalt tõukama, viskama', seotud kirj. verbiga *шатнуть, шатать*.

Борц — sõna kõige tõenäolisema päritoluna fikseeritakse murdekeelend *боркать* 'lökkama, lööma'.

Кулебяка, variant *колюбака* 'piklik pirukas' — tehakse kindlaks sõna päritolu variatiivsest verbist *колебать, кулебать* 'kõigutama'.

Затуран 'õlis või rasvas praetud jahu' — sõna pärineb verbist *турить* 'lökkama, viskama' ning sellel on seos nimisõnaga *тюря* 'kört'.

Саломата 'kört' — sõna kõige tõenäolisema päritoluna fikseeritakse dialektism *мотать* 'liigutama'.

Кулига, кулица, кулиш 'kulinaarsete roogade eriliigid' — sõna pärineb verbist *кулить* 'veeretama'.

Жбень 'paks rukkikakk' — verbist *шибать, шибить* 'peksma, lööma'.

О ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЯХ КРАТКИХ И ПАДЕЖНЫХ ФОРМ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ПОЗИЦИИ ПРЕДИКАТА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

М. А. ШЕЛЯКИН

Вопрос о мотивированности альтернативного предикативного употребления прилагательного в именительном и творительном падеже, а также его краткой формы до сих пор не дает покоя исследователям грамматической системы русского языка.¹ В последнее время появился ряд работ принципиального характера, в которых подвергаются сомнению все предшествующие попытки сформулировать критерии, позволяющие объяснить выбор указанных форм прилагательных в позиции предиката, и предлагаются новые подходы к решению этой проблемы. Так, Г. М. Зельдович утверждает, что если предикативный именительный падеж прилагательного и субъект составляют для говорящего единый концепт, то «значение творительного падежа формируется отрицательным образом, то есть он употребляется там, где говорящего что-то не устраивает в значении согласованной формы» [Зельдович 2005: 38]. По сути дела, такого мнения придерживается и М. Гиро-Вебер, отказывающая предикативному творительно-

¹ Об этом свидетельствует рост публикаций на эту тему в последние годы, например: [Никунласси 1993; Гаспаров 1996, 1997; Руде 2005; Зельдович 2005; Гиро-Вебер 2007].

му падежу в какой-либо отмеченной функции: «...творительный падеж является в настоящее время нейтральной, немаркированной формой существительного в именном предложении в прошедшем времени. В качестве таковой данная форма не требует никакого объяснения. Напротив, употребление гораздо более редкого именительного падежа нуждается в комментариях» [Гиро-Вебер 2007: 22]. В качестве маркированного значения этого падежа она рассматривает значение доминирующего признака субъекта, выделяющегося среди других, потенциально возможных признаков [там же: 26].

Таким образом, приведенные суждения противоречат ранее высказанным мнениям о том, что немаркированным падежом является именительный, а не творительный падеж [Мразек 1964: 234], а также точке зрения на них как выражающих противопоставление постоянного / временного признака [Грамматика русского языка 1954: 465]. Оценка предикативного творительного падежа как семантически маркированного восходит к психологической концепции А. А. Потебни, согласно которой предикативный творительный падеж указывает на существование у говорящего имплицитной ассоциативной связи или «соподчиненности» между предикативным признаком и каким-либо другим признаком, а именительный предикативный представляет признак без отношения к соподчиненности. «“Он был офицер”, конечно, говоря объективно, он был и многим другим, более существенным, напр., человеком; но в “он был офицер” мысль обо всем этом от говорящего далека» [Потебня 1958: 504]. Эту концепцию А. А. Потебни решительно не поддержал Т. П. Ломтев в следующих словах: «Совершенно неприемлемым является утверждение Потебни о том, что творительный предикативный вызван якобы личным субъективным предчувствием соподчиненности данного состояния другим состоянием. Если различие между вторым именительным и творительным предикативным есть грамматический факт, то он должен быть результатом длительного исторического развития, а не результатом личного субъективного предчувствия говорящего» [Ломтев 1956: 93]. Сам Т. П. Ломтев предложил считать функциональную дихотомию предикативных именительного и

творительного падежей выражающей готовую принадлежность субъекта или возникший у субъекта признак [там же].

Такова краткая сводка существующих и существовавших истолкований функционально-семантического различия именительного и творительного падежа прилагательного в позиции предиката. Все они страдают одним общим недостатком — они не объясняют происхождения выделяемых семантических функций предикативных падежей, и в целом в них выражен отказ от признания каких-либо единых функциональных критериев употребления форм прилагательного в позиции предиката.

Еще больше неясностей связано с функциональным определением краткой формы прилагательного в позиции предиката. В ней также не усматривается какого-либо единого принципа функционального употребления, и обычно только перечисляются ее разные значения: абсолютного постоянства признака, категорического утверждения, временного, случайного признака и др. [Грамматика русского языка 1954: 450–456]. В работе Н. А. Казавчинской наряду с оценочным значением выделяется еще артиклевая функция краткой формы, связанная с отражением в современном русском языке старых артиклевых функций членных и нечленных прилагательных [Казавчинская 1989]. При этом утверждается, что приоритетной функцией кратких форм является оценочная, которая может совпадать или не совпадать с их артиклевой функцией. Поскольку имеются в виду две разные функции, то нельзя говорить о едином функциональном критерии, что затрудняет первичный (преимущественный) выбор форм. В работе Б. М. Гаспарова оспариваются все предыдущие попытки сформулировать единые объяснительные критерии альтернативного различия предикатных полных и кратких форм прилагательного и принципиально избегаются поиски таких критериев. Вместо них предлагается установление совокупности реально встречаемых случаев употребления грамматических форм, различие между которыми «лежит не в значении приписываемых субъекту признаков как таковых, но скорее в том, каким образом эти признаки приписываются субъекту» [Гаспаров 1997: 45].

Тем самым анализ действующей грамматической системы переводится в область анализа речевой деятельности говорящего.

В настоящей статье автор пытается по-новому рассмотреть вопрос о функциях названных форм прилагательных в позиции предиката. Обращается внимание на историческое происхождение и развитие значений данных форм, определившее преимущественно функционально-прагматические особенности каждой из трех предикативных форм прилагательного в речи.

I

Историки русского языка установили, что в древнерусском языке в функции предиката употреблялись только именные прилагательные, которые согласовывались с субъектами в роде, числе и падеже, то есть грамматически полностью были согласованы с формами субъекта: *Бѣ мятѣжъ великъ и голодъ по всей странѣ. Бѣ гроза велика и сѣча силна и страшна* [Ломтев 1956: 137]. В дальнейшем в эту позицию проникают членные (местоименные) формы прилагательных в именительном падеже и еще позднее — творительный падеж, который постепенно вытесняет именительный падеж, видимо, под влиянием творительного предикативного существительных. Первые зафиксированные случаи предикативного творительного прилагательного относятся лишь к XVIII веку [Историческая грамматика русского языка 1978: 88] и, вероятно, связаны с украинско-польским влиянием на язык петровского времени [Булаховский 1953: 270]. В результате в современном русском языке употребляются три формы прилагательных в позиции предиката: *он был умный — умен — умным*.

Как представляется, меньше всего затрудняет функциональная квалификация предикативной краткой формы прилагательных в отличие от полной формы в именительном падеже, так как краткая форма выделяется своей предикативной эмфатичностью (о чем см. ниже), а полная форма — атрибутивной объективированностью. Мы объясняем это различие историческими причинами. Дело в том, что, как известно, полные формы прилагательных восходят к кратким в сочетании со склоняемыми указательными местоимениями *и, я, е*, дублирующими своими грамматическими формами граммати-

ческие формы кратких форм и определяемых существительных. Тем самым возникло полное грамматическое согласование членных прилагательных с определяемыми существительными по формам рода, числа и падежа, что привело к выражению полного и слитного сочетания предикативного признака с предицируемым предметом — к атрибутивности признака как уже данного в предмете и к переключению внимания на **существенность, значимость предмета с его слитным предикативным атрибутом в обозначенной ситуации**. Как отмечает Г. М. Зельдович, в этих случаях «согласованная форма сигнализирует, что соответствующий признак и представление, связанное с контролером, слиты для говорящего в единый концепт» [Зельдович 2005: 38]. По сути дела, предикат в форме именительного падежа прилагательного не приписывает признак предмету, а выделяет, обнаруживает, «отщепляет», «отобщает» [Шведова 1952: 86] уже наличный признак у предмета. Как писал Т. П. Ломтев, «предложения со вторым именительным в функции сказуемого выражают мысль говорящего, в которой предикативный признак утверждается в качестве готовой принадлежности субъекта. В этих предложениях высказывается мысль о тождестве субъекта и предиката в определенном отношении: *Ломоносов был великий человек*» [Ломтев 1956: 93]. Такой предикативный атрибут составляет часть ремы, но не подчеркивает ее, как творительный падеж (о чем см. ниже), и придает предложению описательно-определятельный (дескриптивный) характер, не включая его в развитие сюжетной линии повествования (примеры см. ниже). Поэтому полные формы характеризуются нейтральной коммуникативной констатацией в речи — объективированностью. Ср. возможность взаимной трансформации предикативной полной формы в именительном падеже и словосочетания с атрибутивной полной формой:

Вчера ночь была теплая. — Вчера была теплая ночь.

Он больной. — Он больной человек.

Платок был мокрый. — Это был мокрый платок.

У него рука легкая. — У него легкая рука.

Как справедливо отмечает Б. М. Гаспаров, «попадая в предикативную позицию, полная форма сохраняет отпечаток атрибутивности» [Гаспаров 1997: 47]. Ср.:

Ветер не мог тут свирепствовать: дорога была гладкая, лошадь ободрилась (А. Пушкин). Анисья ненарядная сидит за столом, ткет (Л. Толстой). Брат вернулся с фронта больной. Всю ты жизнь прожила нелюбимая (Н. Некрасов).

В связи с потенциальной атрибутивностью предикативных полных прилагательных их временные формы, по наблюдению Т. П. Ломтева, указывают на существование субъекта с данным атрибутом в обозначенных временных рамках: «она хорошая (добрая) стало обозначать наличие субъекта с данным свойством в настоящем времени; она была хорошая (добрая) стало обозначать наличие того же субъекта с тем же свойством в прошедшем времени и т. п.; выражение “она была хорошая” не предполагает ни того, какова она теперь, ни того, существует ли она вообще теперь» [Ломтев 1956: 135]. Свидетельством того, что предикативная полная форма служит для создания атрибутивного словосочетания, является ее употребление в одном и том же предложении в функции определительного атрибута и предикативного атрибута:

У меня много хороших людей, почти все хорошие (Симонов). Но что же это у вас за неповоротливое заведение! — оттопыривая губы, прогудел Пастухов. — Не заведение, но — суд... И уж не столь неповоротливый (Федин).¹

В следующих примерах отражена точка зрения говорящего на предмет и его признак как на воспринимаемую объективную данность, то есть признак не выделяется, представлен «в своей норме» и не имеет субъективной интерпретации. Такую функцию полной формы в позиции предиката можно назвать **объективирующей или нейтрально-констатирующей**. Ср.:

Моя горничная сегодня какая-то бестолковая (И. Тургенев). У нее сердце доброе, но голова бедовая. Дома в городе были но-

¹ Здесь и в дальнейшем приводятся примеры из [Грамматика русского языка 1954].

вые. Первый лед на озере тонкий, обманчивый, ненадежный. Природа тогда была красивая и разнообразная. День будет теплый и тихий, но пасмурный. ... Цветухин ... аккуратно попрессовал платком височки, лоб, подбородок и посмотрел на платок. Платок был мокрый (К. Федин). Вы от природы человек холодный... с душой, неспособной к волнениям (И. Гончаров). Ты, Маша, глупая. Самая глупая в нашей семье — это ты, извини, пожалуйста (А. Чехов).

При этом полная форма может выражать как постоянный, так и временный признак предидицируемого предмета.

Выражение постоянного признака:

а) в настоящем времени:

Она хорошая, добрая, славная, я ее очень люблю (А. Чехов). Изумительный наш народ! (И. Эренбург). Это я только к тебе добрый. — Но тотчас добавил, простодушно и задумчиво: — А, пожалуй, верно, я ко всем добрый (М. Горький). — Кто командир полка? — Совсем новый, майор Попов. — Ну как? — Ничего, пожалуй, даже хорошо. Лучше Бабченко. — Тоже храбрый? — Тоже храбрый. Да к тому же и спокойный. И не угрюмый, — веселый, под стать генералу (К. Симонов). Лицо у него было смуглое, тонкое, волосы курчавые и черные, как у цыгана... (М. Горький). Сторона мне знакомая... слава богу, исхожена и изъезжена вдоль и поперек (А. Пушкин).

б) в прошедшем времени:

Я тогда была какая-то странная, воображала себя великой пианисткой (А. Чехов). Он был слепой, совершенно слепой от природы (М. Лермонтов). И звуки эти всегда бывали тонкие, нежные, почти женские, задушевные (Л. Толстой). Вода там была прозрачная, как стекло (В. Некрасов);

в) в будущем времени:

Лето будет солнечное и счастливое (М. Горький). Квартирка будет чистенькая, уютная, и будем мы жить с тобой вдвоем (А. Фадеев). Да, вот хорошо будет, когда бедных не будет, никто никого принуждать не будет, все будут веселые, добрые, счастливые (Н. Чернышевский).

Выражение временного признака:

а) в настоящем времени:

Лекция сегодня интересная. — Почему вы не едите? Вам не нравится пицца? — Благодарю вас, — отвечал сквозь зубы семнадцатый, — пицца хорошая (В. Панова). Ну, да ведь и он холодный, как лед (И. Тургенев). Ты сегодня невеселая, Маша (А. Чехов).

б) в прошедшем времени:

Было сыро, грязно, неудобно, и вид у плеса был холодный, злой (А. Чехов). Утро было тихое, теплое, серое (И. Тургенев). Разговор был холодный, несвязный и прерывался каждую минуту (Л. Толстой). Повод для прогулки был слишком очевидный даже Меркурию Авдеевичу (К. Федин).

Нейтрально-констатирующая функция полных форм прилагательного особо обнаруживается при их употреблении в качестве обособленных полупредикативных определений:

Довольный праздничным обедом, Сосед сопит перед соседом... (А. Пушкин). Вся душа его, добрая и теплая, казалось, была проникнута насквозь, пресыщена одним чувством (И. Тургенев). Она, бледная, неподвижная, как статуя, стоит и ловит взглядом каждый его шаг (А. Чехов). Каштанка потянулась и, сердитая, угрюмая, прошла по комнате (А. Чехов).

II

При употреблении кратких форм с существительными их синтаксическая связь друг с другом оказалась ослабленной, неполной, так как она дополнительно не дублировалась именительным падежом указательных местоимений, что привело к выражению признаков относительно самостоятельных в своем проявлении и в связи с этим к развитию в них значения состояния (ср. *здоров, жив, пьян, мертв, пуст* и др.). Краткие формы прилагательных, в отличие от полных, «обнажают», выделяют признак, не превращая его в атрибут предмета, а интерпретируя его прагматически. Поэтому они всегда так или иначе сопровождаются субъективными коннотациями, создавая выражение **существенности предикативного признака субъекта в данной ситуации**. Такую функцию кратких форм

можно назвать **эмфатической (прагматической, оценочной)**, имея в виду ее выделительный, подчеркивающий характер. В другом определении она уже была отмечена в Грамматике русского языка—1954: «Краткое имя прилагательное в роли сказуемого употребляется в тех случаях, когда признак открывается в предмете как его характерное свойство, причем это свойство указывается как основное, главенствующее, а все предложение имеет характер категорического утверждения. Эти конструкции характерны главным образом для книжных стилей, но встречаются и в разговорной речи» [Грамматика русского языка 1954: 451]. Вот примеры из грамматики:

Воздух чист и свеж, как поцелуй ребенка; солнце ярко, небо синее — чего бы, казалось, больше? Зачем тут страсти, желания, сожаления? (М. Лермонтов). *Вы счастливы... Это великое слово. Впрочем, это понятно: вы молоды* (И. Тургенев). — *Что же вы думаете о ней, в конце концов?* — *Я думаю, она слишком добра... — Слабовольна?* — *Нет, добра. Добра к тому, кто к ней ближе в данную минуту. Добра вообще, беспредметно. — Беспредметно? . . . Это хуже, чем слабовольна. Это значит безразлична. Но, по-моему, ты ошибаешься. Может быть, мягка?* — *Может быть, мягка,* — сказала Вера Никандровна, задумываясь вместе с сыном (К. Федин). *Мы разговариваем редко. Он неразговорчив* (В. Некрасов). *Военфельдшер добросовестна, не больше* (В. Панова).

В работе Н. А. Казавчинской данная функция краткой формы толкуется как интенсифицирующая признак. Думается, что такое функциональное определение является несколько преувеличенным: сама по себе краткая форма не содержит градационную сему и тем более не всегда предполагает словесную количественную характеристику (см. примеры выше), тем более усилительную, ср.: *Ей казалось, что она уже недостаточна молода для меня, недостаточно трудолюбива и энергична, чтобы начать новую жизнь* (А. Чехов) и усилительную характеристику признака полной формы: *Какой ты хороший, дядя, какой умный!* (А. Чехов). Думается, что более адекватным является термин **эмфатический** или **экспрессивно-**

эмфатический, выражающий несемантизированное выделение, подчеркнутость признака.

Обычно под эмфазой понимаются акцентно-интонационные средства выделения смысловых компонентов высказывания. Но эмфаза может выражаться лексическими (например, особыми частицами), синтаксическими средствами (например, инверсией слов, особыми конструкциями) и в данном случае — морфолого-грамматическими средствами.

Таким образом, функциональная разница между краткой и полной формой прилагательного в позиции предиката прежде всего заключается в характере речевого модуса выражения признака субъекта. Краткая форма вносит **всегда модус эмфатического выражения предикативного признака**, полная форма — **модус объективированного (нейтрального) выражения предикативного признака**:

Он хитер. / Он хитрый. Она добра. / Она добрая. Выводы из исследования ясны и убедительны. / Выводы из исследования ясные и убедительные.

Ср. толкование А. М. Пешковским примера из пьесы А. П. Чехова «Три сестры»: «Ты, Маша, злая», «Ты, Маша, глупая». «Сказать *ты зла, ты глупа* есть уже оскорбление, и тем тоном, каким говорятся вышеприведенные реплики у Чехова, это сказать нельзя, в частности, в данном контексте это было бы абсолютно невозможно. Здесь мы видим в краткой форме большую категоричность... *Ты зла* — это голое констатирование факта, к которому не идет дружеский тон...» [Пешковский 1956: 226]. Как указывает Л. Е. Лопатина, подобный характер употребления краткой формы был свойствен древнерусскому языку: при выражении непостоянного или постоянного характера признака «он логически выделен, принципиально важен, является центром, ядром высказывания» [Лопатина 1968: 21]. Е. С. Истрина даже считает, что в древнерусском языке подобную функцию имели краткие формы прилагательных и в позиции атрибутивного определения: «В случаях, где определение выражено именной формой, обозначаемый им признак имеет существенное значение в общем смыс-

ле предложения, с чем связывается и энергичность его проявления; между тем в случаях, где определение выражено местоименной формой, соответствующий признак не играет значительной роли в предложении, и проявление его не отличается энергичностью» [Истрина 1918: 45]. То, что Е. С. Истрина называет «энергичностью проявления признака», скорее относится к характеру его утверждения, а не к степени его проявления. Иначе говоря, «в случае с краткой формой в фокусе внимания оказывается признак, приписываемый предмету, тогда как в случае с полной формой внимание сосредоточено на самом предмете, несущем этот признак» [Гаспаров 1997: 49]. В связи с этой функциональной особенностью предикативной краткой формы прилагательного временные формы данной части речи обозначают, в отличие от полных форм, не факт существования субъекта с его предикатом в указанных временных рамках, а факт принадлежности субъекту его предиката в указанных временных рамках: «*Она была добра* обозначает факт принадлежности субъекту его предиката в прошлом, а не в настоящем времени» [Ломтев 1956: 135].

Диапазон эмфатического утверждения предиката краткой формой прилагательного разнообразный и широкий, нередко трудно уловимый и не поддающийся точному определению. Эта эмфатическая функция выступает как:

- 1) категорическое, принципиальное или несомненное утверждение научных определений, житейских обобщений, философских суждений и сентенций:

Истина всегда конкретна. Человек смертен. Жизнь прекрасна. Раненый зверь опасен. Земля велика и прекрасна, есть на ней много чудесных мест (А. Чехов). *В зимний холод всякий молод. Настоящая мудрость немногословна. Любви все возрасты покорны; Но юным девственным сердцам Ее порывы благотворны* (А. Пушкин). *Загадочны и потому прекрасны темные чащи лесов, глубины морей, загадочен крик птицы и треск лопнувшей от теплоты древесной почки* (К. Паустовский). *Кому случалось из Волховского уезда перебираться в Жиздринский, того, вероятно, поражала резкая разница между породой людей в Орловской губернии и калужской породой. Орловский мужик невелик ростом,*

сутуловат, угрюм, глядит исподлобья...; калужский оброчный мужик обитает в просторных сосновых избах, высок ростом, глядит смело и весело, лицом чист и бел... (И. Тургенев). Хороши также летние туманные дни, хотя охотники их и не любят (И. Тургенев);

- 2) подчеркнутое утверждение постоянных характерных признаков, свойственных конкретным субъектам предложения:

Но я не создан для блаженства, Ему чужда душа моя (А. Пушкин). *Я по своей натуре более склонен к оптимизму* (М. Булгаков). *Дика, печальна, молчалива, Как лань лесная боязлива, Она в семье своей родной Казалась девочкой чужой* (А. Пушкин). *В любви, как в злобе, верь, Тамара, Я неизменен и велик* (М. Лермонтов). *Чувствовалось, что он хорошо сложен и крепок и красив старинной русской красотой* (А. Фадеев). Ср. в прошедшем времени: *В ущелье том бежал поток. Он шумен был, но неглубок* (М. Лермонтов). *Как все глухонемые, он был догадлив* (И. Тургенев). *Покорский был на вид тих и мягок, даже слаб* (И. Тургенев). *Смирнова была молода, горяча, все ее нехитрые переживания отражались в ее хмурых серых глазах* (В. Панова). *Ее узкое лицо... казалось печальным. Открытая шея тонка и нежна* (А. Толстой);

- 3) подчеркнутое утверждение временных признаков у конкретных предметах в момент их наблюдения или восприятия:

В дверях другой диктатор бальный Стоял картинкою журнальной, Румян, как вербный херувим, Затянут, нем и недвижим (А. Пушкин). *Я позвонил по телефону. Со мной были вежливы, но холодны. Он был очень мил, чрезвычайно нежен с Наташей и даже развеселился с моим приходом* (Ф. Достоевский). *Тиха украинская ночь, Прозрачно небо* (А. Пушкин). *Сегодня вы так же свежи и милы, как это утро* (И. Тургенев). *Как зима, так я голоден, болен, встревожен, беден, как нищий...* (А. Чехов). *Весь этот день и следующий день друзья и товарищи Ростова замечали, что он не скучен, не сердит, но молчалив, задумчив и сосредоточен* (Л. Толстой). *И не верилось, что за тонкими стеклами окон воздух холоден, свеж, сыр* (Л. Андреев);

- 4) подчеркнутое утверждение несоответствия признака данному субъекту предложения, сопровождаемое оттенком сожаления, ср.:

потолок низкий (безотносительный признак) — *потолок низок* (для высокой мебели); *ноша тяжелая* (безотносительно к тому, кто будет ее нести) — *ноша тяжела* (для слабого человека, для ребенка);

ботинки малы, перчатки велики, коридор узок, пальто коротко (в значении «меньше, больше, уже и т. п., чем нужно» употребляется только краткая форма);

Наша река слишком мелководна для судоходства. Я уже стар, чтобы путешествовать.

В ряде работ считается, что в этих случаях краткая форма имеет значение количественного усиления признака («больше, чем надо»), с чем вряд ли можно согласиться, так как это значение выражается всей конструкцией, а не краткой формой, которая употребляется в ней в эмфатической функции: *эта рубашка широка для тебя* подчеркивает параметрический признак как несоответствующий только для данной ситуации (возможна конструкция с полной формой прилагательного: *эта рубашка широкая для тебя*), ср. отсутствие несоответствия признака в песне *Широка страна моя родная...*;

- 5) подчеркнутое утверждение при выражении эмоционально-оценочной характеристики проявления признака:

Здесь он в зеркало глядится, Говоря: «Я сед и стар. Жизнью дайте ж насладиться; Жизнь, увы, не вечный дар!» (А. Пушкин). *Но как тихо, как невыразимо тихо все кругом!* (И. Тургенев). *А счастье было так возможно, Так близко!* (А. Пушкин). *В голове моей родилось подозрение, что этот слепой не так слеп, как мне кажется* (М. Лермонтов). *Погода очень хороша нынче* (А. Островский).

В связи с возможной эмоционально-экспрессивной окрашенностью предикативных кратких форм они часто используются поэтами и писателями для придания контекстам разнообразных стилистических нюансов — эмоциональной приподнято-

сти, напряженности, убежденности, контрастности и др. Ср. начало поэмы А. С. Пушкина «Полтава»:

Богат и славен Кочубей. Его луга необозримы; Там табуны его коней Пасутся вольны, нехранимы. ... Но Кочубей богат и горд Не долгогривыми конями, ... И то сказать: в Полтаве нет Красавицы, Мариш равной. Она свежа, как вешний цвет, Взлелеянный в тени дубравной. Как тополь киевских высот, Она стройна. ... Как пена, грудь ее бела...

Ср. также стихотворение в прозе «Н. Н.» И. С. Тургенева:

Стройно и тихо проходишь ты по жизненному пути, без слез и без улыбки, едва оживленная равнодушным вниманием. Ты добра и умна... и все тебе чуждо — и никто тебе не нужен. Ты прекрасна — и никто не скажет: дорожишь ли ты своей красотой или нет? Ты безучастна сама — и не требуешь участия... Твой взор глубок — и не задумчив; пусто в этой светлой глубине...

Ср. выражение подчеркнутой контрастности:

Ты богат, я очень беден; Ты прозаик, я поэт; Ты румян как маков цвет, Я, как смерть, и тощ и бледен (А. Пушкин. «Ты и я»).

Эмфатическая функция кратких форм прилагательных особо проявляется в стихотворной речи, когда они только в ней выступают как обособленные определения, создавая ее эмоциональную приподнятость:

Касаясь трех великих океанов, Она (Родина. — М. Ш.) лежит, раскинув города, Вся в черных обручах меридианов, Непобедима, широка, горда (К. Симонов). Терек воеет, дик и злобен, меж утесистых громад... (М. Лермонтов). Перегражденная Нева Обратно шла, гневна, бурлива, И затопляла острова (А. Пушкин).

По наблюдениям Л. А. Булаховского, для первых десятилетий XIX в. были характерны старые конструкции с краткими прилагательными в функции определений в составе сложных предикатов типа *Я вышел из его дома очень весел. Гробовщик пришел домой пьян и сердит* [Булаховский 1954: 323–325]. Позднее они были заменены полными прилагательными в именительном или творительном падеже: *Я вышел из его дома очень веселый / веселым. Гробовщик пришел домой пьяный / пьяным и сердитый / сердитым*. Это можно объяснить тем,

что в таких сложных предикатах вторая часть в форме именительного падежа продолжает, как и прежде, выражать атрибутивную характеристику наличного субъекта, существенность субъекта с данным признаком в обозначенной ситуации, а в форме творительного падежа — существенность признака субъекта в обозначенной ситуации (о чем см. ниже): *Я был очень веселый / веселым, когда вышел из дома.* Тем самым в сложном предикате избегается функциональная многозначность его именной части.

III

В современном русском языке в позиции предиката употребляются две падежные формы полных прилагательных — именительный и творительный: *Скамейка была теплая от солнца* (К. Паустовский). *Был я молодым, горячим, искренним, неглупым...* (А. Чехов). В ряде случаев (но не во всех) они допускают синонимическую взаимозамену в одном и том же предложении: ср. *Скамейка была теплой от солнца. Был я молодой, горячий, искренний, неглупый...* Ср. еще: *Он пришел домой пьяный / пьяным.* При этом творительный предикативный считается активной и развивающейся категорией. Однако функциональную разницу их употребления пока установить не удалось. А. Н. Гвоздев специально подчеркнул, что разграничение полных прилагательных в именительном и творительном падежах «по значению и по употреблению затруднительно», и считал, что, по-видимому, оно идет по двум линиям: именительный падеж более типичен для разговорной речи и выражает большее постоянство признака, а творительный падеж чаще встречается в книжной речи. Так, скажем: *День был теплый, Хозяйство было образцовое, Он был худой, но В прошлом году он был худым, Сообщение было непродолжительным, Сентябрь был дождливым, неприветливым* [Гвоздев 1952: 219]. Подобного мнения придерживается и Русская грамматика ЧАН: «Семантические условия, вызывающие в русском языке выбор то Nп, то Ni, с трудом поддаются установлению. Выбор отчасти регулируется причинами стилисти-

ческого характера: *Ni* вносит в предложение налет “литературности”» [Русская грамматика 1979, II: 722, 724].

Несмотря на заявленные трудности в определении разницы между предикативным именительным и творительным падежом прилагательного, все же стало общепризнанным видеть ее в выражении постоянных и ограниченных временных рамок проявления признака не без влияния аналогичного семантического различия именительного и творительного падежей существительных. Почти во всех учебных и научных описаниях русского синтаксиса указывается, что именительный падеж прилагательного, как и именительный падеж существительного, выражает постоянный предикативный признак, а творительный падеж, как и творительный падеж существительного, — временный. На различие обратил внимание еще Ф. И. Буслаев, сравнивая предложения *Ломоносов был великий человек* и *Ломоносов был рыбаком*, то есть некоторое время [Буслаев 1869: 264]. Грамматика русского языка—1954 утверждает, что «основное значение творительного предикативного имени прилагательного — обозначение признака, открываемого в предмете и проявляющегося в какой-то определенный момент. Поэтому творительный предикативный имени прилагательного всегда выступает в сочетании с глаголами, имеющими общее значение эпизодического пребывания в состоянии, обнаружения, проявления, перехода из одного состояния в другое. Без глагола творительный падеж прилагательного в составе сказуемого не употребляется» [Грамматика русского языка 1954: 465]. По наблюдениям этой же Грамматики [там же: 462, 463], в данной функции может употребляться и именительный падеж прилагательного как явление развивающееся:

И звуки эти всегда бывали тонкие, нежные, почти женские, задушевные (Л. Толстой). Ты что, Пешков, скучный стал, нездоровится, что ли? (М. Горький).

Подобным же образом творительный прилагательного может выражать и постоянный признак, что «свидетельствует о разности этой синтаксической категории» [там же: 466]:

Улыбка, с которой он обращался к своим знакомым, была просительной, но в то же время насмешливой (К. Федин).

В Русской грамматике—80 отмечаются предложения, в которых возможна мена предикативных именительного и творительного падежей прилагательного, и указывается, что «форма тв. п. в современном языке, особенно в письменной речи, более обычна и стилистически нейтральна» [Русская грамматика 1980: 284], но уже ничего не говорится о функциональном различии между падежами. Таким образом, указанное семантическое различие двух падежей прилагательных в позиции предиката следует признать либо только тенденцией, либо ошибочной трактовкой, требующей иного функционального подхода в его установлении, либо вообще не имеющим места. В последнем случае остается только стилистическое различие между падежами: именительный свойственен разговорной речи, творительный — письменной или стилистически нейтральной.

Если принять первый вывод, то остается непонятным природа ограниченно-временного значения признака у предикативного творительного падежа: как оно появилось в творительном падеже? Если вообще отрицать функциональное различие между падежами, то трудно объяснить употребление только творительного падежа в таких его сочетаниях с полузнаменательными и знаменательными связочными глаголами, как *стать / становиться веселым, притвориться пьяным, вообразить себя талантливым* и др., или придется игнорировать очевидную функциональную разницу в случаях *приехал здоровый / здоровым*. Если усматривать лишь стилистическое размежевание именительного и творительного падежей в позиции предиката, то оно возможно только при одинаковых функциях падежных форм, но не при разных, когда падеж выбирается прежде всего с учетом его какой-то функции в предложении.

На наш взгляд, употребление именительного и творительного падежей в позиции предиката все же имеет основное функциональное основание, но не то, которое обычно приписывается ему в ряде описаний русского синтаксиса. Это основание не является функционально-семантическим. Финский

лингвист А. Никунласси в своей содержательной монографии убедительно показал, что обычно признаваемые функционально-семантические причины мотивированного употребления предикативного именительного и творительного падежа прилагательного не подтверждаются языковыми фактами и поэтому не могут быть приняты [Никунласси 1993: 144–145]. Вместе с тем он отмечает, что, «несмотря на определенную степень случайности, в употреблении ИП и ТП проявляется статистически наблюдаемая тенденция к повышению доли ТП там, где Ad ad/ptc (Ad ad — прилагательное, Ad ptc — причастие) адъектив является центром ремы или одно составляет рему, находясь в различных отношениях противопоставления с другими признаками или состояниями. Одним из объяснений такого положения дел могло бы служить то, что в современном русском языке ТП уже почти полностью закрепился в позиции при полузнаменательных глаголах типа *стать* и *казаться*, при которых предикативное имя является, как правило, рематическим и находится в отношениях противопоставления с прежними, потенциальными, реальными и т. п. признаками или состояниями субъекта. Возможно, что по аналогии с этими случаями носители языка склонны употреблять ТП и в позиции при полнознаменательных глаголах, если Ad ad/ptc является рематическим и участвует в выражении того или иного противопоставления. В пользу такой трактовки говорит то, что с уменьшением коммуникативной значимости Ad ad/ptc уменьшается и вероятность употребления ТП. В крайнем случае — при текстуально факультативных Ad /ptc — вероятность употребления ТП приближается к нулю» [там же: 146]. Таким образом, здесь обращается внимание на функционально-прагматические основания употребления творительного падежа предикативного прилагательного, что напоминает такие же прагматические основания в употреблении предикативных полных и кратких форм прилагательного.

Обратим внимание на то, что предикативный творительный падеж употребляется в сочетаниях со связочным глаголом *быть* во всех глагольных формах, кроме формы настоящего времени, и полузнаменательными и знаменательными глаго-

лами во всех глагольных формах: *он был, будет, будь, был бы, быть, стать, являться, казаться, называться, воображать, остаться, притвориться, делаться, приехать* и др. *богатым*. Он употребляется в современном языке либо как 1) управляемый при полужнаменательных и знаменательных глаголах, не допускающий в современном языке синонимичного именительного падежа; либо 2) как синтаксически аппозитивный при связке *быть* и некоторых полужнаменательных и знаменательных глаголах, допуская синонимию с именительным падежом: ср. 1) *притвориться, родиться, стать, являться* только каким-либо, но 2) *был пьяным / пьяный, буду счастливым / счастливый, будь здоровым / здоровый, вернулся больным / больной* и под.

Обязательный предикативный творительный падеж прилагательного связан прежде всего со значениями превращения и образа (термины А. А. Потевни), возникшими из значения уподобления [Потевня: 485–486], — *притвориться, прикидываться, стать, становиться, сделать (ся), представиться больным, воображать себя молодым и красивым* (ментальное превращение):

Характер у него также изменился: стал тяжелым, раздражительным (А. Чехов), ср. также *избрать его депутатом* (каузировать стать депутатом). (*Софья*) *Потом опять прикинулся влюбленным, Взыскательным и огорченным* (А. Грибоедов). *Хозяин был чрезвычайно в духе, и скоро веселость его сделалась общею* (А. Пушкин). *Она сказалась больною* (И. Гончаров).

Видимо, предикативный творительный падеж при глаголе *называться / назваться* также был связан со значением превращения, ср.: *Назвался груздем? Полежай в кузов!*

Из значений превращения и образа развились другие значения, также управляющие творительным падежом:

а) ментально представляемого появления признака, одновременного с действием глагольной части предиката и существованием субъекта:

То, что прежде представлялось страшным, показалось простым и естественным (Л. Толстой). *Рудин казался полным огня, смело-*

сти, жизни (И. Тургенев). Он считается, слывет умным, ее находят красивой, мнят себя свободными, доклад признается удачным;

б) фактического появления, обнаружения признака, одновременного с действием глагольной части предиката и существованием субъекта:

Во сне его круглое лицо выглядело совсем юным (Э. Казакевич). Она чувствовала себя счастливой. Говорят, что он родился таким страшным и никто из детей сызмала не хотел играть с ним (Н. Гоголь). Он обещал быть спокойным. Она осталась довольной. Пирог получился вкусным. Книга оказалась неинтересной. Эта новость является для меня странной;

в) совпадения во времени возрастного периода жизни или социального положения субъекта и его действия:

уехал в деревню еще молодым, расстались уже пожилыми¹.

Объединяет все предикативные глаголы с творительным падежом прилагательного значение «ставшего, появляющегося, возникшего у субъекта признака, одновременного с его действием (состоянием) и представляющего субъект в каком-либо виде». Поэтому творительный предикативный падеж употребляется с глаголом-связкой *быть*, выражающим бытийное наличие (состояние) во времени. По словам Т. П. Ломтева, «предложения с творительным предикативным выражают мысль говорящего, в которой предикативный признак утверждается в качестве возникшего свойства субъекта. В этих предложениях высказывается мысль... о том, что предикат является результатом проявления свойств субъекта в течение и времени его существования и развития» [Ломтев 1956: 93]. В этом творительный падеж отличается от предикативного именительного падежа, который обозначает признак безотносительно к одновременному действию (состоянию) субъекта как уже данная его принадлежность, без становления и возникновения. Однако это семантическое отличие двух предикативных падежей прилагательных

¹ О первичном и вторичных значениях беспредложного творительного падежа см. [Шелякин 1987: 108–115]

тельного не всегда может быть принятым. Например, предложение *Он всегда был молчаливым / русским* не допускает прочтения в значении возникшего у предмета ранее отсутствующего признака. Поэтому можно считать, что указанная семантическая мотивированность употребления предикативных падежей исторически уже стерлась, но определила их различие в функционально-прагматических функциях, так как творительный со значением возникновения признака указывал на его новизну, что трансформировалось в прагматическую функцию фокусированной актуализации предикативной ремы. Употребление предикативного творительного прилагательного привело к ослаблению, неполноте его синтаксической связи с субъектом, как у предикативных кратких форм прилагательного, и тем самым к «обнажению» выражаемого им нового признака, что определило его функцию фокусированной актуализации ремы. Поэтому предикативный творительный падеж прилагательного можно назвать актуализовано-рематическим. Он снимает слитность предмета с признаком и приписывает, придает предмету прагматически осмысленный признак. В этом он отличается от предикативного именительного, который передает рематическую информацию без ее фокусировки, так как указывает на уже данный, а не предикативно приписываемый предмету признак. Приведем примеры на синонимию предикативных падежей, подтверждающие их отмеченное функционально-прагматическое различие.

А. При связке *быть*:

Был я молодым, горячим, искренним, неглупым (А. Чехов), возможно: *был молодой, горячий, искренний, неглупый. Я помню, в ваши годы я был неприветливым, хмурым* (К. Федин), ср. *был неприветливый, хмурый. Схватка была короткой и страшной* (Л. Соболев), ср. *короткая и страшная. Через двести, триста лет жизнь на земле будет невообразимо прекрасной, изумительной* (А. Чехов), ср. *будет невообразимо прекрасная, изумительная. Высмотрела меня мать его, видит: работница я, нищего человека дочь, значит, смирной буду* (М. Горький), ср. *смирная буду. Разве я была бы теперь такой одинокой* (К. Федин), ср. *была бы такая одинокая. Будь всегда приветливым / приветливый!*

Ты должен быть добрым / добрый. Они хотели быть счастливыми / счастливые.

Б. При многих знаменательных глаголах со значением движения, обнаружения, появления и пребывания в состоянии:

Аня ... боялась и не могла есть, и обыкновенно вставала из-за стола голодной (А. Чехов), ср. вставала голодная. Все сделали как будто ничего не заметили, когда он к чаю пришел молчаливым и мрачным, с заплаканными глазами (Л. Толстой), ср. пришел молчаливый и мрачный. Он первый перед ними явился мрачным (А. Пушкин), ср. мрачный. Василий приехал домой веселым и молодым (Г. Николаева), ср. приехал веселый и молодой. Молодец, расти большим, сильным! (А. Кожевников), ср. расти большой, сильный! Пирог получился вкусным / вкусный. Новорожденный появился на свет здоровым (К. Федин), ср. появился здоровый, мальчик родился здоровым / здоровый. Он спал одетым / одетый.

Обратим внимание на употребление творительного предикативного при рематической фокусировке: 1) сюрпризной информации: *Она поехала в санаторий лечиться, а вернулась больной*; 2) причинно-следственных связей: *Все было хорошо, полезно ему, и поэтому он пришел обратно довольным*; 3) меняющихся признаков лица: *Он был и умным, и капризным, и ласковым*; 4) отрицаемого предиката: *Он не был способным. Книга не была интересной*; 5) модально направленного признака: *Ты должен / можешь / хочешь / намерен быть спокойным, будь всегда правдивым*; 6) противопоставления (контрастности) признаков: *Мой муж обычно приходит домой навеселе. Но в этот раз он пришел трезвым*; 7) обстоятельственно-обусловленного признака: *Во время войны я был офицером*; 8) значимости признака: *Он был спокойным. Книга была интересной*; 9) сюжетного развития: *За дверью послышались его шаги. Она испугалась и торопливо села в кресло. Он вошел сердитым и стал упрекать ее.*

В итоге основное функциональное различие предикативных падежей и краткой формы прилагательного можно представить следующим образом (по степени подчеркнутости выражаемых признаков): отсутствие подчеркнутости (ИП) — наличие актуализовано-рематической подчеркнутости (ТП) —

экспрессивная подчеркнутость (КФ): *Он был умный – умным – умен.* Данное функционально-стилистическое различие предикативных форм прилагательного подтверждается ответами всех опрошенных информантов при предъявлении им синонимичного употребления этих форм в позиции предиката.

Отмеченное функционально-стилистическое различие между предикативным формами прилагательного отражается на разных сферах их употребления: оба падежа встречаются в разговорной и письменной речи. Их выбор в речи всецело определяется установкой говорящего на указанную прагматическую окрашенность данных форм: полная форма прилагательного в именительном падеже сосредоточивает внимание на предмете с уже данным атрибутом, в творительном падеже — на актуализовано-ремагическом выделении признака, краткая форма — на экспрессивно-эмфатическом выделении признака, то есть творительный падеж и краткая форма прилагательного переключают коммуникативное внимание с предмета на его признак. Таково, например, употребление предикативных форм прилагательных в речи Иванова в пьесе А. П. Чехова «Иванов»:

Слушай, бедняга...Объяснять тебе, кто я — честен или подл, здоров или психопат, я не стану. Тебе не втолкуешь. Был я молодым, горячим, искренним, неглупым... В тридцать лет уже похмелье, я стар, я уже надел халат. С тяжелой головой, с ленивой душой, утомленный, надорванный, надломленный, без веры... (действие четвертое, картина 10).

См. характеристику Астрова Еленой Андреевной в пьесе А. П. Чехова «Дядя Ваня»:

Он пьет, бывает грубоват, — но что за беда? Талантливый человек в России не может быть чистеньким. Сама подумай, что за жизнь у этого доктора! Непролазная грязь на дорогах, морозы, метели, расстояния громадные, народ грубый, дикий... при такой обстановке тому, кто работает и борется изо дня в день, трудно сохранить себя к сорока годам чистеньким и трезвым... (действие второе).

См. также описание Треплевым Тригорина в пьесе А. П. Чехова «Чайка»:

Человек умный, простой, немножко, знаешь, меланхоличный. Очень порядочный. Сорок лет будет ему еще не скоро, но он уже знаменит и сыт, сыт по горло... (действие первое).

В заключение отметим, что 1) русский язык в своих предикативных вариантах прилагательного прагматически дифференцирует их для выражения излагаемых событий с точки зрения говорящего; 2) функциональные особенности таких вариантов опираются на этимологическую память и историческое развитие их значений.

ЛИТЕРАТУРА

- Булаховский Л. А. 1953 — *Курс русского литературного языка*. Т. 2. Москва.
- Булаховский Л. А. 1954 — *Русский литературный язык первой половины XIX века*. Москва.
- Буслаев Ф. И. 1869 — *Историческая грамматика. Синтаксис*. Москва.
- Гаспаров Б. М. 1996 — *Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования*. Москва.
- Гаспаров Б. М. 1997 — Употребление кратких и полных форм прилагательного. *Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. I*. Тартуский университет. С. 38–70.
- Гвоздев А. Н. 1952 — *Очерки по стилистике русского языка*. Москва.
- Гиро-Вебер М. 2007 — Существительное в функции именного сказуемого в современном русском языке: возможно ли еще говорить о семантическом противопоставлении «Им. vs Тв.»? *Вопросы языкознания*. № 1. С. 18–26.
- Грамматика русского языка 1954 — Т. 2. *Синтаксис*. Часть первая. Москва.
- Зельдович Г. М. 2005 — Русское предикативное имя: согласовательная форма, творительный падеж. *Вопросы языкознания*. № 4. С. 21–38.
- Истрина Е. С. 1918 — Употребление именных и местоименных форм имен прилагательных в Синодальном списке 1-й Новгородской летописи. *Известия ОРЯС*. Т. XXIII. Кн. I. С. 45–55.
- Казавчинская Н. А. 1989 — *Функции кратких и полных форм прилагательных в позиции предиката в современном русском языке*. Диссертация ... канд. фил. наук. Тартуский государственный университет.

- Ломтев Т. П. 1956 — *Очерки по историческому синтаксису русского языка*. Москва.
- Лопатина Л. Е. 1968 — *Именное сказуемое. Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Члены предложения*. Москва. С. 19–26.
- Мразек Р. 1964 — *Синтаксис русского творительного падежа (Структурно-сравнительное исследование)*. Praha.
- Никунласси Ахти 1993 — *Именительный или творительный?* Helsinki.
- Пешковский А. М. 1956 — *Русский синтаксис в научном освещении*. Москва.
- Потебня А. А. 1958 — *Из записок по русской грамматике*. Т. 1–2. Москва.
- Руде Р. 2005 — *Предикативное прилагательное и типы предложений в русском языке. Вопросы языкознания*. № 3. С. 80–101.
- Русская грамматика–1979 — В 2-х т. Academia, Praga.
- Русская грамматика–1980 — В 2-х т. Москва.
- Шведова Н. Ю. 1952 — *Полные и краткие формы имен прилагательных в составе сказуемого в современном русском языке. Ученые записки Московского государственного университета*. Вып. 150. Русский язык. Москва. С. 73–132.
- Шелякин М. А. 1987 — *Опыт описания творительного падежа русского языка. Ученые записки Тартуского государственного университета. Выпуск 760. Грамматическая семантика слова и предложения. Труды по русской и славянской филологии*. Тарту. С. 108–119.

OMADUSSÕNADE LÜHIVORMIDE JA TÄISVORMIDE
FUNKTSIONAALSEST ERINEVUSEST PREDIKAADIS
TÄNAPÄEVA VENE KEELES

Mihhail Šeljakin

Artiklis vaadeldakse uuel viisil küsimust, mis puudutab omadussõnade lühivormide ja täisvormide eri käänete funktsionaalseid erinevusi predikaadi positsioonis tänapäeva vene keeles ning pööratakse tähelepanu antud vormide päritolule, määratledes omadussõna kõigi kolme predikatiivse vormi funktsionaalsed iseärasused.

1) Omadussõna täisvormide grammatiline ühildumine määratletud nimisõnadega soos, arvus ja käändes on viinud selleni, et omadussõnade täisvormid väljendavad juba objektis eksisteerivat predikatiivset tunnust ja sellega põhjustavad tähelepanu suunamise **antud atribuudiga objekti olulisusele situatsioonis**. Seetõttu iseloomustab täisvorme kõnes neutraalne objektiveerimise konnotatsioon.

2) Omadussõna instrumentaalkäändes predikaadina on ajalooliselt seotud selle käände invariantse sotsiatiivsuse tähendusega, millest on arenenud „samaaegselt subjekti tegevusega tekkiv subjekti omaduse“ tähendus. Sellise predikatiivse instrumentaali kasutamine on toonud selle mitmetäieliku süntaktilise seose alusega ning niiviisi väljendatud tunnuse esiletõstmise, mis omakorda määratles instrumentaalkäände pragmaatilise funktsiooni — reema fokuseeritud aktualiseerimise. Seetõttu võib omadussõna predikatiivset instrumentaalkäänet nimetada aktualiseeritud remaatiliseks, mis suunab tähelepanu **situatsioonis antud aluse predikatiivse tunnuse olulisusele**.

3) Predikatiivse omadussõna lühivormide kasutamisel koos alusega osutus nendevaheline süntaktiline side nõrgaks, mittetäielikuks, kuna puudus täiendav dubleerimine näitava asesõna käändevormi näol nagu täisvormil. See võimaldas lühivormil väljendada suhteliselt iseseisvaid tähendusi. Seetõttu erinevalt omadussõna täisvormidest, „paljastavad“ lühivormid predikaadi, lisades sellele pragmaatilise interpretatsiooni. Sellepärast esinevad lühivormidel **alati** ühel või teisel viisil **subjektiivsed konnotatsioonid**. Lühivormide funktsiooni võib nimetada **emfaatiliseks (pragmaatiliseks, ekspressiivseks)**.

Omadussõna predikatiivkäänete ja omadussõna lühivormi funktsionaalne erinevus ilmneb järgmisel viisil vastavalt väljendatud tunnuste rõhutatuse astmele: rõhutatuse puudumine (nominatiivis) — aktualiseeritud remaatilise rõhutatuse olemasolu (instrumentaalis) — ekspressiivse rõhutatuse olemasolu (lühivormis): *Он был умный – умным – умен*. Omadussõna kolme predikatiivse vormi valik kõnes sõltub teksti sisust ja kõneleja kommunikatiivsetest hoiakutest / intentsioonidest. Kokkuvõttes märgitakse, et: 1) vene keel oma predikatiivsete variantidega eristab analüüsitud vorme pragmaatiliselt esitatud sündmuste väljendamiseks kõneleja seisukohast; 2) selliste variantide funktsionaalsed eripärad toetuvad nende vormide nn etimoloogilisele mälule.

РЕДУПЛИКАЦИЯ И ПОВТОР КАК АКТИВНЫЕ СРЕДСТВА ОБРАЗОВАНИЯ БЫТОВЫХ ТЕРМИНОВ (на материале народных говоров)

О. Г. ЯГИНЦЕВА

Редупликация является одним из продуктивных способов формо- и словообразования в различных языках. В истории языка и в его современном развитии также представлен довольно широко способ семантического повтора. В лексической сфере редупликация и повтор используются для создания новых слов.

Распространенность и частотность редупликации варьируется от языка к языку. В тех языковых системах, где редупликация является употребительным видом словопроизводства, она тесно взаимосвязана со звукоизобразительностью. Эта взаимосвязь и есть мотивирующий признак, положенный в основу слов, которые являются результатом редупликации.

Данная статья посвящена отражению редупликации и семантического повтора в названиях бытовых терминов. Такие названия встречаются во многих русских диалектах.

Большой материал о редупликации в различных языках мира представлен в работе Ф. Р. Минлоса [Минлос 2004]. Там же встречаются примеры редупликации и повтора при образовании терминов с бытовым значением, напр.: узб. *идиш-оёк* (букв. «сосуд-чаша»), *козон-товок* (букв. «котел-глубокая глиняная чашка») 'посуда (разного рода)'; идиш *gopl-lefl* (букв. «вилка-ложка») 'столовые приборы' [там же: 19, 67].

Следует упомянуть также новосиб. *шура-мура* 'ненужные вещи, хлам' [там же: 59].

В основе образования многих бытовых терминов в русских говорах может лежать семантический повтор или редупликация. Учитывая активность семантического повтора, мы можем предложить правдоподобное объяснение происхождения сущ. *талаболка* 'глиняный ручной мойник', до сих пор не имеющего этимологии [Фасмер 1986–1987 IV: 14]. Отчетливо виден семантический повтор: корень *тал-* со значением говорения (ср. *талала* 'тот, кто шепелявит', *талалакать* 'говорить неясно') и корень *бол-* (ср. *балаболить*). Значение 'глиняный ручной мойник' можно объяснить по-разному. Во-первых, следуя за Ф. Р. Минлосом, который приводит слова с семантикой 'ненужные вещи', можно отнести и данный предмет к разряду не очень нужных в доме вещей. А во-вторых, при пользовании ручной мойкой неизбежно раздаются звуки. Таким образом, второе предположение заключается в том, что *ручной мойник* получил свое название по звуковому проявлению в ходе использования (гремит). Интересно, что существует и слово *толоболка* 'пирог из ржаной муки с горохом' [там же: 72]. Оно имеет ту же этимологию, внутреннюю форму, состоит из двух корней со звукоподражательным значением. Семантику объяснить сложнее. Ее можно истолковать так: дешевая, малоценная вещь.

Балаболка 'колокольчик'.

Лексема образована в результате редупликации корня *бал-*.

Хорхоры 'тряпье, лохмотья' [там же: 269].

Индоевропейское происхождение этого слова может считаться доказанным. Слово образовано от глагола *хорохориться* через значение 'взъерошенная курица'. Тряпье получило свое наименование по внешнему виду. В. И. Абаев пишет: «Так, еще у М. Фасмера находим слово *хорхора* 'вальдшнеп; тряпье'; сюда же глагол *хорохориться*. Приводятся параллели из других и.-е. языков со значением 'острый', 'злой', 'твердый'. Попробуйте извлечь отсюда какую-то семантическую закономерность! Другое дело, если подойти к этому слову как экс-

прессивному, наделенному одновременно звукоподражательными ('вальдшнеп', 'взьерошенная курица', 'хорохориться') и звукоизобразительными ('тряпье') качествами. В экспрессивность слова хорошо уложится вся его замысловатая семантика» [Абаев 1986: 19]. Здесь также представлена редупликация. Вяч. Вс. Иванов обнаружил эту глагольную лексему *уже* в хеттских памятниках.

Калган 'деревянная миска' [там же II: 165].

Н. В. Горяев считает данное слово заимствованием из восточных языков, но приводит тюрк. *kolγan*, которое реально не существует. Это диалектное существительное можно рассмотреть как образование, возникшее вследствие семантического повтора корней со звукоподражательным значением: ср. *кол*, как в *колокол*, и *ган*-, как в *ганить* 'порицать, срамить, осуждать, позорить'. Семантика объясняется так: данная миска, тарелка использовалась в качестве гонга.

Балабольчик 'побрякушка, колокольчик'.

Однозначной этимологии у М. Фасмера мы снова не находим [там же I: 113], поэтому можно смело предположить наличие редупликации корня *бал*- со значением говорения.

Болхърь 'большой колокольчик'.

Определенное толкование у М. Фасмера отсутствует [там же I: 190–191]. Предлагаем выделить корень *бол*- (ср. *балаболить*) и *хар*- (ср. *хорохориться*) и считать структуру этого слова семантическим повтором.

Далее более подробно остановимся на диал. сущ. *тарабарка* 'подставка под котлом из трех палок'. Однозначной этимологии у него до сих пор нет, и мы специально исследовали его детально.

Сущ. *тарабарка* встречается в донских говорах русского языка в следующих значениях:

1) 'деревянная решетка': *Тарабарки* — *щитки испланок, штоп ни праваливалась салома*;

2) 'таган': *Раньшеы называли тарабарки, а сычас тринога* [СРДГ: 153].

К сожалению, СРНГ не дошел еще до буквы «Т», что ограничивает наши возможности в плане получения лексических сведений.

М. Фасмер констатирует тот факт, что ясность относительно этимологии этой лексемы еще не достигнута. Он определяет слово в разряд «темных» слов [Фасмер 1986–1987 IV: 20]. Трудность этимологизации данного существительного заключается в том, что мы не располагаем никакими сведениями о его истории и бытовании (кроме информации о том, что в этом же говоре слово имеет еще одно значение ‘перекладина в стенке арбы’). Обращение к другим словарям позволило нам собрать некоторый материал, хотя бы косвенно способствующий прояснению этимологии данной лексемы.

Внешняя форма слова напоминает ряд лексем, обозначающих пустое говорение. В некоторых словах налицо семантический повтор: два синонимичных корня, связанных со звукоподражанием, повторяются для усиления семантики. Напр.:

тарабар ‘говорун, болтун’: *Он оказался очень живым, веселым и необыкновенно разговорчивым человеком и дал мне из своего обращения понять, почему его прозвали Тарабаром* [ССРЛЯ 15: 109];

тарабарить ‘заниматься пустыми разговорами, болтать’: — *Как! — вскричал Иван Петрович, — человек гибнет, а вы тут тарабарите да суетитесь без толку. Два молодчика пьют, Они пьют и тарабарят Про женитьбу про свою* [там же];

тарабарить ‘говорить, беседовать, болтать; говорить резко и быстро, тараторить’, *тары-бары, тарабары, тарыбары* ‘болтовня, беседа’, *тарабар* ‘говорун, шутник, краснобай; пустой болтун’, *тарабарщина* ‘бестолковщина, непонятный, бессмысленный разговор, распоряжение, вести; неразборчивое письмо’ [Даль 2003 IV: 643];

тарабарить ‘болтать’, *табарить* ‘болтать’, *таракать, тараракать* ‘болтать’;

тарабарщина ‘что-либо сказанное или написанное на непонятном языке, наречии’: — *Расскажи-ка, любезный, что изображается на этой картинке и что за тарабарщина написана под нею?*; ‘что-либо непонятное, бессмысленное’: *Некото-*

рые термины, которые нам, старикам, с первого раза понятны, им покажутся тарабарщиной [ССРЛЯ 15: 111].

Возможно, этот лексический материал происходит от рифмованного образования *тары-бары*. В этом случае первоначальная внутренняя форма основана на комизме.

Помимо этого, приведем примеры, когда подобные по образованию слова с корнем *тара-* имеют значение ‘чепуха, пустое говорение’:

тараторка ‘частушка’: *Деўки, идिति к сусетки, анна вам многа бравых тараторак напаётъ, частушык разных, а можыт, ишо чаво збрихаить* [СГСЗ: 467];

таракать ‘разговаривать, болтать’: *Две старухи сошлись и таракуют: девка, иди к нам потаракать;*

тарантуха ‘говорунья, болтунья’: *Мнук молчаливый, не как бабушка — тарантуха* [СРГП: 63];

тарадайка ‘болтушка, тараторка’: *Всё не спишь, тарадайка ты этакая* [СРГНО: 532];

тарабонить ‘болтать попусту, пустословить’: *Хто-небудъ придет, тарабонит, тарабонит, вот уш памярки забил* [БТСДК 2003: 524].

Слова с корнем *бара-* и похожей структурой также имеют значение ‘чепуха, пустое говорение’: *барабара* ‘чепуха, вздор’, *барабарить* ‘тараторить’; *барабошить* ‘вести себя беспокойно, болтать вздор’ [ССРЛЯ 1: 272];

барабара ‘шалаш в поле; хижина из жердей; жилище бобров’¹: *нести барабару* ‘говорить вздор, чепуху’; *барабарить* ‘без умолку, быстро говорить, болтать, тараторить’; *барабать* ‘говорить без смысла’ [СРНГ 2: 99];

барабня ‘болтун, пустомеля’: *От такой барабни ничего путного не узнаешь;*

бараболка ‘пустая и глупая женщина’; *барабонить* ‘говорить вздор’; *барабор* ‘болтун’; *бараборить* ‘болтать вздор’; *барабоха* ‘сварливый человек, болтун, пустомеля’;

¹ Отметим предметное значение слова.

барабоша 'тот, кто постоянно бормочет': *Барабоша ты, говоришь, что к носу пришло;*

барабошить 'говорить вздор' [там же: 101];

барабошка 'частушка'; *барабошь* 'вздор, пустяк, бестолочь, чушь, дичь'; *барабун* 'болтун, хвастун';

барабуша 'словоохотливый человек, плохо, бестолково излагающий свои мысли': *Пошел барабуша — ничего не поймешь!* [там же: 102];

барамошить 'бормотать, лепетать' [там же: 103];

барабаться 'перебиваться мелкой работой': *Вот барабаешься, пока можэш* [ПОС 1: 110];

барабола, барабоха, барабоша, барабуха, барабуша 'болтливый человек, пустомеля': *Анна такая барабоха, што барабан, цэ-льый день гаманить. Барабоха и баба и мужык, каво ты барабошыш? Матка ейня барабоха. Барабоха у нас такой Вася. Он фсё любит пабалтать. Эту барабуху послухать, так уши забаля. Барабуха языком балтая многа, хвастая, многа гаварит, а толку мала. Он такой барабуша, фсё попусту гаварит, слушать надаела* [там же];

барабошить 'говорить вздор, болтать': *Барабошыт многа, а нарядачнава не аднаво слова.*

Имеются и сходные исторические данные: *барабошить* 'шуметь, буяннить': *Перестань барабошить. Он час отчасу более бурлить и барабошить стал, и схватя палку, за людьми гоняться* [СРЯ XVIII 1: 140].

М. Фасмер в статье *тороторить* указывает на похожие звукоподражания у Н. В. Гоголя [Фасмер 1986–1987 IV: 86–87], но не дает прямого объяснения происхождения слова:

«*Тараторить, таратора* 'болтун', блр. *тараторыць*, цслав. *трѣторь* 'sonus', сербохорв. *трѣтосити* 'быстро трещать, болтать', словен. *trtrâti, trtrâm* 'шуметь, бормотать', чеш. *trátořiti* 'много болтать', словц. *trátorit'*... праслав. **tortoriti*, редулицированное образование, ср. лит. *tar̃ti, tariù* 'говорю'..., др.-прусск. *tārin* 'голос', лтш. *tārlāt* 'болтать, нести чушь', *terēt, tertelēt* 'болтать' (**terterēt*), греч. *теторησω* 'произнесу громко и отчетливо', др.-инд. *tārás* 'резкий, пронзительный'... Ср. звукоподражания у Гоголя: *тара, тара! та-*

рата татата, а также русск. *тарару́й* ‘болтун’, *тарару́са*, *тараша́* — то же, далее укр. *теркотати* ‘гремять’, *терлікати* ‘щебетать» [там же].

Более решительно поступает П. Я. Черных. В статье *тараторить* указывается: «*Тараторить* ‘говорить быстро, много, громко о чем-либо незначительном’; ‘без умолку громко болтать’. В окающих говорах *тороторить*, *торотора*. Ср. слов. *trátorit* ‘много говорить’. В других славянских языках отсутствует. Несмотря на сравнительно позднее отражение в памятниках письменности, слова этой группы восходят к о.-слав. **tortor-*, представляющему собою удвоенный и.-е. корень **tor-* ‘громкий, внятный’ [Выделено нами. — О. Я.]. Лит. *taryti* > *taṭi* ‘произнести, выговорить, сказать’, греч. *torós* ‘пронзительный’, др.-инд. *tārā-* ‘громкий’, хетт. *tar* ‘говорить, называть» [Черных 1994 II: 229].

Слова подобного типа (с удвоением, редупликацией) являются очень древними и широко распространенными образованиями. Хеттские параллели к славянским структурам такого рода находим у Вяч. Вс. Иванова. Например, хетт. *galgal-*, др.-инд. *gargar-* по своей структуре в точности соответствует о.-слав. *golgol-*. Редупликация встречается также в хетт. *hahhraš-* ‘хохотать’, *taštašiya-* ‘шептать’, греч. *barbar-* ‘говорить’. Хетт. *pariprai-* ‘дуть’, по форме близкое к древнеиндийским редуплицированным глаголам типа вед. *sanisvanat* ‘звучит’, представляет собой удвоение к *parai-* ‘дуть, раздувать’, также ‘дуть в рог’, ср. греч. гом. *ephrqon*, аттич. *pimprhmi*, др.-инд. *prāna* ‘дыхание, жизненное дуновение’. Все это глаголы со значением звукового проявления.

И для о.-слав. **tor-toriti* обнаруживается соответствие в анатолийском, ср. лув. *tatariya-* ‘проклясть’, *tatariyaman* ‘проклятие’; иер. лув. *tatar(i)a-*, лид. *tatro* ‘приказывать’. Как предполагает Вяч. Вс. Иванов, удвоение от **tor-* могло быть представлено в дописьменный период и в хеттском языке [Иванов 1981: 105–107].

Сама по себе редупликация встречается и в глаголах другой семантики. Бегло коснемся некоторых из них: ср. рус.-цслав. *платолати* и *попырскать*. В глаголе *платолати* ‘гореть’ мы имеем редуплицированную основу: **pol-pol-a-ti*. Редуплика-

ция носит экспрессивный характер, чем хорошо объясняется и отклонение в глагольном вокализме: в корне не основной гласный *-e-*, а именной и перфектный гласный *-o-* [Кудрявцев 2001: 40]. *Попырскать* '1) поплакать; 2) попрыскать'. Слово родственно *порскать*, *порох*. Для уточнения значения см. инославянские соответствия [Фасмер 1986–1987 III: 333–334]: укр. *порс(ь)кати* 'брызгать', блр. *порскаць* 'фыркать; чихать; хихикать', с.-х. *пърскати* 'брызгать', словен. *prškati*, чеш. *prskati* 'брызгать, прыскать; фыркать', словц. *prskat* 'брызгаться; сопеть; фыркать'. Древний корень с рефлексами в др.-инд. *pr̥ṣan-* 'пестрый, пятнистый', лит. *pušlos* 'брызги изо рта', лтш. *pārsla* 'снежинка, ледяная игла; также о хлопьях пепла, шерсти', др.-исл. *fors* 'водопад', хетт. *pappars-* 'брызгать, опрыскивать' и др., см. [там же: 332–333, на *порох*]. Если *по-* в русском слове не приставка, а сохранение и.-е. редупликации (см. хетт. пример; аналогично *тараторить*), то слово в таком виде имеет возраст как минимум 3500 лет [Кудрявцев 2002: 139–140].

Однако наибольшую популярность приобрели подобные образования именно со значением звукового проявления. К буквальным повторам в ходе развития языка присоединились повторы семантические.

Есть основания думать, что исследуемое нами *тарабарка* имеет такую же внутреннюю форму, то есть образовано от глагола *тарабарить* с семантическим повтором. Смысл такого повтора может быть двояким: либо это древнее звукоподражание, как в описанных выше примерах из древних языков, либо это комическое средство для выражения семантики пустого говорения.

1. Известен перенос названия со слова со значением 'произведение звуков' на предмет домашней утвари (например, *грохот*, *грохотать* 'произведение звуков' > 'сито, решето'). Это обусловлено тем, что большие промышленные решета производят сильный резкий шум. Мы полагаем, что отмеченная в донских говорах семантика сущ. *тарабарка* 'деревянная решетка' может быть связана с подобными обстоятельствами (*тарабарить* 'звукопроизводство' > 'решето' > 'решетка').

Такая же связь отмечается и в других примерах:

лит. *skrebėti, skrēba* ‘шуметь, шуршать, шелестеть’ ~ *skrābalas* ‘побрякушка, погремушка’ ~ слав. *скребок* ‘различные орудия в домашнем быту и ремеслах’ [Фасмер 1986–1987 III: 656];

лтш. *duđināt* ‘издавать негромкие звуки, тихо разговаривать’ [Фасмер 1986–1987 I: 550] ~ *дудка* ‘музыкальный инструмент’ ~ *дудка* ‘рожок у подойника’ [СРНГ 8: 247];

лит. *bambù, bambėti, bambiù, bambti* ‘ворчать’ [Фасмер 1986–1987 I: 226] ~ *бубен* ‘музыкальный инструмент’ ~ *бубен* ‘круглый лубочный короб с кожаным дном’ [СРНГ 3: 232];

стук звукоподражательного происхождения [Фасмер 1986–1987 III: 787] ~ *стукало, стукальце* ‘колотушка у сторожа’ ~ *стукалка* ‘дрягалка, дубинка или палица’ [Даль 2003 IV: 584].

Приведем еще одно слово, имеющее конкретно-чувственное значение и подтверждающее семантическую связь между говорением и предметностью:

барабара ‘шалаш в поле; хижина из жердей; жилище бобров’ ← *барабарить* ‘без умолку, быстро говорить, болтать, тараторить’; *барабать* ‘говорить без смысла’; *нести барабару* ‘говорить вздор, чепуху’ [СРНГ 2: 99].

2. Труднее вывести таким образом анализируемое нами значение ‘подставка из трех палок’. Между тем оно не является случайным, о чем свидетельствуют следующие факты:

тараборка (тараболка) ‘колыбель из брусьев, подвешивалась к трем соединенным сверху столбикам’: *Тараболки вазили ф поля. Тараборку вешали, в ней дитё* [СРДГ: 153; БТСДК 2003: 524];

тарабошка ‘то же, что *тараболка*’: *Тарабошка — лехкая люлька, три палки паставят, полагам накроют, и анна висит;*

тарабрыки ‘связанные сверху жерди, служащие основой для шалаша’: *Зделают тарабрыки три-четыри палки, высоки, длинныи, кверху их скрыпляют* [БТСДК 2003: 524].

Поскольку предмет, обозначаемый лексемой *тарабарка*, представляет собой очень простое сооружение (подставка из трех палок), то есть на его изготовление нужны минимальные технические затраты, мы предполагаем, что его название могло возникнуть от глагола *тарабарить* ‘говорить чепуху’, по-

сколько пустословие также не требует никаких умственных усилий. Имеются некоторые примеры того, как семантика 'пустого говорения' связана со значением 'хлам'. Напр., сущ. *чушь* имеет значения 1) 'чуха, чушка, чурка для игры в городки', 2) 'бессодержательная речь', 3) 'пустяк' [Фасмер 1986–1987 IV: 388–389]. Сущ. *ворох* объединяет в себе значения 'шум' и 'хлам' (ср. блр. *ворох* 'шум', польск. *zawroch* 'метель, вихрь' и рус. 'груда, беспорядочная куча'¹ [там же I: 355]). Обычно указанные значения сближают с производными от **vrěšti* 'молотить'. Но по характеру значения целесообразнее связывать *ворох* со звукоподражательным **vor-vor+s*, редуплицированная основа которого проявляется в греч. *barbaroj* 'невнятно говорящий', а суф. *-s- — в слав. *голос*.

Краткие выводы исследования заключаются в следующем: слова подобного типа (содержащие удвоения) являются очень древними и широко распространенными образованиями. Во многих словах, обозначающих бытовые термины, налицо семантический повтор, когда два синонимичных корня, связанных со звукоподражанием, повторяются для усиления значения, или происходит формальная редупликация. Подробно представленная нами гипотеза о происхождении слова *тарабарка* подтверждает эти общие положения.

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев В. И. 1986 — Как можно улучшить этимологические словари. *Этимология 1984*. Москва. С. 7–27.
- БТСДК — *Большой толковый словарь донского казачества*. Москва. 2003.
- Даль В. И. 2003 — *Толковый словарь живого великорусского языка*. Москва.
- Иванов Вяч. Вс. 1981 — *Славянский, балтийский и раннебалканский глагол*. Москва.

¹ Ср. также влгд. *ворохостье* 'ворох дряни, хлама, куча тряпья' [Даль 2003 I: 415].

- Кудрявцев Ю. С. 2001 — Морфонология старославянских глаголов IVб класса. *Труды по русской и славянской филологии. Новая серия V*. Тарту. С. 33–54.
- Кудрявцев Ю. С. 2002 — Архаичная лексика в местных староверческих говорах. *Труды по русской и славянской филологии. Новая серия VI*. Тарту. С. 135–145.
- Минлос Ф. Р. 2004 — *Редупликация и парные слова в восточнославянских языках*. Москва.
- ПОС — *Псковский областной словарь с историческими данными*. Ленинград (С.-Петербург), 1967–.
- СГСЗ — *Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья*. Новосибирск, 1999.
- СРГНО — *Словарь русских говоров Новосибирской области*. Новосибирск, 1979.
- СРГП — *Словарь русских говоров Прибайкалья*. Вып. 4. Иркутск, 1989.
- СРДГ — *Словарь русских донских говоров*. Т. III. Ростов, 1976.
- СРНГ — *Словарь русских народных говоров*. Москва, Ленинград (С.-Петербург), 1965–.
- СРЯ XVIII — *Словарь русского языка XVIII в.* Ленинград (С.-Петербург), 1984–.
- ССРЛЯ — *Словарь современного русского литературного языка*. Москва, Ленинград, 1948–1965.
- Фасмер М. 1986–1987 — *Этимологический словарь русского языка*. Москва.
- Черных П. Я. 1994 — *Историко-этимологический словарь русского языка*. Москва.

REDUPLIKATSIOON JA KORDUS
KUI AKTIIVSED OLMETERMINITE MOODUSTAMISVIISID
VENE MURRETES

Olga Jagintseva

Artiklis antakse ülevaade mõningatest olmeterminitest, mis on moodustatud murdes niisuguste aktiivsete vahendite abil nagu reduplikatsioon ja semantiline kordus. Etümolooilise analüüsi põhjal ning etnograafia andmetele tuginedes on kindlaks tehtud vaadeldavate lekseemide seos helimatkimisega. See vastastikune seos ongi motiveeriv tunnus, mis on aluseks reduplikatsiooni tulemusena tekkinud sõnadele.

Reduplitseeritud olmeterminite nimetused on kasutusel paljudes vene keele murretes. Näiteks selgus uurimise käigus, et nimisõna *талаболка* ('savist kätepesunõu') on moodustatud sõnatüvede *тал-*, mis tähendab 'rääkimist' (vrd *талалакать* 'ebaselgelt rääkima') ja *бол-* (vrd *балаболить* 'rääkima') semantilise kordamisega. Arvestades reduplikatsiooni aktiivsust, rekonstrueeritakse murdekeelendite *балаболка* 'lobamokk' (tüve *бол-* reduplikatsioon, tähendusega 'rääkima'), *хорхоры* 'kaltsud, hilbud' (tegu sõnast *хорохориться* 'ennast tähtsaks ajama') arvatav etümoloogia.

Nimisõna *тарабарка* väline vorm meenutab mitut lekseemi, mis tähistavad „tühja jutu ajamist”. See väline vorm ei ole juhuslik. Kuna antud ese on lihtne ehitis (kolmest kepist alus), mille tegemine nõuab vähest vaeva ja kulu, siis on võimalik, et nimetus on tekkinud seoses „tühja jutu ajamise” tähendusega, mis samuti ei nõua vaimset pingutust. Artiklis on välja toodud mõned näited selle kohta, kuidas „tühja jutu ajamise” semantika on seotud 'ülearuse, mittevajaliku asja' tähendusega.

Uurimise lühijäreldused on järgmised: reduplikatsiooni (kahekordistamise) abil moodustatud sõnad on väga vanad ja laialt levinud. Paljudes olmeterminites esineb semantilist kordust: kaks sünonüümset helimatkimisega seotud sõnatüve korduvad tähenduse tugevdamiseks või toimub reduplikatsioon. Põhjalikumalt analüüsitud sõna *тарабарка* taust tõestab neid väiteid.

ISSN 1406-2623
ISBN 978-9949-19-480-3